

Ж.В. Чистов

Ирина Андреевна Федосова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОЧЕРК

к 1105351

Петрозаводск «Карелия»
1988

Ирина Андреевна Федосова

*Посвящаю светлой памяти
моего учителя, профессора
Марка Константиновича Азадовского*

ВВЕДЕНИЕ

Фольклор — творчество коллективное. Однако это не значит, что он создавался всем народом и никем конкретно. Коллективность фольклора заключается в том, что та или иная сказка или песня, изначально созданные кем-то (естественно, в духе традиции), восприняты были этой коллективной традицией и получили распространение, т. е. вошли в традицию как один из ее элементов.

В старой русской деревне каждый крестьянин и каждая крестьянка знали традиционные обрядовые и внеобрядовые песни, сказки, предания, частушки, заговоры, пословицы и поговорки, формульные приметы, предвещавшие определенные метеорологические явления, и т. д. Среди них были люди талантливые и ординарные, с прекрасным голосом и слухом и лишенные их, артистичные и не обладавшие столь важным для исполнителя качеством. Всякий мужик умел пахать, боронить, направить косу и косить, всякая баба умела жать и прядь, доить корову, печь хлеб и т. д. Однако среди них всегда были те, которые умели делать это лучше других — мастерски. И, конечно, человек особенно талантливый мог проявить себя в сфере народного искусства, в том числе словесного.

Поэтому, признавая фольклор прежде всего творчеством коллективным и уже потому имеющим огромную историческую и художественную ценность, мы должны со всем вниманием отнестись к деятельности наиболее даровитых исполнителей. Она представляет собой интенсивное, наиболее яркое воплощение мировоззрения и эстетики коллектива, максимальные достижения коллективной традиции. Творческая индивидуальность и традиция — это две стороны, две постоянные составные единого процесса создания и воспроизведения (исполнения) фольклора, как и любого другого вида человеческой деятельности.

До середины XIX века сведения об исполнителях

русского фольклора были отрывочны и случайны. Лишь в 60—70-х годах становятся известными имена крупнейшего исполнителя былин Т. Г. Рябинина, замечательного сказочника А. К. Новопольцева, выдающейся исполнительницы причитаний И. А. Федосовой. Они были «открыты» собирателями русского фольклора П. Н. Рыбниковым, А. Ф. Гильфердингом, Д. Н. Садовниковым, Е. В. Барсовым, т. е. стали известны не только своей деревне или своей округе, но и широкой читающей публике и науке. Из явлений местных (локальных) — через книгу, журналы, школу, русскую литературу и русское искусство — они стали восприниматься как явления общенациональной русской культуры, как русское национальное достояние. Оговоримся еще раз: мы имеем в виду не просто былины, сказки и причитания сами по себе, а былины, записанные от Рябинина, сказки — от Новопольцева, причитания — от Федосовой.

Итак, проблема исполнителя для русской науки не нова. Пройден уже значительный, более чем столетний, путь, накоплен большой опыт. Вместе с тем на разных этапах развития науки о народно-поэтическом творчестве эта проблема приобретала различный смысл, разную остроту, то выдвигаясь на первый план, то оказываясь в тени. Поэтому имеет смысл, прежде чем определить цели и задачи настоящей книги, подвести некоторые итоги этой линии развития русской фольклористики. Одновременно необходимо ответить по крайней мере на два вопроса: почему в 40—70-е годы нашего века проблема исполнителя фольклора меньше, чем ранее, привлекала внимание как западноевропейских и американских, так и советских исследователей, неизмеримо больше занимавшихся в эти десятилетия изучением словесной структуры фольклорных текстов, общими закономерностями исторического развития фольклора, типологией его жанровых форм, их древнейшим смыслом и т. п.? Почему вместе с тем со второй половины 70-х годов нашего века и в наши дни снова нарастает интерес к проблеме исполнителя? Прежде всего подчеркнем, что эта проблема вместе с некоторыми другими коренными проблемами периодически уже возвращалась в поле зрения фольклористики, которая, как и многие другие науки, развивалась не только поступательно и линейно, но и как бы по спирали.

Подробные причины современного интереса к проблеме исполнителя еще предстоит выяснить будущим историкам науки. Сейчас же с большей или меньшей долей уве-

ренности можно назвать по крайней мере две из них: а) стремление избежать обесчеловечивания, дегуманизации фольклористики (об этом говорилось на Хельсинкском конгрессе Международного общества исследователей повествовательного фольклора еще в 1974 году; уже тогда звучали предупреждения об опасности изучения «*loge*» без «*folk*», или, как бы мы сказали, обесчеловеченного изучения народного творчества, изучение его в отрыве от народа); б) осознание того, что структура любого фольклорного текста необъяснима из нее самой. Фольклорные тексты (особенно обрядовые) обычно представляют собой компоненты более обширных мировоззренческих, бытовых, обрядовых, речевых, поведенческих и т. п. систем. Невозможно изучение происхождения и истории того или иного текста вне представлений о его реальном бытовании и социальном контексте, в котором это бытование осуществлялось.

Не случайно проблема исполнителя была основной на одном из недавних конгрессов Общества исследователей фольклора (Берген, 1984). Это обсуждение, в частности, показало, что в большинстве неславянских стран Европы фольклористы или не знакомы с опытом русской науки, или имеют о нем самое приблизительное представление. Между тем более осведомленные исследователи говорят не только о раннем возникновении проблемы исполнителя в русской науке, но и о том влиянии, которое она оказала на мировую фольклористику.

В содержательных обзорах «Рассказывание. Рассказчик» и «Биология (м. б. точнее — «физиология»). — К. Ч.) повествовательных текстов», опубликованных в издающейся в ФРГ «Энциклопедии сказки», известный фольклорист Л. Дег напоминает о том, что еще в прошлом веке «русская школа фольклористики» (термин М. К. Азадовского) регулярно занималась этой проблемой. Она пишет о том, что современную «биологию устного повествования» возводят иногда к социологическим идеям Э. Диоркейма или функционализму Б. Малиновского и А. Рэдклиф-Брауна, однако в действительности «исследователи повествовательных фольклорных жанров в значительно большей степени испытали влияние скромной книжечки М. Азадовского, в которой он познакомил нас с личностью сибирячки Н. О. Винокуровой»¹. Здесь имеется в виду книга М. К. Аза-

¹ *Degh L. Biologie des Erzählguts// Enzyklopädie des Märchens. Berlin—New-Jork. B. 2, Lief. 1—2. 1977. S. 393.*

довского «Сибирская сказочница», вышедшая в 1926 году в международной фольклористической серии «Folklore Fellows Communications»¹. Л. Дег напоминает вместе с тем, что исследование М. К. Азадовского органически выросло на почве русской научной традиции.

Действительно, книге о Винокуровой предшествовали многие работы русских собирателей, издателей и исследователей фольклора. Продолжались они и после 1926 года. Какие же идеи при этом разрабатывались? Для ответа на этот вопрос придется обратиться к фактам, в том числе и общеизвестным.

Характернейшей особенностью русской общественной мысли первой половины XIX века (в том числе и фольклористической) была живая заинтересованность в «крестьянском вопросе», интенсивное участие в борьбе за отмену крепостного права. Фольклор осознавался не только как национальное культурное наследие, но и как живое отражение мировоззрения, быта и творчества современного крестьянства. Отсюда — демократизм большинства русских фольклористов того времени, их интерес к народу, к человеку из народа. Исполнители фольклора довольно рано были поняты не как механические хранители архаической фольклорной традиции, а как даровитые личности, соучастники процесса фольклорного творчества.

Характерно, что изучение исполнителей началось не со сказочников, а с певцов русских былин и украинских дум, т. е. эпических песен, несмотря на то, что тексты их представлялись более устойчивыми и стабильными.

В 1864 году, одновременно с последним выпуском знаменитого сборника сказок А. Н. Афанасьева, вышел третий том «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». В нем была опубликована «Заметка собирателя», сыгравшая значительную роль в истории русской фольклористики. Она должна была документировать неожиданное открытие живой эпической традиции в Олонецкой губернии, в нескольких стах километрах от Петербурга, и в то же время удовлетворить интерес читателей к певцам русского эпоса.

¹ Azadovskij M. Eine sibirische Märchenerzählerin. Helsinki, 1926 (сер. «Folklore Fellows Communications». № 68). На русском языке см. Предисловие к сб. «Сказки Верхнеленского края» (Иркутск, 1925. С. V—XV) и статью «Русские сказочники» в сб. «Русская сказка. Избранные мастера». Л., 1932. С. 9—90, а также текст, соответствующий публикации в FFC — «Сибирская сказочница Н. О. Винокурова»//В кн.: Азадовский М. К. Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 62—110.

«Заметка» вне зависимости от личных намерений самого П. Н. Рыбникова ответила на рецензию Н. А. Добролюбова на сборник Афанасьева. Добролюбов упрекал издателя в том, что он не позаботился собрать необходимые сведения о современном функционировании сказок в крестьянской среде, не превратил их в источник и инструмент познания крестьянства. Рыбников сообщает о своих встречах с исполнителями былин, рисует их манеру рассказывания, дает биографические сведения — т. е. все, что важно для понимания мастерства исполнителей. Характерно, что в том же 1864 году в Киеве основоположник украинской классической музыки и фольклорист Н. В. Лысенко прочитал специальный доклад об одном из крупнейших певцов украинских дум — Остапе Вересае. Вересай побывал в Киеве и выступал с исполнением дум.

Вслед за Рыбниковым Олонецкую губернию посетил известный славист А. Ф. Гильфердинг. За два месяца он записал около трехсот былин. Его сборник «Онежские былины» (1873) дал не только более точные записи текстов, но и положил начало теоретическому осмыслению проблемы исполнителя. Тексты были расположены по исполнителям, о них сообщались краткие сведения биографического и бытового характера. Сборник открывался обширной статьей «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды»¹. Замечательным новшеством, обогнавшим на много лет развитие тогдашней фольклористики, было открытие Гильфердингом формульного характера языка фольклора. Известно, что эта идея приобрела популярность в мировой фольклористике только в XX веке, после работ М. Парри и А. Лорда². Гильфердинг связал механизм запоминания и воспроизведения былин с «общими местами» (*«loci comitines»*) — устойчивыми формулами, фиксирующими смысловые узлы текста, и «переходными местами», для которых характерна большая подвижность. Гильфердинг создал также первую в мировой фольклористике научную типологию исполнителей, группируя их по степени подвижности (импровизационности) текстов. В его статье справедливо видят теоретический фундамент того направления, которое получило название «русской школы».

¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е. Л., 1949. Т. I. С. 1—84.

² Parry M. L'épithète traditionnelle dans Homère. Paris, 1928; Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, 1960; Idem. Studies in the epic technique and oral vers making. I—II. Cambridge, 1930—1932.

Гильфердинг был также инициатором первых приездов певцов былин в Петербург и Москву. В 1871—1872 годах здесь побывали крупнейшие исполнители былин — Т. Г. Рябинин, В. П. Щеголенок и И. А. Касьянов. Они выступали в ученых собраниях и публичных залах с пением былин. Таким образом, изучение деятельности исполнителей приобрело определенные человеческие формы.

В конце 70-х годов прошлого века одним из лучших собирателей русского фольклора Д. Н. Садовниковым была осуществлена запись обширного репертуара сказочника А. К. Новопольцева — 72 сказки. Таким образом, идеи Гильфердинга были применены и к сказке. Садовников не успел завершить подготовку «Сказок и преданий Самарского края» к печати. Русское Географическое общество не случайно поручило издание сборника Л. Н. Майкову — одному из крупнейших русских филологов того времени и автору, как мы убедимся в этом далее, одной из наиболее содержательных рецензий на сборник текстов И. А. Федосовой.

Во второй половине 60-х годов XIX века был открыт еще один весьма характерный жанр русского фольклора — причитания. В 1867 году Е. В. Барсов встретил в Петрозаводске И. А. Федосову и записал от нее похоронные, свадебные и рекрутские причитания, опубликованные в 1872—1885 годах в трехтомном сборнике «Причтанья Северного края». Сборник был снабжен биографией Федосовой, рассказанной ею самой.

Таким образом, проблема исполнителей разрабатывалась русскими фольклористами уже в 60—70-е годы прошлого века широким фронтом. Была предложена первая типология исполнительства, создана терминологическая система, которая легла в основу дальнейших исследований («личный почин», «общие места», «переходные места» и т. д.). Была также создана теория, позволяющая увязывать в единое целое представление о коллективном характере традиции и творческой деятельности выдающихся исполнителей.

Второй этап развития проблемы исполнителя в русской фольклористике приходится на первые два десятилетия XX века. Окончательно формируется тип сборника сказок с преимущественным вниманием к исполнителям и бытованиям сказок в крестьянской среде. Первым в этом ряду был сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (1909).

В 1912 году при Русском Географическом обществе возникает «Сказочная комиссия», которую возглавил акаде-

мик С. Ф. Ольденбург. Под эгидой этой комиссии начинается работа над целой серией значительных публикаций. Это два образцовых сборника Д. К. Зеленина — «Великорусские сказки Пермской губернии» (1914) и «Великорусские сказки Вятской губернии» (1915) и сборник сказок русского населения Сибири М. К. Азадовского «Сказки Верхнеленского края» (1925). Предисловием к последнему и был первый вариант статьи М. К. Азадовского, выросшей позже в упоминавшуюся выше книгу о Винокуровой. М. К. Азадовский писал: «За время от 1908 г. (выход в свет сборника Ончукова) и по сегодняшний день опубликовано свыше 1000 сказочных текстов и собран материал для характеристики 135 сказителей (100 сказителей и 35 сказительниц); кроме того, имеется серия описаний, посвященных бытовой обстановке, в которой рассказываются сказки¹. Книга М. К. Азадовского была задумана как издание-исследование². Она органически связана с другой его крупнейшей работой — двухтомным сборником «Русская сказка. Избранные мастера» (Л., 1932). Текстам была предпослана обширная статья, подводящая итоги сравнительного изучения сказочников и трактующая проблему исполнителя на фоне истории русского и европейского сказковедения. Остается пожалеть, что эта статья (с. 9—90) в сочетании с очерками об отдельных исполнителях не была в свое время переведена ни на один из западноевропейских языков. Книга о Винокуровой перестала бы в таком случае восприниматься как эпизод, уникальный в русской фольклористике.

Сравнительное изучение исполнителей дало возможность не только яснее обозначить социальные и бытовые факторы, повлиявшие на состав репертуара и манеру сказочника, но и уловить различия их индивидуальной психологии, темперамента, личного опыта. Вместе с тем М. К. Азадовский не ограничился отдельными наблюдениями. Он стремится уловить художественную систему, лежащую в основе сказительской деятельности каждого из сказочников.

¹ Азадовский М. К. Статьи и письма. Неизданное и забытое. С. 69.

² Как отмечал сам М. К. Азадовский в «Истории русской фольклористики» (М., 1963. Т. II. С. 245), первый опыт публикации целостного репертуара сказочника в России был предпринят еще в 1895 г. В. В. Лесевичем (см.: «Сказки и предания деда Чмыхало»//В кн.: Сборник в пользу недостаточных студентов Университета св. Владимира. СПб., 1895. С. 211—234).

Итак, итогом второго периода разработки проблемы исполнителя в русской фольклористике было преодоление прямолинейного биографизма, искавшего объяснения особенностей текстов того или иного исполнителя во внешних фактах его биографии¹, и выработка теоретических основ сравнительно-типологического изучения исполнителей.

Закономерность того, что за эти десятилетия произошло в области изучения сказки, подтверждается параллельным развитием сходной методики изучения исполнителей былин. Итоги исследования в этой области были подведены в небольшой книге Б. М. Соколова «Сказители», опубликованной в 1924 году, и в соответствующих главах учебника того же автора «Русский фольклор» («Сказки». М., 1930. Вып. 2. и «Былины». Изд. 2-е. М., 1931. Вып. 1.)

Третий период разработки проблемы приходится на вторую половину 30-х годов и послевоенные десятилетия. Была опубликована значительная серия изданий-исследований крупных сказочников-мастеров (М. К. Коргуева, А. К. Барышниковой (Куприянихи), Ф. П. Господарева, И. Ф. Ковалева, Е. И. Сороковникова, М. А. Сказкина и др.). Сборники эти охватили различные районы России (Карелию, Поволжье, центральные районы, Сибирь) и сделали известными записи от сказочников, владевших феноменально обширным репертуаром. Они снабжались развернутыми комментариями и обстоятельными вступительными статьями, в своей совокупности образовавшими целую серию исследований сказительского мастерства крупнейших русских сказочников XX века.

В эти же годы появилось несколько сборников крупнейших исполнителей былин (П. И. Рябинина-Андреева, М. С. Крюковой, М. Д. Кривополеновой, Ф. А. Конашкова и др.).

Итоги третьего этапа развития исследований интересующей нас проблемы подвел В. Я. Пропп в главе «Бытование сказки» посмертно опубликованной книги «Русская сказка» (1984). Пропп раскрывает ценность добытых результатов, которые привели к более обоснованному пониманию отношения традиции и отдельных исполнителей; он критически оценивает выработанную типологию, которая

¹ Так Н. В. Васильев у певца былин — портного нашел строку: «Голова отлетела как пуговица». («Из наблюдений над отражением личности сказителя в былине»//В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности. 1907. Кн. 2. С. 170—196.)

основывается на разных показателях (состав репертуара, манера исполнения, степень подвижности текстов, стилистические особенности, мера «бытовизации» и психологизации сказки и др.), обращает внимание на то, что стремление записывать сказку прежде всего от мастеров приводит к некоторой односторонности, и поддерживает идею Н. Е. Ончукова и А. И. Никифорова о «сплошной» записи, которая, по его мысли, помогла бы исследователям освободиться от преувеличений «личного почина» исполнителей и стиранию различий между литературным творчеством и фольклором.

В послевоенные годы появилось также несколько монографий, посвященных отдельным исполнителям — знатокам различных жанров: А. Михайлова о М. Р. Голубковой, К. В. Чистова об И. А. Федосовой, Р. П. Матвеевой о Е. И. Сороковиковой-Магае и др.¹. Они базировались на детальном изучении истории локальной группы крестьянства, с которой связан исполнитель, его социального окружения и, разумеется, традиции, на которой он сформировался. При этом использовались самые различные источники литературного, архивного, полевого характера и т. д. Эти исследования показали, что личное творчество исполнителей особенно интенсивно проявляется в причтаниях. В сфере сказки подобные исследования были обобщены Э. В. Померанцевой в книге «Судьбы русской сказки» (М., 1965), в которой деятельность крупнейших исполнителей рассматривалась в органической связи с общей историей сказочной традиции XVIII—XX веков.

Как уже говорилось, в 60—70-е годы нашего века наблюдалось некоторое охлаждение к проблеме исполнителя. Выдвинулись другие проблемы — генезис жанров, их структурное изучение, типологический состав сюжетов сказочного и эпического репертуара и др. И только в последние годы интерес к этой проблеме снова возрождается. В этой связи должны быть упомянуты книги Е. Н. Шастиной «Сказки, сказочники, современность» (Иркутск, 1981) и К. В. Чистова «Русские сказители Карелии» (Петрозаводск, 1982).

¹ Михайлов А. А., М. Р. Голубкова. Очерк жизни и творчества// Север. Архангельск, 1953. № 14. С. 178—204; Он же. От устной поэзии к литературе. Творчество М. Р. Голубковой и Н. П. Леонтьева. Архангельск, 1954. 168 с.; Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955. 376 с.; Матвеева Р. П. Творчество сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магае. Новосибирск, 1976. 189 с.

водск, 1980), заметки В. Г. Базанова о русских сказителях Карелии, рассеянные в разных книгах этого автора, и др.

Ранний интерес русской фольклористики к проблеме исполнителя способствовал накоплению текстов и наблюдений, относящихся к трем-четырем поколениям сказочников и певцов былин. Это обеспечило возможность сравнительно-текстологических наблюдений не только горизонтального (сопоставление исполнителей-современников), но и вертикального характера (учитель и его ученики). Идея эта сформировалась уже в 20-е годы и развивалась в 30—70-х годах. Она выразилась в организации серии экспедиций «По следам Рыбникова и Гильфердинга», «По следам Ончукова», «По следам братьев Соколовых», позже — «По следам Азадовского» и т. п. Этими экспедициями были собраны не только сопоставимые материалы для суждения о судьбе традиции в современности, но и обширные материалы для изучения реального взаимоотношения деятельности учителей и учеников на протяжении от двух до четырех поколений. Детальное изучение этих проблем было предпринято А. М. Астаховой («Русский былинный эпос на Севере». Петрозаводск, 1948), В. И. Чичеровым («Школы сказителей Заонежья». М., 1982), Ю. А. Новиковым («Эпическая традиция Пудожского края» — автореферат канд. дисс. Минск, 1976).

В последние годы изучение проблемы исполнителя приобрело некоторые новые краски и акценты. Важную роль в этом процессе сыграло развитие текстологии, теории вариативности и теории традиции. Так, было введено понятие «фольклорное знание», или в приложении к былине — «эпическое знание», т. е. накопляющийся в памяти исполнителя запас сюжетов, мотивов, формульных сегментов текста, отдельных реалий и т. д. Было установлено, что в большинстве случаев варьирование словесной ткани былины или сказки происходит за счет обратимых синонимических замен, а не за счет новаций, принадлежащих отдельным исполнителям. В этом свете пересматриваются некоторые тезисы Лорда (см. работы Б. Н. Путилова, В. М. Гацака, К. В. Чистова, Ю. И. Новикова, Б. П. Кирдана¹ и др., а также И. М. Герасимовой, И. А. Разумовой и А. Ю. Брициной — о формульном языке сказки).

¹ Путилов Б. Н. Искусство былинного певца. (Из текстологических наблюдений над былинами)//В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 220—259; Гацак В. М. Эпический певец и его текст//В кн.: Текстологическое изучение эпоса. М.,

Плодотворным представляется также сопоставление взаимозависимых текстов (повторные записи, тексты учителя и ученика и пр.), дифференцированное по уровням на основе разработанной типологической шкалы, предложенной Н. Г. Черняевой¹. Метод этот при определенной осмотрительности применим и к анализу сказки. Методика Н. Г. Черняевой позволила ей по-новому поставить проблему типологии исполнительства и применить своеобразный количественный анализ приемов запоминания и воспроизведения текстов.

Итак, русская фольклористика прошла значительный путь и накопила немалый опыт исследования проблемы исполнителя. Возвращение к этой проблеме в последние десятилетия обогатило этот опыт новыми современными идеями. И все же задача переосмыслиния достижений всех трех этапов развития проблемы исполнителя в русской фольклористике в свете современных знаний лингвистики текста, психолингвистики, социальной психологии, социальной экологии и т. п. остается актуальной. Отдельные наблюдения говорят о том, что за этим порогом возможны новые открытия, достижения и формирование новых методов.

1971. С. 7—46; *Кирдан Б. П.* Варьирование кобзарем М. Кравченко думы «Бедная вдова и три сына»//В кн.: Текстологическое изучение эпоса. С. 47—63; *К. В. Чистов.* Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект//В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб—Любляны, сентябрь 1978. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 299—327; *Он же.* Вариативность и поэтика фольклорного текста//В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 143—169; *Новиков Ю. А.* Эпическая традиция Пудожского края. Автореферат канд. дисс. Минск, 1976. 22 с.

¹ *Черняева Н. Г.* О былинных сказителях Карелии//В кн.: Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 8—30; *Она же.* Проблемы типологии искусства севернорусского былинного сказителя. Автореферат канд. дисс. Минск, 1977.

Из зарубежных работ следует особенно отметить исследование финляндского фольклориста Ю. Пентикайнена о карельской сказительнице Марине Такала (*Pentikäinen J. Marina Takolon uskonto. Uskonantropologin tutkimus*. Forssa, 1971; *Idem. Oral repertoire and world view. An anthropological study of Marina Takolo's life history*. Helsinki, 1978).

В нашем кратком обзоре мы неоднократно упоминали в числе крупнейших русских сказителей Ирину Андреевну Федосову. Причтания, записанные от нее, составили три тома известного сборника Е. В. Барсова «Причтания Северного края» и значительную часть тоже трехтомного сборника О. Х. Агреневой-Славянской «Описание русской крестьянской свадьбы». Уже это обстоятельство выдвигает Федосову в число исполнителей русского фольклора, оставивших особенно обширное наследство. Но дело не только в этом. А. М. Горький, которому посчастливилось слышать и видеть Федосову в 1896 году во время ее публичных выступлений в Нижнем Новгороде в зале Всероссийской художественно-промышленной выставки, называл ее «талантливейшей народной поэтессой», «талантливейшей сказительницей». Действительно, поэтическое наследие Федосовой — одно из самых замечательных явлений в художественном мире русского фольклора. Творческое освоение ее текстов русскими писателями (Н. А. Некрасовым, П. И. Мельниковым-Печерским, А. М. Горьким, А. Т. Твардовским и др.) имеет свою историю и представляет ярчайшую страницу взаимоотношений русской литературы и русского фольклора. И все же приходится признать, что ее жизнь и деятельность изучены недостаточно.

Сведения о Федосовой и ее тексты неизменно включаются в школьные и вузовские учебники и хрестоматии. В Петрозаводске — городе, в котором она провела значительную часть своей жизни, есть улица, названная ее именем. Здание бывшей Петрозаводской женской гимназии украшает мемориальная доска, которая напоминает о том, что здесь в 1895—1896 годах выступала И. А. Федосова. На ее могиле у заонежского села Кузаранда высится стела, которая свидетельствует о том, что имя Федосовой хорошо помнят в Карелии. В г. Медвежьегорске, центре района, в который входят родные места И. А. Федосовой, районной библиотеке присвоено ее имя.

И все-таки далеко не все проблемы ее жизни и творчества получили достойное освещение.

В начале 70-х годов прошлого века по выходе в свет первого тома «Причтаний Северного края» появилось значительное число рецензий и всякого рода откликов в печати. В середине 90-х годов публиковались сведения о многочисленных публичных выступлениях Федосовой, в том числе и два очерка А. М. Горького. В то же время число

исследовательских работ, в которых сообщались бы новые факты или предлагалось бы новое понимание проблем, связанных с ее творчеством, появлялось крайне мало. Это в основном статья А. Е. Грузинского «Ирина Федосова и Иоганна Амброзиус» (1908) и в последние десятилетия (если не считать соответствующих параграфов вузовских учебников по фольклору) статьи или разделы книг В. Г. Базанова и В. Калугина¹. Мы будем говорить о них в соответствующих разделах предлагаемой читателю книги.

В 1955 году вышла в свет наша монография «Народная поэтесса И. А. Федосова» — первая и единственная до сих книги, специально посвященная ее жизни и поэтической деятельности. В ней было рассмотрено несколько основных проблем. Прежде всего была поставлена задача с максимальной возможной подробностью восстановить биографию Федосовой.

Импровизационная природа причитаний, записанных от Федосовой, дала возможность предположить, что в них найдут свое отражение важнейшие исторические и бытовые события, переживавшие ее односельчанами. Для выяснения того, что же в них действительно отразилось,казалось недостаточным оперировать общими сведениями о судьбе русского крестьянства середины XIX века. Надо было углубиться, условно говоря, в микроисторию Занежья — района, в котором родилась и с которым всю жизнь была связана Федосова. На этой основе была предпринята попытка представить себе, как могли понимать сама Федосова и ее земляки исполняемое ею вне зависимости от того, были ли это формулы, накопленные традицией, или заново импровизированные ею строки, порожденные конкретными обстоятельствами. При всем этом остались нерешенными некоторые кардинальные вопросы. К ним мы и обратимся в настоящей книге.

Если о Федосовой после выхода упомянутой монографии писали сравнительно мало, то этого нельзя сказать о причитаниях как жанре русского фольклора в целом. В последние годы было опубликовано довольно много текстов, особенно из севернорусских районов, и появился целый ряд исследований филологического, этнографического и музиковедческого характера, которые дали много нового

¹ Итоги своих публикаций В. Г. Базанов подвел в книге «Поэзия Русского Севера» (Петрозаводск, 1981); Калугин В. «Народная поэтесса»//В кн.: Герои русского эпоса. Очерки о русском фольклоре. М., 1983. С. 292—346.

го для понимания свадебных причитаний. Так, например, выяснилось не предполагавшееся ранее многообразие форм этой разновидности русской причети — причитывание и подголащивание, сольное и хоровое исполнение в разных сочетаниях и т. д. Кстати сказать, в монографии 1955 года именно свадебные причитания почти не рассматривались, т. к. они, по сравнению с причитаниями похоронными и рекрутскими, давали значительно меньше явного материала для изучения мировоззрения русского крестьянства середины и второй половины XIX века. Не изучались они и другими авторами, которые писали в последние десятилетия о Федосовой¹. Между тем третий том собрания Барсова и первые два выпуска сборника Агреневой-Славянской посвящены исключительно свадебным причитаниям, записанным от Федосовой.

В процессе подготовки сборника Барсова к изданию в серии «Литературные памятники» и текстов, записанных от Федосовой, в томе «Причтания» в серии «Библиотека поэта» и, наконец, в сборнике «И. А. Федосова. Избранное» была проделана определенная текстологическая работа, которая в 1955 году только намечалась.

Нельзя не упомянуть также о больших успехах в изучении причитаний финно-угорских народов, которые вместе с русскими образуют обширный ареал (район распространения) особенно развитой традиции причети — карел, ингерманландцев, эстонцев-сету, мордвы, коми (см. работы У. С. Конкка, А. С. Степановой, Ф. И. Плисовского, А. К. Микушева, А. Г. Борисова, К. Т. Самородова, И. Рюйтель, В. Пино и др. в Советском Союзе, Л. Хонко и А. Ненола-Каллио — в Финляндии). Исторические причины формирования подобного ареала только начинают выясняться, однако уже сейчас сопоставление русских причитаний с причитаниями финно-угорских народов дает очень многое для понимания соотношения этого фольклорного жанра с похоронным и свадебным обрядом, роли плачальщиц в их воспроизведении, поэтики и стилистики причитаний и многих других проблем.

И, наконец, следует упомянуть о том, что за истекшие тридцать лет накопились некоторые новые факты и разработки, которые будут использованы в настоящем издании

¹ Характерно, что В. Г. Базанов в ряде своих работ конца 40-х — начала 50-х гг. говорил о сборнике Е. В. Барсова как «двуихтомном издании» (см., например, «Народная словесность Карелии». Петрозаводск, 1947. С. 156).

(см., например, раздел «П. И. Мельников-Печерский и Федосова», «Н. А. Римский-Корсаков и Федосова» и др.). Первая работа автора об И. А. Федосовой «Н. А. Некрасов и сказительница Ирина Федосова» была опубликована в 1947 году, т. е. более сорока лет тому назад. За все эти годы не ослабевал наш интерес к удивительной личности и необычайному поэтическому дару замечательной русской крестьянки. В приложении к книге публикуется список книг и статей, возникших на эту тему. В заключение же вступительной заметки хочется еще раз подчеркнуть огромное значение ее наследия для изучения истории и художественного творчества крестьянства, особенно северорусского. Именно это обстоятельство побуждало нас как в более ранних работах о Федосовой, так и теперь попытаться сочетать достижения двух важнейших направлений русской фольклористики — исторического изучения фольклора и изучения деятельности крупнейших исполнителей, которым мы обязаны его наивысшими достижениями.

ПРОБЛЕМА БИОГРАФИИ И. А. ФЕДОСОВОЙ

Восстановление биографии рядового русского крестьянина или крестьянки XIX века — задача весьма сложная. В подавляющем большинстве своем неграмотные, они не оставляли после себя письменных документов, которые фиксировали бы события их жизни, как это делалось, например, в дворянских и некоторых купеческих семьях. Поэтому архивные поиски обычно ничего не дают. В лучшем случае — это записи в церковных книгах, отмечавших рождение, венчание и похороны. И только... Имена крестьян и документы, связанные с ними, могли осесть в архивах — в тех случаях, если возникала какая-либо конфликтная ситуация: судебное расследование, необычайные события (крестьянский бунт, рекрутчина, пожар). Крепостные крестьяне фигурировали в основном в помещичьих документах (ревизских сказках, податных ведомостях и купчих, которыми сопровождалась купля-продажа крепостных, и т. д.). Но часто это были только имена. Государственные же крестьяне интересовали казенные власти еще меньше.

Может возникнуть вопрос: надо ли стремиться восстановить биографию Федосовой? Ведь она была крестьянкой. И судьба ее, если не считать встреч с фольклористами, была типичной, обыкновенной. Записанные от нее тексты, в том числе и тексты причитаний, формировались на почве коллективной традиции. Имеет ли значение то индивидуальное, личное, что переживалось ею, когда она причитывала?

Как увидим далее, причитания Федосовой порождены были не обобщенной и отвлеченной этнической традицией, застывшей вне времени и пространства и лишь скучевшей по мере приближения к нашему времени, они жили своей жизнью, сплавив традиционное и актуальное, общенациональное и местное, коллективное и личное. Таким образом, традиционное, общенациональное и коллективное

было формой выражения актуального, локального и личного. Все это особенно ясно отражалось в причтаниях, которые были, по сравнению с другими традиционными жанрами фольклора, исключительно динамичны. Текущий, повседневный быт особенно зримо прорывался в них сквозь толщу традиции.

Вопленицы — так называли исполнительниц причтаний — не повторяли заученный текст и даже не просто варьировали его¹, как это происходило при исполнении сказки, былины, лирической песни, они воссоздавали текст заново, импровизируя его по определенным традиционным правилам, как считалось необходимым и приличным к слушаю. Разумеется, это была подготовленная импровизация — готовыми (или варьируемыми) и в принципе неизменными были не только мелодия и ритмическая схема речитатива, но и огромный и отработанный запас формул, накопленный веками сотнями и тысячами воплениц. Эти формулы (клише, стереотипы или их модели) отвечали определенным типовым психологическим ситуациям. Например, при похоронах — это изображение примет приближающейся смерти, потом самой смерти, горя вдовы (осиротевшей дочери и т. п.), всей семьи, скотины, избы, поля и леса, изображение того, как вносят гроб в избу, дороги на кладбище, будущего, которое ожидает вдову и ее детей, напрасного ожидания пахаря предстоящей весной, заклинания ветра, солнца, земли оживить покойника и т. д.² Все это повторялось каждый раз. Но возникает вопрос: как все это, повторяющееся и традиционное, воспринималось, как оно «читалось» в совершенно конкретных бытовых, социальных и экономических ситуациях? А именно таковыми и были каждые похороны для каждой вдовы и для каждой семьи. Как это восприятие было связано с судьбой (микроисторией) данного села — Заонежья, Русского Севера — в определенные десятилетия их истории, которая была частичкой большой истории всего русского крестьянства определенного времени. Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо как можно больше, ис-

¹ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. Раздел «Традиция. Стереотип и вариантность. Вариационная поэтика».

² Обзор традиционных формул похоронных причтаний см.: E. Mahler. Russische Totenklage. Ihre rituelle und dichterische Deutung. Leipzig, 1935. S. 307—642; Виноградов Г. С. Карельская причеть в новых записях//В кн.: Русские плачи Карелии/Сост. М. М. Михайлов. Петрозаводск, 1940. С. 8—18.

пользуя все виды доступных источников, знать о судьбе самой исполнительницы, ее односельчан и их семей, понять их всех в контексте определенного времени и пространства.

Сотни и тысячи конкретных ситуаций, в которых исполнялись причитания, не зафиксированы, они невосстановимы, навсегда потеряны, поэтому необходимо использовать те редкие случаи, когда мы можем собрать факты для восстановления биографии исполнительницы и хотя бы микроисторические данные, которые помогли бы нам представить себе типичные конкретные ситуации, в которых формировались и исполнялись известные нам тексты причитаний.

Кроме того, и это тоже немаловажно, Федосова — одна из замечательнейших, талантливейших русских женщин XIX века. Поэтому, помимо признания значительной исторической и фольклористической ценности ее биографии, мы не можем не испытывать интереса к ее личности, жизни, судьбе, быту.

Ирине Андреевне Федосовой в этом смысле повезло. Правда, церковные записи, связанные с ее жизнью, до сих пор не обнаружены, ничего не известно и об ее участии в крестьянских столкновениях с губернским начальством, но ей довелось встретиться с несколькими собирателями русского фольклора. Несомненно, это был только счастливый случай. Барсов, живя в Петрозаводске, мог и не узнать о ней. Запись фольклора только-только еще начиналась, и во многих районах России собиратели еще не успели побывать. Сколько же при этом могло быть пропущено, не «открыто» талантливых сказочников и певцов, исполнителей причитаний и обрядовых песен, может быть, равных Федосовой или даже еще более замечательных?!

Молодой преподаватель петрозаводской духовной семинарии Е. В. Барсов за неимением казенной квартиры поселился в доме М. С. Фролова, заонежского крестьянина по происхождению. Вероятно, только после публикации причитаний, записанных в Олонецкой губернии и появившихся в третьем томе сборника «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», Барсова заинтересовали причитания¹. Фролов

¹ До П. Н. Рыбникова на причитания в Олонецкой губернии обращали внимание С. Раевский, В. Дашков, К. Петров и др. Однако до П. Н. Рыбникова записи причитаний не публиковались, они оставались известными только в кратких пересказах. Первые адекватные записи вне Олонецкой губернии появились только в 1860 году в Пермском сборнике (Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2).

подтвердил предположение, что в Заонежье умеют причитывать. В частности, он назвал при этом имя своей землячки Федосовой. По счастливому стечению обстоятельств она за два года до этого переселилась в Петрозаводск.

Барсов начал записывать причитания от разных исполнительниц, а затем, познакомясь с Федосовой, поразился обилию материала и сосредоточился исключительно на записях от нее. Их встречи длились, по-видимому, около трех лет. Это была первая в истории русской фольклористики попытка исчерпать репертуар одного исполнителя.

Кто знает, как сложились бы отношения Барсова и Федосовой, если бы она жила в это время в Кузаранде? Скорее всего Барсов не смог бы уделить ей много времени, жертвуя своим досугом и вместе с тем продолжая служить, и не смог бы столько записать от нее, не успел бы так вжиться в заонежский диалект. Не смог бы он создать и ту атмосферу доверия, которая столь необходима для свободной импровизации. И, наконец, вероятно остался бы незаписанным исключительный по своей яркости рассказ Федосовой о своей жизни, опубликованный Барсовым.

Характерно, что о других исполнительницах, тексты которых были включены в состав трехтомного сборника, мы знаем крайне мало. Даются только краткие справки о них, примерно такого же рода, как в сборнике Гильфердинга и во многих последующих сборниках сказок, былин и песен. Между тем именно автобиографический рассказ Федосовой — основной источник, из которого мы черпаем сведения о ее детстве, молодости, первом и втором замужестве и первых годах жизни в Петрозаводске (до 1870 года). Другие фольклористы, с которыми Федосова встречалась до 1895 года (О. Х. Агренева-Славянская, Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш), дают о ней весьма скульпые сведения.

До недавнего времени, кроме рассказа Федосовой о себе, был известен только один факт, относящийся к 90-м годам XIX века, — ее встреча с А. М. Горьким на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Два газетных очерка Горького — документы первостепенного значения, однако и в них рисуется главным образом выступление Федосовой в выставочном зале на фоне выставки. Сведений о жизни Федосовой с 1870 по 1896 год здесь тоже мало, если не считать беглого замечания о том, что в Нижний Новгород привез Федосову для выступлений преподаватель петрозаводской гимназии

П. Т. Виноградов, и о том, что Виноградовым ведется запись причитаний от Федосовой.

Для восстановления этих и других пробелов (как сложилась судьба Федосовой после 1896 года? когда она умерла? год ее рождения? и т. п.) в монографии 1955 года был использован источник, который до тех пор не привлекался фольклористами. Речь идет о газетах и журналах 90-х годов. Именно они и собранные в 1948 году воспоминания земляков Федосовой, бывшего кузарандского учителя Ф. И. Прохорова и этнографа В. В. Богданова помогли восстановить биографию Федосовой в ее нынешнем виде.

И, наконец, должен быть упомянут еще один источник — личные архивные фонды Е. В. Барсова и П. Т. Виноградова. В результате без малейшего преувеличения можно констатировать, что жизнь Федосовой изучена лучше, чем какого-либо другого фольклорного исполнителя прошлого. Только в 30-е и последующие годы нашего века, когда проблема исполнителя получила значительное развитие в советской фольклористике, сбор биографических сведений стал обязательным (М. М. Коргуев, П. И. Рябинин-Андреев, Ф. П. Господарев, А. К. Барышникова, М. С. Крюкова, М. Р. Голубкова и многие другие). Таким образом, биография Федосовой — крупнейшей русской сказительницы XIX века — приобретает особенное значение для истории русского фольклора.

Как обычно бывает, некоторые факты биографии Федосовой датируются точно, другие — лишь предположительно. К числу последних относится год рождения Федосовой. И Барсов, и Агренева-Славянская, и позже, в 90-е годы прошлого века, некоторые из корреспондентов, писавшие о ней, высказывали различные предположения о возрасте сказительницы. По мнению Барсова, Федосовой в 1867—1870 годах было «около 50 лет»¹ (т. I, с. 314), т. е. она могла родиться в 1817—1820 годах. В статьях 1895—1896 годов ее возраст оценивается с колебаниями от семидесяти до девяноста восьми лет². И только один раз был зафиксирован ответ самой Федосовой на вопрос о ее возрасте. «Сколько тебе лет?» — спрашивала ее Агренева-

¹ Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Т. I. С. 314.

² В авторитетнейшей статье Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова «Русские плачи» в одноименной книге в «Библиотеке поэта» авторы, видимо опираясь на свидетельство О. Х. Агреневой-Славянской (т. III. С. 201), утверждают, что в 1887 г. Федосовой «было за восемьдесят лет» (с. XIX).

Славянская. «Иногда Ирина отвечала,— пишет далее собирательница:— «Сколько мне лет — столько тебе нет» или «Сколько было вчера, того нет!» «Под столом ходила — хворост носила; стол переросла — коров доить пошла; косу отпустила — в работницах служила; пора настала — с молодцем гуляла; за мужем двадцать лет жила — тяжко горюшко несла; овдовела — осиротела! Вот тебе и весь сказ! А когда родилась — память извелась»¹.

В этой шуточной импровизации заключена определенная доля смысла. В отличие от мужчин, которым важно было знать свой год рождения — от этого зависел возможный год призыва в армию, крестьянкам достаточно было причислить себя к определенной половозрастной группе — девочек, девок, невест, молодух, баб и старух. Крестьянка обычно помнила, на каком году она вышла замуж, т. к. засидеться в девках считалось одновременно и несчастьем, и позором. Видимо, она могла знать также, сколько лет прожила замужем, прежде чем стала вдовой. Сумма же прожитых лет была не столь важна.

Однако нельзя было не обратить внимания на то, что в разнородных источниках содержатся легко согласующиеся данные о длительности отдельных периодов жизни Федосовой. Так, в девятнадцать лет она вышла замуж, тринадцать лет прожила за первым мужем, год была вдовой, затем двадцать лет прожила со вторым мужем. Следовательно, когда она вторично овдовела, ей было пятьдесят три года. В то же время статьи, сообщающие дату смерти второго мужа, сходятся на 1884 году. Следовательно, если в 1884-м ей было пятьдесят три года, то родиться она должна была в 1831 году. Он и был условно принят нами за год рождения Федосовой². Видимо, уточнить эту дату можно лишь в том случае, если найдется церковная запись о ее рождении. Впрочем, подобные записи тоже бывали не столь уж точны. Они чаще отмечали день крещения ребенка. Между днем рождения и крестинами могло пройти различное количество дней, недель и даже месяцев, в зависимости от того, близко или далеко была расположена церковь, в какое время года родился ребенок (в мороз, в дождь, в страду, больна или здорова была мать родившегося и т. д.).

¹ Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. Тверь, 1889. Т. III. С. 199.

² Чистов К. Н. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 48—49.

В дорожных заметках М. Г., опубликованных в 1869 году в «Олонецких губернских ведомостях», рисуется довольно выразительная картина, подтверждающая сказанное выше: «Находятся местности, до того изолированные благодаря лесам, трясинам и отсутствию всякого сообщения... что к ним и из них пробраться можно только на лыжах, и когда установится возможность такого сообщения, то крестьянин, у которого есть не крещенный еще ребенок, спешит к приходскому священнику, который крестит подаваемую шапку, окропляет ее освященою водой и дает заочно имя младенцу. Отец, прибывши домой, одевает шапку на голову младенца — и крещение совершено, имя малюткой получено¹. Родная деревня Федосовой не была столь удаленной от церкви, однако приведенная цитата говорит о своеобразном отношении к тому, что церковь называла «тайном крещения».

Косвенным показателем, но тоже для крестин с большим вероятием, чем дня рождения, может быть день святого (святой) по святым, который совпадал с крестинами или был близок к нему. В связи с этим недавно было высказано предположение, что днем рождения (крестин?) мог быть один из дней св. Ирины, т. е. 17 апреля, 3 или 13 мая или 18 сентября по старому стилю². Как видим, подобное предположение дает тоже не очень много.

Как это иногда случается, предположение стало восприниматься как безусловный факт. В энциклопедических изданиях, учебниках, хрестоматиях, в комментариях к собранию сочинений А. М. Горького 1831 год как год рождения Федосовой дается без всяких оговорок. В. Калугин в упоминавшейся книге прямо пишет, что К. В. Чистов «установил» (а не предположил!) год рождения Федосовой. Таким образом, теряется столь важное для науки умение различать строго документированные факты и предположения (гипотезы).

Не менее прискорбно произвольное обращение с фактами. Так, в статье «Сказительница Ирина Федосова», опубликованной в 1970 году, т. е. через пятнадцать лет после публикации монографии 1955 года, Л. Воловик пишет: «Федосова дожила почти до 80 лет»³. Между тем, как

¹ М. Г. Дорожные заметки//Олонецкие губернские ведомости. 1869. № 23—24.

² Калугин В. Герои русского эпоса. С. 292 примеч.

³ Воловик Л. Сказительница Ирина Федосова//В кн.: Страницы музыкальной жизни. Рассказы о музыке для школьников. 1969 г. М., 1970. С. 110.

мы увидим ниже, в год смерти Федосовой было примерно шестьдесят восемь лет. Еще менее понятно то, что можно обнаружить в современном собрании сочинений Ф. И. Шаляпина. В указателе имен значится: «Федосова Ирина Андреевна (1820, по другим данным, 1825—1899) — крестьянка Олонецкой губернии, исполнительница старинных народных песен и былин» (с. 756). Здесь удивительно не только то, что не назван жанр, которым прославилась Федосова,— причитания, но и вольное обращение с проблемой года ее рождения, смешивание воедино документированного факта (1899 год как год смерти) и ничем не обоснованного домысла. По каким же данным предположено, что Федосова родилась в 1820 году, и каковы «другие данные», согласно которым она родилась в 1825 году? Если они имеются, следует опубликовать их.

Для того чтобы не возвращаться к этому вопросу, повторим еще раз, что год и день смерти Федосовой документированы. Мы имеем в виду некролог, опубликованный в «Олонецких губернских ведомостях» и подписанный известным краеведом И. Благовещенским¹.

В старых источниках И. А. Федосову называют то «олонецкой крестьянкой», то «заонежской», то «толвуйской», то «кузарандской». Эти данные не противоречат друг другу. Кузаранда входила в состав Толвуйской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Заонежье в XIX веке — название не административной единицы, а географического района — так назывались и называются полуостров и примыкающие к нему острова, врезающиеся с севера в Онежское озеро. М. М. Михайлов, составитель сборника «Русские плачи Карелии», побывавший в предвоенные годы в Заонежье, сообщает о Федосовой: «...крестьянка дер. Лисицыно, ныне Кузарандского сельсовета Заонежского района»². Михайлов записывал причитания от жительниц Кузаранды и, по-видимому, расспрашивал у них о Федосовой. В таком случае именно он был первым собирателем воспоминаний о ней. Следует пожалеть, что они остались неопубликованными.

Михайлов был прав. Федосова действительно довольно долго жила в дер. Лисицыно. Однако это не значит, что

¹ Благовещенский И. Ирина Андреевна Федосова (некролог) // Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 73. В книге «Русское народное музыкальное творчество» (М., 1955. Вып. 1. С. 99) Т. В. Попова без всякой аргументации утверждает, что Федосова умерла «в преклонном возрасте в 1902 году» (!).

² Михайлов М. М. Русские плачи Карелии. С. 31.

она родилась в Лисицыно, как это утверждает В. Г. Базанов¹. В 1948 году невестка Федосовой Анна Федоровна Федосова рассказывала: «Родилась Ирина Андреевна от Сафоновых (т. е. в дер. Сафоново.—К. Ч.) Вырозерского сельсовета. Девичья фамилия Юлина»². Эти сведения подтверждаются и воспоминаниями племянницы Федосовой по матери А. С. Булавкиной, тоже уроженки Вырозера и так же, как Федосова, вышедшей замуж в Кузаранду³.

В монографии 1955 года довольно подробно рисуется история Заонежья — родины Федосовой. Не будем повторять все это в полном объеме⁴. Напомним только важнейшие факты, относящиеся к XIX веку.

Деревни, расположенные по толвуйскому берегу Онежского озера, т. е. по восточному берегу заонежского полуострова от Толвуи до Типениц, Великой губы и Кижей, принадлежали к числу древнейших новгородских поселений в северо-западной части Русского Севера. Они находились на жизненно важном для Новгорода пути в Белое море, по которому доставлялись соль и пушнина. В перевозке соли толвуяне участвовали вплоть до конца XVIII века. Известный русский путешественник академик Н. Я. Озерецковский писал в 1792 году: «Зимний промысел толвуйских жителей состоит в возке соли с берегов Белого моря в города Повенец, Петрозаводск и Олонец»⁵. Об экономической важности и оживленности этого района свидетельствует и длившееся долгие годы соперничество Палеостровского и Вяжецкого монастырей, стремившихся захватить эти земли и поселившихся на них крестьян. С начала XVIII века значение района вновь возрастает — при Петре I здесь строятся железоделательные и медеплавильные заводы, сыгравшие столь значительную роль в вооружении петровской армии артиллерией. В 1704 году «черносошные крестьяне» (т. е. не помещичьи, здесь таковых почти не было, и не монастырские), а в 1786 году и все остальные были приписаны к Правлению Олонецких горных заводов,

¹ В. Г. Базанов в книге «Русская народно-бытовая лирика. Прочтания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой» (М.; Л., 1962. С. 21), через семь лет после выхода в свет монографии 1955 года, пишет: «В деревне Лисицыно, на родине Ирины Федосовой...».

² Воспоминания об И. А. Федосовой, записанные в августе 1948 года // В кн.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 362.

³ Там же. С. 365.

⁴ Там же. С. 48—63.

⁵ Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому и Онежскому и вокруг Ильменя. Изд. 2-е. СПб., 1812. С. 256.

стали, как их тогда называли, «горнозаводскими крестьянами», т. е. обязанными работать на заводы (добывать руду, подвозить лес и т. д.). Еще до приписки монастырских крестьян к горным заводам Толвуя стала одним из центров восстания горнозаводских крестьян, распространившегося на многие села Заонежья. Она дала и вождя этому восстанию — «мужицкого генерала» Клима Соболева. Восставшие около двух лет сопротивлялись правительстенным войскам. Закончилось все «кижской трагедией» — жестокой расправой над крестьянами по требованию правительства, напуганного начавшимся уже пугачевским восстанием на юге России¹.

Заонежье и прилегавшие к нему районы Олонецкой и Архангельской губерний сыграли также заметную роль в истории русского старообрядчества. В 1687—1689 годах здесь вспыхивает известное старообрядческое восстание, одним из вожаков которого был толвуянин Авдей Алексеев. Восставшие дважды захватывали Палеостровский монастырь, расположенный на близком к Толвье острове, и изгоняли оттуда монахов. При приближении «государевых войск» они сожгли себя вместе с монастырем — это была знаменитая «палеостровская гарь»². Одним словом, до первой половины XVIII века Заонежье, как и основные районы Архангельской губернии, вовсе не было захолустным и отсталым. Отставание и экономическая изоляция этих районов начинается после строительства Петербурга, открывшего выход в Балтийское море и превратившего Белое море в периферийный в экономическом и торговом отношении путь. По мере развития горнорудного дела на Урале олонецкие заводы теряют свое первостепенное значение и хиреют. Относительно близкое к Петербургу Заонежье действительно превращается в один из глухих районов России.

Вместе с тем это один из районов чрезвычайно высокого развития традиционной крестьянской культуры. Причины Федосовой — их художественные особенности и достоинства — могут быть поняты, если мы будем помнить о том, что в Заонежье в нескольких десятках верст от Кузаранды земляками Федосовой были в начале XVIII века

¹ Подробно см.: Балагуров Я. Кижское восстание 1769—1771 (очерк истории восстания олонецких приписных крестьян). Петрозаводск, 1951.

² Материалы по истории Карелии XII—XVI вв./Под редакцией В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. Приложение. С. 4—5.

воздвигнуты Кижи — одно из высших достижений деревянной архитектуры, что Заонежье в XIX веке — один из классических районов бытования русских былин, значительного развития резьбы по дереву, вышивки и т. д. На реках и озерах Русского Севера были широко известны лодки «кижанки» с горделиво загнутым носом, в деревнях Заонежья стояли до сих пор удивляющие плотницким мастерством типичные севернорусские избы. Заонежане-плотники принимали активное участие в строительстве Петербурга, их знали во многих севернорусских и центрально-русских губерниях.

О детстве Федосовой мы знаем только то, что она рассказала Барсову. Это, несомненно, было типичное детство крестьянского ребенка того времени. Семья ее родителей была велика — двадцать две души. Мы не знаем ее состава, но, видимо, это была не только многочисленная, но и «большая семья» в этнографическом смысле этого слова, т. е. в ней было больше чем одна способная к самостоятельности брачная пара. По крайней мере, рассказывая о том, как сватался к ней ее будущий муж, Федосова упоминала жену брата, который, видимо, жил со своей женой и своими детьми в родительской семье. Кроме Ирины у ее родителей было еще трое детей — две дочери и один сын. В составе семьи могли быть как старшие (родители отца), так и еще какие-то боковые родственники. Как мы увидим дальше, в притчаниях Федосовой, записанных в 60-е годы, фигурируют «большие семьи», правда, нет достаточно веских оснований считать, что она при этом имела в виду именно свою собственную семью.

Для того чтобы прокормить такую семью, приходилось напрягать все силы. Естественно, что дети ссымальства втягивались в общий труд. Федосова говорила о себе: «Шести год на ухож¹ лошадь гоняла и с ухожа домой пригоняла», «восьми год знала, на каку полосу сколько сиять». Это тоже было обычным. Но здесь же рассказываёт о том, что, подрастая, она стала выделяться своим умением и сноровкой: «брат да две сестры, в них толку мало, я ж была суровá²; по крестьянству — куды какая: колотила, молотила, веяла, убирала; севца не найдут, а класца найдут»³.

¹ Пастьба, в том числе ночные.

² Строга, ловка.

³ Барсов. Т. I. С. 314—315.

Тяжелый и непрерывный труд всей семьи все же не обеспечивал ее всем необходимым. Не говоря о неурожайных годах, и в удачные годы редкая семья среднего достатка могла запастись хлебом до нового урожая. Поэтому заонежане активно занимались не только рыбной ловлей, но и различными отхожими промыслами — рубкой леса, плотничали, уходили на работу на «канавушку», т. е. на Мариинский канал и на Ладогу, на Шелтозерские и Тивдийские каменные карьеры и т. п. К. Ф. Бергштрессер писал в «Опыте описания Олонецкой губернии» в 1838 году: «Здешние крестьяне столь бедны, что едят хлеб, печенный из одной половины или одной трети или даже одной четверти муки и остальной части сосновой тертой коры, мху или соломы»¹.

Мы не знаем, в какой избе родилась Федосова, однако сохранились свидетельства о том, что большинство изб в Заонежье в это время были курными. Это как будто противоречит нашему представлению о северных избах — крупных постройках на подклети, объединявших жилые и хозяйственные помещения. Однако это так. Приведем классическое описание олонецкой избы, оставленное П. Н. Рыбниковым. Оно довольно часто цитируется, но по своей выразительности может быть сопоставлено только с известным описанием крестьянской избы Н. А. Радищевым: «Войдите в крестьянскую избу с промерзшими углами, с занесенными окнами, с ее угаром и чадом и осмотритесь кругом: перед вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Целое семейство собралось в кучу в одной комнате, потолок застлан вековой сажей, свет чуть-чуть проходит через щели оконных ставен, на полках запас луцины и дров, у печки тускло горит, нагорает и гаснет луцина. Темнота, холод, нечистота... Сегодня он снес подати, а завтра надобно отдавать сына или брата в солдаты, послезавтра давать ответ перед судом за порубку дров для топлива. Впереди вечное изгибание перед сильным и, пожалуй, тюрьма за то, что он крестится по-старому и вместо Иисуса выговаривал Иисус. Летом — скотский падеж, зимой — долги и недостаток хлеба»².

Когда крестьянская девушка «невестилась», т. е. входила в возраст и могла быть посвящена, больше всего

¹ Бергштрессер К. Ф. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838. С. 45.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е/Под редакцией Д. Е. Грузинского. СПб., 1909. Т. I. С. XXXI—XXXII.

ценилось ее трудолюбие и умение. В деревне вся семейная и трудовая жизнь была на виду, и девушки старались зарекомендовать себя наилучшим образом. Для Федосовой девичья жизнь была нелегкой — в детстве она упала с лошади и осталась хрома на всю жизнь. Это обстоятельство, видимо, создавало определенный психологический комплекс и оказало влияние на всю ее дальнейшую судьбу.

Отец был строг и неохотно отпускал дочерей на деревенские гулянки, даже на «прядимую беседу», т. е. вечера, на которые девушки приходили с рукоделием — пряли, вышивали. Федосова — эта черта останется характерной для нее навсегда — умела добиваться своего. «Раз в неделю,— рассказывает она,— молча уходила», т. е. не спросясь у отца. Среди вырозерской молодежи она также умела себя поставить: «Приду — место сделают у свитца»¹, т. е. на прядимых беседах ей отводили почетное место. «Имя мне было со изотчиной²,— рассказывала она дальше,— грубого слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу». И самое главное — она очень рано прославилась как песенница и знаток притчаний: с двенадцати-тринадцати лет Ирина Федосова начала «подголосничать» на свадьбах. Это не должно удивлять. Девочки стремились как можно лучше научиться причитывать; играя на деревенской улице, разыгрывали свадьбы и похороны, зная, что это неизбежно пригодится в будущем.

Характерно, что самые ранние из известных записей притчаний (они обнаружены были Ю. М. Лотманом в архиве Г. Р. Державина) сопровождаются объяснениями, в которых говорится, что не уметь причитывать было для крестьянской девушки так же позорно, как не уметь прясть³.

Итак, само по себе знание причети к двенадцати-тринадцати годам не было чем-то особенным, однако Федосова, по-видимому, скоро прославилась как исключительный знаток и мастерица причитывать. Недаром А. М. Горький писал через тридцать три года после встречи с Федосовой: «По-моему, есть только один талант: умение делать всякое дело с любовью к нему. «Воплениц» и «сказительниц» я знаю, встречал, слышал знаменитейшую из них Орину Федосову, это была талантливая старуха, но имен-

¹ Приспособление для лучины, освещавшей избу.

² С отчеством.

³ Лотман Ю. М. Записи народных притчаний начала XIX в. из архива Г. Р. Державина//Русская литература. 1960. № 3. С. 145—150.

но потому, что она полюбила свое дело в 12 лет и на всю жизнь»¹.

О широкой известности Федосовой в Заонежье рассказывают многие, писавшие о ней. Так, один из корреспондентов газеты «Новости» (очевидно, со слов петрозаводского учителя П. Т. Виноградова) сообщает: «Бабушку Андреевну знают не только у себя в деревне, но и далеко за околицей; за 70 верст приходят к бабушке с поклоном «повопить» над покойником или «поплакаться» в свадебной песне. И Федосова идет, идет за семьдесят и более верст «вопить», она очень гордится своим положением в уезде: все ее знают и она всех знает, всякий перед ней заискивает — ведь без нее ни одни засидки, ни свадьба, ни похороны, ни проводы в солдаты не состоятся»². Постоянный корреспондент «Олонецких губернских ведомостей» и один из видных знатоков Олонецкого края Г. И. Куликовский писал: «Она считалась первою вопленицею во всем крае, и ее приглашали за десятки верст»³. Сама же она о себе говорила: «Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна, где что слышала — пришла домой, все рассказала, будто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, стáрину ли какую»⁴.

Приведенные выше свидетельства популярности Федосовой «во всем крае», о приглашении ее «повопить» «за 70 верст», за «десятки верст» и т. д. должны быть поняты в определенном масштабе. Трудно представить себе, что Федосова при всей своей действительно исключительной одаренности была известна во всем Олонецком крае. В отличие от мужчин-сказочников, исполнителей былин, которые встречались с мужчинами из других районов губернии или даже из других губерний на рыбных тонях, лесных и тем более отхожих промыслах, женщины-подголосницы и вопленицы были, как правило, известны в пределах брачных эндогамных районов, т. е. в пределах районов, внутри которых заключались браки, роднились, обменивались взаимными посещениями в дни престольных праздников, молодежных «гощений» и т. д. В нашем случае это могло быть Заонежье и, вероятно, не шире, тем более, что заоне-

¹ Письмо к А. Агапкиной от 27 марта 1929 года. См.: М. Горький. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 30. С. 130.

² Ирина Федосова //Новости и биржевая газета. 1895. № 9.

³ Куликовский Г. И. Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве//Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 4. С. 2.

⁴ Барсов. Т. И. С. 315.

жане выделяли себя и выделялись соседним населением как своеобразная локальная группа местного населения¹.

Сведения о том, что Федосову приглашали «повопить», также должны быть прокомментированы. Речь идет о свадьбах, где она могла выступать в роли подголосницы, т. е. женщины, выводящей невесту к столу и причитывающей от ее имени. Она могла быть также ведущей в хоре подголосниц—исполнительниц коллективного причитывания в сочетании с сольными причитываниями невесты. На похороны же не принято было приглашать. Тем более нет оснований утверждать, что в Олонецкой губернии существовали наемные вопленицы, как это делалось подчас в старой литературе по обрядам. За три года до встречи Барсова с Федосовой петрозаводский краевед и фольклорист К. Петров в статье «Заплачки и причитания в Олонецкой губернии» писал: «В нашей губернии плакальщицы чаще являются на свадьбах, чем на похоронах»². В 1910 году известный фольклорист Н. С. Шайжин, записавший причитания от одной из лучших исполнительниц — Н. С. Богдановой-Зиновьевой, решительно утверждал, что наемных воплениц в Олонецкой губернии не только нет, но и не было. Подголосницы же как специальные участницы обряда появлялись только на свадьбах³. И, наконец, анонимный автор обстоятельной статьи о Федосовой во «Всемирной иллюстрации», опубликованной в 1895 году, пишет, по существу, то же самое: «Как вопленица Федосова приглашается на свадьбы... а на похороны, как принято, сама идет разделить горе и причитания поет по покойникам»⁴.

А. Е. Грузинский, автор уже упоминавшейся статьи «Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова», пишет об этом же, подчеркивая, что приплакивать по покойникам или рекрутам было для Федосовой общественным долгом и внутренней потребностью: «Ее приглашают всего чаще на свадьбы, плакать же на похороны или на рекрутские проводы она обыкновенно ходит сама, по доброй воле; очевидно, она испытывает ясную потребность в той худо-

¹ Логинов К. К. Являются ли «заонежане» локальной группой русских? // Сов. этнография. 1986. № 2. С. 91—95.

² Петров К. Заплачки и причитания в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 4. С. 12.

³ Шайжин Н. С. Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 год. Петрозаводск, 1910. С. 197.

⁴ Ирина Федосова. «Всемирная иллюстрация». 1895. № 1356. С. 79.

жественной работе, которую представляет для нее составление и исполнение этих плачей¹. Эти свидетельства подтверждаются воспоминаниями земляков Федосовой, которые были опубликованы в приложении к монографии 1955 года, и сообщениями некоторых известных исполнителей фольклора, к которым мы специально обращались за разъяснениями в последующие годы (А. Т. Конашкова, Ф. И. Быкова и др.).

Воля к творчеству была, по-видимому, необычайно сильна у И. А. Федосовой. Г. И. Куликовский в упомянутой выше статье «Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве» пересказывает речь В. Ф. Миллера, произнесенную им на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете 3 января 1896 года перед выступлением Федосовой: «Еще в молодости, по ее рассказам, как девушкам, ее подругам, надоедали старые песни, они, зная ее способность, просили ее заводить новую песню и дивились, откуда только у нее берется. Песни ее запоминались и входили в оборот в ее деревне... она складывала для девушек свои песни и говорила им: «Учтесь, учтесь, девушки, пока жива: умру, меня вспомните»². Мы еще вернемся к этой речи В. Ф. Миллера. Основная ее идея заключалась в том, чтобы обратить внимание слушателей на поэтическое (а не просто исполнительское) дарование Федосовой и тем самым способствовать развенчанию представления о фольклоре как коллективном творчестве, которое он считал романтическим мифом. С другой стороны, в подлинности приведенных им слов Федосовой нельзя сомневаться. Они — несомненный результат его бесед с Федосовой или Виноградовым во время их пребывания в Москве.

От Федосовой Барсовым, Агреневой-Славянской и Толиверовой записано в общей сложности 63 песни, преимущественно свадебные, рекрутские, солдатские, а также «беседные» (т. е. вечерочные, гуляочные) и хороводные. Есть ли среди них песни, сложенные самой Федосовой? По-видимому, нет, они все традиционны. Наши расспросы в Кузаранде в 1948 и 1949 годах тоже не дают материала для выделения какой-либо песни как федосовской, авторской. Однако нет оснований не доверять свидетельству В. Ф. Мил-

¹ Грузинский А. Е. Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова//В. кн.: Литературные очерки. М., 1908. С. 107.

² Куликовский Г. И. Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве//Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 4. С. 2.

лера. Вполне вероятно, что Федосова могла сочинять какие-то песни, об этом говорит и хорошее знание Федосовой традиционной песни, ее поэтики, и ее одаренность импровизатора, которая столь сильно проявилась в текстах записанных от нее причитаний и в импровизированных новогодних величаниях членам семьи Агреневой-Славянской, опубликованных в III томе «Описания русской крестьянской свадьбы» (Приложения № 1—8).

Об осознании своего призыва и стремлении неуклонно следовать ему говорит и рассказ Федосовой о том, как ей впервые пришлось подголосничать на свадьбе, содержащийся все в той же автобиографии, рассказанной Барсову в Петрозаводске. Обратимся к нему.

«С малолетства,— рассказывала она Барсову,— любила я слушать причитанья; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: суседку выдавали замуж — а волгеницы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали:

— Кроме Иришки, некому.

На беседах дала себя знать; бывало там свадьбой играли, и я занарок причитывала. Ну и пригласили; мать отпустить не смиет. Писарь волостной был сродник невесте; пристал ко мне и говорит:

— Согласись, мы уговорим отца,— не выдадим тебя в брань да в ругательство.

Согласилась, произвела свадьбу. До весны дело дошло, стали звать на другую свадьбу; отец и говорит:

— Не для чего ее приглашать: ведь не знает она ничего.

— Как не знает? По зиме у суседки причитала.

Отец возгорчился:

— Кто,— скаже,— позволил?

— Писарь Петр Кондратьевич,— отвечала мать,— да голова Алексей Андреевич.

— Ну, когда этакие лица просят, так пусть; для меня как хочет; дело ейное»¹.

Характерно, что, решаясь выйти замуж за шестидесятилетнего вдовца, когда ей самой было только девятнадцать лет (правда, это означало, что она, по представлениям того времени, «засиделась в девках»), она поставила своему будущему мужу совершенно определенное условие — не мешать ей ходить по свадьбам и похоронам. Несмотря на недовольство родных и нарекания соседей, она

¹ Барсов. Т. I. С. 315.

настояла на своем выборе — и не ошиблась. «Тринадцать лет жила я за ним,— рассказывала она Барсову,— и хорошо было жить; он меня любил, да и я его уважала; моего слова не изменил¹, была воля идти куды хочешь»². Характерно в этом смысле развивался и сам процесс сватства. Если год ее рождения был определен правильно, это происходило в 1850 году.

«Замуж вышла девятнадцати лет; женихи все боялись, что не пойду, да и я того не думала и в уме не держала, чтобы замуж идти: сама казну наживу да голову свою кормлю. Перво — сватали за холостого, парня молодого; родители не отдали. После многие позывали, да сама не хотела — будь хоть позолоченой, не пойду. Тут люди стали дивоваться, а я замуж собираюсь; пал на сердце немолодой вдовец — знать, судьбина пришла. Дело было так: приехал сусед с дочерью в гости, у нас в деревне была «беседа игримая»³. Старик-гость сидит да толкует с отцом, а я говорю отцу:

— Спусти на беседу.

— Куды? — говорит.— Можно и дома, греха-то тут на душу.

Гость упрашивает, чтобы отпустил:

— Она,— скаже,— такая разумная да к людям подходительная — отпустить можно.

— Не спущу,— отвечал отец,— лучше не говорите.

Замолчала я, села прясть и в уме взяла: «Не поеду за сеном, не пошлешь ни за что».

Смотрел, смотрел отец:

— Што,— скаже,— груба сидишь? Ступай на беседу, коли охота такая привязалась!

Я просто-запросто, в сарафане-костычье⁴, в фартучке, прялицу в руки — и на беседу. Место сделали, приехавшая гостья и подзывает:

¹ Не изменил данному мне слову (ср. в частушках: «меня милый изменил» — в смысле «мне милый изменил»).

² Барсов. Т. I. С. 320; ср. здесь же: «мне поважно по свадьбам ходить, да игры водить». Последнее, видимо, надо понимать так: молодожены до рождения первого ребенка обычно могли вдвоем ходить на гуляния холостой молодежи. Нельзя представить себе, чтобы в таких гуляниях принимал участие и шестидесятилетний муж Федосовой. Скорее всего она, пользуясь данным ей словом, ходила «игры водить» одна.

³ «Беседа игримая» — в отличие от «беседы прядимой» — молодежная вечерка, на которой только играли и пели.

⁴ Расклешенный, расклиниченный сарафан (от «костыли» — клинья).

— Сядь-ко ты подли меня, есть поговорить. Девко! Думаешь ли замуж?

— Нет жениха,— говорю я.

— Жених есть, да не смиет звать — не пойдешь.

— Для чего,— отвечаю,— завету нету, прилюбится, и ум отступится; судьба есть, так пойду. Какой такой?

— Удовец — ужели не запомнишь? Петр Трифонович.

— Какой такой «пестрый воскрес», какое у его семейство?

— Сын да дочка; сын женатой, да у сына двое детей.

— Фатеру знаю, а жениха не знаю.

— Девко, можно идти; участочек хороший, а ты бойкая; сам он год шестидесяти.

— Ну, это дело терпящее, ночью с ангелом подумаю, а утром скажу; отцу не докладайте.

С беседы пришла до первых петухов; не ем, не пью, мать заметила:

— Што ты,— скаже,— сдияла? Сурова ты. Што ты, голубонько, кручинишься?

Легла спать; не спится, а думается, в девушках сидеть или замуж идти.

— Ну-ко, беседница,— утром рано подымал отец,— на ригач ставай — молотить.

Встала, дело делаю, а сама не своя. Поведала думу невестке, хозяйке братовой:

— Баба,— скажу,— замуж зовут.

— Ну што,— говорит,— ведь ты не пойдешь.

— Нет,— отвечаю,— можно. Как сваты приедут, Ермиловна, ты скажи им, где я; там я посмотрю жениха.

С овина отпорядничалась¹, случились повозники в Толвую — на Горки. Я подавалась² родителям; спустили, и я в гости съехала; отсюда на свадьбу позвали в Заозеро к Мустовым. Женихи приехали к отцу, их повестили, куды я отправилась; приехали оны на Горки, где я в гостях, и здесь не застали, вслед за мной — в Заозеро. Сижу я там и пою со слезами, обидуюсь; как слышу вдруг, в горнице самовары готовят, большухи уху варят. К крыльцу три мужика на двух лошадях подъехали; гляжу — один знакомый, другого не узнала даже; в умах нету, что женихи наехали. Богу помолились, по фатерам похаживают. Один из них, Петр Андреевич, и говорит:

— В тебе нуждаются, ты далеко заехала, мы за делом

¹ Справилась с делами.

² Отправлялась.

были у вас — сватать. Ну, как слышно, есть в Кузаранде свадебка? Ведь дело заговельное¹.

— Бог ли понесет, с воли да в подневолье,— ответила я.

— Нет уж, как хошь, надо идти, мы такую даль ехали.

— А где же жених? — спросила я.

— А вот он по фатеры похаживает,— сказал Петр Андреевич.

— Я неволи не лисица, не объем, не обцарапаю; пусть сам заговорит, не семнадцать лет.

Жених сел подле меня и говорит:

— Идешь ли замуж?

— Не знаю, идти ли.

— Иди,— говорит,— не обижу,— стал подбивать и подговаривать.

— Век так ласкает ваш брат.

Со свадьбы отправилась я в Толвую, где в гостях; скоренько разделась, поужинала; приехал и жених: сижу я за прялкой, он подсел и говорит:

— Умиешь бойко прясть.

— Еще бы,— говорю,— не в лисях родилась, не пням богу молилась. Ну, что ты,— говорю,— берешь меня; я человек молодой, ты матерой²; мне поважено по свадьбам ходить да игры водить; вы люди — матери, варить³ не будете: какое будет житье, биси в лисе наасмиются. Да и мне неохота выходить. Выйдешь, замужье — не хомут, не спихнешь; не мило, да взглядывай, не люба свекровка — звать ю матушкой; худо мое мужишко — веди его чином.

Жених на это замтил:

— Не крепка жена умом, не закрешишь тыном.

— Ну, когда так,— порешила я,— пойду. Што будет, хоть худо, хоть хорошо, а ты помни: дом вести — не бородой трясти, жену, детей кормить — не разиней ходить. Теперь поезжайте на родину скоряе, а то, смотрите, мужики за бревнами уедут; дело затянемся — долго ждать.

Оны отправились, а мы легли спать; не спится мне: к худу ли али к добру тянет; сон на глаза нейдет. На улице стало на свет похоже, сестра печку затопила; гляжу — брат приехал за мной, я сплю — не сплю, сестрия⁴ будит:

¹ Последняя неделя до масленицы, после которой в великий пост свадеб не играли.

² Пожилой.

³ Терпеть, переносить.

⁴ Двоюродная сестра.

ставай, брат приехал. Стала, поздоровалась.

— Тебя,— говорит,— сватают.

— За кого,— спрашиваю,— будто сейчас и слышу, не знаю жениха.— Не пойду,— говорю,— здесь останусь; бог с ним, кто такой там приехал.

— Поедем,— говорит,— не велено оставить.

Оделась, поехала. Дома народу много, женихи в большом углу; я глаза перекрестила, поклонилась — была ветреная мельница; там отец с има зайдется, а я и не гляжу на женихов. В печке все стопилось, я колобы расклепала. Гляди, жених,— я знаю шить и кроить, и коровушек доить, и порядню водить. Тут наладила пойво — и в умах нету, што в избе женихи, порядничаю. Оны позвали родителя в сени: пойдем, дескать, есть поговорить. Сошли — поговорили. Отец с матушкой меня — в особой покой.

— Што, дочь,— говорят,— женихов приказала? Идешь ли замуж?

— Как хотите,— отвечала я,— на воли вашей, вы кормили-поили, дочь я ваша — и воля ваша.

Отец поразмыслил и объявил женихам:

— На хлеб, на соль милости просим, а по это дело не по што.

Народу в избе множество — деревнище большое; сродники подговаривать — тут и я говорю:

— Што ж, родители, куды вода полилась, туды и ляется; пойду, што господь даст; худо ли, хорошо ли будет, ни на кого не посудьячу.

Мать завыла и говорит:

— Што ты, дитятко, што ты оставляешь, покидаешь нас, на тебя вся надежда.

— На меня,— отвечаю,— надия какая? От девок невелики города стоят; остается у вас сын, еще дочь, невестка; мы, девушки,— зяблые семена, ненадежные детушки.

Родитель-отец взял свещу, затопил, по рукам ударили, я заплакала, пошло угощенье; зазвала я девушек, в гости поехали — со звоном, с колокольчиками, а там — песни, игры, тонцы. Матушка ужасно жалила, суседи скркались:

— Што, ходила по свадьбам, да находила, двадцатилетняя девушка да идет за шестидесятилетнего старика; не стане жить-любить старичонка, удовщище ведь он да посиделище»¹.

Первым мужем Федосовой был Петр Трифонович Новожилов из Сидорова — кузарандской деревни. Выйдя за не-

¹ Барсов. Т. I. С. 316—320.

го замуж, Федосова стала кузарандской жительницей. Кузаранда входила в ту же Толвуйскую волость Петрозаводского уезда, что и Вырозеро, и находилась от последней в нескольких верстах. В дер. Сидорово Федосова прожила четырнадцать лет. После смерти первого мужа она около года была вдовой и в 1864 году вышла замуж вторично за Якова Ивановича Федосова из соседней кузарандской деревни Лисицыно.

Если первое ее замужество было счастливым и поэтическая ее деятельность не встречала никаких препятствий, то в семье Федосовых она попала в довольно трудную ситуацию. Яков Иванович был значительно моложе ее, и в новой семье она была встречена недружелюбно. «Дядина¹ да дивирь² бранить стали, всю зиму бралили; привидла всего; Яков мой такой нехлопотной, а оны базыковаты³, обижали меня всячески»⁴. Видимо, со слов Федосовой об этом же говорила и ее невестка А. Ф. Федосова: «Когда Яков Иванович ее замуж взял, так она была бела. Яков жил в Петрозаводске, приезжал сюда, она его проколдовала. Когда она пришла в семью, так над ней надрыгались⁵: не поймешь, мол, молодуха аль старуха. За водой на колодец посылали, смотрели, как она несет, а она хрома была»⁶. «За водой на колодец посылали» — это, видимо, отголосок свадебного обряда. В первое послесвадебное утро было принято молодую посыпать за водой. При этом вся деревня высыпала на улицу и смотрела, умело ли она несет воду. Это было одним из послебрачных испытаний, вместе с печеньем блинов, подметанием избы и т. д. Вдову, выходившую вторично замуж, да еще на тридцать четвертом году, не полагалось подвергать таким испытаниям, это воспринималось как нарочитое издевательство.

Весной 1865 года Я. И. Федосов отправился на зарплатки к Соловкам. Жизнь в федосовской семье без мужа оказалась совсем невыносимой. Кроме того, Яков Иванович попивал. Все это заставило И. А. Федосову настоять

¹ Жена дяди (по-видимому, дяди Я. И. Федосова). Если это так, то здесь речь идет о «большой» семье с боковыми родственниками в ее составе. Не исключено, что «дядина» могла быть «большухой» в этой семье, и Федосова, как младшая невестка (сноха), должна была ей повиноваться.

² Деверь, т. е. брат мужа — Тимофея Иванович Федосов.

³ Сварливы, бранчливы.

⁴ Барсов. Т. I. С. 321.

⁵ Издевались.

⁶ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 362.

на том, чтобы на следующий год он поехал плотничать в Петрозаводск, где уже бывал раньше, и взял ее с собой¹.

Так начался петрозаводский период жизни Федосовой, длившийся до 1884 года, т. е. двадцать лет. Как мы узнаем дальше, не исключено, что Федосова жила вблизи от Военной улицы, где находилось губернское воинское присутствие. В записанных от нее текстах рекрутских притчаний есть прямые свидетельства того, что она бывала свидетельницей драматических сцен, разыгрывавшихся у «принема» — приемного пункта рекрутов. С 1981 года Военная улица переименована в улицу Федосовой.

В Петрозаводске Федосовы устроились основательно. Когда через три года Барсов пришел в их дом, у Я. И. Федосова была уже своя столярная мастерская и даже какое-то число подмастерьев. «Я познакомился с ней,— писал Барсов впоследствии,— в великом посту 1867 года и тотчас же начал записывать от нее духовные стихи и старины; диктовать что-нибудь другое в это время она считала грехом. После пасхи я принялся за притчания»².

Барсов был не первым фольклористом, встретившимся с Федосовой. Как сообщает он в статье «Ирина Федосова и ее песнопения», опубликованной в газете «Московский листок» в 1896 году, первым записывал от нее П. Н. Рыбников. Это подтверждается и в статье Г. И. Куликовского³. В ней говорится, что он записал от Федосовой «несколько былин». Впрочем, не исключено, что Куликовский находился под влиянием статьи Барсова, которую мы только что упоминали.

Барсов неоднократно (и в те годы, и позже) говорил о себе как о продолжателе дела П. Н. Рыбникова по собиранию фольклора в Олонецкой губернии, что в известном смысле бесспорно. После Рыбникова Барсов — несомненно самая значительная фигура в истории собирания и изучения местного фольклора. Однако ясно и другое — Рыбников не знакомил Барсова с Федосовой, и, с другой стороны, если он и записывал от нее, то по каким-то причинам записей этих не публиковал, по крайней мере в его

¹ Таким образом, Федосовы, по-видимому, переехали в Петрозаводск в 1866 г. В монографии 1955 г. на с. 63 по моему недосмотру вкрадась опечатка — указан 1864 г., хотя перед этим сказано, что к Соловкам Яков Федосов ездил в 1865 г.

² Барсов. Т. I. С. 314.

³ Куликовский Г. И. Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве. Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 4. С. 2.

сборнике не обнаруживается записей, которые можно было бы с достаточным основанием приписать Федосовой. Известно также, что Барсов, до того как он начал действовать самостоятельно, передавал свои записи и вновь обнаруженные рукописи Рыбникову, и они были опубликованы в III томе «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым»¹.

Если бы Барсов познакомился с Федосовой через Рыбникова — а у него не было причин скрывать это, — могло бы еще раз подтвердиться то, чем он гордился, — что он продолжатель дела Рыбникова. Между тем в I томе «Причтаний Северного края» мы читаем: «Крестьянин Матвей Савельевич Фролов, у которого я стоял на квартире, когда служил в Петрозаводске, в разговорах со мной о разных олонецких старинах как-то сообщил мне, что у них, в Заонежье, очень жалобно причитают на свадьбах и похоронах, что там есть вопленицы на славу и слушать их собираются целые деревни; что он лично знает одну из таких воплениц — Ирину Андрееву, в деревне Кузаранде, за Яковом Федосовым. Я попросил во что бы то ни стало вызвать ее в Петрозаводск; оказалось между тем, что она уже несколько лет тому назад перестала ходить по свадьбам и похоронам и живет в самом Петрозаводске. Я отыскал ее и расспрашивал о причитаниях, но она решительно объявила, что ничего не знает и сказывать не умеет и с господами никогда не зналась. Однако ж благодаря посредничеству моего хозяина, который по старому знакомству уверил ее, что я человек не опасный, она откровенно признала, что знает очень многое, что с младости ей честь и место в большом углу, что на свадьбах ли песнь запоет — старики запляшут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный»². Через тридцать лет, в 1896 году, Барсов вспоминал об этих первых днях общения с Федосовой: «В отношении ко мне сколько она была недоверчива сначала, столько же сделалась откровенной впоследствии, но постоянно повторяла: «Не сошли ты меня на чужу дальнюю сторонушку»³.

Первые записи от Федосовой были сразу же опубликованы Барсовым в «Олонецких губернских ведомостях» под

¹ Подробнее см.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 68—69.

² Барсов. Т. I. С. 313—314.

³ Барсов Е. В. Олонецкая плакальщица//Современные известия. 1870. № 212. С. 4.

общим заголовком «Из обычаяв обонежского народа»¹. Великий пост, во время которого Барсов познакомился с Федосовой, длился в 1867 году с 26 февраля по 16 апреля. Записи же были напечатаны в № 11—14 Губернских ведомостей за этот же год (8 марта — 22 апреля). Таким образом, записи от Федосовой впервые появились в русской печати в 1867 году. В конце публикации значилось: «Все напечатанные здесь «стихи» записаны мною от Ирины Толвуйской».

Что же дает нам право приписывать эти записи Федосовой? Прежде всего — свидетельство самого Барсова. В речи, произнесенной на заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 3 января 1896 года перед выступлением Федосовой, Барсов говорил: «Все записанное мною в великому посту было издаваемо в «Олонецких ведомостях». Так, были записаны от Ирины Андреевны и тотчас же напечатаны былины о Чуриле Пленковиче и жене Берьмаса, о девяти братьях-разбойниках и обесцененной ими сестре, а также былина из разряда сказаний о злых материах, губительницах зазнобушки сыновей своих под заглавием «Софья».

В своей речи Барсов не назвал духовные стихи (они упомянуты им в предисловии к рассказу Федосовой о своей жизни, опубликованному в I томе «Причтаний Северного края») и балладу «Казань-город». Большинство духовных стихов, записанных Барсовым в 1867 году, были повторно записаны Агреневой-Славянской и опубликованы в III томе ее сборника. Всего в 1867 году было напечатано 14 текстов (10 духовных стихов, 1 былина и 3 баллады).

В этой публикации Барсов называет Федосову «Толвуйской», не сообщая ее настоящей фамилии. Скорее всего так принято было называть Федосову в Петрозаводске, поскольку она была уроженкой и жительницей Толвуйской волости. Приезжих часто так и называли.

И, наконец, следует объяснить, почему не только собственно духовные стихи, но и былина о Чуриле и три баллады как бы объединяются в «Олонецких губернских ведомостях» в один жанр — «стихи».

По старой бытовой традиции в пост нельзя было испытывать фольклорные произведения, относившиеся к самым различным жанрам. Исключение делалось для духовных

¹ Барсов Е. В. Из обычаяв обонежского народа//Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 11—14.

стихов, былин, старших исторических песен и баллад. Все вместе они назывались «стихи великопостные», т. к. в отличие от любовных песен, сказок и т. д. они оценивались как нечто серьезное, не греховное. С этим представлением приходилось встречаться еще в первые послевоенные годы и в Заонежье, и на Карельском берегу Белого моря.

Один из известнейших литературоведов и фольклористов того времени О. Ф. Миллер откликнулся на первую публикацию записей от Федосовой. В статье, опубликованной в «Журнале министерства народного просвещения», он писал: «Они... составляют главное, что появилось по части народной словесности в 1867 году»¹. О. Ф. Миллер рассматривал эти записи в их совокупности как небольшой фольклорный сборник. В исторической перспективе, разумеется, нельзя оценивать этот «сборник» столь высоко. Однако и запись, и публикация были выполнены согласно текстологическим требованиям тогдашней фольклористики. И в этом смысле Барсов тоже оказался преемником Рыбникова. Для нас важно, что это был первый отклик на записи от Федосовой в центральной печати. Однако заметим, что имя Федосовой, так же как в губернских ведомостях, здесь еще не называется.

Работа Барсова с Федосовой, как вспоминал он сам позднее, вызвала насмешки со стороны сослуживцев и неприязненное отношение начальства. Это его не смущало, он был уверен в ценности собираемого материала.

Запись текстов, составивших позже I том «Причтаний Северного края», продолжалась до ноября 1867 года. 26 ноября «Олонецкие губернские ведомости» известили читателей о том, что «членом Олонецкого губернского статистического комитета, учителем здешней духовной семинарии Е. В. Барсовым приготовлен к изданию первый том «Сборника заонежских заплачек»². Так, по-видимому, первоначально хотел назвать свой сборник Барсов. В этом отношении интересно еще и другое: речь идет о «первом томе». Следовательно, он уже думал о двух- или трехтомном издании. Возможно, что Барсов записывал в 1867 году не только похоронные, но и свадебные причитания. В упомянутом сообщении говорится только об этих двух разно-

¹ Журнал министерства народного просвещения. 1868. Т. III. С. 909.

² Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 47. В переписке с Обществом любителей российской словесности Барсов называет сборник «Олонецкая причеть». Название «Причтания Северного края» было принято Барсовым по совету А. Н. Пыпина.

видностях причети. В предисловии же ко II тому сборника Барсов относит запись рекрутских причитаний к 1868 году¹.

Барсов, вероятно, сразу же после первых записей причитаний от Федосовой задумал их издание отдельным сборником. Характерно, что в «Олонецких губернских ведомостях» он не публиковал причитаний, записанных от Федосовой, продолжая вместе с тем печатать другие материалы, которые доставлялись ему главным образом его учениками².

Если нам известно, когда примерно начал Барсов записывать от Федосовой, то темп, порядок, последовательность их работы восстановить труднее. Мы не знаем состава предполагавшегося «Сборника заонежских заплачек». Вовсе не обязательно думать, что он уже заключал в себе все, что находится в I томе «Причитаний Северного края». Мы только можем констатировать, что к отъезду Барсова в Москву в 1870 году записи от Федосовой были закончены. Работа, видимо, велась с перерывами. Они выяснены в монографии 1955 года по сообщениям Губернских ведомостей, в которых, как и в ведомостях других губерний, было принято сообщать об отъездах и возвращениях губернских чиновников в Петрозаводск³.

Вскоре после переезда в Москву Барсов представляет рукопись сборника в Общество любителей российской словесности (ОРЛС). Об истории сборника мы будем говорить в следующей главе. Сейчас отметим только один факт. В 1870 году в августе в известной московской газете «Современные известия» была опубликована статья Е. В. Барсова «Олонецкая плакальщица». Она была сразу же перепечатана в «Олонецких губернских ведомостях»⁴. Здесь вместе с отрывком из автобиографии Федосовой, на которую мы неоднократно ссылались, давался отрывок из «Плача о старости» — одного из самых замечательных плачей Федосовой. Более того, Федосовой и ее причитанию была специально посвящена редакционная передовая этого же номера. Следовательно, публикация Барсова оцени-

¹ Барсов. Т. II. С. 1. В. Г. Базанов в книге «Карелия в русской литературе и фольклористике XIX в. Очерки» безосновательно относит все записи к 1867 году (Петрозаводск, 1955. С. 233).

² Перечень публикаций Е. В. Барсова в эти годы см.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 69—70.

³ Там же. С. 73—74.

⁴ Современные известия. 1870. № 212; Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 4.

валась как значительное событие. При этом имелись в виду прежде всего социальная острота и актуальность «Плача о старости». Для истории русской фольклористики и шире — для истории русской культуры эта публикация тоже стала знаменательным событием — имя Федосовой было впервые названо в печати, опубликован (правда не полностью) первый текст из записанных от нее причитаний. Как увидим ниже, эта публикация не осталась незамеченной¹.

В 1872 году вышел из печати I том сборника причитаний. В печати — журналах и газетах — появились одна за другой рецензии и статьи. Знаменитые писатели Н. А. Некрасов и П. И. Мельников-Печерский меняют свои творческие планы в связи с его появлением. Проходит еще десять лет, и наконец появляется II том, в который вошли рекрутские причитания. В 1885 году выходит III том, заключающий в себе свадебные причитания. Трехтомник сразу же был признан одним из наиболее значительных сокращений русского фольклора, стал в один ряд с «Народными русскими сказками» А. Н. Афанасьева, собраниями П. И. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и др.

Что же происходило в это время в Петрозаводске? К сожалению, у нас нет об этом почти никаких сведений. Известно только, что Я. И. Федосов продолжал содержать столярную мастерскую. В связи с тем, что детей у них не было (двоих родившихся детей умерли малолетними), Ирина Андреевна и ее муж усыновили сына брата Якова Ивановича — Тимофея. Звали его Иваном.

Во введении к рассказу Федосовой о себе Барсов писал: «Оказалось между тем, что она уже несколько лет тому назад *перестала ходить по свадьбам и похоронам* и живет в самом Петрозаводске². Это утверждение вызывает сомнение. Переехав в Петрозаводск, Федосова действительно лишилась привычной кузарандской деревенской среды. Однако трудно поверить тому, что, живя двадцать лет в Петрозаводске, она не участвовала здесь в свадьбах, похоронах, проводах рекрутов и других событиях, при которых исполнялись причитания. Явственные следы жизни в Петрозаводске обнаруживаются только в рекрутских

¹ В. Г. Базанов в книге «Поэзия Русского Севера» пишет: «О знаменитой Ирине Федосовой Россия узнала только в 1872 г.». Как мы видим, это произошло на два года раньше.

² Барсов. Т. I. С. 313.

причитаниях, однако это ничего еще не доказывает. Быт петрозаводского простонародья скорее мало отличался от деревенского, и Федосова наверняка могла с успехом и здесь осуществлять свои функции вопленицы и подголосницы, не говоря уж о пении внеобрядовых песен.

Федосовы жили в эти годы, видимо, относительно хорошо. По крайней мере, так рассказывала об этом (со слов самой Федосовой или кого-нибудь из родственников) вдова Ивана — Анна Федоровна Федосова. Но это может означать, что им хватало на пропитание, не больше.

В 1884 году И. А. Федосова овдовела вторично¹. Содержать столярную мастерскую одна она не могла — оставалось вернуться в Кузаранду, в «мужчин угол». Потеряв все права в Кузаранде, Федосова не могла рассчитывать на помощь родственников. Продажа мастерской не поправила дела, а сбережений никаких не оказалось. Начались долголетние бедствия. Скудная мзда за участие в свадьбах не могла исправить положение. «Не сладка была жизнь у деверя,— писал с ее слов Барсов в 1896 году,— хлеб добывала она корзиною и обедала и ужинала за своим столом. Большуха не давала даже воды. «Принеси-де на своих плечах, а мы тебе не кормильцы, не поильцы»². К концу 80-х годов Федосова нищенствовала, временами нанималась в няньки. Правда, нищенство ее было своеобразным — соседи и односельчане считали своей обязанностью помогать ей. «Носили ей домой готовый кусок, как она прихрамывала», — вспоминает Г. В. Страфейков из дер. Лисицыно. Окруженная всеобщей любовью и уважением, она платила односельчанам дарами своего замечательного таланта.

В 80-е годы Федосова дважды встречалась с собирателями русского фольклора. В 1886 году известные фольклористы Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш были командированы в Олонецкую и Архангельскую губернии Песенной комиссией этнографического отдела Русского Географического общества для записи песен и их мелодий. Собиратели предполагали встретиться с Федосовой и произвести серию записей от нее. Однако Федосовой в Петрозаводске уже не было. Случайно она оказалась пассажиркой того же парохода, на котором Истомин и Дютш продолжали свой

¹ М. М. Михайлов в статье «Карельская причеть в новых записях» ошибочно утверждает, что Федосова не была вдовой (Русские плачи Карелии. С. 35).

² Новости дня. 1846. №. 4515.

путь из Петрозаводска по Онежскому озеру. Здесь же на пароходе была записана свадебная песня «Пивна ягода по сахару плыла»¹; дальнейшим записям помешала буря, разыгравшаяся в этот день на озере².

Осенью этого же года Федосова была вызвана О. Х. Агреневой-Славянской для записи мелодий свадебных песен и причитаний в ее тверское имение Кольцово. Кто рекомендовал Агреневой Федосову, как она решилась на такую поездку и как добралась до Кольцова, мы не знаем. Не исключено, что посредниками между Федосовой и собирательницей были Истомин и Дютш, знавшие о том, что Федосова живет в Кузаранде, или Барсов. На мысль о последнем наводит письмо Федосовой Барсову, хранящееся в его архиве³.

Среди лиц, от которых производились Агреневой записи, опубликованные в трехтомном «Описании русской крестьянской свадьбы», значится некая «нищая Ульяна из Петрозаводска». Не была ли она спутницей Федосовой? Мы не знаем, как долго прожила Федосова в Кольцово. Агренева в своем сборнике датирует только записи экс-промтов-величаний, помещенных в приложении к III тому. Даты эти охватывают время с 31 декабря 1886 года по 26 декабря 1887 года. Цензурное разрешение I тома состоялось 10 апреля 1887 года. Это тоже может быть косвенным указанием на то, что записи производились в основном в 1886 году.

Первые два тома сборника Агреневой представляют собой описание свадьбы и публикацию сопутствующих свадебному обряду песен и причитаний, причем за редкими исключениями это записи от Федосовой. В III томе — все, что Агреневой довелось записывать попутно, — былины, исторические песни, духовные стихи, похоронные при-

¹ Истомин Ф. М. и Дютш Г. О. Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894. IV. № 7; ту же песню в записи Барсова см.: Т. III. С. 253; Агреневой — Т. II. № 16.

² Отчет о поездке Истомина и Дютша см.: Истомин Ф. М. О причитаниях и плачах, записанных в Архангельской и Олонецкой губерниях//Живая Старина. 1892. III. С. 140; Новое время. 1892. № 5763; Олонецкие губернские ведомости. 1887. № 55.

³ Чистов К. В. Неизвестное письмо И. А. Федосовой//В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление традиций. М., 1976. С. 417—419. В. Калугин повторно публикует это письмо в своей книге «Герои русского эпоса» и по непонятным причинам сопровождает свою перепечатку примечанием «публикуется впервые! (с. 344).

читания, лирические песни, баллады, пословицы и поговорки. Печатался сборник в Москве и Твери в 1887—1889 годах¹.

Ход записи и обстановка, которой они сопровождались в Кольцове, нам тоже неизвестны. Можно лишь гадать, что означает экспромт, напечатанный под портретом Федосовой в I томе «Описания»:

Я ем да пью
Да и челом не бью;
Ем я досыта,
Пью я долюба;
В дело нос не ткну
Да и перстом не щелкну.

Федосова здесь, если мы только не преувеличиваем, говорит о том, что она в Кольцове бездельничает и никому «не бьет челом», и все-таки накормлена и напоена. Видимо, Агренева не так понимала этот экспромт, иначе она не стала бы его публиковать.

После возвращения из Кольцова в Кузаранду Федосова продолжала тянуть свою вдовью лямку. Приемный сын Иван, по-видимому, имел право на землю, однако немолодой уже женщине и мальчику было не под силу самостоятельно крестьянствовать. Приходилось сдавать участок в аренду, а самим перебиваться случайными заработками².

Новый этап в жизни Федосовой начинается с 1894 года. Это одновременно и последний период ее жизни, и вместе с тем годы ее наивысшей славы, когда известия о ней буквально не сходили со страниц не только местных, олонецких, но и столичных (петербургских и московских) газет.

Воодушевленный успехом своих поездок в Петербург и Москву с сыном знаменитого Т. Г. Рябинина Иваном Трофимовичем Рябининым, учитель петрозаводской женской гимназии Павел Тимофеевич Виноградов вспомнил о Федосовой, которая знакома ему была по сборнику Барсова. В июле 1894 года после окончания занятий в гимназии он отправился в Кузаранду и разыскал там ее³. Как писал Виноградов, когда он «котыкал ее в глухой деревушке и уговаривал ее ехать в Петербург, она обратилась к нему с просьбой написать под ее диктовку письмо. Ви-

¹ Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы. Москва — Тверь, 1887—1889. Т. I—III.

² Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 364 и др.

³ Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 65.

ноградов был поражен, когда увидел, что письмо вышло в стихах¹.

Виноградов действовал со свойственной ему энергией. Он договаривается со столичными обществами и учреждениями об организации вечеров с выступлениями Федосовой, произносит в Петрозаводске две речи о Федосовой — в мужской и женской гимназиях и печатает отчеты об этих публичных актах в «Олонецких губернских ведомостях»². Это были первые упоминания о Федосовой в печати 90-х годов прошлого века. В декабре того же года Федосова в сопровождении Виноградова выехала из Петрозаводска в Петербург.

Январь 1895 года был заполнен многократными выступлениями. Первоначально отъезд домой был назначен на 13 января. Однако обстоятельства сложились иначе. Председатель Песенной комиссии Русского Географического общества Т. И. Филиппов предложил Федосовой остаться в Петербурге и поселиться в его доме. Дело не только в том, что Филиппов хотел дать пристанище бедной крестьянке. Хотя, как известно, он охотно покровительствовал деятелям искусства (М. П. Мусоргский, В. В. Андреев и др.). Филиппов, судя по дальнейшему ходу событий, хотел способствовать выступлениям Федосовой в Петербурге. Об общественном, художественном и научном значении ее публичных вечеров мы еще будем говорить. Сейчас же важно отметить, что 1895 и 1896 годы прошли у нее довольно напряженно. Федосову наперебой приглашали выступить на своих заседаниях ученые общества и ученые учреждения, школы, частные дома, публичные залы (Соляной городок). Сообщения об этих выступлениях непрерывно печатаются на страницах петербургских газет и журналов. В конце января 1895 года Федосова через газету «Новости и биржевая газета» выразила готовность выступать с исполнением былин, песен и причитаний в частных домах Петербурга. «Нас просят заявить, — писала газета в отделе «Хроника», — что находящаяся в Петербурге «сказительница» народных былин и вопленица Ирина Федосова проживает в квартире государственного контролера тайного советника Т. И. Филиппова; лиц, желающих пригласить Федосову к себе для пения, просят обращаться к швейцару (Мойка, 74)»³.

¹ Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 49. С. 2.

² Там же. 1894. № 64 и 65.

³ Новости и биржевая газета. 1895. № 20.

Н. А. Федосова в Соляном городке
(Петербург, 1895 г.)

И. А. Федосова в Петербурге в 1890-е годы

Второй цикл ее выступлений состоялся в конце 1895 — начале 1896 года в Москве. В декабре 1895 года Ирина Андреевна в сопровождении Виноградова выехала в Москву. В сочельник — 24 декабря — состоялся ее первый «вечер», на этот раз в более узком, но весьма профессиональном кругу — на квартире у крупнейшего фольклориста конца XIX века академика В. Ф. Миллера. Затем последовали, как это было и в Петербурге, выступления на заседаниях ученых обществ и на открытых вечерах в Историческом музее.

После возвращения из Москвы Федосова получила приглашение выступить в концертном зале готовившейся Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде. Открытие ее было намечено на 28 мая 1896 года.

Перед отъездом в Нижний Новгород Федосова побывала на родине. 3 марта она вместе с Виноградовым приехала в Петрозаводск¹, а 6 мая состоялось ее публичное выступление в зале Мариинской женской гимназии, в которой Виноградов был учителем русского языка и словесности².

В 1948—1949 годах, когда собирались воспоминания о Федосовой, кузарандцы старшего поколения еще помнили этот приезд Федосовой или рассказывали о нем, ссылаясь на своих старших родственников³.

Федосова, приехав домой, застала своих родных в бедственном положении. Ее воспитанник Иван, после ее отъезда в Петербург переселившийся к родным, потерял всякие шансы на самостоятельность. Он был работящим, честным, но не очень предприимчивым. В этот приезд Федосова была иначе, чем раньше, принятая овдовевшей и рас терявшей семью «большухой» (женой Тимофея Федосова?). Теперь большуха связывала с нею надежды поправить хозяйство. Незлопамятная Федосова действительно помогла родным. Сборы от публичных выступлений в Петербурге и Москве позволили ей вернуть часть сданных в аренду участков, обновить нехитрый крестьянский инвентарь, женить воспитанника и снабдить его деньгами на первый случай.

Чрезвычайно характерно и, мы бы сказали, совершенно замечательно то, что кроме естественной заботы о своих

¹ Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 17.

² Там же. № 18 и 19.

³ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 361—369.

родных Федосова подумала и об общих делах своих односельчан. Кроме помощи беднейшим соседям она пожертвовала 300 рублей на строительство школы для кузарандских детей.

Для того чтобы оценить этот поступок, надо вспомнить о том, что сама она была неграмотной и всего полтора-два года назад жила весьма бедно. Констатируя этот факт, мы опираемся как на сообщение печати, так и на свидетельства очевидцев. Еще в 1895 году газета «Новое время» писала: «В селе Кузаранде (Олонецкой губ. Петрозаводского у.), где проживает И. А. Федосова, учреждается библиотека ее имени, на образование которой отчислено от сборов, поступивших 8 и 10 января в Соляном городке»¹. Во вновь отысканной статье Д. Т. «Народный певец — Ирина Андреевна Федосова» в журнале «Детское чтение» в № 3 за 1895 год тоже говорится о читальне: «За один первый раз собрала денег около 300 рублей — соберут и еще больше. Часть сбора пойдет на устройство бесплатной читальни в родном селе Ирины Андреевны. И читальня эта так и будет называться: «Читальня Ирины Андреевны Федосовой», чтобы во всей округе на вечные времена помнили имя сказительницы»².

В очерке А. Н. Толиверовой в журнале «Игрушечка» сообщается: «Ирина Андреевна в разговоре со мной очень жалела, что она неграмотна, а потому все деньги, которые она здесь выручила, т. к. учитель (т. е. П. Т. Виноградов. — К. Ч.) устраивал вечера с платою за вход, она пожелала отправить на свою родину, чтобы на них была устроена школа»³.

Таким образом, в ранних сообщениях (1895 года) речь дважды идет о читальне, в очерке же А. Н. Толиверовой уже упоминается школа. Не исключено, что это отражает изменение или, лучше, уточнение замысла. Интересно, что он возник сразу же после первых выступлений в Петербурге. Итак, замысел подтвержден трижды, но был ли он осуществлен? Возможно, что мы об этом так и не узнали бы, если бы не располагали воспоминаниями, записанными в 1948 году от Федора Ильича Прохорова, который молодым учителем приехал в Кузаранду в 1895 году. Он вспоминал: «Учительствовал в Кузаранде десять месяцев

¹ Новое время. 1895. № 6; Свет. 1895. № 7.

² Детское чтение. 1895. № 3. С. 407. Сведения об этой статье сообщены нам Е. О. Путиловой. Пользуемся случаем, чтобы выразить ей благодарность.

³ Игрушечка. 1895. № 8. С. 376.

в 1895 и 1896 году. Видел Ирину Андреевну Федосову в 1896 году, когда она приезжала домой на побывку. В этот приезд она пожертвовала 300 рублей на постройку школьного здания. По тем временам это были огромные деньги, вполне достаточные на оборудование школы. До 1896 года школа в Кузаранде не имела специального здания, для занятий нанимали частные дома.

Ирина Андреевна была старушка невысокого роста, хромая. Я ходил к ней благодарить за пожертвование на школу. Встретила она меня очень приветливо, любезно. Побеседовали о школе — расспрашивала, сколько учеников, как учатся, как родители относятся к школе. Была недовольна, что мало учится девочек, говорила: «Ты девочек, девочек больше учи». А школа в то время была маленькая. Когда я приехал — в школе училось 12 человек, и ни одной девочки. (Дикаревский, который учительствовал до этого, сильно пил, детей ему боялись отдавать учиться.) Я ходил по деревням, собрал около 50 человек. Она меня хвалила за это»¹.

В Кузаранде Федосова пробыла меньше двух месяцев. За это время она успела заняться еще одним общественным делом. Кузарандцы в 1948 году вспоминали, что после реформы 60-х годов XIX века они лишились права рубить лес на пудожском (т. е. восточном) берегу Онежского озера. В Заонежье уже в то время леса не хватало, особенно соснового, строительного. Хлопоты о возвращении кузарандцам права на лесную дачу не давали результатов до середины 90-х годов. Федосова взяла хлопоты на себя. Они увенчались успехом, вероятно, не без помощи Т. И. Филиппова. В том же году кузарандцы получили извещение о том, что лесная дача «за Онегом» им выделена².

Эти факты — пожертвование на постройку школы и хлопоты о лесной даче — чрезвычайно интересны.

Большинство земляков Федосовой, от которых были записаны воспоминания в 1948 году, помнили ее лишь в последние пять лет жизни, т. е. в приезд в 1896 году (два месяца) и в 1899 году (два-три месяца), когда Федосова была уже больной. Следовательно, они знали ее всего четыре-пять месяцев. Большинству из них в 1896 году было десять—пятнадцать лет. Следовательно, прочность их воспоминаний объясняется не длительностью их общения

¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 361.

² Там же. С. 363—367.

с Федосовой, а большой популярностью Федосовой в Заонежье и в какой-то степени необычностью ее судьбы — интересом к ней собирателей, ее поездками и переселением в Петербург, вознаграждением за выступления, подарками, которые она получала от ученых обществ (золотые часы), благодарственной грамотой, которую привезла с собой в Кузаранду, и т. п., столь небывалыми в крестьянском быте Заонежья. Однако все эти обстоятельства перекрываются бесспорным уважением и добной славой, которыми она пользовалась у земляков, памятью о ее добродете и участливости. Так, И. С. Горелкина из кузарандской деревни Великая Нива вспоминала: «Почет ей был ото всех. Была она обходительная со всеми, рассудительная. Но ходила (причитывать.— К. Ч.) не для заработка, а интересовалась людьми всеми»¹. Об этом же говорит и Ф. И. Прохоров: «Крестьяне относились к ней очень хорошо, ставили ее высоко»². В. М. Комляков из кузарандской деревни Юсова Гора вспоминал: «Ее очень уважали. Она очень самостоятельная женщина была, но не гордая»³. А. Ф. Ромбачев: «Она в чести была здесь... Хороша, хороша была старуха»⁴. И, конечно, кузарандцы прежде всего рассказывали о Федосовой как о большом знатоке фольклора и мастерице причитывать. Особенно выразительно говорил об этом В. М. Комляков: «Она ходила по свадьбам, приглашала. Припевки у ей хороши были... Она не только повторяла, но была такая расторопная, сама много складывала; такой еще не было, да и не будет, как это все из моды вышло»⁵.

Третий значительный цикл публичных выступлений Федосовой приходится на июнь—июль 1896 года. 24 мая Федосова и Виноградов выехали из Петрозаводска и 5 июня приехали в Нижний Новгород⁶. Первое выступление состоялось 9 июня. На этом вечере был А. М. Горький, и после выступления они познакомились. 11 июня состоялся второй запланированный вечер в концертном зале выставки. Затем был некоторый перерыв, во время которого Федосова и Виноградов успели съездить в Казань,

¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 369.

² Там же. С. 361.

³ Там же. С. 365.

⁴ Там же. С. 367.

⁵ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 364—365.

⁶ Волгарь. 1896. № 54. Нижегородская почта. 1896. № 21—23.

где она выступала несколько раз в зале Городской думы, в школах и т. д.¹.

18 июня они возвратились в Нижний Новгород. Местная печать объявила, что «сеансы» Федосовой будут каждое воскресенье. Кроме того, в будни она несколько раз выступала на бесплатных публичных вечерах в зале реального училища². Первоначально предполагалось, что 23 июня состоится последнее выступление в Выставочном зале. Однако 26 июня газеты сообщили, что «сеансы» продолжатся до конца июля³. В «Нижегородской почте» объявлялось: «Известная олонецкая «вопленица» Ирина Федосова, как мы слышали, по желанию администрации Всероссийской выставки остается еще на один месяц в Нижнем Новгороде. Она выступит еще несколько раз в Выставочном концертном зале»⁴.

В конце июля 1896 года Федосова возвратилась в Петербург, чтобы почти на три года поселиться в доме Т. И. Филиппова. Сообщения о ее жизни или выступлениях в Петербурге в это время до сих пор не обнаружены. Дальнейшие поиски, может быть, и приведут к выявлению новых фактов, но бесспорно то, что Федосова перестала привлекать столь пристальное внимание печати, перестала быть сенсацией. Выступала ли она где-нибудь в эти годы, мы не знаем. В связи с этим возникает вопрос: почему же она поселилась в доме Т. И. Филиппова? Если первоначально это могло быть связано с его желанием обеспечить возможность ее дальнейших выступлений — мотив для искреннего любителя фольклора и мецената, председателя Песенной комиссии Русского Географического общества вполне понятный, то для второй половины 1896 года и последующего времени этот мотив, был, вероятно, не главным. Разумеется, Филиппов мог руководствоваться и чисто человеческими мотивами — желанием предоставить кров стареющей талантливой женщине, поразительному «осколку старины», которую он столь ценил. Но не исключено, что именно в это время продолжалась работа над новым изданием записей от Федосовой. Зарождение замысла подобного сборника следует отнести, скорее всего, к 1894 го-

¹ Волжский вестник. 1896. № 134 и 137; Камско-Волжский край. 1896. № 138 и 141; Казанский телеграф. 1896. № 1034 и 1035; Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 46.

² Волгарь. 1896. № 71; Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 49.

³ Волгарь. 1896. № 71.

⁴ Архив АН СССР. Ф. 9. Оп. 1. № 806. Нижегородская почта. 1896. № 40 и 43.

ду, времени первой встречи Виноградова с Федосовой. По крайней мере, в январе 1895 года Виноградов сообщает о наличии у него уже значительного числа записей, которые в общей сложности составляли 2842 строки¹. Для сравнения упомянем, что 1 том сборника Барсова заключал в себе 9425 строк.

О намерениях Виноградова записывать фольклор и побудить к этому учителей заонежских школ вспоминал и упоминавшийся выше кузарандский учитель Ф. И. Прокоров: «В эти годы (1895—1896) приезжал в Кузаранду и Виноградов, Павел Тимофеевич. Говорил со мной около часа. Советовал записывать былины и передавать ему. Очень интересовался. Пожалуй, был единственный в губернии. Впрочем, интересовалась этим делом и сестра его жены Анна Михайловна Солнышкова — учительница словесности женской гимназии. Сама исполняла былины и выступала с их пением. Виноградов специально обезжал Заонежье, беседовал с учителями и врачами, возбуждал интерес к народному творчеству»².

Следующий цикл записей относится, по-видимому, к февралю — декабрю 1895 года. В конце этого года «Олонецкие губернские ведомости» сообщают: «Есть слухи, что готовится новое полное издание всего, так сказать, репертуара Федосовой, в которое войдет весь тот песенный запас, который хранится в ее феноменальной памяти»³. Возможно, что в это время произошла передача записей Виноградова Филиппову, так как в дальнейшем имя Виноградова не фигурирует. Так, например, в корреспонденции в «Одесских новостях» А. М. Горький писал: «В скором времени государственный контролер Филиппов — любитель и знаток древней русской поэзии — выпустит четыре тома импровизаций, причитаний, воллей, былин, духовных, обрядовых и игровых песен Федосовой»⁴. Слова эти в очерке Горького вкладываются в уста Виноградова, который произносил вступительное слово перед выступлением Федосовой 9 июня 1896 года в концертном зале Нижегородской выставки. В марте 1896 года «Олонецкие губернские ведомости» говорят о трех томах и 30 000 строках — цифре, которая повторяется во многих газетных сообще-

¹ Новости дня. 1895. № 4156.

² Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 362.

³ Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 18.

⁴ Горький М. С Всероссийской выставки. Гл. «Волепница»//Одесские новости. 1896. № 3660.

ниях того времени, включая и очерки А. М. Горького. Кстати, эту же цифру Горький неоднократно называет и в более поздних своих упоминаниях о Федосовой¹. Дальнейшая история этого неосуществившегося сборника не поддается восстановлению. Следы его не обнаруживаются ни в архивных фондах Филиппова, ни Виноградова. Ничего определенного не помнят о нем и родственники Виноградова. Известный советский фольклорист А. М. Астахова, которая была его дальней родственницей, обращалась по нашей просьбе к одной из его племянниц. Последняя припомнила, что Виноградов в годы гражданской войны неоднократно менял места своего жительства и бережно хранил какую-то рукопись, содержание которой она не знала. По не вполне достоверным сведениям он скончался в Ростове-на-Дону во время какой-то эпидемии. В целом же можно предполагать, что выходу сборника помешала смерть Филиппова, последовавшая в 1899 году.

Итак, со второй половины 1896-го до 1899 года у нас нет никаких сведений о жизни Федосовой в Петербурге. По воспоминаниям ее земляков, она, кажется, в эти годы не приезжала в Кузаранду.

Весной 1899 года Федосова почувствовала себя нездровой и решила вернуться в дер. Лисицыно. Здесь она разболелась еще сильнее. 10 июля 1899 года Федосова скончалась и была похоронена на кладбище у дер. Юсова Гора в Кузаранде на берегу Онежского озера². В 1948 году ее невестка А. Ф. Федосова смогла только примерно сказать, где была могила ее свекрови. В 1981 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения И. А. Федосовой, на этом взгорке был установлен гранитный памятник, хорошо видный с озера. На нем начертано: «Здесь покоятся прах великой народной поэтессы Федосовой Ирины Андреевны. 1831—1899».

¹ См.: например: *М. Горький. На краю земли//Наши достижения. 1930. № 1. С. 11.* Цифра эта не вызывает недоверия — в трех томах «Причтаний Северного края» содержится 27 344 строки.

² *Благовещенский И. И. А. Федосова (некролог)//Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 73. Э. Малер ошибочно утверждает, что И. А. Федосова умерла в Петербурге в доме Т. И. Филиппова (Mahler E. Die russischen Totelklagen... s. 84).*

«ПРИЧИТАНЬЯ СЕВЕРНОГО КРАЯ, СОБРАННЫЕ Е. В. БАРСОВЫМ»

Академику Л. Н. Майкову принадлежат проникновенные рецензии на I и II том «Причтаний Северного края»¹. Обсуждая I том, он обратил особое внимание на социальную остроту опубликованных текстов, и вместе с тем он одним из первых оценил творческую индивидуальность Федосовой. В рецензии на II том, которая была первым исследованием о Федосовой в истории русской фольклористики, эта мысль получила дальнейшее развитие. Майков называет тексты II тома «поэмами», а Федосову — «народной поэтессой». Он тщательно выписывает все сведения о ней, содержащиеся в I томе. «Уже по этим немногим чертам,— пишет он в рецензии,— можно видеть, что Ирина Федосова — личность необыкновенная, натура даровитая, способная к творчеству, и это еще больше убеждает нас в предположении, что в плачах, от нее записанных, следует допустить известную долю личного создания и видеть нечто большее, чем обыкновенные народные причитания. Г. Барсову следует поставить в большую заслугу, что он по всей справедливости оценил эту народную женщину — поэта и отвел ей главное и почетное место в своем сборнике»².

Почти через десять лет — 3 января 1896 года — перед выступлением Федосовой на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в зале Политехнического музея в Москве было произнесено две речи. Первую из них — Барсова — мы знаем по изложению в двух вариантах. Первый из них — статья «О записях и изданиях «Причтаний Северного края», о личном творчестве Ирины Федосовой

¹ Журнал министерства народного просвещения. М., 1872 С. LXIV. Декабрь. С. 388—399. Там же. Т. XXIII. С. 415—424.

² Отчет о 28-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1886. С. 75.

и хоре ее подголосниц», которая, видимо, готовилась к не- завершенному III тому и была использована в качестве речи на упомянутом заседании. На ее экземпляре, храня- щемся в архиве Барсова, обнаруживается надпись. «Речь эта была читана в публичном заседании этнографического отдела императорского Общества естествознания, антропо- логии и этнографии в присутствии самой Ирины Федосо- вой»¹. Кроме того, в том же году эта статья в более крат- ком изложении была опубликована в газете «Московский листок»². И в речи, и в статье содержатся ценные сведе- ния для восстановления истории всех трех томов, поэтому в монографии 1955 года и в настоящей книге мы постоянно к ней прибегали и будем прибегать³. Полный текст речи опубликован в 1975 году О. Б. Алексеевой в журнале «Русская литература» (№ 3. С. 131).

Статья эта появилась под влиянием поездок и выступлений Федосовой в 1895—1896 годах. В журнальных и га- зетных статьях этого времени обсуждались не проблемы изучения причитаний, как это было в начале 70-х годов, когда причитания только что были открыты для науки, а главным образом впечатления от выступлений Федосо- вой, особенности ее исполнительского мастерства, ее лич- ность и т. д. Барсов не мог не принять в этом участия. Он был первым, записавшим от нее, ему принадлежала за- слуга подготовки и издания прославленных «Причитаний Северного края». Естественно, в статье, которая должна была заключать III том сборника и которая читалась на заседании как речь, было уделено внимание прежде всего истории сборника (со времени первой встречи Барсова и Федосовой в Петрозаводске прошло тридцать лет) и лич- ности Федосовой.

Второе вступительное слово принадлежало В. Ф. Мил- леру. В теоретическом отношении оно представляет особен- ный интерес. Фольклорист и диалектолог, составитель известного олонецкого диалектологического словаря Г. И. Куликовский именно поэтому вмонтировал его цели- ком в свою статью, опубликованную в 1896 году в «Оло- нецких губернских ведомостях»⁴. Мы еще вернемся к этой

¹ Архив Гос. Ист. музея. Ф. 450. См. также: Барсов Е. В. О за- писях и изданиях «Причитаний Северного края». С. 128—139.

² Московский листок. 1896. № 3.

³ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 71—72, 73, 74, 75, 77, 111, 117, 118, 130, 343.

⁴ Куликовский Г. И. Олонецкая народная поэтесса Ирина Федо- сова в Москве//Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 4.

статье и ее значению в истории русской фольклористики.

Итак, формула, впервые предложенная Л. Н. Майковым — «народная поэтесса», получила в речи В. Ф. Миллера новое обоснование.

Эта формула фигурирует и в статье известного литературоведа и фольклориста, издателя сборников Афанасьева и Рыбникова А. Е. Грузинского «Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова». Грузинский не впервые обратился к Федосовой. В 1895 году вышла его книга «Десять чтений по литературе»¹. Здесь в статье «Народные певцы», написанной еще до встречи с Федосовой, он наряду с другими исполнителями фольклора характеризует ее по материалам I тома сборника Барсова. В 1896 году ему удалось побывать на вечере Федосовой на квартире у В. Ф. Миллера. Федосова произвела на него сильное впечатление. В упоминавшейся выше статье он не только дает одно из лучших описаний исполнительского мастерства Федосовой, но и сравнивает ее судьбу с судьбой немецкой крестьянки — поэтессы Иоганны Амброзиус. Он отмечает несравненно большую одаренность Федосовой. Вместе с тем, подчеркивает он, общественные условия складывались так, что судьба Федосовой была несравненно более трагической, чем у Иоганны Амброзиус,— до конца дней своих она оставалась неграмотной крестьянкой, известной сравнительно узкому кругу любителей народной словесности².

Итак, к концу XIX — началу XX века сложилась довольно устойчивая традиция называть Федосову «народной поэтессой». Примечательно, что этой традиции следует и А. М. Горький. Мы уже говорили о том, что он называет Федосову в своих очерках 1896 года и в позднейших упоминаниях «народной поэтессой», «истинно народной поэтессой» и т. д.

Значит ли это, что всех, кого мы в этой связи назвали, объединяло единое понимание природы фольклора, причитаний и характера (как это было принято одно время называть) «личного вклада» Федосовой? Очевидно, что это не так. Л. Н. Майков выделял Федосову как талантливую исполнительницу. Барсова она интересовала как знаток традиционных причитаний и в то же время как «выразительница горя народного». В. Ф. Миллеру пример Федо-

¹ Грузинский А. Е. Десять чтений по литературе. М., 1895. Об А. Грузинском см.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. С. 421.

² Он же. Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова. С. 6.

совой представляется поучительным, т. к. он помогает расстаться с романтическим, по его мнению, представлением о коллективности народного творчества. Горькому и Грузинскому она интересна как выдающийся носитель разрушающейся под влиянием капиталистического развития традиционной народной культуры и талантливый человек из народа, как антипод декаданса.

Наша монография 1955 года была также названа «Народная поэтесса И. А. Федосова». Какой же смысл следует вкладывать в это словосочетание с точки зрения современной фольклористики?

Для ответа на этот вопрос необходимо не только обратиться к истории возникновения сборника, который прославил Федосову, и сопоставить записанные от нее тексты с причитаниями других севернорусских, и прежде всего олонецких, воплениц, но и должным образом оценить особенности бытования и воспроизведения текстов причитаний, особенности причитаний как жанра. Но прежде обратимся к обозрению того, что исполняла Федосова.

Наши знания о ее репертуаре (так в фольклористике принято называть совокупность того, что знает и исполняет тот или иной сказочник, певец и т. п.) основываются на учете всего опубликованного и на сведениях о том, что она пела или причитывала при публичных выступлениях в 1895—1896 годах по данным периодической печати этих лет. Разумеется, имеющиеся сведения не могут претендовать на полноту, однако они в целом дают верное представление о характере ее репертуара.

В Приложении II к монографии 1955 года был опубликован сводный список всего записанного от Федосовой¹. Он содержит указания на 124 текста причитаний, песен и духовных стихов, 127 пословиц и поговорок, одну сказку и полный цикл свадебных причитаний, составивших III том сборника Барсова. Свадебные причитания мы не включили в общее число текстов, т. к. они составляют единый и труднорасчленимый текст (у Барсова группы строк распределяются по этапам свадебного обряда — «сговорные», «баенные» и т. д.). Известно, что один текст, который исполнялся на вечерах в Петербурге и, может быть, в других городах, остался незаписанным. Это историческая песня о гневе Грозного на сына. Кроме того, три текста свадебных песен, записанных Барсовым, не были опубликованы. Печатание III тома не было завершено. Они хра-

¹ Чистоэ К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 346—349.

нятся в архиве Барсова в Государственном Историческом музее¹.

Таким образом, если не считать единственную сказку (в этом смысле репертуар Федосовой, конечно, оказался далеко не исчерпанным) и пословицы и поговорки, записанные мимоходом, все остальные тексты делятся на две неравные части: меньшую — песни и большую — причитания.

Песни, записанные от Федосовой (63), в свою очередь распадаются на три подгруппы — свадебные, рекрутские (и солдатские) и внеобрядовые — игровые, беседные (т. е. связанные с молодежными вечорками), хоровые и т. п. Знание свадебных песен (их записано 17) было вполне естественным для песенницы, привыкшей выступать в качестве свадебной подголосницы и «правительницы свадеб». Рекрутские и солдатские песни (10) тоже не выделяют Федосову как исполнительницу. Остальные 36 — внеобрядовые, как правило, хорошо сохранившиеся, как, впрочем, и песни других подгрупп. Во всех этих случаях мы не можем быть уверенными, что собирателями были записаны все тексты, которые могла воспроизвести Федосова. И Барсов, и Агренева-Славянская стремились записывать прежде всего причитания. Все остальное фиксировалось попутно. С другой стороны, 63 песни — это довольно много, и только от некоторых исключительных песенников записывалось больше.

Во всех этих жанрах Федосова выступает как знаток и исполнитель. Тексты подобных песен, разумеется, тоже варьируют, но обычно не от исполнителя к другому или тем более при каждом исполнении; просто в разных селениях, уездах и губерниях бытуют более или менее отличающиеся друг от друга варианты. Песни исполняются хором, и это ведет к относительной устойчивости текста. Индивидуальность певца при этом может выражаться не в каких-то изменениях текста, варьирует обычно вокальная трактовка текста, манера его исполнения, текст, который исполняет запевала, и т. д.

Следовательно, если бы мы знали только записи песен Федосовой, не было бы оснований называть ее «народной поэтессой». Песни, которые она исполняла, были восприняты («поняты») от других певцов, они были традиционными. От одного рассказчика или певца (певицы) к другому (другой) передавался определенный текст, который

¹ Архив Гос. Ист. музея. Ф. 52 074.

в какой-то мере мог варьироваться (больше — сказки и былины, меньше — песни, исполнявшиеся хором). Все писавшие о «сеансах» или «вечерах» Федосовой в русских городах в 90-е годы XIX века высоко отзываются о ее исполнительском мастерстве (среди них были Горький, Шаляпин и др.), но это именно *исполнительское мастерство*. В этом смысле она заслуживала названия «народная певица», «песенница» («песельница»), но не «народная поэтесса».

Правда, следует сделать одну оговорку. Мы уже цитировали то место из речи В. Ф. Миллера, где он со слов Федосовой рассказывал, как она по просьбе девушек, которым надоедали старые песни, сочиняла для них новые. К сожалению, мы не знаем этих «новых» песен Федосовой. Можно не сомневаться в том, что эти песни существовали. Можно не сомневаться также в том, что это были песни, сочиненные в духе традиционных. Выделить одну такую песню из состава записанных или записать нечто подобное от земляков Федосовой до сих пор не удалось. Расспросы о песнях, сочиненных Федосовой, были ее землякам непонятны, или они начинали рассказывать о том, как она причитывала.

Во второй группе текстов — в причтаниях, записанных от Федосовой, она выступает в совсем иной роли. Мы уже говорили о том, что причтания, особенно похоронные, при каждом исполнении импровизировались (воссоздавались) заново, но, разумеется, по совершенно определенным правилам, в традиционной стилистической манере и при активном использовании богатейшего запаса не только традиционных, но и ритуально-обязательных словесных формул. Тексты причтаний на одну и ту же тему (плач по мужу, отцу, сыну, дочери и т. д.) не были вариантами по отношению друг к другу. Их каждый раз заново компоновали, они были следствием применения общих правил (композиции, поэтики) в конкретной ситуации похорон, проводов рекрута, свадьбы в этой деревне, в этой семье, в этом кругу родственников. Таким образом, воспроизвился не относительно устойчивый текст, а сам процесс оплакивания. Реальный же облик текста зависел от даровитости исполнительницы.

Можно и нужно удивляться тому, что в сравнительно еще недавнем прошлом каждая русская крестьянка должна была уметь, и за весьма редкими исключениями умела, в необходимом случае причитывать импровизированными стихами, т. е. слагать своеобразные стихотворные элегии,

обязательные при исполнении похоронного, рекрутского или свадебного обряда. Но, разумеется, так же как в европейских средневековых университетах или в русских духовных семинариях XVIII века, где каждый студент должен был уметь сочинять стихи («вирши») и владеть приемами элоквенции — красноречия, далеко не все студенты были талантливыми и даже просто мало-мальски одаренными, так и крестьянки — все умели приплакивать, но рядовые, обыденные заплачки далеко не всегда были значительными поэтическими произведениями. Большинство из них представляло собой ритуальное использование традиционных формул в порядке, который подсказывался ходом обряда. Их общая поэтическая ценность не превосходила ценности отдельных отработанных традицией формул. Даровитые же вопленицы, опираясь на традицию, творили каждый раз истинную поэзию. Различие причитаний, которые создавались одаренными и более заурядными в этом отношении женщинами, было значительно большим, разительным, существенным, чем различие текстов песен или даже сказок, былин, записанных от рядового исполнителя и мастера-певца или сказочника.

Совсем недавно в сборнике «Традиции русского фольклора» появилась статья В. И. Харитоновой «Специфика вариативности причети»¹. Она весьма интересна стремлением автора выявить специфику вариативности причитаний экспериментальным путем, т. е. опираясь на организованные «в поле» повторные записи причитаний от одних и тех же исполнительниц или воспользовавшись более ранними записями от тех же исполнительниц или их прямых предшественниц. Следует пожалеть, что подобные экспериментальные исследования не были осуществлены в то время, когда традиция причети была еще полнокровной. Поэтому возникает вопрос: можно ли распространять выводы, полученные в процессе современного эксперимента в условиях затухающей традиции, на причитания XIX — начала XX века? Кроме того, выводы автора странным образом в равной степени распространяются на все

¹ Харитонова В. И. Специфика вариативности причети//В сб.: Традиции русского фольклора. Изд. МГУ: М., 1986. С. 148—175. Следует отметить скучность библиографии по общим вопросам теории вариативности, которая характерна для этой статьи. Более полно см.: Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста//В сб.: История, культура, этнография, фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 164—169. Он же. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. С. 146 и др.

разновидности причети — похоронную, свадебную, рекрутскую, внеобрядовую и т. д. Видимо, это произошло потому, что В. И. Харитонова жанровыми разновидностями причети считает не группы текстов, объединенных одинаковыми (или, по крайней мере, сходными) ритуальными и бытовыми функциями (они почему-то называются «тематическими разновидностями»¹), а различной степенью импровизационности или «заученности» («причети-формулы», «причети-песни» и «причети-импровизации»). Вне этих трех «жанров» будто бы находятся тексты, создававшиеся «олонецкими — «профессиональными вопленицами»². Что последнее означает — неизвестно. Давно выяснено, что русский фольклор не знал профессиональных исполнителей. Это в равной степени касается и былин, и сказок, и лирических песен, и причитаний. Кого можно было бы зачислить в этот мнимый разряд «профессиональных воплениц»? Видимо, Федосову. Кого же еще — Н. С. Богданову? Больше, вероятно, и некого. Но и они профессионалами в подлинном смысле этого слова никогда не были. Они были крестьянками, вовсе не выделявшимися в своей среде по характеру своих основных, крестьянских жизненных занятий.

Следует пожалеть, что интересная статья оказалась отягощенной предвзятыми и не основанными ни на каких фактах идеями.

Еще А. М. Астахова в 1966 году в статье «Импровизация в русском фольклоре (ее формы и границы в разных жанрах)» писала о различном сочетании стабильности и импровизационности в разных жанровых разновидностях причети. Она совершенно справедливо указывала на наибольшую сравнительную стабильность текстов свадебных причитаний, ограниченную импровизационность рекрутской причети и наибольшую импровизационность причети похоронной и внеобрядовой³. Ю. Г. Круглов, специально изучавший свадебные причитания на обширном материале, подтвердил эту мысль. Он показал значительную устойчивость свадебных причитаний, хотя вовсе не говорил, как утверждает В. И. Харитонова, о полном «отсутствии импровизирования» в свадебной причети⁴. Свою статью «Об

¹ Харитонова В. А. Специфика вариативности причети. С. 172.

² Там же. С. 148, 164, 165, 167, 172 и др.

³ Астахова А. М. Импровизация в русском фольклоре (ее формы и границы в разных жанрах)//В сб.: Специфика фольклорных жанров//В сер. Русский фольклор. Т. Х. М.; Л., 1966. С. 72—74.

⁴ Харитонова В. И. Специфика вариативности причети. С. 172.

импровизационном характере свадебных причитаний» он заканчивает следующим образом: «Подводя общий итог всему предшествующему анализу (построенному, кстати сказать, тоже на экспериментальной основе, что, по существу, отрицается В. И. Харитоновой.— К. Ч.), можно сказать, что свадебные причитания по своей сущности не импровизационный жанр, а традиционный. Так как пафос нашей работы заключался в отрицании импровизационности свадебных причитаний, то вполне естественно мы лишь вскользь говорили о традиционности (подробный анализ традиционности — задача другого исследования). Сейчас же важно отметить, что свадебные причитания, будучи фольклорным и в то же время традиционным жанром, не были лишены импровизации, свойственной, как известно, вообще всем традиционным жанрам фольклора — сказкам, былинам, балладам, песням, но отнюдь не являющейся дифференциальным признаком, указывающим на сущность самого жанра»¹.

Уяснить общее отличие причитаний от других жанров фольклора очень важно, но все-таки еще недостаточно. Значительными особенностями и своеобразными трудностями отличался и сам процесс записи причитаний.

В последние годы под влиянием сборников, издававшихся под редакцией покойного Е. В. Гиппиуса, фольклорные песни стали при публикации группироваться в два специфических отдела: песни, которые могли исполняться когда угодно, и песни, которые исполнялись только при определенных обстоятельствах (это главным образом песни обрядовые: их пели в определенное время года или при определенных семейных обрядах). Среди последних, как мы уже говорили, причитания отличались своей импровизационностью. И, что очень важно, импровизация была теснейшим образом связана не только с ходом обряда, но и с той эмоциональной ситуацией, в которой этот обряд исполнялся.

Похоронный обряд, как известно, творился только в том случае, когда кто-то умирал, его хоронили — и это воспринималось трагически. Правда, фольклористами иэтнографами было отмечено и бытование игровых вариантов обряда. Как мы уже говорили, девочки-подростки на деревенской улице играли в свадьбу и в похороны, входя в со-

¹ Круглов Ю. Г. Об импровизационном характере свадебных причитаний//В сб.: Вопросы жанров русского фольклора. Изд. МГУ. М., 1972. С. 57.

циальную и ритуальную роль невесты, вдовы, сироты и т. д. и стремясь научиться причитывать¹. Это было в будущем совершенно необходимо («как уметь прядь», вспомним замечание корреспондента Г. Р. Державина). Трагическая ситуация при этом имитировалась. Можно говорить и еще об одном — сатирическом варианте имитирования погребальной ситуации в составе календарных обрядов (похороны Костромы и аналогичные обряды)². Во всех этих случаях покойника заменял некий символический предмет или кукла. Отметим, что здесь не только имитируется обряд, но и стимулируется подлинная психологическая ситуация. Именно поэтому подобное исполнение причитаний можно назвать игровым.

Наконец, необходимо упомянуть еще бытовое внеобрядовое причитывание. Термин «внеобрядовое» в этом случае употребляется условно. Продолжением погребального обряда, постепенно переходящим в календарные обряды, были так называемые «поминальные дни» — девятый, сороковой, полугодовой, годовой, затем продолжавшиеся в родительских и поминальных днях (радуница, родительская суббота и т. п.). В эти дни дома, в поле или на кладбище звучали поминальные причитания. Причитающая вспоминала о покойнике, о бедах, сопровождающих ее вдовью (сиротскую) жизнь, о тяготах, выпавших на долю ее детей, и т. д. Поминальные плачи могли возникать и непроизвольно, не в определенные календарные, а в обычные дни — на покосе, на рыбной ловле, просто когда взгрустнется³. К поминальным примыкали причитания, связанные со всякими бедствиями — пожаром, болезнью, скотским падежом, рекрутским набором. Таким образом, дело не просто в исполнении причитания в составе обряда или вне его, а в реальности эмоционального напряжения, трагической ситуации (или в ее имитировании), порождающей причитания.

На основе сказанного и во избежание возможных ошибок мы должны отдать себе ясный отчет в некоторых проистекающих из всего этого особенностях записи при-

¹ См., например: Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и мести//В сб.: Искусство Севера. Л., 1928. Т. II. С. 201—234.

² Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979; Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л., 1975. О том же см.: Ефименкова Б. Б. Северорусская причеть. М., 1980. С. 14, 83 и др.

³ О том же см.: Ефименкова Б. Б. Северорусская причеть. С. 14. 83 и др.

читаний, механизма общения собирателя фольклора и исполнительниц причети, форм и возможностей фиксации причети.

С тех пор как сформировались научные принципы записи фольклора, каждый собиратель стремился создать для исполнителя возможно более естественные условия, чтобы получить текст, максимально близкий к такому, какой звучит в натуре — в семье, среди соседей и т. д. — в отсутствие собирателя. И действительно, исполнение сказок, былин, внеобрядовых песен при известном опыте собирателя и налаженном контакте его с певцами и рассказчиками может почти ничем не отличаться от обычного исполнения в естественных условиях. Текст сказок или песен относительно устойчив и легко повторим, а само исполнение осмысляется как деятельность художественная, эстетическая. Поэтому тексты былин, сказок, песен, которые мы находим в соответствующих сборниках, мы вправе считать воспроизведением текстов, близких к бытующим или бытовавшим. Мы говорим «близких», а не точно таких же, т. к. даже относительно устойчивый текст с изменением состава слушателей может претерпеть какие-то (хотя, может быть, и не очень значительные) изменения. К сожалению, современная фольклористика не располагает достаточным экспериментальным материалом, чтобы со всей уверенностью ответить на все возникающие в связи с этим вопросы.

И все же даже при современном состоянии разработки вопроса отличие причитаний от других жанров различительно.

Несмотря на уверение некоторых собирателей в обратном¹, до сих пор фактически никому не удалось записать причитания во время похоронного обряда. Дело не только в технике записи — «невидимая» запись на магнитофон в наши дни как будто осуществима. Дело еще в напряженнейшей эмоциональной обстановке. Появление посторонних людей, ведущих наблюдение и что-то записывающих, исполнителям обряда представляется кощунством, нарушает нормальное трагическое его течение. Но даже если допустить, что современным собирателям все-таки иногда удается это сделать, то несомненным остается, что тысячи записей, которыми мы располагаем, осуществлены

¹ См.: Базанов В. Г. Причитания Русского Севера в записях 1942—1945 гг.//В кн.: Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. С. 8 и др.

не во время исполнения обряда, а вне его и, как правило, позже (даже значительно позже). При этом собиратели обычно не выясняли, какой срок прошел со дня естественного исполнения записанного текста. Кроме сборников М. М. Михайлова и В. Г. Базанова — А. П. Разумовой, в которых обычно сообщается точная или предположительная дата «первого» исполнения, известно крайне мало подобных случаев. В их числе, между прочим, «Заплачка о братьях-семинаристах, утонувших в Онеге-озере», записанная Е. В. Барсовым от Марии Федоровой из Каргополя в 1867—1870 годах (трагический случай произошел в 1855 году). В сборнике М. М. Михайлова этот срок колеблется от трех месяцев (№ 42) до тридцати лет (№ 2). В сборнике В. Г. Базанова — А. П. Разумовой — от нескольких дней до четырех-пяти лет.

М. М. Михайлов (в примечаниях) и Г. С. Виноградов (во вступительной статье к сборнику «Русские плачи Карелии») говорят об отклонениях (с. 8) или о «приплакивании» отдельных новых строк при записи. И то и другое, вероятно, имело место. Прошел некоторый срок, и что-то могло забыться или претерпеть изменения. Однако важнее другое — акт воспроизведения для записи принципиально отличен от первого исполнения. Он развивается в совершенно иной эмоциональной обстановке — горе произошло не сейчас, а когда-то, последствия его могли быть страшны, но в значительной мере уже известны. Возникает задача еще раз пережить пережитое, воплотить его в слове. Конечно, могут встретиться случаи, когда горе еще свежо, оно вновь нахлынет и потрясет. Однако возможны и иные ситуации.

Самое же главное заключается в том, что от исполнительницы требуется живое воображение, умение не только вспомнить, но и заново вжиться в ту ситуацию, которая когда-то существовала. Все это представляет трудность, едва преодолимую для рядовой исполнительницы. В лучшем случае она создает поминальный плач, т. е. впервые исполнит новый и вполне «естественный» текст. В худшем случае (если к тому же собиратель не отдает себе ясного отчета в возможностях исполнительницы и побудит ее покинуть четкие рамки поминального плача, попытается натолкнуть ее на «полное» восстановление когда-то прозвучавшего причитания) возникает текст, в котором спутываются воедино мотивы, случайно выхваченные из разных моментов обряда.

Совсем по-другому справляется с подобными трудно-

стями поэтически одаренная исполнительница, отчетливо чувствующая, что во время похорон или проводов рекрута причитание — только один из элементов обряда, что каждое ее слово имеет непосредственную эмоциональную опору во всем происходящем, что это слово, сказанное «по поводу» и «вовремя». Текст вне события и вне обряда, связанного с этим событием, необычайно тускнеет, теряет значительную долю своего поэтического воздействия, становится отвлеченным. Поэтому одаренная исполнительница не может не попытаться восстановить доступными ей средствами поэтическую силу и психологический смысл причитания. Она восстанавливает в своем воображении не только текст и не только факт, послуживший когда-то поводом к возникновению причитания, но и бытовую, семейную (деревенскую) обстановку, в которой он когда-то звучал, снова вживается в психологическую суть произошедшего и имитирует действительное причитывание. Запись от нее дает уже не ритуальный текст, при создании которого преобладала обрядовая задача — по требованию обычая оплакивать покойника. По своим особенностям этот текст — результат творческого акта. Он формируется по законам прежде всего художественным, эстетическим по своей сути, хотя, разумеется, и неосознанным. Это художественное воспроизведение действительности, обычно прошлой.

Следовательно, каждая такая запись текста, исполненного для собирателя, отражает не только бытовую (обрядовую) традицию, но и одаренность исполнительницы, а также, в известной мере, опытность собирателя.

И, наконец, что тоже немаловажно, «естественный» текст, т. е. текст, который исполнялся в быту, был не только словесным (верbalным), его исполнение сопровождалось мимикой, жестами, различного рода обрядовыми действиями и во многих районах так называемым «хлестанием». Вот как изображает хлестание современная собирательница-музыковед Б. Б. Ефименкова: «...исполнительница с воплем бросается на пол, на лавку, на стол — при этом обязательно на полусогнутые руки, к которым с плачем пригибает и голову. Плечи ее сотрясаются от рыданий. Поднявшись, она продолжает причитывать, но в особенно горестные моменты вновь бросается наземь. Нужно большое умение, чтобы при этом не получить физическую травму, поэтому хлестанию обучаются с детства, заранее (как актер учится падению на сцене). Грузные пожилые женщины легко демонстрировали нам это искусство, легко

совмещая его с иными приемами драматической игры: движениями рук, головы, наклонами туловища»¹. Б. Б. Ефименкова на Сухоне, Чиже и близких к ним районах встретилась с весьма развитой традицией хлестания, в Заонежье нечто подобное происходило, кажется, в менее яркой форме.

Эта же собирательница и исследовательница хорошо описывает словесные и несловесные элементы исполнения — она перечисляет: говор, пение, выкрик, всхлипывание, рыданье, речевое глиссандирование², стоны, слезы, паузы и т. д.³ Если какие-то из этих приемов и звучат во время исполнения для записи, то обычно в сильно приглушенном виде. Исполнительница хочет передать собирателю, особенно филологу, прежде всего словесный текст. Не исключено, что даровитая исполнительница может попытаться также компенсировать словом потерю несловесных элементов обрядового поведения.

Все сказанное не означает желания опорочить «записанные» тексты по сравнению с «естественными», тем более, что запись «первого» исполнения по многим причинам, как уже говорилось, почти невозможна и до сих пор не удавалась. Задача состоит в другом — необходимо понять природу «записанных» текстов, в том числе и записей от Федосовой. Выделенные нами особенности в наибольшей степени характерны для записей похоронных причитаний и в более ослабленном виде — свадебных. Свадебный обряд, как и свадебное причитание, могли при определенных условиях (брак по любви, доброжелательная семья мужа и т. п.) приобретать игровой характер и быть соблюдением обычая в большей степени, чем выражением подлинного горя невесты. По-видимому, чаще всего возникали промежуточные варианты. И все же не случайно замечено, что свадебные причитания более стабильны, менее импровизационны, чем похоронные⁴. Для суждения о рекрутских причитаниях мы располагаем значительно более скучным материалом.

Известно, что Барсов не оставил никаких свидетельств того, что какие-либо причитания Федосовой или других

¹ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. С. 84.

² Глиссандирование — от глиссандо (ит.): скользящий звук.

³ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. С. 82.

⁴ Круглов Ю. Г. Об импровизационном характере свадебных причитаний. С. 35—57; Он же. Русские свадебные причитания. Поэтика жанра. Автореферат канд. дисс. М., 1972.

исполнительниц были записаны им во время похорон. Описание похоронного обряда, которое опубликовано в I томе, смонтировано им из материалов собственных распросов и сведений, сообщенных им его учениками, отчасти заимствовано из губернской прессы. Данные, касающиеся русского похоронного обряда, перемежаются деталями, заимствованными из описаний похоронных обрядов, происходящих в карельских районах Олонецкой губернии¹. Поэтому мы не знаем, был ли он сам свидетелем исполнения похоронного обряда даже в Петрозаводске, из которого он как будто не выезжал (мы имеем в виду внутренние уезды губернии).

Таким образом, все записи Барсова от Федосовой были, по-видимому, произведены вне обряда, причитания были исполнены специально для него (для записи), причем в годы их совместной работы, как уже говорилось, Федосова жила не в заонежской деревне, а в Петрозаводске.

В каких же условиях производилась запись? Обратимся к свидетельствам Барсова. В I томе сообщается: «Сначала она ходила ко мне на квартиру, и дело шло успешно; но потом она нашла это неудобным, и я сам ежедневно путешествовал к ней»². В цитированной уже неопубликованной статье, приготовленной для III тома, Барсов писал, что это произошло, «т. к. она должна была в течение дня продовольствовать рабочих»³. Запись, пишет он здесь же, происходила при весьма неблагоприятных условиях: «...мы сидели с нею в маленькой каморочке, рядом с мастерской. Она диктовала при шуме и стуке рабочих и то и дело развлекалась хозяйственными хлопотами. В то время она была бойкая, подвижная, веселая, в полном расцвете телесных и нравственных сил; душа ее быстро могла повышаться под воспоминанием пережитых явлений народной жизни и непосредственно создавать соответствующие художественные образы»⁴. Заметим, что Барсов отдавал себе отчет в импровизационном характере тех текстов, которые он записывал, и в том, что создавались они на основе «воспоминаний пережитых явлений народной жизни».

Судя по характеру записанных текстов, по их объему

¹ Барсов. Т. I. С. 299—313.

² Там же. С. 314.

³ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причитаний Северного края». С. 131.

⁴ Там же. С. 131.

и прямым свидетельствам Барсова, ему удалось наладить хороший контакт с Федосовой. Анализ социального содержания текстов еще раз подтвердит это. Кроме того, видно по всему, что Барсов обладал подлинным тактом собирателя. Он писал: «Во все те минуты, в кои замечал я подобное угнетение (т. е. ухудшение настроения, озабоченность чем-то посторонним.—К. Ч.) или просто утомление, я тотчас прекращал записывание плачей и начал (начинал? — К. Ч.) разговор о чем-нибудь стороннем... Иногда в подобных случаях я обращался к ней и говорил: «Ну, Иринушка, и ты утомилась, и моя рука устала; отдохнем — перестанем писать. Вот расскажи мне какие-нибудь хитрые загадки...»¹ Когда я замечал, что она успокоилась, окончив свои хозяйствственные хлопоты, или же после нравственного угнетения приходила в равновесие духа и становилась более или менее веселой, я вновь приглашал ее продолжать причеть. «Ну-ко прочитай, что написано», — замечала она; когда я прочитывал то, на чем остановились, она опять, видимо, входила в роль вопленицы; творческая мысль ее поднималась, и слово становилось более выразительным»².

Как сообщалось выше, встречи Барсова с Федосовой в 1867 году продолжались с февраля-марта по ноябрь, причем причтания Барсов начал записывать не раньше 3 июня. Какой-то перерыв в их работе был, очевидно, в августе. Из этого можно заключить, что запись велась довольно интенсивно. К тому же надо учесть, что Барсов служил — он был преподавателем духовной семинарии. Служебные обязанности занимали его дневные часы, по крайней мере, в сентябре — ноябре. Для времени летних вакаций можно предположить, что Барсов и Федосова могли встречаться и в дневные часы. С другой стороны, «продовольствовать» рабочих она могла и в вечернее время — рабочий день в мастерской Я. И. Федосова мог захватывать и какую-то часть вечерних часов.

Судя по описанию Барсова, он тщательно следил за тем, чтобы записывать от Федосовой только в то время, когда она была «в равновесии духа» и когда «творческая мысль ее поднималась и слово становилось более выразительным», т. е. когда она, по его точному выражению, «ходила в роль вопленицы».

¹ В рукописи приводится 10 загадок, и 8 пословиц.

² Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причтаний Северного края». С. 132.

Таким образом, тексты, записанные от Федосовой, не только исполнялись вне быта и вне обряда, они были сознательно направлены на воспоминания, на импровизационное воспроизведение когда-то звучавших причитаний, на творческое восстановление не только фактов, но и эмоциональной ситуации, в которой они когда-то звучали.

Несмотря на то, что о существовании причитаний знали до Барсова и что некоторое, сравнительно небольшое количество текстов было опубликовано до появления в свет «Причитаний Северного края», этот сборник воспринимался как подлинное открытие, причем не столько открытие Федосовой (о ней, как мы увидим, большинство рецензентов I тома не упоминали), сколько в целом причитаний как жанра. Пораженные высокими художественными достоинствами причитаний, записанных от Федосовой, и профессиональные фольклористы, и литераторы, и просто читающая публика восприняли их как обычные бытовые и ритуальные тексты, бытующие в народной среде. Иные соображения, высказанные еще Л. Н. Майковым, не были восприняты как актуальные. Записи других собирателей (например, опубликованные в Пермском сборнике, в сборнике П. В. Шейна и др.), появившиеся позже, стали оцениваться как неудачные, незначительные, искаженные и т. д. Такое мнение оказалось очень устойчивым. Только в 1922 году М. К. Азадовский в предисловии к сборнику «Ленские причитания» первый поставил вопрос об отличии причитаний Федосовой от причитаний рядовых воплениц¹. Кроме того, постепенно стали выясняться различия традиции причитывания в разных районах России².

Так созрел вопрос, рассмотрение которого представляется очень важным. Что же такое по своей природе явление, которое мы обозначаем как «записи от Федосовой», «творчество Федосовой»? Как мы уже говорили, все, что записано от нее, можно объединить словосочетанием «записи от Федосовой», так как Барсов, Агренева-Славянская и другие собиратели действительно записывали от нее, сама записать она ничего не могла. Однако при этом снимается различие между записями песен, которые Федосова только исполняла, и причитаниями, личный вклад в которые был несопоставимо больше.

¹ Азадовский М. К. Ленские причитания. Чита. 1922. С. 10—19

² Mahler E. Die russische Totenklage. S. 8—18; Харитонова В. И. Полесская традиция причитания на восточно-славянском фоне//В кн: Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С 55—62

Творчество Федосовой — явление несомненно фольклорное, так же как деятельность любой рядовой вопленицы. Оно целиком опиралось на фольклорную традицию. Вместе с тем тексты причитаний, записанные от нее, — результат их исполнения для Барсова или Агреневой-Славянской в совершенно особых условиях, вне обряда и вне реальных бытовых экстремальных трагических ситуаций. Собственно, примерно в таких же условиях происходили обычно и записи от рядовых исполнительниц. Вместе с тем надо иметь в виду, что запись в подобных условиях от даровитых исполнительниц, как мы уже говорили, резко повышает меру их личного почина, превращает их творчество в уникальное и индивидуальное явление, индивидуальную поэтическую деятельность, опирающуюся на традицию. Так было не только у Федосовой. Можно назвать известную исполнительницу причитаний (она была также прекрасным знатоком былин и песен) Настасью Степановну Богданову, тоже жительницу Заонежья, пудожанку Анну Михайловну Пашкову, печорскую сказительницу Маремьяну Романовну Голубкову и др. Их различие только в степени поэтического дарования. В этом смысле Федосова превосходила их и вообще не имеет себе равных среди известных нам исполнительниц русских причитаний. Дает ли все сказанное основание для того, чтобы считать творчество Федосовой явлением нефольклорного характера? Ни в коей мере!

Для односельчан, для Барсова и других собирателей, встречавшихся с ней, она была прежде всего вопленицей. Они в этом не сомневались. Барсов понимал, что Федосова очень крупная вопленица, высокоодаренная исполнительница. Однако соотношение записанных от нее текстов и заплачек, звучавших на деревенских похоронах, свадьбах или проводах рекрутов, было ему еще не ясно. Причину этого следует видеть прежде всего в скучности сравнительного материала. Его записи от других воплениц — от Анны Лазорихи из Череповецкого (у Барсова — ошибочно — Череповского) уезда Новгородской губернии, от Клавдии Мамоновой, уроженки Калязинского уезда Тверской губернии, от которой Барсов записывал уже в Москве, или тексты, доставленные ему его учениками, так же как и знакомые ему записи Рыбникова, публикация в Пермском сборнике и другие осуществлены были в таких же условиях, как его записи от Федосовой, хотя результаты работы со всеми этими исполнительницами были в поэтическом отношении заметно скромнее.

В книге «Народные традиции и фольклор. Очерки теории» мы попытались дать самое общее определение фольклора («словесные структуры, вошедшие в бытовую традицию той или иной социальной общности и воспроизводящиеся в условиях прямой (устной) коммуникации»). Разумеется, при этом имелось в виду определить наиболее характерное для массовой фольклорной традиции. Вместе с тем разные фольклорные жанры дают нам примеры разных путей и способов включения (вхождения) текстов в бытовую традицию, разный механизм воспроизведения традиции. Не будем повторять то, что мы уже говорили о причитаниях. Подчеркнем только, что они — один из фольклорных жанров, допускающих активное проявление личного почина исполнителя. Индивидуализированная реализация общих правил, канонов и формул в зависимости от конкретной ситуации и дарования исполнительницы при этом всячески поощрялась и одобрялась слушателями (так же как, например, при произнесении традиционных прибауток свадебных дружек, балаганных дедов, исполнителей народного театра, исполнении частушек и т. д.). В условиях внеобрядовой или — шире — внебытовой записи импровизационное начало получало специфические стимулы — прежде всего связанные с потребностью исполнительницы доступными ей средствами не только воссоздать причитание, но и ту эмоциональную ситуацию, в которой оно звучало впервые. Мы еще вернемся к этому вопросу и попытаемся выделить в текстах Федосовой те элементы, которые могли быть связаны с этим естественным стремлением.

Попытки некоторых исследователей поставить Федосову, как явление чересчур индивидуальное, вне традиции, объявить, что ее творчество — это уже не фольклор или еще не фольклор, т. к. тексты, создававшиеся ею, не вошли в устную традицию, а есть нечто подобное устной литературе, представляются совершенно необоснованными. Они связаны со стремлением искусственно сузить сферу фольклора. Эти попытки напоминают стремление некоторых литературоведов к педантичному истолкованию критерия принадлежности писателя к тому или иному литературному направлению или традиции, в результате которых Достоевский не вмещается в зауженные рамки критического реализма, Блок — символизма, Ахматова — акмеизма, Маяковский — футуризма и т. п. Одним словом, на наш взгляд, Федосову и ее творчество нельзя понять иначе, как исключительно крупное и индивидуальное явление,

в то же время целиком принадлежащее русскому фольклору. Как вершины, плоскогорья и долины принадлежат горам, так в равной степени принадлежат фольклорной традиции как рядовые исполнительницы, которые причитывали лишь в тех случаях, когда горе касалось их семьи, так и выдающиеся исполнительницы, принадлежащие к этому же социальному слою и выражавшие его миропонимание, его этику, его социальные интересы. Первые целиком растворились в традиции, вторые были одновременно высокими ее знатоками и наиболее яркими выразителями, развивали и обогащали ее.

Сомнение в фольклорности федосовских текстов может возникнуть еще и по другим причинам. При первом знакомстве с причитаниями, вошедшими в сборник, поражают огромные размеры текстов (так, в I томе текст № 1 — 1216 строк, № 12 — 1281 строка и т. п.). Для того чтобы произнести даже скороговоркой каждый из этих текстов, для записи понадобилось бы более двух часов. В естественном (бытовом) же исполнении, со всеми паузами между строками, парами и группами взаимосвязанных строк, «хлестанием», всхлипыванием и т. п., — еще в два-три раза дольше, т. е. от четырех до шести часов, что, разумеется, совершенно немыслимо ни для исполнительницы, ни для слушателей. Первые три текста II тома соответственно составляют 2688, 3173 и 2260 строк. В III томе напечатано, по существу, два неравнценных текста: первый из них — причитания, звучавшие на одной «типовой» свадьбе (1575 строк), второй — специально «Плач невесты-сироты» (150 строк), или, соответственно, 234 и 4, 5 страницы.

Все это объясняется, разумеется, исполнением вне обряда, специально для собирателя.

Должен признаться: когда я начал знакомиться с этими тремя томами и не уяснил себе значение условий записи (последнему способствовали экспедиционные выезды в Заонежье и другие районы Карелии), мне некоторое время казалось, что Барсов причастен к сочинению «Причитаний Северного края». Но по мере погружения в тексты и знакомство с бытом заонежской деревни я понял, что, для того чтобы это совершить, Барсов должен был так досконально знать заонежскую деревню середины XIX века, как он ее, конечно, знать не мог. Кроме того, он должен был быть гениальным поэтом, чтобы суметь так вжиться и так точно изобразить переживания, чувства, беды и душевные движения современной ему крестьянки.

К тому же ничего хотя бы отдаленно напоминающего стилизаторство во всем сборнике нет. Гениальным поэтом Барсов, конечно, не был; он не сумел бы это утаить от своих современников.

Пристальное внимание и полное доверие, которое испытывали к творчеству Федосовой такие знатоки крестьянства того времени, как Н. А. Некрасов и П. И. Мельников-Печерский, неизменный успех ее публичных выступлений в 90-е годы — неопровергимое свидетельство подлинности ее текстов.

Тексты причитаний Федосовой не вошли в заонежскую традицию в своем буквальном словесном обличье. В этом нет ничего удивительного. Ее слушательницы учились у нее умению причитать, что предполагало не запоминание текстов, а овладение приемами причитывания, запасом постоянных формул и способами их применения в конкретных условиях. Так было не только с Федосовой, по и с любой другой вопленицей, одаренной или нет. Федосова в этом смысле не составляла исключения.

Действительно, в отличие, например, от сербской традиции, где тексты похоронных причитаний (особенно связанные с гибелью популярных героев) входили в бытование именно как тексты в их конкретном словесном воплощении, в русской традиции подобные случаи неизвестны. Правда, в сербской и черногорской традиции существовали не только женские, но и мужские причитания. По классификации В. Джаковича параллельно с плачами-жалобами бытовали также плачи-восхваления. Видимо, они преимущественно и запоминались и бытовали подобно песням¹. Тексты русских причитаний, произносившиеся в определенной ситуации, оставались разовыми. Записи причитаний в Заонежье после Федосовой даже от лиц, которые ее помнили, не дали буквального повторения ее текстов². Фольклорность причитаний в ином, как мы уже говорили, — в том, что они накрепко связаны не с последующей, а с предшествующей традицией. Таков жанр причитаний и таковы законы их бытования, даже когда они

¹ *Джаковић В.* Црногорске народне тужбалице. Титоград, 1970; Српске народне тужбалице из збирки Н. Шаулића. Београд, 1929; *Durić V. M. Tužbalica v svetskoj književnosti*. Beograd, 1940; *Вукановић Народне тужбалице*. Вранье, 1972.

² См. записи М. М. Михайлова и В. Г. Базанова — А. П. Разумовой от А. Ф. Касьяновой, которая слышала Федосову, а также нашу запись от А. И. Мошкиной. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 365—366.

создавались столь выдающимися исполнительницами. Следует ли по этой причине отлучать их от фольклора?¹ В таком случае мы разошлись бы с мнением самого народа, владевшего традицией, и рисковали бы потерять самых выдающихся мастеров. Сторонникам столь странных взглядов следовало бы проверить свою схоластическую концепцию, например, на народном искусстве. Народными, если стать на такую точку зрения, придется считать только посредственные поделки, вещи же, изготовленные талантливыми мастерами, объявить вне народного искусства².

Итак, познакомившись с внешними условиями и проблемами записи причитаний вообще и причитаний Федосовой в частности, мы подошли к другому немаловажному вопросу, от ясности понимания которого зависит успех анализа их содержания, поэтических особенностей и социально-исторического значения: как Барсов готовил записанные тексты к изданию?

Вопрос этот закономерен — между исполнителем и читателем (в отличие от слушателя) стоит не только собиратель, но и издатель. Если они и совпадают в одном лице, то запись и издание (точнее — способы и правила подготовки текстов к изданию) все-таки остаются двумя различными этапами продвижения текста от исполнителя к читателю².

Этот вопрос решался бы сравнительно легко, если бы в нашем распоряжении были «полевые записи», т. е. чер-

¹ С некоторыми оговорками так трактует проблему В. П. Аникин. См.: *Аникин В. П. Коллективность как сущность творческого процесса в фольклоре//Русский фольклор. Т. V. 1960. С. 7—24* и др. работы того же автора. Иную точку зрения см.: *Новиков Н. В. О проблеме традиционного и индивидуального в советской фольклористике (преимущественно в сказковедении). Он же. 1961. Т. VI. С. 63—80.*

В статье В. И. Харитоновой «Специфика вариативности причитаний» из сборника «Традиции русского фольклора» (под ред. В. П. Аникина) прямо говорится: «Произведения типа... «Плач о старосте» И. Федосовой не следует относить к фольклору (курсив наш.—К. Ч.) (с. 167). Правда, видимо почувствовав крайнюю несусрость подобного заявления, автор здесь же спешно оговаривается: «Однако некоторые вещи (?) подобного типа находятся как бы на грани фольклорного бытования и индивидуального творчества, фольклора и литературы, что представляет значительную трудность в работе с жанром» (там же).

В новейшей публикации В. П. Аникина фольклорность наследства Федосовой, кажется, не подвергается сомнению (см.: *Аникин В. П. Русский фольклор. М., 1987. С. 249, 253, 255* и др.).

² Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. М., 1963.

новики, прямой результат общения Федосовой и Барсова. Оставалось бы сравнить их с печатным текстом. Однако полевые записи не сохранились.

Обратимся к истории сборника.

Но прежде — об эпизоде, который как бы завершал предысторию его. Вскоре после переезда в 1870 году из Петрозаводска в Москву Барсов опубликовал в московской газете «Современные известия» заметку «Олонецкая плачальщица» и в приложении к ней — «Плач о старосте» Федосовой¹. Эта публикация, видимо, рассматривалась издателем газеты Н. П. Гиляровым-Платоновым как некое важное событие, т. к. номер от 4 августа, который мы имеем в виду, открывался редакционной передовой (она была сразу же перепечатана и в «Олонецких губернских ведомостях»²). Таким образом, публикация заметки о Федосовой и «Плаче о старосте» не могли остаться незамеченными читателями.

«Учреждение мировых посредников,— писал автор передовой, возможно, сам издатель газеты и известный публицист,— способно возбуждать поэтическое вдохновение, воскрешает эпос, создает эпических поэтов...— «Что за дичь!» — Нет, это шутка, но основанная на действительности. Читатель найдет ниже, в «Разных известиях», статью г. Барсова вместе с приложенным к ней отрывком из «Плача о старосте». Автор передовой считает, что «общественное значение» публикуемого текста состоит в том, «какими образами ложатся на крестьянский мозг приезжающие из губернии господа посредники... Вы смотрите на них как на мелочь, а они оставляют глубокий след в народном осознании, титулярные советники и губернские секретари преобразуются в Бова-королевичей, Ерусланов Лазаревичей и чуть ли в Добрыню с Ильей Муромцем»³.

Публикация 1870 года интересна во многих отношениях. Это была первая публикация Барсова, как бы мы теперь сказали, в центральной (а не в олонецкой губернской) печати. Заметим, что первым был напечатан один из самых острых в социальном отношении текстов — «Плач о старосте». Это кажется парадоксальным. С одной стороны, как мы увидим дальше, специальная комиссия Общества любителей российской словесности в своих рекомендациях вовсе не ориентирует Барсова ни на социаль-

¹ Современные известия. 1870. № 212. С. 3.

² Олонецкие губернские ведомости. 1870. № 62.

³ Современные известия. 1870. № 212. С. 1.

но острые тексты, ни на особое внимание к Федосовой; с другой стороны, газета Н. П. Гилярова-Платонова, одного из активных публицистов славянофильского направления, предпринимает публикацию, акцентируя именно эти моменты. Как будет показано дальше, на специальном вечере в Обществе Барсов не демонстрировал «Плач о старости», он читал «Плач вдовы по муже» и «Плач дочери по матери», т. е., условно говоря, типовые похоронные притчания, не связанные с чрезвычайными происшествиями общественного характера. Федосова, видимо, упоминалась как основная исполнительница. Правда, в речи 1886 года Барсов говорил: «Насколько я помню, особенно заинтересовался личностью вопленицы — Ю. Ф. Самарин»¹. Как увидим дальше, этот интерес Ю. Ф. Самарина к Федосовой никак не повлиял на инструкцию ОЛРС. Заметим, кстати, что I том сборника был впоследствии отпечатан в типографии «Современных известий»².

И, наконец, записи Барсова и имя Федосовой не только впервые появились в столичной печати, но и были замечены революционно-демократической критикой (или, точнее, публицистикой). Сразу же после публикации «Современных известий» (напомним еще раз — 4 августа 1870 года) в сентябрьско-октябрьском номере «Отечественных записок», издававшихся Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным, в статье «Почему у нас в лесистой местности в дровах нуждаются» Н. А. Демерта, рассуждая о деятельности мировых посредников, сослался на «Плач о старости» Федосовой³. Нельзя сомневаться в том, что Н. А. Некрасов знал об этой статье Демерта. Не исключено, что он познакомился с первым для него текстом Федосовой уже в 1870 году, т. е. за два года до выхода сборника в свет. Может, этим и объясняется его столь быстрая и энергичная реакция на сборник, о которой мы еще будем говорить.

И, наконец, публикация 1870 года имеет совершенно особенную текстологическую ценность. Текст, опубликованный в «Современных известиях», и текст «Плача о старо-

¹ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Притчаний Северного края». С. 133.

² Барсов. Т. I. Титульный лист.

³ Демерт Н. Почему у нас в лесистых местностях в дровах нуждаются?//Отечественные записки. 1870. № 9—10. С. 149—175; Колесница И. М. Изучение народного творчества в «Отечественных записках»//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. II. С. 87.

сте» из «Причитаний Северного края» расходятся в некоторых частностях. Это единственный случай, когда текст Федосовой дважды публиковался Барсовым при его жизни в разных изданиях. Если иметь в виду, что полевые записи не сохранились, то это можно рассматривать как возможность в какой-то мере проникнуть в издательскую «кухню» Барсова, попытаться узнать о его издательской деятельности не только на основе его собственных заявлений, а путем сличения двух параллельных текстов. К этому мы еще обратимся специально.

История публикации «Плача о старости» дает нам также некоторое представление о цензурных условиях, в которых находился издатель «Причитаний Северного края». Мы можем проникнуть только в один эпизод, во всех остальных случаях ограничиваясь лишь предположениями.

В 1930 году в очерке «На краю земли» А. М. Горький, вспоминая о народных песнях, былинах и причитаниях, писал: «Разумеется, песни эти прошли цензуру и редакцию господ, которые вытравили из них меткое гневное слово, вытравили живую мысль и все, что пел, что мыслил крестьянин о своей трагической рабской жизни... Этот варварский процесс вытравливания, обезличивания народного творчества — насколько я знаю — не отмечен с достаточной ясностью историками культуры и нашими исследователями «фольклора»¹.

В книге «Народная поэтесса И. А. Федосова» мы уже высказали предположение, что в текстах сборника Е. В. Барсова имеются какие-то пропуски или изъятия, предпринятые им, по-видимому, по цензурным соображениям (с. 177, прим. 2). Однако никаких реальных доводов в пользу этого предположения в нашем распоряжении не было, поэтому оно высказывалось бегло и формулировалось кратко. Рассмотрим некоторые факты внимательнее.

В двух случаях, касающихся I тома, Е. В. Барсов указывал на то, что он публикует неполные записи. Характерно, что именно эти два текста, озаглавленные им «Из плача о писаре» и «Из плача о попе — отце духовном», помещены в самом конце тома². Кроме того, в большинстве текстов первых двух томов собрания Е. В. Барсова (в 13 из 22 или для И. А. Федосовой — в 12 из 17) имеют

¹ Горький А. М. Собр. соч. М., 1952. Т. 17. С. 243.

² Барсов. Т. I. С. 288 и 293. В оглавлении они именуются как «Плач о писаре» и «Плач о попе — отце духовном».

ся строчки точек, происхождение которых неясно. Заметим, однако, что в III томе, содержащем свадебные притчания, сравнительно далекие от социальных и политических проблем, подобных строк точек нет.

В I томе насчитываются 34 строки точек, причем 7 из них встречаются в конце текстов, 10 — в конце эпизодов, связанных с течением обряда (обычно перед ремаркой, поясняющей последующий эпизод), и 17 — в середине текстов. Что же это за точки?

Осторожность обязывает нас предположить, что в конце текстов издатель мог напечатать строчки точек вовсе не из цензурных соображений. Притчания — сугубо лирический жанр; горестные чувства притчивающей особенно нагнетаются именно к концу текста, образуя некое crescendo, которое не получает ни логического, ни стилистического разрешения и теоретически могло бы длиться бесконечно долго. Не исключено, что Е. В. Барсов хотел показать некоторую условность конца текста, его структурную открытость, его эмоциональную незавершенность, возможность его дальнейшего наращения. С другой стороны, именно этот заключительный эмоциональный взлет мог порождать строки, наименее приемлемые с цензурной точки зрения (ср., например, финальную часть «Плача о старости» и др.). Примерно так же можно было бы столкнуться с строками и в конце отрывков; похоже, что в некоторых случаях мы не удалились бы от истины. Однако столь же успокоительного объяснения для семнадцати случаев разрыва текста в середине у нас нет. Более того: можно ли считать простым совпадением тот несомненный факт, что из десяти случаев, когда строки точек падают на конец отрывков, в семи речь идет о попах. Не следует ли объяснить их не особой лирической настроенностью вопленицы, а вполне прозаическими опасениями преследований со стороны духовной цензуры либо поповским происхождением и семинарским образованием самого Е. В. Барсова? Такое соображение возникает в связи с тем, что отыскиваются и еще более подозрительные случаи. Обратимся к некоторым из них.

В «Плаче о брате двоюродном» (с. 198) строка точек обрывает прямую речь, причем кавычки так и остаются незакрытыми. То же можно отметить и в «Плаче о дяде двоюродном» (с. 225). В этом плаче (с. 230) строка точек оказывается сосчитанной при нумерации строк. В «Плаче о потопших» (с. 267) предыдущая строка заканчивается многоточием. Подобное встречается еще в трех случаях —

в «Плаче об упьянистой головушке» (с. 282), «Плаче о старосте» (с. 286) и «Плаче о попе — отце духовном» (с. 298). В двух последних текстах, кроме того, встречаются по две строки точек (с. 287 и 298). В единственном случае, выявленном во II томе — «Плач о рекурте женатом» (с. 103), предыдущая строка кончается двоеточием:

Еще станешь малым дитям да выговаривать:

причем, что именно солдатка будет «выговаривать» своим детям, так и остается неизвестным — вместо этого читателям предлагается строка точек.

Одним словом, можно утверждать, что в четырнадцати-пятнадцати случаях (т. I, с. 106, 123, 196, 198, 215, 220, 222, 230, 252, 280, 286, 287, 288, 297, 298; т. II, с. 103) изъятия по цензурным соображениям, по крайней мере, не исключены.

Конечно, регистрируя подобные возможные случаи, мы многого не достигаем. Потерянные строки тем самым еще не возвращаются. Только в одном случае мы можем привести вполне надежные доказательства того, что изъятия по цензурным соображениям действительно имели место, и вместе с тем восстановить по крайней мере какую-то часть строк.

Во вступительной статье ко II тому Е. В. Барсов, против обыкновения, в подтверждение своих мыслей процитировал какие-то строки, которые не удается отыскать ни в одном из текстов, опубликованных во всех трех томах его сборника. Это дает нам повод предположить, что в его распоряжении был какой-то текст, который он по неизвестным причинам не опубликовал. Основываясь на фразе Барсова, предваряющей цитирование этих отрывков, мы назвали текст условно «Плачем о разорении Новгорода» и предложили истолковать его в свете «новгородских мотивов», играющих довольно значительную роль в некоторых других текстах И. А. Федосовой¹. Однако это было ошибкой. Барсов, как показало дальнейшее изучение этого вопроса, цитировал во II томе эти строки не впервые. За девять лет до выхода в свет II тома и через год после появления I тома, т. е. в 1873 году, в статье «Об олонецком песнетворчестве», напечатанной в «Записках Русского Географического общества по отделению этнографии»

¹ См.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 201—209.

(т. III), он привел те же самые отрывки, но здесь в подстрочных примечаниях трижды говорится о том, что они взяты им из «Плача о старосте»¹. Такому указанию самого Барсова, да еще трижды настойчиво повторенному, нет оснований не доверять, тем более, что в известном нам тексте «Плача о старосте», дважды опубликованном при жизни собирателя², в двух местах имеются строки точек. Они указывают на какой-то пропуск (с. 286 и 287) и вместе с тем разделяют три основные части плача — рассказ о приезде мирового посредника в деревню и столкновении его с крестьянами, рассказ о поездке старосты в Повенец, о его аресте, смерти и так называемое «проклятие судьям», особенно известное в связи с тем, что Некрасов процитировал его полностью в «Кому на Руси жить хорошо».

Не будем здесь останавливаться на содержании и смысле «Плача о старосте» — это нам еще предстоит. Приведем отрывки, о которых идет речь, по тексту вступительной статьи II тома (с. XII, XIV), попутно отмечая разночтения по статье из «Записок РГО» (с. 516—518):

«Таков, например, в высшей степени любопытный плач о том времени, когда «Новгород ведь был не разореной и ко суду были крестьяна не приведены»³.

Были людушки тогда да нештукауын⁴,
Нештукауы оны были — запростейши;
Как судьи да в тую пору не моло́дыи,
Пожиты да мужики были почетныи,
Настойсливы оны да правосудливы.

Самый суд происходил здесь «на церковном крыльце», и дела решались «перед образом»:

Буде што да в прежни времена случалося⁵,
Соберется три крестьянина хоть стояющих,
Промеж ду-другом оны да рассоветуют,

¹ Записки РГО. С. 517: «Из плача о старосте»; Там же. С. 518: «Из плача о старосте» и «Оттуда же».

² В 1870 г. в «Современных известиях» (№ 212) и перепечатанном в Олонецких губернских ведомостях без участия Е. В. Барсова. 1870 г. № 62 (и в 1872 г. в составе I т. «Причитаний Северного края». С. 282—288).

³ Записки РГО: «Но всего замечательнее то, что здесь доныне живо сохраняются еще воспоминания о тех прежних временах, когда «Новгород ведь был не покореный, и ко суду крестьяне не приведены». Взятое в кавычках в обоих случаях напечатано без разделений на строки, так же как строки «Наступили басурманы...» и «Все тут придались...»

⁴ Бесхитростные.

⁵ Записки РГО: «случилося».

Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по божьему,
По этим ли законам праведливым.
Тыи времечка прошли да невидаютца,
Тыи годы скортались, неслыхаютца.

Но вот:

Наступили бусурманы превеликии,
Разорили оны славный Новгород...

И с того времени быстро пошло заселение Обонежского-го края.

Все тут придались в подсиверну сторонушку,
На звáны острова эти Кижский,
Во славное во общество во Тolvью.

Построили здесь домовища, завели торговлю и разбо-гатели:

Были добры у их кони иноходныи,
Были славны корабли да мореходныи.

Но при всем своем богатстве не могли они забыть своей родины:

Как сберутся в божью церковь посвященную,
О бладычном оны да этом праздничке,
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут на крылечико церковное,
И как сглянут во подлетную сторонушку,
Тут защемит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково слово:
Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежняя, родима наша сторона,
Наша славна сторона Новгородская.

Любопытно, как сохраняются здесь самые предания и как глубоки симпатии заонежан к былому, древнерусскому быту; здесь они видят свои идеалы, по отношению к коим продолжают оценивать свое настоящее. Старики стародревние говорят недоросткам молодым:

Послыхайте слова наши старинныи,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбушуется,
На синем море волна да порасходится,
Будут земскии вси избы испражнятися¹,
Скрозекóзныи суды да присылатися,
Вси изменятся пустыни богомольныи,
Разорятся вси часовенки спасеныи.
Кругом-около робята обстолпилися.
Как на этих стариков да оглядйлися,
Ихних рýчей недоростки приослухались,

¹ Опустеют.

Кои умны недоросточки, приметны,
Оны эти слова тут принимали,
Об досюльных законах обстоятельный¹,
Об досюльноем житье Новгородскоем.
Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася.
Тут воспомнят-то ведь малы недоросточки:
Теперь-нонь да времена-то те сбываются,
Как у старых стариков было рассказано.

Итак, в пропущенных Барсовым строчках речь идет о новгородских временах, которые расцвечены поэтической идеализацией и противопоставлены тяжкой современности 60-х годов XIX века. Такое обращение к историческим воспоминаниям было не вполне понятно, если считать, что оно составляет основное содержание специального плача. Почему, собственно, заонежская крестьянка должна в середине XIX века оплакивать «новгородское разорение», произошедшее в XV веке? В системе же «Плача о старости» все становится на свои места. Резкая оценка настоящего, негодование против «судей неправосудных» — мировых посредников и других чиновников, олицетворявших и проводивших в олонецких деревнях «реформу», имевшую столь тяжкие последствия для северорусского крестьянства, могли привести в движение новгородские воспоминания, способствовать формированию поэтического образа иллюзорного золотого века — «досюльщины». Новгородские строки явились поэтическим обобщением протesta против современного Федосовой социального и экономического гнета, подобным легенде о происхождении горя на земле в «Плаче о писаре», о котором речь еще впереди.

Вполне естественно поэтому предположить, что строки эти в тексте «Плача о старости» следовали за эпизодом изгнания мирового посредника из деревни, за теми строками, в которых крестьяне после отъезда посредника, расходясь со сходки, ругают его и всех «судей неправосудных» («Мироеды мировы эти посредники» и т. д.). Именно после этих слов в «Плаче о старости» (с. 285—286, строки 101—112) стоит строка точек, указывающая на какой-то разрыв в тексте, а последняя строка этого отрывка заканчивается многоточием. «Новгородские строки» —

¹ Записки РГО: «постоятельных», что, по-видимому, вернее «обстоятельных». Здесь: постоянных, давних, неизменных (см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1953. Т. III. С. 343).

естественное продолжение речи крестьян, в которой они оценивают деятельность мировых посредников и вообще современное им положение вещей.

Можно отметить и другие моменты, прочно увязывающие «новгородские отрывки» с предыдущим текстом. После отъезда посредника в ближайшее воскресенье крестьяне собираются после обедни около церкви, вспоминают о случившемся и рассуждают о настоящем и прошлом. При этом получает свое развитие и завершение поэтическая тема разбушевавшегося озера, которая все время сопутствует образу «судьи неправосудного» («Быдто Свирь-река посредничек свирепой, Быдто Ладожско великое сердитое», «Буря-падара теперь да уходила, Сине морюшко теперь да приутихло. Ноны уехала судья неправосудная» и т. д.), и здесь истолковывается как осуществление предсказания стариков о «нарушении» старого житья.

Если действительная принадлежность этих строк «Плачу о старосте» и их место в тексте «Плача» не вызывают сомнения, то значительно сложнее вопрос о том порядке, в котором следует расположить опубликованные Барсовым отрывки. Совсем не обязательно думать, что последовательность, в которой Барсов их напечатал в предисловии ко II тому и в статье в «Записках РГО», соответствовала их действительной связи и взаимному расположению. Более того, мы не знаем, все ли пропущенные строки оказались опубликованными. Тем не менее едва ли было бы правильным не попытаться расположить их в каком-то, хотя бы условном, порядке или вовсе не печатать в составе «Плача о старосте».

Сопоставление «новгородских отрывков» друг с другом, размышление над ними в свете обычных поэтических законов причети и индивидуальных особенностей импровизации и сюжетосложения И. А. Федосовой привели нас к предпочтительной реконструкции, которая, разумеется, не может быть бесспорной до тех пор, пока не будут обнаружены какие-то новые документы, связанные с «Плачем о старосте»¹.

¹ См. «Причтанья» в Большой серии «Библиотеки поэта» (2-е изд.). Л., 1960. С. 53—58.

² Гипотетическая реконструкция текста «Плача о старосте» была одобрильно встречена в печати (см.: Б. Н. Путилов. Вопросы текстологии произведений русского фольклора//В кн.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963. С. 28—29). К сожалению, некоторые позднейшие публикации «Плача о старосте»

Возникает вопрос: почему Е. В. Барсов не опубликовал «Плач о старости» полностью ни в 1870-м, ни в 1872 году? Ответить на него можно только предположительно. Нам известно, что Барсов воздерживался от публикации всех текстов плачей Федосовой, вошедших впоследствии в «Причтания Северного края» и записанных им в 1867—1868 годах. Судя по тому, что тексты, не вошедшие в это собрание (в том числе песни, былины и т. д., записанные от И. А. Федосовой), он в эти же годы весьма охотно публиковал в «Олонецких губернских ведомостях» и других изданиях, можно заключить, что ему хотелось, чтобы читатели впервые познакомились с ними в составе сборника, на успех которого он возлагал большие надежды.

От этого правила он отступил только однажды. Мы имеем в виду публикацию в газете «Современные известия», о которой уже говорилось. В связи с тем, что газета стремилась придать тексту плача необходимый ей смысл, следует полагать, что выпадение строк, о которых идет речь, могло быть результатом общения Барсова с издателем, который не хотел, чтобы публикация приобрела излишнюю остроту, отвлекала читателя от того толкования текста, которое он предлагал в своей передовице.

Не исключено вместе с тем, что опыт общения с «Современными известиями», по-видимому, привел Барсова к выводу, что публикация «Плача о старости» рискованна. По цензурному уставу 1865 года I том, как книга научного содержания объемом более десяти печатных листов, не подлежал предварительной цензуре, поэтому весь риск Барсов должен был взять на себя. Нам неизвестны факты, которые говорили бы о какой-нибудь особенной смелости издателя «Причтаний Северного края». С другой стороны, несомненно, что сборник издавался на крайне скучные средства. Кратковременная ссуда, полученная Барсовым от Общества любителей российской словесности, чрезвычайно тяготила его¹, и II том он смог издать только через десять, а третий — через пятнадцать лет после первого. И, наконец, известно, что Барсов, никаким радикализмом не отличавшийся, но все же испытавший некоторое кос-

не учитывают предложенной реконструкции, хотя она никем не была оспорена. В качестве примера можно назвать весьма авторитетную хрестоматию для вузов С. И. Минц и Э. В. Померанцевой (Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Учебное пособие для вузов. М., Изд. 2-е. 1963. С. 160—163).

¹ См., например, письмо Е. В. Барсова к И. И. Срезневскому от 1 октября 1872 г./Архив АН СССР. Ф. 216. Оп. 5. № 32. Л. 10.

венное воздействие демократических настроений начала 60-х годов, в 70-е годы все более правеет.

Вероятно, по какой-то из этих причин (впрочем, не исключено, что все эти причины действовали и одновременно) в 1872 году в составе I тома Барсов опубликовал «Плач о старосте» тоже без «новгородских строк». И все же ему, по-видимому, не хотелось предавать их забвению. В дни, когда заканчивалось печатание I тома¹, 30 апреля 1872 года, на заседании Общества любителей российской словесности Барсов прочитал доклад, текст которого был в 1873 году опубликован в «Записках РГО» под заглавием «Об олонецком песнетворчестве», где приводились эти строки. Нам неизвестно, сообщалось ли в докладе, откуда заимствованы отрывки, но, как мы уже говорили, в печатном тексте статьи, увидевшей свет после того, как I том стал известен читателям, настойчиво подчеркивалось, что они принадлежат «Плачу о старосте». В 1882 году он снова повторил их в предисловии ко II тому, несмотря на то, что к рекрутским причитаниям они никакого отношения не имели. Следует сказать, что в составе статьи в «Записках РГО» и вступления ко II тому новгородские отрывки теряли свою остроту. В статье «Об олонецком песнетворчестве» они приводились в доказательство приверженности жителей Олонецкой губернии новгородской старине; причем эта приверженность старине (истолкованная в смысле, близком к славянофильским настроениям членов Общества любителей...) рассматривалась как одна из причин сохранения в губернии памятников «песнетворчества». Во вступлении же ко II тому Барсов обращал внимание читателей на наличие у различных народов плачей о разоренных городах (Троя, Царьград, Иерусалим, Москва, Ростов, Псков, Новгород). В этом же ряду приводятся и объясняются и «новгородские отрывки». Обращает на себя внимание, что страницы, на которых все это излагается (VII—XIV), довольно искусственно включаются между рассуждениями о завоенной, т. е. рекрутской и солдатской, причети.

Можно сомневаться в том, как расположить «новгородские отрывки», строить различные предположения, насколько они полны и не осталось ли чего-нибудь еще

¹ Он поступил в продажу в мае-июне 1872 г. В первом по времени печатном отклике на сборник, появившись в ж. «Грамотей», говорится: «На днях отпечатаны «Причтанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым» (Грамотей. 1872. Т. VI. С. 31)

в черновиках Е. В. Барсова, особенно — не закрались ли в них строки, которые должны были бы заменить две строки точек, поставленные Е. В. Барсовым между второй частью и «проклятием судьям», а может быть, даже и строку точек в конце текста, но сам факт пропуска составителем «Причтаний Северного края» по каким-то (очевидно, все-таки цензурным!) соображениям целого отрывка несомненен. Это дает основание заключить, что барсовское указание на неполноту «Плача о писаре» и «Плача о попе — отце духовном» в их заголовках и многочисленные строки точек в других текстах, рассекающие или завершающие тексты, им опубликованные, составляют в своей совокупности проблему, которая еще ждет своего разрешения. Пока же для этого недостает достоверных данных.

Чтобы понять издательские намерения и принципы Е. В. Барсова, необходимо рассмотреть по доступным нам материалам историю его взаимоотношений с Обществом любителей российской словесности, под эгидой которого издавался сборник «Причтания Северного края».

В кратком предисловии к I тому «Причтаний Северного края» Барсов говорит о том, что фольклорные труды Общества любителей российской словесности, прежде всего издания «Толкового словаря» Даля, «Песен» Рыбникова, сборников Киреевского, Бессонова и другие «вызвали потребность и труд настоящего издания», благодарит Общество за «нравственное и материальное содействие» и посвящает ему свой сборник. Здесь же он пишет: «Особую благодарность приносит собиратель председателю Общества А. И. Кошелеву, который прежде всех с живейшим участием отнесся к настоящему изданию». И, наконец, в заключение предисловия собиратель «...долгом своим считает... также выразить признательность П. А. Бессонову, И. Д. Беляеву и Н. А. Чаеву, которые по поручению Общества не только принимали участие в рассмотрении и оценке собранного материала, но и выработали еще правила для настоящего издания»¹.

Если бы мы не располагали дополнительными свидетельствами самого Барсова, могло бы создаться впечатление о весьма безмятежной истории издания «Причтаний». Однако это было далеко не так.

Еще до встречи с Федосовой Барсов обсуждал с П. Н. Рыбниковым вопрос о целесообразности записей

¹ Барсов. Т. I. С. вне пагинации.

причитаний. Рыбников внушал ему, что «бытовая поэзия не так важна, как богатырский эпос», и советовал «направить свои интересы к продолжению сделанного им в этой области»¹. Барсов пишет, что Рыбников особенно настаивал на записи былин, т. к. выход в свет первых двух томов «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» породил недоверие в подлинности его публикаций. Записи Барсова будто бы должны были ликвидировать эти сомнения².

Речь Барсова 1896 года, которую мы только что цитировали, содержит явное преувеличение. Уже в 1861 году, т. е. в год приезда Е. В. Барсова в Петрозаводск и вскоре после выхода в свет I тома «Песен» П. Н. Рыбникова, столичные ученые (и прежде всего один из наиболее авторитетных рецензентов I тома — И. И. Срезневский) получили от своих петрозаводских корреспондентов (Д. В. Поленова и В. М. Модестова) подтверждение безупречности записей Рыбникова. В письме от 5 октября 1862 года Рыбников назвал еще несколько человек, которые у него дома «не один раз» слушали певцов былин (В. М. Модестов, Д. В. Поленов, Ф. Н. Фортунатов, Е. Ф. Фортунатов, Островумов, Н. Д. Дмитриев)³. В последние годы пребывания Рыбникова в Петрозаводске Барсов действительно много публиковал в «Олонецких губернских ведомостях». Известно, что целый ряд записей и обнаруженных им рукописей он передал Рыбникову для публикации⁴. Однако это были преимущественно не былины.

Рыбников склонял Барсова к продолжению записи былин вовсе не потому, что была нужда подтвердить подлинность его собственных записей — в них уже никто не сомневался. Рыбников понимал и писал об этом неоднократно в своих письмах, что ему удалось записать только небольшую часть былин, которые знали в те годы олонецкие крестьяне. Он считал, что былинная поэзия обречена на скорое затухание и поэтому она должна незамедлительно фиксироваться. Вместе с тем есть убедительные свидетельства того, что Рыбников достаточно высоко ценил бытовые песни и «заплачки», как он называл причитания. Он упоминал о них еще в 1860 году в письме к К. С. Ак-

¹ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причитаний Северного края». С. 130.

² Там же. С. 131.

³ Колесницкая И. М. Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому. В кн.: Русский фольклор. Л.; М., 1959. Т. IV. С. 283—284.

⁴ Чистов К. Н. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 68—70.

сакову; он публиковал их в последних выпусках своих «Песен». Наконец, в «Заметке собирателя» он писал: «Если былевая поэзия переносит нас в далекое прошлое и открывает нам народное земское представление о русской истории и о тех идеалах, которые созданы се течением в сознании народа, то заплачки и бытовые песни знакомят со взглядом русского человека на явления его семейной и обыденной жизни¹. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что, отдавшись целиком записи причитаний, Барсов не противопоставлял себя деятельности Рыбникова, а продолжал ее. Однако это произошло уже после отъезда Рыбникова из Петрозаводска в 1866 году. В 1867 году Барсов встретил Федосову. С того же года начинаются его публикации свадебных и похоронных причитаний в «Олонецких губернских ведомостях», записанных от других исполнительниц (по-видимому, представленных ему главным образом его учениками)².

В июле 1868 года, когда значительная часть записей для I и II томов была уже осуществлена, Барсов решил обратиться за поддержкой к И. И. Срезневскому, сыгравшему, как известно, большую роль в развитии славистики и русского языкоznания и, как это было сравнительно недавно выяснено, в значительной мере также и в развитии русской фольклористики³. Результат их встречи был весьма неожиданным для Барсова.

Он так описывает свой приезд в Петербург в 1868 году: «Сюда прибыл я нарочно в 1868 году, чтобы поделиться с ученым миром впечатлениями открытого мною сокровища бытовой народной поэзии. Прежде других я представился к (sic!) знаменитому исследователю древнерусского письма и языка И. И. Срезневскому. Когда я сообщил ему о богатстве записанных мною народных плачей, он вдруг неожиданно замечает: «Не увлекайтесь, молодой человек, Вы слишком много значения придаете Вашим записям; не угодно ли, моя прислуга наскажет Вам разных разностей — и Вы, пожалуй, записывайте, но не думайте, что это будет иметь важное значение в науке. Вот у нас даже в университете есть такой же увлекающийся человек, который написал целую библию об Илье Муром-

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е. СПб., 1909. Т. I. С. XII—XIII.

² Виноградов Н. Н. Фольклор Карелии. Библиографический указатель. Петрозаводск, 1937. С. 13—16.

³ Колесницкая И. М. И. И. Срезневский как фольклорист (1840—1850 годы) //Русский фольклор. 1963. Т. 8. С. 297—328.

це¹. Нет ничего опаснее, как спешить с преждевременными выводами». Предостерегая против увлечения, Измаил Иванович был вместе с тем столько любезен, что ввел меня в круг своей семьи и пригласил меня на ближайший вечер².

Естественно, что Барсов был озадачен таким приемом. Он пишет: «Слова его (т. е. И. И. Срезневского.—К. Ч.) о собранной мною причети однако подействовали на меня самым угнетающим образом и тем сильнее, чем больше носил я в душе своей благоговения к его ученому авторитету. Если бы, кажется, в эти минуты случились под рукою мои записи, то я, ничтоже сумняшася, не пожалел бы бросить их в камин и сжечь, как материал малоценный для науки³. К счастью, этого не произошло.

Здесь же в Петербурге Барсов обратился к тому «увлекающемуся человеку» из Петербургского университета, о котором говорил И. И. Срезневский. Он пишет: «Но затем явился я к восторженному человеку, глубоко понимавшему и любившему народное песнетворчество, к Оресту Федоровичу Миллеру; он раскрыл мне впервые, что в настоящее время Измаил Иванович занимается юсовыми памятниками⁴ и что юс малый и юс большой так увлекли его самого, что он стал равнодушным к живому творческому народному слову и я не мог встретить с его стороны иного отношения к своей работе, какое встретил⁵.

Эпизод этот не так легко объяснить. И. И. Срезневский с 30-х годов занимался фольклором — украинским и русским, а затем и других славянских народов. Его учениками были крупнейшие русские фольклористы 50—70-х годов XIX века, он пользовался заслуженной славой патриарха славистики и лингвистической русистики, палеографии, великолепного знатока древней русской письменности. Ему принадлежала опубликованная в 1852 году «Программа для собирания образцов народного языка

¹ Имеется в виду О. Ф. Миллер и его книга «Илья Муромец и богатырство киевское» (1869).

² Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причтаний Северного края». С. 132.

³ Там же.

⁴ Имеются в виду старорусские рукописные памятники, в которых встречаются архаические носовые «он» (юс большой) и «ен» (юс малый).

⁵ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причтаний Северного края». С. 132.

и словесности», в которой с большой четкостью были сформулированы научные принципы точной записи. Срезневский отмечает здесь роль фольклорных памятников как исторического источника. Вместе с тем, как пишет современная исследовательница, он признает значение современных памятников как «достойных не меньшей внимательности»¹. Он требует фиксации памятников «с образом с выговором народным», точной документации и выяснения, какое значение имеет тот или иной памятник в жизни семейной и несемейной, как он функционирует в народном быту.

Известно, что именно И. И. Срезневский побудил Рыбникова напечатать его «Заметку собирателя», сыгравшую столь значительную роль в дальнейшем развитии фольклористики. Более того, еще в 1855 году в статье «Труд и мнения Н. В. Берга касательно народных песен» Срезневский формулирует концепцию исторического развития фольклора, включая и его поздние слои. Наконец, здесь же он впервые в русской фольклористике ставит вопрос о проявлении индивидуального, личного начала в фольклоре и соотношении его с коллективной традицией².

Казалось бы, что Барсов и его записи должны были оказаться близки И. И. Срезневскому. Отчего же этого не произошло? Вполне вероятно, что Срезневский на этом этапе не успел еще познакомиться с текстами Федосовой. Восторженный рассказ Барсова о его записях он мог воспринять как типичное славянофильское увлечение. Он же в эти годы открыто не одобрял как псевдомифологические увлечения «мифологической школы», так и славянофильский энтузиазм. В одном из писем известному чешскому слависту В. Ганке он пишет: «Не зная славян, ни их быта, ни их истории, ни их литературы, эти люди кричат о славянах и своими возгласами только портят. Возгласы эти, панегирики, где расхваливается то, что не очень стоит похвалы, и умалчивается о том, что стоит не только похвалы, но и удивления, а все от незнания. Когда то, что хвалилось, не было еще известно, дело сходило с рук; но чуть оно становится известным, люди видят, что рассыпанных похвал оно не стоит, и славянофилов хваливших начинают ругать вместе с тем, что они хвалили. Теперь

¹ Срезневский И. И. Программа для собирания образцов народного языка и словесности//Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. I. Стлб. 3.

² Колесницкая И. М. Срезневский как фольклорист. С. 311—312.

по необходимости у нас отделились слависты и славянофилы, как две партии, ничем не связанные¹. Последнее замечание очень важно. Срезневский, который в эти годы не имел себе равных в реальном знании славянских народов и зарубежной славистики, как, впрочем, и русской филологии, три года пешком бродивший среди западных и южных славян (1839—1842), ратует за размежевание славистики и славянофильства, которое своими романтическими преувеличениями мешает выработке строго научных методов. В 50—60-е годы он все больше углубляется в палеографию, проблемы текстологии, историческую фонетику, историю русского языка. Вместе с тем он постоянно поддерживает фольклорные и этнографические публикации в изданиях Академии наук.

С другой стороны, в 60-е годы общественная позиция Срезневского тоже подвергается определенным изменениям — он правеет и постепенно становится одним из оплотов университетского консерватизма, подвергаясь критике с различных сторон — от «Современника» и «Отечественных записок» до позднеславянофильских изданий².

Итак, попытка Барсова найти поддержку у И. И. Срезневского не удалась. В отличие от этого О. Ф. Миллер (он был редактором IV тома «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», а в это время доцентом Петербургского университета и председателем Этнографической комиссии Русского Географического общества) и будущий академик В. И. Ламанский горячо поддержали собирателя. Барсов пишет об этом так: «Когда я прочел Оресту Федоровичу несколько отрывков из плачей, он пришел от них в неописуемый восторг и заявил, что это будет драгоценнейший вклад в науку. «Верьте мне, что это будет так, и сам Измаил Иванович (т. е. Срезневский.—К. Ч.) в этом убедится». И далее: «На вечере у Измаила Ивановича я встретился с Владимиром Ивановичем Ламанским, который также выразил горячее сочувствие моей работе. Окрыленный этим сочувствием, я вернулся в Петрозаводск и записал от Ирины Андреевны несколько плачей³. Вероятно, это были главным образом рекрутские причита-

¹ Колесницкая И. М. Срезневский как фольклорист. С. 308.

² Там же. С. 327—328.

³ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причтаний Северного края». С. 132—133. О. Ф. Миллер пятью годами раньше, в 1863 г., в книге «Историческое обозрение русской словесности» (с. 92 и 94) упоминал о существовании причтаний у русских.

ния. Во вступительной заметке к III тому Барсов сообщает, что он записывал их в 1868 году.

Одобрение О. Ф. Миллера и В. И. Ламанского утвердило Барсова в намерении издать сборник. Он делает последние записи и компонует книгу.

В 1870 году Барсов по приглашению Румянцевского музея переезжает в Москву, где становится помощником А. Е. Викторова по заведованию отделом древних рукописей и старопечатных книг, а несколько позже — библиотекарем Чертковской библиотеки и ученым секретарем Общества истории и древностей российских.

Так же как и в Петербурге, в Москве Барсов сближается со славянофильскими кругами и именно у них находит поддержку, обеспечившую ему возможность издания сборника. В связи с этим естественно было его обращение за содействием к Обществу любителей российской словесности — общественному центру московских славянофильских кругов, взявшему в свое время на себя инициативу издания «Толкового словаря» В. И. Даля, классической фольклорной серии «Песни, собранные П. В. Киреевским» и других изданий. В речи 1896 года, на которую мы уже неоднократно ссылались, об этом рассказывается следующим образом: «Слух об имеющемся у меня материале народного песнетворчества скоро дошел до славянофильского кружка. В доме Александра Ивановича Кошелева назначен был особый вечер, на который я был приглашен, чтобы ознакомить собрание с причетью Ирины Федосовой. В этом домашнем собрании, со множеством гостей, я прочел два погребальных плача: «Плач вдовы по муже» и «Плач дочери по матери». Чтение мое произвело сильное впечатление». При этом было предварительно решено избрать Барсова на официальном заседании действительным членом Общества, просить его на этом же заседании прочитать «Плач вдовы по муже» с краткою биографией Ирины Федосовой и обсудить вопрос об издании сборника. При этом, замечает Барсов, «насколько я помню, особенно заинтересовался личностью вопленицы Ю. Ф. Самарин»¹.

Задуманное заседание состоялось. Барсов был принят в члены Общества. Одновременно было ассигновано 500 рублей для печатанья I тома, с тем чтобы деньги, вырученные от его продажи, были употреблены на печатание II тома. Общество назначило комиссию из трех человек

¹ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причтаний Северного края». С. 133.

(Н. А. Чаев, И. Д. Беляев и П. А. Бессонов), которая должна была выработать инструкцию для составителя.

Инструкция, выработанная комиссией Общества любителей российской словесности, представляет собой документ, чрезвычайно интересный не только для истории сборника «Причтанья Северного края», но и, безусловно, для истории русской фольклористики в целом. Она сохранилась также в составе речи Барсова 1896 года. Приведем ее целиком:

«В Общество любителей российской словесности.

Комиссия, избранная Обществом для предварительного рассмотрения собранных д. ч.¹ Е. В. Барсовым и предназначаемых к изданию «Олонецких причитаний», по рассмотрении их находит, что

1) собранные г. Барсовым народные памятники, в высшей степени замечательные и до сих пор неизвестные еще печати нашей в таком обилии, совершенно заслуживают издания при содействии Общества, издержки же на это должны простираться до 500 руб. сереб.

При этом, так как означенные памятники представляют собою один *материал*, еще не приготовленный как следует к изданию, то Комиссия находит уместным выразить некоторые желания о тех приемах, способах и вообще подготовке или обстановке текста, которые, по ее мнению, должны бы сопровождать *издание*, одобренное Обществом, ввиду уже прежних, многих образцов сего рода и требований современной науки. А именно желательно:

2) Чтобы напечатаны были при этом объяснения *самой певицы*, сколько их помнит г. Барсов в собственных выражениях ее языка об ее профессии, применении причитаний, употреблении и распространении между народом, об ее предшественниках или современниках-товарищах по занятию и т. п., вроде как сообщил о том г. Барсов на публичном чтении Общества.

3) На основании ее же показаний или собственных сведений собирателя, чтобы изложено было несколько более, чем теперь есть у него, подробностей *самого обряда*, весьма разнородного, сопровождаемого причитаниями, вообще все, что известно г. Барсову или может быть еще дополнено в существенных чертах из других русских источников о сем деле.

4) Чтобы сличить «Плачи обрядные» с теми «эпически-

¹ Д. ч.—действительный член (Общества любителей российской словесности).

ми», кои относятся к разным нашим историческим лицам и уже отпечатаны частью в изданиях Общества¹.

5) Текст дополнить по возможности главнейшими *вариантами* из прежде изданных русских памятников в том же роде, в особенности из сборника *Рыбникова*, описания Дашкова (1832 г.), Терещенки, Пермского сборника, Записок о Сибири (в «Библиотеке для чтения»), «Сельской свадьбы Архангельской губернии», «Москвитянина», 1853 г., XIII, 38 в статье Авдеевой и всего старше «Веселой Эрато» 1800 года².

6) Прибавить для лучшего сравнения в столь важном отделе, который на Руси является впервые в такой полноте и должен обратить внимание *славян*, особенно *южных*, соответственные у сих последних хотя в нескольких образцах так называемые «нарицания», с переводом по-русски, равно как указать на существующие такие же памятники у новых греков и албанцев, в чем г. собирателю изъявляет желание содействовать г. Бессонов.

7) Так как в тексте, вероятно при переписке, вкрались, по-видимому, недосмотры, например, *безуленные* вм. *безъуленные*, *привородчиков* вм. *приворотчиков*, *кратчи* (короче) вм. *крадчи* (крадучись), *слали* вм. *стали*, *злой* вм. *золотой*, *вокеян* вм. *в океан* и т. п., и так как теперь же оказываются в тексте некоторые поправки, например, «из окошечка в окошечко» вм. «из окошка в окошко», прибавленные, кажется, два стиха, то Комиссия видит необходимым г. собирателю еще раз точнее проверить беловой текст с черновыми записками и предполагает, что при исполнении сего во многих случаях изменится *стих*, *обычно теперь растянутый на 13 слогов*, устраниются иногда однообразные утомительные окончания *уменьшительных слов*, вроде употребляемых Сахаровым,

¹ См. их сводку во введении к I тому сборника Е. В. Барсова. С. III—IX. Наиболее пространный обзор причитаний в древнерусской письменной традиции//В кн.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947 (гл. II. «Лиро-эпические плачи в древнерусской литературе». С. 135—180).

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1864. Т. 3; Дашков В. А. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. Петрозаводск, 1842 (в инструкции ошибочно — 1832 г. «Описание» публиковалось в 1841 г. в «Журнале министерства внутренних дел» и в 1842 г.—отдельным изданием); Терещенко А. В. Быт русского народа. 1848. Ч. III; Бурдин Е. Причтания по покойнику в Кунгурском у.//Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2; Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1838; Москвитянин. 1842. Т. XIII.

напр<имер>, головушки, ветрушки, людушки, смерётушка, ествушек, рыболовушкиах, Онегушка, желаньице и т. п., равно как выпадут из иных мест удлиняющие стих вставки *ведь, вот, знать* и т. п., чаще встречаемые не у народа, а в подправках издателей для стиха. Так же необходимо во многих словах выставить ударения.

8) Желателен в конце особый *Словарь* областных олонецких речений с грамматическими формами и *указатель* главнейших имен, терминов, типических выражений при обряде, вообще отличительных признаков творчества *сего рода*. Слова, требующие объяснения, большою частью подчеркнуты, и те, при коих следует указать просто перевод, и при коих прибавить обстоятельное объяснение *происхождению* смысла.

9) Нелишне, кажется, будет издателю для соответствия с прочими, теперь уже довольно значительными изданиями самого Общества или ему посвященными трудами, наблюдести подобие в самом наружном виде новой книги, в формате и шрифте, сколько это возможно, напр<имер>, особенно чтобы *шрифт текста* был не французский и плотный, а четкий, круглый¹.

Итак, комиссия Общества признала сборник, в том виде, в котором его представил Барсов, в высшей степени замечательным, но неприготовленным к изданию. К сожалению, мы не располагаем никакими сведениями о том, каков он был на той стадии, на которой с ним знакомились члены комиссии. Известно только, что первоначально он должен был называться «Сборник заонежских заплачек», в рекомендациях комиссии он фигурирует как «Олонецкие причитания». Окончательное название — «Причтанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым» — было установлено по совету А. Н. Пыпина². Е. В. Барсов согласился с ним, т. к. считал заплачками отрывочные (т. е., по существу, обыкновенные, бытовые) тексты — в отличие от причитаний И. А. Федосовой³.

Переход от первоначального названия ко второму, вероятно, отражает сложившееся в сознании Барсова в 1867—1868 годах убеждение в различии обыденных, рядовых заплачек и более сложных причитаний Федосовой. Окончательное название как бы расширило рамки

¹ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причтаний Северного края». С. 134.

² Там же.

³ Там же. С. 138.

сборника, хотя, безусловно, оно при этом потеряло локальную точность. В сборник было введено, как уже упоминалось, несколько текстов, записанных от других исполнительниц — Мары Федоровой из Каргополя (Олонецкой губ.), Анны Первентцевой из Пудожского уезда (тоже Олонецкой губ.), Анны Лазорихи из Череповецкого уезда (Новгородской губ.) и Клавдии Мамоновой из Калязинского уезда (Тверской губ.). Однако все они занимали в сборнике довольно скромное место — из 22 текстов 17 принадлежало Федосовой (272 с.) и 5 — остальным исполнительницам (26 с.).

Барсов принял, к сожалению, название сборника, рекомендованное Пыпиным. К сожалению, так как оно оказалось значительно шире действительного содержания книги (многие районы Северного края здесь не представлены). Более того, можно без преувеличения утверждать, что пыпинское название способствовало созданию неточного представления, согласно которому причитания Федосовой — типичные северорусские причитания. Мы уже говорили о том, что впоследствии его пришлось преодолевать.

К концу 1867 года Барсов уже думал об издании записей от Федосовой по крайней мере в двух томах. Как должны были первоначально распределяться тексты по томам — неизвестно, хотя вполне вероятно, что уже наметилась трехчастная структура сборника, соответствующая трем основным разновидностям причитаний (похоронные, рекрутские, свадебные). Судя по публикациям в 1867—1869 годов в «Олонецких губернских ведомостях», они были известны Барсову.

Что должно было войти в намеченные или уже подготовленные тома, кроме самих записей? Приготовлено ли было уже «Введение», статья «Погребальные обычаи на Севере России», «Сведения о вопленицах, от которых записаны причитания» и статья «Общие замечания о языке причитаний», которые мы находим в составе I тома? Единственное, что можно утверждать на основании свидетельства самого Барсова, — это то, что «Северно-русский словарь» был составлен Барсовым до представления рукописи в Общество. В примечании к первой странице «Словаря» Барсов сообщает: «Словарь этот составлен по мысли академика И. И. Срезневского еще в 1867 году. В состав его вошли слова, которых нет в «Областном великорусском словаре» и в «Дополнениях» к нему, равно как все непонятные слова, встречающиеся в сборнике причитаний.

Здесь прилагается он согласно желанию Общества любителей российской словесности¹. Следовательно, Барсов шел по свежим следам В. И. Даля — последний том «Толкового словаря» вышел в 1866 году. Отсюда следует также, что Барсов был знаком или состоял в переписке с И. И. Срезневским еще до их встречи в 1868 году, о которой говорилось выше. С другой стороны, подчеркивается, что совет Срезневского совпал с рекомендацией комиссии.

Возвратимся к ним. В речи 1896 года Барсов заявляет категорически: «Приступив к печатанию, я решился однако вести дело без всякого постороннего вмешательства»². Таким образом, он признает, что принял большую часть «правил», разработанных комиссией, но совершенно отверг ее текстологические требования.

Комиссия Общества рекомендовала в качестве образца свои прежние издания (прежде всего «Песни» Киреевского, которые издавал один из членов комиссии — П. А. Бессонов), как бы стремясь ориентировать Барсова на создание всеобъемлющей национальной антологии причитаний. Для этого было предложено тексты, представленные Барсовым, «дополнить по возможности главнейшими вариантами из прежде изданных русских памятников того же рода» (пункт 5). При этом назывались уже упоминавшиеся нами публикации П. Н. Рыбникова, В. А. Дашкова, А. В. Терещенко, Е. А. Авдеевой («Записки о Сибири») и некоторые ранние записи свадебных причитаний. Однако рекомендации комиссии явно обгоняли реальное развитие записей и исследований причитаний. Записей еще было крайне мало, и, как показало дальнейшее развитие фольклористики, антологий в национальных масштабах могли быть осуществлены только в 1937 и в 1960 годах³. Барсов избрал решение, которое можно было бы назвать компромиссным, — в подстрочных примечаниях к записям Федосовой и других северорусских воплениц, которыми

¹ Барсов. Т. I. Приложение. С. III.

² Там же.

³ Русские плачи (Причтания). Вступ. ст. Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова/Редакция текстов и примечания Г. С. Виноградова//В серии «Библиотека поэта». Л., 1937. 264 с. Причтания/Вступ. ст. и примечания К. В. Чистова. Подготовка текстов Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова//В серии «Библиотека поэта». Л., 1960. 434 с. См. также: Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия/Составление и подготовка текстов Б. Чистовой и К. Чистова. Вступ. ст., предисловия к разделам и комментарии К. Чистова. Л., 1984. С. 379—457 и 493—497.

он располагал, он приводит рекомендованные ему тексты, не вводя их в корпус своего сборника. Тексты из сборников П. Н. Рыбникова и П. В. Шейна (последний почему-то не был назван комиссией) тоже были опубликованы в подстрочных приложениях. Таким образом, Барсов сохранил свой сборник как региональный с явным преобладанием записей от Федосовой и вместе с тем не лишил читателей информации о других накопившихся к этому времени публикациях.

В речи Барсова 1896 года обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Кроме известных филологов, которых мы уже называли, в судьбе сборника принимал участие и Ф. И. Буслаев. Барсов пишет: «Составив свои замечания об месте «Причтаний» и не считая себя филологом (Барсов учился в духовной семинарии и позже — в духовной академии.— К. Ч.), я сообщил их Ф. И. Буслаеву, который вполне их одобрил и восполнил некоторыми существенными указаниями»¹. К сожалению, сейчас трудно установить, какие это были замечания и какова вообще была мера участия этого замечательного ученого в подготовке I тома сборника.

Итак, в судьбе сборника в большей или меньшей мере участвовали такие видные филологи середины XIX века, как И. И. Срезневский, В. И. Ламанский, Ф. И. Буслаев, А. Н. Пыпин, О. Ф. Миллер и др., включая специальную комиссию Общества любителей российской словесности. Это, видимо, уберегло Барсова от каких-то промахов, какие были возможны, судя по некоторым специфическим особенностям сборника, особенно в его лингвистической части.

Вероятно, готовя сборник уже на московской стадии, Барсов был поставлен перед выбором: каким же из многочисленных советов следовать? Надо отдать ему должное, он отказался от превращения своего сборника в прежнедевременную и скороспелую антологию русских причтаний. Вместе с тем его вступительная статья стала первым общим исследованием русских причтаний, а не только текстов, помещенных в сборнике. Это вполне согласовалось в сознании читателей с тем, что совокупность текстов, составивших сборник, воспринималась как открытие, равноценное открытию былин Киреевским, Рыбниковым и Гильфердингом, сказок — Афанасьевым и песен — Шей-

¹ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причтаний Северного края». С. 134.

ном. В те годы принято было говорить именно об «открытиях» (собственно, так осмысяются эти факты и сейчас в истории русской фольклористики), несмотря на то, что о существовании былин знали еще со времен выхода в свет сборника Кирши Данилова.

Как уже говорилось, Барсов отводил подозрение, высказанное комиссией, что обилие уменьшительных форм в текстах, записанных от И. А. Федосовой, есть результат его обработки записей в духе Сахарова, а вставные частицы типа «да», «ведь», «тут» и т. п. или частицы в начале строк — «Да», «Как», «Ай», «И» и т. д. «добавлены для стиха». Следует сказать, что рецензенты 70—80-х годов воспринимали тексты, изданные Барсовым, как натуральные, не подвергшиеся никакой обработке. По крайней мере, никто из них не высказал Барсову ни одного упрека, и только через двадцать пять лет после выхода в свет III тома (и через тридцать восемь после выхода I тома) видный собиратель-краевед начала XX века Н. С. Шайжин в статье «Похоронные причитания Олонецкого края (новые записи)», опубликованной в «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1910 г.», высказал свое отрицательное отношение к Барсову-диалектологу и поставил под сомнение его записи с точки зрения языка. Вопрос этот важен, т. к. в зависимости от его решения мы должны оценить достоверность барсовского издания. Без этого дальнейший анализ сборника «Причтанья Северного края» невозможен.

Шайжин обращает внимание на подозрительную с его точки зрения единобразность языка плачей, записанных не только в Заонежье (Федосова), но и в других трех уездах Олонецкой губернии, в губерниях Новгородской и Тверской. Он отмечает слова «вороница», «уяданье», «удолять», «перески», «ублаждать», «съедуба», «сухо-красный», «смелугище», словосочетания «спацлива родна дяденька», «зари спорыданье» и другие и сообщает, что он никогда подобных слов из уст русских крестьян Олонецкой губернии не слышал¹. Он сравнивает строки

От суда божья, род, да мы не денемся,
От смеретушки ведь нам не убегать

¹ Действительно ли Е. В. Барсов правил тексты, записанные от исполнителей из Новгородской и Тверской губерний, ориентируясь на олонецкий диалект? Такой вопрос требует специального исследования. Характерно, что слова, которые Шайжин считает выдуманными, разыскиваются в словаре В. И. Даля или, по крайней мере, объясняются из него: «уяданье» — т. IV, с. 530, «удолять» — т. IV, с. 474,

с известным местом из «Слова о полку Игореве» — «Ни хытру ни горазду суда божия не минути», некоторые другие слова и выражения с церковными и светскими письменными памятниками и напоминает о том, что корреспондентами Барсова были его ученики по Петрозаводской духовной семинарии. Шайгин отмечает, что сам Барсов писал о неблагоприятных условиях записи Федосовой, и считает, что собиратель мог многое недослышать и не понять. Наконец, он подчеркивает, что записи Барсова по языку и «складу» резко расходятся с записями Агреневой-Славянской. Признавая, что записи последней содержат много неточностей, он тем не менее утверждает, что и это сопоставление говорит не в пользу Барсова¹.

Между прочим, сам Барсов, настаивая на том, что причитания записывались и воспроизводились им в совершенно натуральном виде, признавал, что печатные тексты содержат много ошибок. На листке «Дополнения и погрешности», вклеенном в I том, он писал: «По неопытности издателя в корректурном деле в книгу вкрадлось немало погрешностей; указываем главнейшие». И далее он приводил двадцать пять из них. Во II томе приводилось еще семнадцать, в III томе они были не указаны, т. к. печатание его не было завершено. В действительности же подобных погрешностей, возникших в процессе печатания книги, оказалось значительно больше.

Вопрос о неисправности текстов в сборнике О. Х. Агреневой-Славянской возник тоже еще в прошлом веке. Уже О. Ф. Миллер, первый рецензент «Описания русской крестьянской свадьбы», отмечал², что все записи Агреневой в поэтическом отношении значительно слабее текстов,

«съедуба» — т. IV, с. 374; «сухо-красный» («Посыпалось сухо-красное золото») у Даля дается в форме «сухо-златый» — «посуху золоченый», т. IV, с. 367, «смелугище» — в форме «смелуха» (ж.р.), т. IV, с. 241, «зари спорыданье» — в форме «солнце спорыдает» — всходит, т. IV, с. 297, «вороница» как производное от «ворона» — у Даля нет, но отыскивается в современном «Словаре русских народных говоров» (т. 5, с. 115). Что же касается слов «перески» (от «перст») или «ублаждать» — фонетический вариант «ублажать», то объяснение их не составляет труда. Странно, что Н. С. Шайгин не пользовался словарем Даля и его единственный аргумент сводится к тому, что он их в Олонецкой губернии не слышал.

¹ Н. С. Шайгин. Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск, 1920. Гл. «О прежних записях». С. 194—199.

² Русская старина. 1889. Т. IX.

известных читателю по трем томам «Причитаний Северного края». Заметим, кстати, что качество текстов в сборнике Агреневой никак нельзя отнести за счет оскудения дара Федосовой — это противоречило общему и единодушному впечатлению от ее выступлений в 90-е годы всех писавших и говоривших о ней, включая Горького, Шаляпина, Балакирева, Вс. Миллера, Грузинского и др. Дело, очевидно, в том, что Агренева не сумела сойтись с Федосовой, расположить ее к свободной импровизации, плохо понимала природу причети и не знала северорусских диалектов.

Еще Барсов писал о невероятных, почти анекдотических промахах Агреневой: «В записях (Агреневой.—К.Ч.) множество мест, лишенных всякого здравого смысла, так что если бы «Причеть» Ирины Андреевны впервые явилась под пером г-жи Славянской, то она была бы искажена до неузнаваемости и не обратила бы на себя ни малейшего внимания людей науки. Теперь же ясно, что изданием своих записей она доказала лишь необдуманную отвагу и полнейшее незнакомство ни со звуковыми, ни с формальными особенностями народного творческого языка»¹.

Так, например, вместо «чистое полюшко» можно встретить «частое полюшко», вместо «у столба точеного» — «у столба печеного», вместо «сладко уяданьице» — «сладко увяданьице», вместо «с поранного утрышка» — «с парандного утрышка», вместо «ко белому ко личушку» — «ко белому колечушку», вместо «блад (т.е. млад, молодой) отецкий сын» — то «брад» (т.е., по-видимому, бородатый), то «блад», но с анекдотическим примечанием: «Блад — это значит шалун, что у нас называется Дон Жуан».

Вопросы, возбужденные комиссией ОЛРС, Шайжинным, отчасти и самим Барсовым по отношению к «Причитаниям Северного края», О. Миллером и Барсовым по отношению к сборнику Агреневой-Славянской до сих пор оставались без ответа. В процессе подготовки «Причитаний Северного края» к изданию в серии «Литературные памятники» мы просмотрели все тексты, записанные от И. А. Федосовой, и стремились выявить возможные по-грешности. Как и можно было ожидать, мы столкнулись при этом со многими трудностями. Общая теоретическая ясность задачи исправлять по возможности Барсова и Аг-

¹ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причитаний Северного края». С. 135.

реневу и максимально бережно отнестись к тому, что принадлежит самой Федосовой, еще не снимает множества практических трудностей, возникающих буквально на каждом шагу.

Если отрицательное отношение к Агреневой — собирательнице и издательнице возрастало по мере внимательного рассмотрения изданных ею текстов, то относительно Барсова можно было бы сказать следующее. Мы убеждены в том, что Барсов ничего не сочинял и не приписывал. Шайжин, по-видимому, несправедливо утверждал, что древнерусские штудии Барсова оказались на языке «Причитаний Северного края». Севернорусские диалекты содержат немало форм, которые воспринимаются как чрезвычайно архаические. Некоторые из них бытуют и до сих пор (например, двойственное число существительных и прилагательных в функции множественного числа и др.), другие с достаточной степенью достоверности зарегистрированы диалектологами XIX—XX веков. Ссылка Шайжина на фразеологические обороты, известные ему из письменных памятников («Слово о полку Игореве», «Остромирово евангелие» и др.) еще менее убедительна. Мы не будем подвергать обсуждению все случаи, указанные Шайжином. В качестве примера остановимся лишь на приведенном выше сопоставлении со «Словом о полку Игореве» («Ни хытру ни горазду...»). Совершенно очевидно, что здесь речь идет о пословице, которая бытowała еще очень давно и известна до сих пор. Ее использовали и автор «Слова», и Федосова (или кто-то из ее предшественниц). Эта пословица встречается и в других памятниках, например в «Молении Даниила Заточника»¹, возникшем, кстати говоря, в XIII веке в районе оз. Лача вблизи Каргополя, т. е. на территории, которая в пору существования Олонецкой губернии входила в ее состав². Кроме

¹ Ср. в «Пословицах русского народа» В. И. Даля: «Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда божьего не миновать» (Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957. С. 38), а также в позднем списке «Моления Даниила Заточника»: «...и суда де божия ни хитру уму, ни горазну не минути» (Ф. И. Буслаев. Очерки народной словесности и искусства. 1861. Т. I. С. 37). Новейший комментарий к этой пословице в составе «Слова о полку Игореве» см.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1963. С. 167—168.

² Отметим попутно, что одна из находок — «Моление Даниила Заточника» — была совершена В. И. Малышевым в Карелии. См.: Малышев В. И. Новый список Слова Даниила Заточника//Труды Отдела древней русской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1948. Ч. VI. С. 100—110.

того, эта пословица тематически тесно связана с традиционным изображением смерти и ожиданием божьего суда. Если бы даже было доказано, что в сборнике Барсова действительно есть слова или словосочетания, не имеющие параллелей ни в одном из существующих сборников, публикаций, словарей и т. д., это не давало бы нам права подозревать его в сочинительстве. Причтания — жанр не только исключающий, а наоборот, предполагающий словотворчество¹, причем активность его прямо пропорциональна одаренности исполнительницы. Следовательно, несомненные неологизмы (установление которых, кстати говоря, тоже требует специальных лингвистических изысканий) вполне могли быть созданы и Федосовой, и кем-нибудь из ее предшественниц, у которых она учились искусству причитывать.

Одним словом, мы убеждены в том, что Барсов-собиратель вполне заслуживает доверия; он стремился записать и издать как можно точнее. Разумеется, это ему не всегда удавалось. Прочтение текстов, изданных им, показывает, что если в них и не было намеренных искажений, то погрешностей вкрадось все же довольно много.

Продемонстрируем лишь некоторые типы ошибок Барсова, которые возникли или могли возникнуть на различных стадиях записи, подготовки к печати или издания текстов Федосовой.

Однако прежде всего необходимо обратиться к единственному случаю повторной публикации Барсовым одной и той же записи — «Плача о старости». Подобное сопоставление небезынтересно для характеристики отношения Барсова к текстам, которые он издавал.

Уже говорилось о том, что текст «Плача о старости» до I тома публиковался на страницах газеты «Современные известия»².

Сравнение текстов обнаруживает разнотечения в 20 строках из 183. Некоторые расхождения надо явно отнести за

¹ См. об этом в статьях А. П. Евгеньевой «Язык устной поэзии (синонимия)»//Труды Отдела древней русской литературы Института русской литературы АН СССР. 1949. Т. 7. С. 118—214 и «О некоторых особенностях русского устного эпоса 17—19 вв. (постоянный эпитет)». Там же. Т. 6. С. 154—189.

² Поскольку Барсова к этому времени уже не было в Петрозаводске, текст «Олонецких губернских ведомостей» не может считаться самостоятельной публикацией.

счет правки редакторами газеты или самим Барсовым для газеты. Так, например, последовательно исправлено «цоканье» (ноци — ночи, горючи — горючи и т. д.), далекая от литературной нормы форма множественного числа, исторически восходящая к двойственному числу («ногама», «рукама» и т. д.), необычная диссимиляция губных («бладую» — младую). К этой группе расхождений, вероятно, надо отнести и различное изображение слова «добирается» — «добрется». Выделяются явные опечатки — «налегли» вместо «легли», «объезжаются» вместо «изъезжаются» (издеваются), «подитко» вместо «падите-тко», «во буйную бы головушку» вместо «буйну» (ср. здесь же «горючи» и др.), «спорядочных суседушек» вместо «спорядных» и опечатки, связанные со сходностью начертания конечного «о» и конечного «ъ» («тако» вместо «такъ», «во» вместо «въ» и «въ» вместо «во»). В одном случае можно отметить перестановку слов «Уж не плут он был до вас, не лиходейничек» и «Он не плут был до вас, не лиходейничек». Если бы разночтения всем этим и ограничивались, мы могли бы сказать, что перед нами случай не очень исправного и специфически газетного воспроизведения текста. Однако, к сожалению, есть и нечто настораживающее. Чем можно объяснить, например, наличие некоторых диалектных форм в газетной публикации и их отсутствие в тексте из I тома «Причитаний Северного края» («об обществе собраноем» и «собраном» (2 раза), «стеной да городовоей» и «городовой», «столиком дубовыми» и «дубовыми», «православными» и «православными», «во полюшке» и «во поле»)? Трудно предположить, чтобы редакция газеты при общей тенденции сглаживания отличий диалекта придумала эти формы. Очевидно, они были в том списке, который Барсов представил в редакцию, но не оказались в чистовой копии, с которой набирались «Причитанья Северного края». Может быть, это просто ошибки переписчика, не замеченные Барсовым? От такого предположения удерживает нас одно важное обстоятельство. Все разночтения без единого исключения приходятся на конец строк. Вместе с тем еще Е. В. Барсов в письме к И. И. Срезневскому (а вслед за ним и другие исследователи и собиратели — филологи и музыковеды) отмечали, что последние два послеударных слога каждой строки причитаний обычно не произносятся («Удлинение голоса бывает сначала на третьем слоге, а затем на том, который остается за отсечением двух последних слогов, так ска-

зать, замирающих,— на третьем от конца»¹). В связи с этим можно предположить, что Барсов при записи не всегда успевал расшифровать эти два последних слога, а потом колебался в выборе варианта. Результат этих колебаний мог оказаться в разнотечениях двух публикаций.

Вместе с тем допустимо и другое объяснение. Современный опыт чтения корректур убеждает в том, что диалектные формы типа «собраноем», «дубовым» иной раз возникают по инициативе наборщика или корректора, по каким-то причинам неудовлетворенных краткими формами как «недостаточно народными».

Ошибки Барсова в этом и других текстах могли возникать при записи и в результате неверного понимания того или иного слова или оборота или просто описки, которая потом по каким-то причинам осталась невыправленной. Может быть, что-то при этом следует отнести и за счет оговорок самой Федосовой, особенно если учесть, что условия, в которых она сообщала Барсову свои тексты, были, как уже говорилось, далеко не всегда благоприятными.

Обратимся к характеристике основных типов неправильностей в изданиях Барсова и заодно и Агреневой².

1) Описки, связанные с непониманием слова или словосочетания и приведшие к неправильной группировке звуков. Например:

И с *соболезными* с сердечными со детушкам
вместо

И *со болезными...*

И когда *прежь* сего поры да было времечка
вместо

И *как допрежь* сего...

Подобная ошибка встречается в трех томах много раз. Однако устойчивость ее свидетельствует не о том, что мог-

¹ См.: «Народная поэтесса И. А. Федосова». С. 111. Ср. расшифровки магнитофонных записей причитаний в сб. Т. В. Краснопольской «Песни Заонежья в записях 1880—1890 гг.». Л., 1987. С. 145—149, 154, 158—160, 162—163 и др.

² Мы не касаемся простых опечаток (указанных либо не указанных Барсовым), исправлять которые допустимо без специальных оговорок (например: «судечушко» вместо «сердечушко», «асё» вместо «все», «теперечно» вместо «теперичко», «раскукушка» вместо «разлукушка» и т. д.). Заметим, что такого рода опечаток в трех томах «Причитаний Северного края» содержится достаточно много.

ло существовать и такое словосочетание, а лишь о том, что Барсов, впав однажды в ошибку, механически повторял ее в дальнейшем. Форма «Когда преж сего...» резко противоречит обычному способу выражения временных связей в причтаниях (так же как в былинах и некоторых других жанрах), при котором избегается употребление наречий, предлогов, местоимений и т. д., точно обозначающих временную последовательность действий. (Ср. в сходной строке: «И как до этой поры да было времечки» — т. II, с. 223).

Уж вы подъте-то, кокоши горегорькие
вместо

Уж вы подъте ко кокоши горегорькое.

Вдова, обращаясь к детям, не могла назвать их «кошами горегорькими», т. к. «кокоша» (т. е. кукушка) обычное и очень устойчивое (в причтаниях, лирических песнях и т. д.) обозначение вдовы — в данном случае название самой причитывающей.

И, наконец, классический пример ошибочной перегруппировки звуков в песне, процитированной Федосовой в автобиографии:

Вот у Мани красно солнышко,
Оно во тумани...

вместо

Во тумани красно солнышко,
Оно во тумани...

Надо думать, что последняя ошибка принадлежит наборщику и была не замечена Барсовым. Трудно предположить, что Барсов мог настолько не понять песню; здесь же во второй строке дается совершенно правильное начертание.

2) Значительное количество ошибок, по-видимому, связано с тем, что Барсов по каким-то причинам (быстрота записи, неясность произношения и т. д.) не слышал окончаний слов в послеударной позиции, в конце строки либо внутри нее. Например, соседка, обращаясь к солдатке, говорит:

И столько судит ли бладыко многомилостивой
И увидать да нам, надежным головушкам,
И уж как этых солдатушков бессчастных.

Грамматически здесь как будто все правильно. Однако с точки зрения поэтики причети эти строки представляют собой совершенную бессмыслицу. «Надежная головуш-

ка» — обычное обращение причитывающей к мужу (т. е. головушка, на которую возлагаются надежды; ср. — «победная головушка» и т. п.). Называть саму себя «надежной головушкой» причитывающая ни в коем случае не может. Поэтому следует предположить, что Барсов не рас слышал окончания и в действительности должно быть:

И столько судит ли бладыко многомилостивой
И увидать да нам надежных головушек,
И уж как этих солдатушков бессчастных.

Другой, подобный же пример. Вдова говорит о себе:

И буде три поля кручины изнасияти,
И сине морюшко горючих слез наполнится,
И мне-ка ростячи сердечных малых детушек.

Совершенно ясно, что здесь не «наполнится», а парал лельное «изнасияти» — «наполнити» (т. е. суждено мне три поля кручиной засеять и три моря горючими слезами наполнить, прежде чем выращу малых детей).

3) Пропуски, произошедшие, очевидно, в процессе быстрого письма, которые по каким-то причинам оказались впоследствии не восстановленными. Например:

И уж я брошу тут цветно это платьице
И я на столики, горюша, на дубовыи,
И я стульица, бессчастна, на кленовыи

вместо

И я на стульица...

Правда, можно было бы предположить, что здесь имеет место характерный для заонежского диалекта пропуск предлога. Однако предлог не пропущен («...на кленовыи»), он явно должен быть дважды повторен, так же как в предыдущей строке, т. е.:

И я на столики, горюша, на дубовыи,
И я на стульица, бессчастна, на кленовыи.

4) Обширна и особенно интересна группа неточностей, связанных с ошибочным пониманием отдельных слов, словосочетаний или особенностей поэзии причитаний. Так, например, вдова думает о том, как она должна будет посыпать детей нищенствовать:

И кладу на руку победным бурлаченочки

вместо

И кладу на руку победным бураченочки,

где «бураченочки» — лубяные корзинки, которые должны будут носить нищенствующие дети.

Или:

Сенокосцем на луговыи на *пашенки* (?)

вместо

Сенокосцем на луговыи на *поженки*.

(Пожня — здесь покос, луг.)

Или:

И я на стенушку *кладу* да на *вечовую* (?)

вместо

И я на стенушку *кладу* да на *личовую*,

где «личовая» (лицевая) стена — стена крестьянской избы, обращенная окнами на улицу.

Более сложные случаи встретились в «Плаче о потопших» и «Плаче по дочери». Так, в «Плаче о потопших» обнаруживается непонятная строка:

Не радела бы, обидна красна девица,
Я бы *ворону*, победна, во темных лесах,
Не радела бы соседям спорядовым
Я потопу бы на синем на Онегушке.

Совершенно очевидно, что Барсов не знал употребительное в северных диалектах слово «вороп» — т. е. грабеж, нападение, разбой (Даль. Т. I. С. 245). Стока должна читаться:

Я бы *воропу*, победна, во темных лесах.

В «Плаче по дочери» можно встретить еще более невероятные строки. Мать хвалит умершую дочь:

За столом да дорогая *была* ткиюшка,
Из котурна досужай рукодельница...

Здесь Барсовым было не понято два слова. Ткут не «за столом», а «за ставом». «Став» — ткацкий стан, кросна (Даль. Т. IV. С. 311). Для бессмысленного «из котурна» трудно найти достаточно убедительную замену. Можно только предположить, что могло быть «За тамбуркою досужая рукодельница». В Заонежье и в XIX веке вышивали, и сейчас вышивают «тамбуркой» — специальным крючком, при помощи которого нитка продевается из петли в петлю (Даль. Т. IV. С. 389). Такое исправление, разумеется, не бесспорно, но оно как будто способно прояснить столь неясные строки.

5) Случай перестановки букв, слов и строк. Элементарный пример этого можно видеть в строке:

Я пгорюша о утрышку ведь ранешенько

вместо

Я по утрышку, горюша, ведь ранешенько.

Это, несомненно, типографская опечатка.

В «Плаче о попе» говорится о нем же:

*Как подрясничек от ветрышка помахивает,
Так на чистых он полюшках похаживае*

вместо

*Как на чистых он полюшках похаживае,
Так подрясничек от ветрышка помахивае,*

где переставленными оказались не только частицы «как» и «так», но и строки, с которыми они связаны. Аналогичный пример можно привести из «Плача о дочери», хотя, с другой стороны, не исключено, что сюда могли попасть и какие-то совершенно посторонние строки в результате рассыпанного и неправильно восстановленного набора либо каких-то искусственных перерывов в записи, о которых говорил Барсов и в замечаниях к автобиографии Федосовой, и в статье «О записях и изданиях «Причитаний Северного края». Кстати говоря, подобные случаи несколько раз встречаются и в других текстах.

Наиболее сложный случай перестановки строк (при наборе либо при расшифровке Барсовым, условно говоря, полевой записи) встречается в известном «Плаче о писаре». Здесь переместились относительно друг друга двенадцать строк из известной легенды о происхождении Горя, которая неоднократно привлекала внимание исследователей и была использована Н. А. Некрасовым в его поэме «Кому на Руси жить хорошо»¹.

Разумеется, далеко не ко всем неточностям удается подыскать убедительные поправки.

Ритм стиха, с одной стороны, является важным подспорьем выявления ошибок, с другой — вопрос о мере и границах допустимых исправлений в случаях ритмических нарушений представляет едва ли не наибольшую трудность.

В естественном исполнении заонежская причеть (в отличие, например, от беломорской, района Сороки и Нюх-

¹ См. восстановленный текст «Плача о писаре» в сборнике «Причтания» в Большой серии «Библиотеки поэта». Л., 1960. С. 59—62.

чи — Сумпосада) имеет относительно четкую ритмическую структуру. С другой стороны, вопрос несколько усложняется тем, что некоторые строки, выпадающие из ритма, могли все же принадлежать Федосовой и явиться результатом перерыва в записи.

В основе стиха Федосовой, как правило, лежит равное количество слогов в строке (обычно 13) с равным количеством основных ударений (обычно 3). Некоторые отклонения в сторону уменьшения количества слогов наблюдаются обычно лишь в свадебных или надмогильных причитаниях невесты.

На первый взгляд может показаться, что основные ударения располагаются более или менее свободно, однако это не так. Есть две совершенно устойчивые ритмические группы, организующие стих, составляющие как бы его костяк,— анапестическая анафора и дактилическая формула стиха Федосовой 3+7+3 и нормальная структура

причем второе

ударение может передвигаться от пятого до девятого слога и сочетаться с дополнительными (слабыми) ударениями.

В связи с этим допустимыми должны считаться исправления только при очень явном увеличении или уменьшении количества слогов, приводящем к разрушению ритма. Несколько яснее представляются те случаи, когда есть возможность опереться на какие-то дополнительные соображения. Приведем несколько типов возможных исправлений:

а) Одновременное нарушение ритма и согласования.

И чим разгневался я удалый добрый молодец,
И отрешился я родительска желаньица.

Здесь «разгневался» выпадает из ритма и нарушает согласование. Следует «разгневал» (родителей, которые лишили его своего расположения).

б) Одновременное нарушение ритма и параллельности морфологических форм в парных строках.

И как на этой на тесовой на кроваточке,
И на унылой на пуховой на перинушке

вместо

на пуховой на перинушке.

Или (с нарушением строения клаузулы):

И будто на зверя, родитель, ты поглядываешь.

(Ср. в том же предложении и в той же позиции «отряжешь».)

Или (с нарушением строения анафоры):

И столько глядячи на бессчастных моих детушек,
И смотрячи да на бессчастны твои слезушки.

В последнем примере ударение во второй строке поставлено Барсовым. Возникает вопрос: что же здесь ошибочно — постановка этого ударения или вся структура первой строки? В парных строках в параллельных синтаксических членах ударения должны располагаться одинаково. Между тем это оказывается невозможным:

И столько глядячи...

Остается предположить, что «глядячи» возникло под влиянием «смотрячи», а в действительности могло быть

И столько глядя на бессчастных моих детушек,

т. е. ()

в) Совпадение нарушения ритма с возможностью колебания между полной и усеченной или нормальной и удлиненной формой. Например:

И впереди да присвятая мать богородица
вместо присвятá (образуется строка в 14 слогов).

И надивуются-то добры эти людушки
вместо

добры (тоже 14 слогов).

Следует отметить, что подобных случаев встретилось едва ли не наибольшее количество, что вполне объяснимо с точки зрения обычной техники записи.

Кроме указанного определенные исправления, вероятно, должны быть внесены:

а) В пунктуацию сборника — не только в смысле ее модернизации, но прежде всего с целью устранения случаев ошибочного понимания текста.

б) В расстановку ударений в случае явных ошибок или столкновений с ритмом.

в) В ремарки, принадлежащие Барсову.

Особенно много путаницы в ремарках II тома. Так, например, из ремарок следует, что причитывает якобы и сам рекрут или солдат, тогда как в действительности причитывает волгеница от имени рекрута или солдата. Иногда остается неясным, к кому обращается причитывающая (что далеко не безразлично); есть и прямые случаи путаницы того, кто и к кому обращается.

г) В названия текстов.

Например, «Плач при проводах солдата с побывки» в действительности является «Плачем по солдате, пришедшем на побывку», «Плач по сыну» — «Плачем сестры по брату и матери по сыну» и т. д. Подобные уточнения представляются допустимыми, т. к. названия текстов, бесспорно, принадлежат не Федосовой, а Барсову.

Наиболее сложным вопросом, возникающим при рассмотрении текстов, записанных Барсовым, является вопрос о колебании диалектных форм. Одно и то же фонетическое и морфологическое явление изображается Барсовым подчас в трех-четырех вариантах, причем выбор наиболее надежного из них порождает почти непреодолимые трудности.

Так, например, окончания возвратных глаголов изображаются им то как «тца», то как «ца» или «тса». В соседних строках может встретиться «где» и «гди», «злодейный» и «злодийный», «бладычный» и «владычный», «приближны суседушки» и «приближни суседушки», «топерь» и «теперь», «нынь» и «нунь».

Изучение всех этих случаев убеждает в том, что у Барсова не было продуманной и ясной системы изображения диалекта, что-то делалось на ходу, что-то забывалось, что-то возникало случайно и т. д. С другой стороны, очень рискованно было бы пойти и по пути унификации. История заонежского диалекта известна нам слишком мало, чтобы можно было отважиться на подобное предприятие. Мы почти не знаем, в какой мере подобные колебания могли иметь место в действительности в 60—80-е годы XIX века, что здесь отнести за счет бессистемности Барсова и что отражало какие-то явления, имевшие место в жизни. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на достаточно убедительные примеры реального колебания отдельных форм. Приведем некоторые из них:

И я со светушками — братцам со родимыма.

Здесь две формы множественного числа чередуются в известной последовательности. Очевидно, они в равной

степени были известны Федосовой и она придает им известную стилистическую функцию. Прием такой встречается неоднократно, что подтверждает сознательность его применения. Например:

И я сидела за столам как за дубовыма.

Колеблются формы деепричастий на «тца» и «чи» («видаютца — видаючи»), употребление предложного и безпредложного управления и т. д. Множество случаев подобных колебаний можно отметить и для ударений, причем особенно активно развивается, условно говоря, «соревнование» между общерусскими ударениями и характерной для Заонежья тенденцией подтягивания ударения к первому слогу. Например, можно прочитать на соседствующих строках:

И с горя згляну на брусову белу лавочку,
И на твою да згляну вольну эту волюшку.

При этом нет оснований подозревать здесь какую-то ошибку Барсова — известно, что «игра» ударениями — один из распространенных поэтических приемов русской народной песни.

Мы не имели в виду описывать все случаи колебания фонетических, морфологических или иных явлений. Нам важно было показать, насколько, с одной стороны, явное отсутствие четкой системы передачи диалекта и, с другой, неопределенность границ реальных колебаний норм заонежского диалекта прошлого века запутывают, казалось бы, простые текстологические вопросы.

Исследователю всегда хочется иметь дело с исправным текстом. Поэтому критика текста, стремление восстановить правильное чтение — явление нормальное. В то же время гиперкритика текста, преувеличенное недоверие к нему и тем более стремление поправлять его без достаточных оснований — весьма опасны. Текстолог обязан сомневаться и вместе с тем доверять собирателю и издателю, разумеется, в возможных пределах. По крайней мере, он должен доверять до тех пор, пока бесспорно не доказано, что они ошиблись. Кроме того, заметить неправильность гораздо легче, чем найти строго обоснованную поправку.

Поэтому всегда, где только это представлялось возможным, мы стремились опереться на какой-то вполне достоверный материал — подобную либо близкую строку у самой Федосовой, сопоставление записей от нее разных лиц (что возможно главным образом для песни), записей

от других исполнительниц из Заонежья или близких районов, стихотворные цитаты в предисловиях к I и II томам Барсова, строки подтекстовок в музыкальных записях Агреневой и С. Рыбникова и т. д. К сожалению, возможности подобных сопоставлений оказались более ограниченными, чем хотелось бы.

Теперь поставим вопрос, ради которого мы производили столь придирчивый текстологический обзор изданных Е. В. Барсовым записей: можем ли мы им доверять и в какой мере? Ответ должен быть бесспорно утвердительным. Видимо, сборник Е. В. Барсова действительно воспроизвождал то, что И. А. Федосова импровизировала при их встречах в Петрозаводске. Если учесть масштабы проделанной им работы — более 27 тысяч строк, то следует признать, что случаев непонимания текста было не так уж много, а если иметь в виду, что Е. В. Барсов начинал эту работу, не зная особенностей заонежского говора, то следует признать, что их было поразительно мало.

Другое дело — фонетическое изображение диалекта. В этой сфере Барсов оставался дилетантом. Издателем он тоже был недостаточно опытным — отсюда довольно много опечаток, сравнительно легко устранимых. Выяснив все это, мы вправе приступать к рассмотрению записанного от Федосовой, опираясь преимущественно на записи Е. В. Барсова, и только в тех случаях, когда без этого совершенно нельзя обойтись, привлекая записи О. Х. Агреневой-Славянской.

Как это ни парадоксально, степень непонимания Агреневой текстов Федосовой такова, что отпадают опасения — она не вмешивалась в них намеренно. Изданные ею записи искаженно передают то, что она слышала от Федосовой, но это было искажение непроизвольное, связанное с непониманием, а не редактирование и тем более не сочинение за Федосову, не фальсификация. Следовательно, в определенных случаях сборник «Описание русской крестьянской свадьбы» может служить источником при изучении Федосовой, но источником, который требует весьма критического к себе отношения.

ЗАОНЕЖСКАЯ ДЕРЕВНЯ И ПРИЧИТАНИЯ И. А. ФЕДОСОВОЙ

Как уже отмечалось, первые записи от И. А. Федосовой были произведены Е. В. Барсовым в марте 1867 года, последние — в январе 1896 года Ю. И. Блоком на фонограф. За год до этого — в январе 1895 года — Н. А. Римский-Корсаков и С. Г. Рыбаков записали от И. А. Федосовой несколько мелодий «на слух», а в июле того же года И. А. Федосова встречалась с писательницей и издательницей детского журнала «Игрушечка» А. Н. Толиверовой. Таким образом, записи от нее охватывают вторую половину XIX века. И все же возможности содержательного анализа творчества И. А. Федосовой, которому будет посвящена настоящая глава, хронологически значительно скромнее.

Записи Н. А. Римского-Корсакова и С. Г. Рыбакова представляют собой нотации мелодий и весьма лапидарные подтекстовки первых строк песен. Записи Ю. И. Блока на фонограф были, как уже говорилось, расшифрованы М. А. Лобановым, но и в этом случае возможности анализа словесного текста ничтожны. Текст одной из двух записей не поддается расшифровке, текст другой — реконструируется гипотетически при помощи записей стиха о «Голубиной книге», производившихся дважды — Е. В. Барсовым и О. Х. Агреневой-Славянской¹. Записи, которые велись, судя по сообщениям печати, в 1895—1899 годах П. Т. Виноградовым (и Т. И. Филипповым?) для нового издания, по-видимому, не сохранились.

В 80-е годы XIX века кроме О. Х. Агреневой-Славянской только одну свадебную песню — «Пивна ягода по сахару плыла» записали Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш. Что

¹ Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 11. С. 178, Агренева-Славянская. Т. III. С. 96—99.

же касается сборника О. Х. Агреневой-Славянской «Описание русской крестьянской свадьбы», о котором мы уже говорили, то, признавая его определенную ценность, мы должны вместе с тем помнить о его дилетантском характере. Он может быть использован в сравнительных целях, но было бы рискованно основывать на нем представления о поэтической деятельности И. А. Федосовой в 80-е годы XIX века.

Таким образом, основные надежные материалы — это записи от И. А. Федосовой, опубликованные Е. В. Барсовым в трехтомном сборнике «Причтания Северного края» и в двух газетах — «Олонецкие губернские ведомости» (1867) и «Современные известия» (1870). Три тома сборника Барсова вышли соответственно в 1872, 1882 и 1885 годах. Однако все записи, сосредоточенные в них, производились в 1867—1869 (1870?) годах.

Что же это были за годы в истории России, особенно русского крестьянства и уже — крестьянства олонецкого?

Согласно общепринятой экономической и политической периодизации русской истории — это период развития капитализма. Фольклористы в учебниках по русскому народному творчеству для вузов с такой же уверенностью говорят о русском народном творчестве периода капитализма. Крестьянский быт, народное мировоззрение и народное творчество согласно этой концепции в такой же мере переживают период коренной ломки, обновления. Фольклор периода феодализма в это время будто бы воспринимается уже преимущественно как наследие и быстро изживается. На смену традиционной системе жанров идут новые — рабочая песня, рабочий сказ, революционная песня, частушка. При этом особенно охотно цитируются известные ленинские слова: «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»¹.

Разумеется, под пером разных авторов эта схема приобретает некоторые оттенки, реализуется то совсем прямо-линейно, то с отдельными разумными оговорками. Например, в ряде учебников все-таки признается, что фольклор предшествующей феодальной эпохи еще продолжает быто-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597—598.

вать, хотя и подвергается переосмыслению и преобразованию¹.

Авторы разделов о периоде капитализма в истории русского фольклора ссылаются в подкрепление своих идей на книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», его статьи о Л. Н. Толстом и др. В связи с этим возникает вопрос: действительно ли однозначная характеристика русского фольклора второй половины XIX — начала XX века как фольклора капиталистического периода согласуется с ленинской концепцией истории русского крестьянства пореформенного и дореволюционного периода?² Или — в приложении к нашей теме — является ли наследие И. А. Федосовой фольклорным явлением периода капитализма?

Ленинская концепция развивалась в два этапа. Как известно, на первом этапе, который приходится на середину 1890-х годов — начало XX века, основной задачей его печатных выступлений по аграрным проблемам было доказательство того, что Россия окончательно и бесповоротно встала на путь капиталистического развития. Ленин говорит о прогрессивности этого процесса.

Эти ленинские идеи хорошо известны. Они сыграли чрезвычайно значительную роль в формировании и развитии марксизма в России. Реформы 60-х годов XIX века, открывшие возможность капиталистического развития, были осуществлены крепостниками в интересах крепостников. Капиталистическое развитие происходило в стране, не пережившей буржуазной революции. Именно этот важнейший факт заставляет Ленина назвать интересующий нас период «пореформенной, но дореволюционной эпохой»³. В. И. Ленин постоянно подчеркивает, что капиталистиче-

¹ Назовем важнейшие: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов/Под общей редакцией П. Г. Богатырева. Изд. 2-е. М., 1956 (глава «Народное творчество эпохи капитализма и первой русской революции» написана была автором настоящей книги по такой же схеме); Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959; Русское народное поэтическое творчество/Под редакцией А. М. Новиковой и А. В. Кокарева. М., 1969; Русское народное поэтическое творчество/Под редакцией Н. И. Кравцова. М., 1971; Кравцов Н. И. и Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество. Изд. 2-е. М., 1983; Аникин В. П. и Круглов Ю. Г. Русское народное поэтическое творчество. М., 1983.

² Подробнее см. в статье: Чистов К. В. Ленин и проблема периодизации русского фольклора//В сб.: Ленинизм и проблемы этнографии. Л., 1987. С. 67—81.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 22.

ские отношения развиваются в России медленно и (это особенно важно!) в своеобразной ситуации — при наличии значительных пережитков крепостнических отношений¹. Доказав, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития, Ленин следующим образом характеризует тогдашнее сельское хозяйство: «...капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, *переходная система* (курсив наш.—К.Ч.), система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы»². Примерно то же самое В. И. Ленин говорит и о степени социальной дифференциации крестьянства: «...процесс разложения крестьянства, который был подробно доказан русской марксистской литературой, в России находится на одной из начальных стадий развития»³.

Второй этап развития ленинской концепции истории русского крестьянства пореформенного периода связан с революцией 1905—1907 годов. Крестьянские выступления, разрозненные и импульсивные, недостаточно освещенные политическим сознанием, были вместе с тем однозначны по своему классовому смыслу. Их антипомещичья направленность не вызывала сомнения. В связи с этим В. И. Ленин на IV объединительном съезде предлагает проект новой аграрной программы социал-демократии. Углубляя и уточняя свою концепцию истории русского крестьянства в пореформенный период, В. И. Ленин говорит о необходимости корректировать первую аграрную программу в свете опыта революции 1905—1907 годов. С особенной ясностью это сформулировано в статье «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»: «...верно определяя *направление* развития, мы неверно определили *момент* развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве (минус кабальные отрезки — отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую кресть-

¹ В сущности, правильнее говорить не о «пережитках», а о значительной роли социальных отношений и связей, унаследованных от периода феодального развития России. При этом надо иметь в виду, что одной из особенностей русской истории была затянутость периода кризиса феодализма.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 186.

³ Там же. Т. 5. С. 187.

янскую буржуазию и неспособным поэтому к «крестьянской аграрной революции». Не «боязнь» крестьянской аграрной революции породила ошибочную программу, а *переоценка степени* капиталистического развития в русском земледелии. Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью,— капиталистическое земледелие на надельной и помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением. Революция разоблачила эту ошибку. Направление, определенное нами, она подтвердила¹.

Выявилась также переоценка степени разложения крестьянства. В. И. Ленин пишет: «Никто не мог с уверенностью сказать наперед, насколько расслоилось крестьянство под влиянием частичного перехода помещиков от отработков к наемному труду. Никто не мог учесть, как велик слой сельскохозяйственных рабочих, создавшийся после реформы 1861 года, насколько обособились их интересы от интересов разоренной крестьянской массы»².

Обе эти проблемы стали проясняться только к весне 1905 года, когда крестьянское движение приобрело действительно широкий размах. Мы не будем рассматривать этот вопрос подробнее. Отметим лишь, что для В. И. Ленина он имел далеко не отвлеченно-исторический интерес. Характерно, что именно в эту пору, так же как в 1917—1918 годах, на страницах сочинений В. И. Ленина, всегда ратовавшего за классовый подход к любому вопросу, появляется слово «народ» как политический термин и производные от него — «народный», «народное творчество» в смысле народного политического творчества масс³.

Таким образом, если В. И. Ленин уже на первом этапе развития своей концепции истории русского крестьянства в пореформенный период говорит о «переходной системе», то, учитывая корректизы, внесенные им в эту концепцию на втором этапе ее развития, в процессе осмыслиения опыта революции 1905—1907 годов, тем более следует пореформенный и дореволюционный период в истории русской деревни признать периодом переходным от феодализма к капитализму. Эта особенность русской истории очень важна для понимания судеб русской традиционной культуры, в том числе и фольклора второй половины XIX—начала XX века.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 268—269.

² Там же. С. 234.

³ См.: Т. 12. С. 317, 330, 334, 336; Т. 13. С. 23, 25; Т. 16. С. 325 и др.; Т. 35. С. 26, 61 и др.

Изменения в сфере экономики сельского хозяйства наметились, обозначились, стали давать знать о себе, но они были еще не столь велики. Тем более они были невелики в сфере бытовой, социально-психологической, фольклорной, обрядовой. Именно это давало право В. И. Ленину говорить о Л. Н. Толстом, отразившем в своем творчестве идеологию и психологию патриархального крестьянства (заметим — не крестьянства периода капитализма!), как о «зеркале русской революции». Патриархальное крестьянство по-прежнему (несмотря на развитие неземледельческого отхода, миграций, рост батрачества и других явлений, которые хорошо передает емкое слово «раскрестьянивание») составляло большинство русского крестьянства и, следовательно, большинство русского народа той поры. Это также давало В. И. Ленину право, например, пользоваться возникшей в XVIII веке украинской народной песней «Ой, царица Катерина» для характеристики выступления крестьянского депутата в Думе или интересоваться в 1918 году рекрутскими причтаниями, записанными в 1867—1869 годах Е. В. Барсовым от И. А. Федосовой, как материалом для изучения традиционного отношения крестьянства к армии и солдатчине. В том же 1918 году В. И. Ленин, как известно, читал тексты из сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» и «Смоленского этнографического сборника» В. Н. Добровольского и говорил о желательности обобщения опубликованных в них материалов под социально-политическим углом зрения, что было бы, по его словам, очень важно для понимания чаяний и ожиданий народных и народной психологии «в наши дни», т. е. в ходе революции¹.

Таким образом, если не переносить механически общепериодическую периодизацию на историю крестьянского быта и тем более крестьянского поэтического творчества, то вслед за В. И. Лениным следует признать этот период в истории крестьянской социальной психологии и фольклора переходным. Разумеется, разные сферы традиционно-бытовой культуры развивались (продолжали функционировать в примерно том же виде, что и несколько десятилетий до этого, претерпевали какие-либо изменения, изживались либо чем-то функционально замещались и т. д.)

¹ Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве//Сов. этнография. 1954. № 4. С. 117—131; Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 7—17.

неравномерно. Это особый и сложный вопрос, который не может обсуждаться в настоящей книге.

К представлению о «переходном периоде» вели и конкретные фольклористические изыскания.

Следует сказать, что к настоящему времени накоплено много фактов, предположений, гипотез, касающихся изменений, происходивших в русском фольклоре 1861—1917 годов. В середине 1950-х годов был предпринят первый опыт обобщения подобных материалов. Результаты его были опубликованы во 2-й книге II тома многотомника «Русское народное поэтическое творчество»¹, который вызвал бурную дискуссию конца 50-х — начала 60-х годов. В последующие годы были заново исследованы судьбы основных жанров в интересующий нас период — сказки (Э. В. Померанцева), лирической песни (Н. П. Колпакова, С. Г. Лазутин, Т. А. Акимова), былины (А. М. Астахова, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов), народного театра (Н. И. Савушкина, В. Е. Гусев, А. Ф. Некрылова), несказочной прозы (В. К. Соколова, Э. В. Померанцева, К. В. Чистов). Накоплено много наблюдений, но не обобщен материал по обрядовой песне. Все эти исследования нуждаются в критическом осмыслении и подытоживании. Однако уже сейчас можно уверенно сказать, что концепция, согласно которой история русского фольклора второй половины XIX — начала XX века (т. е. периода пореформенного и довоенного) четко выделяется в особый период, однозначно характеризуемый как «период капитализма», с фольклористической точки зрения также не выдерживает проверки. Это типичный переходный период. Основные жанры крестьянского фольклора не претерпевают в это время принципиальных изменений.

Изучение причитаний (В. Г. Базанов, К. В. Чистов, Ю. Г. Круглов, Б. Б. Ефименкова и др.) показало, что это импровизационный жанр, т. е. один из жанров, наиболее чутко реагировавший на исторические изменения крестьянского быта. Никаких достоверных сведений об угасании жанра причитаний в интересующий нас период нет. Здесь также довольно четко выделяются вторая половина XIX — первые десятилетия XX века как переходный период, предшествующий коренным преобразованиям, совершившимся в 30-е годы нашего столетия.

¹ Русское народное поэтическое творчество. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века. М.; Л., 1956. Т. II. Кн. 2.

Итак, достаточно надежные для исторического анализа записи от И. А. Федосовой относятся к 1867—1869 (1870?) годам, и годы эти в истории русского фольклора можно считать начальным этапом переходного периода, о котором шла речь.

Е. В. Барсов записывал от И. А. Федосовой в Петрозаводске. В Петрозаводск она приехала с мужем года за полтора-два до встречи с Барсовым. По всему складу своей жизни, структуре обыденного мышления и известной ей фольклорной традиции она, конечно, еще не была горожанкой. Это была крестьянка, недавно переселившаяся в город и, судя по некоторым свидетельствам, еще не свыкшаяся с его бытом, возможно, еще почти не завязавшая городских знакомств. Единственный знакомый И. А. Федосовой, который упоминается Е. В. Барсовым, М. С. Фролов — кузарапандский выходец и земляк Федосовой, обосновавшийся в Петрозаводске (у него Барсов «стоял на квартире, когда служил в Петрозаводске»). Кроме того, надо учесть и то обстоятельство, что быт простого люда в Петрозаводске был весьма близок к крестьянскому.

Как мы увидим ниже, в рекрутских причитаниях И. А. Федосовой все-таки можно обнаружить некоторые свидетельства того, что петрозаводские впечатления отложились в ее сознании. Однако по своей социальной сущности они ничем не отличаются от крестьянских.

Одним словом, несмотря на то, что все тексты «Причтаний Северного края», принадлежащие Федосовой, были записаны от нее в городе Петрозаводске, а она сама в это время была жительницей этого города, еще не делает ее причитания явлениями городского фольклора¹. Это типичный крестьянский фольклор, всеми своими нитями связанный с заонежской фольклорной традицией.

Для того чтобы приступить к конкретному анализу записанных от нее текстов, мы должны ответить еще на один весьма существенный вопрос. Каким образом история русского крестьянства XIX века могла отражаться в творчестве И. А. Федосовой? Прежде всего: мы не вправе ожидать теоретических или политических обобщений жизни крестьян или важнейших в общегосударственном масштабе событий, в которые не были непосредственно вовлече-

¹ Ср. наблюдения Т. В. Краснопольской о городском стиле интерпретации крестьянской традиции на материале сборника В. Д. Лысанова «Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губ.». Петрозаводск, 1916//В кн.: Песни Заонежья в записях 1880—1890 гг. Л., 1987. С. 15.

ны ее земляки-заонежане, или даже уже — ее односельчане. При всей своей одаренности и природном уме она была обыкновенной деревенской женщиной. Степень ее осведомленности о жизни всей страны или всего крестьянства, видимо, была и не могла не быть крайне низкой. Тогдашние средства информации (книги, журналы, газеты) были ей, конечно, как и ее односельчанам, недоступны.

Это не значит, что заонежане — ее односельчане — были вовсе оторваны от всего мира или от всей остальной России. В старой фольклористической и исторической литературе много писалось об Олонецкой губернии как «подстоличной Сибири», глухом крае, заповеднике архаики, не имевшем регулярных связей ни с ближайшими губерниями, ни с Петербургом тем более. Однако это не более чем исторический миф.

Олончане встречались с жителями других районов Карелии (в том числе и тех, которые по тогдашнему административному делению входили в Архангельскую губернию) на ежегодных ярмарках в Шуньге, привоз товаров на которую в середине XIX века оценивался до миллиона рублей¹, они ходили на заработки на Белое море (см. выше о Якове Федосове) и на «канавушку» (Мариинский канал), на каменные разработки в Шокшу и каменщиками в Петербург. Олонецкие плотники и каменщики (в том числе и заонежские) уходили наниматься на работы и в более отдаленные губернии (вспомним олонецкого каменотеса на Ярославской ярмарке у Н. А. Некрасова в «Кому на Руси жить хорошо») и, разумеется, призывались в армию и служили в разных губерниях, участвовали в военных походах. Олонецкие старообрядцы были тесно связаны со старообрядцами не только Архангельской губернии, но и Поволжья и Сибири. Написанный на севере Карелии «Путешественник» Марка Топозерского рисует маршрут через Сибирь и на Алтай, а вслед за этим на острова Тихого океана².

Оторванность от Петербурга тоже преувеличивалась. В его строительстве постоянно участвовали олончане, в Петербург возились товары (рыба, рябы — так называли лесную птицу и др.). Крестьяне, вполне официально отлучавшиеся из губернии, получали паспорта на отлучку. Число

¹ История Карелии. Т. I. Петрозаводск, 1957. С. 239.

² Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 239—290.

таких паспортов, выданных в годы, близкие к встрече Е. В. Барсова и И. А. Федосовой, было весьма значительным для малонаселенной губернии (в 1871 году — 14 750 на примерно 190 000 населения)¹.

Таким образом, для олонецкого крестьянства XIX века характерны обширные, по-своему устойчивые, но весьма расплывавшиеся в своей определенности контактные связи, характерные для крестьянства, основная масса которого была неграмотной. Достоверные известия при этом, как и во многих других районах России, перемежались с самыми фантастическими, основанные на действительных фактах — с измышленными. Причем это были обычно не намеренные выдумки, не «враки», а домыслы, функция которых заключалась в объяснении непонятных социальных явлений, действий начальства, восполнении слишком скучных слухов. Именно «слухи» — вероятно, самый точный термин, который мог бы обозначить характер информации, распространявшейся в крестьянской среде. Это были естественные в тех социальных условиях коллективные измышления на почве неясности и смутности, устрашающей опасности доходивших известий².

¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 173; Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 25.

² Непрерывное возникновение «слухов», причем часто совершенно фантастических, подтверждается многочисленными документами и отражениями в художественной литературе. Известен слух, распространявшийся в ряде губерний в начале XIX века: в связи с выдачей замуж одной из царевен сожгут десять (двадцать, тридцать и т. д.) деревень. В 1839 году в отчете III отделения сообщалось, что в связи с волной пожаров распространялись слухи о том, что жгут поместья и что «наследник женится на дочери турецкого султана и на радостях сожгут три губернии» («Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.» М., 1961. С. 345, 347 и др.). Кроме того: «Говорили о появлении великого князя Константина Павловича, о казни дворянам и, наконец, поверили, что поджигает правительство для переселения усадеб по новому плану». (Там же. С. 345.) В известном рассказе В. А. Слепцова «Свиный» (первоначально «Казаки». 1864) рассказывается, как в связи с предполагавшимся проездом через губернию одной важной особы и распоряжением подправить дороги и мосты, а также вскользь оброненным начальством пожеланием («буде же которое-либо сельское общество в отдельности или же все в совокупности пожелают отслужить напутственное молебствие о здравии его сиятельства или, отпрягши лошадей, везти графский экипаж на себе, то и сему также не препятствовать»), возникает слух о том, что мужикам велено строить дорогу, по которой постоянно будут на людях начальство возить, а если кто откажется, «того сейчас к лошадиному хвосту и по чисту полу размычат» (Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986. С. 54—69).

Изучение подобных «слухов» и «вестей» чрезвычайно важно для понимания крестьянской социальной психологии той поры. Оно дает возможность проникнуть в самый механизм крестьянского мышления, обусловленного как традицией, так и вполне конкретными социальными, экономическими и политическими условиями. К сожалению, у нас до сих пор мало подобных исследований, хотя некоторые темы уже и обозначились: социально-утопические легенды о далеких и вольных землях, о возвращающихся избавителях, об утерянных или кем-то утаенных «золотых грамотах» или грамотах «с золотой строчкой», в которых крестьянам была якобы записана воля и др.

Реальное или фантастическое отражение общей истории крестьянства, или, может быть, точнее — его общей судьбы, сосуществовало в крестьянском сознании со вполне конкретным отражением местных событий и ситуаций, т. е. с тем, что можно было бы назвать микроисторией, отражавшей судьбу и социальный быт локальных групп крестьянства, события местного масштаба и характера. Опыт показывает, что именно таким путем надо идти, отыскивая историческую основу фольклорных явлений совершенно определенной группы жанров — преданий, легенд, меморатов и фабулаторов, так называемых песен-хроник балладного или иного типа, определенных групп частушек, местных сатирических песен и, конечно, причитаний, преимущественно похоронных и рекрутских.

В монографии 1955 года мы и пошли именно этим путем.

Чем же были для олонецкого, в том числе и заонежского, крестьянства годы, когда Е. В. Барсов встретился в Петрозаводске с И. А. Федосовой и записал от нее тексты, впоследствии вошедшие в «Причтанья Северного края»?

Подобные слухи выразительно свидетельствуют о состоянии крестьянских умов: крестьяне не только не понимают действий начальства (они не укладываются в логику, которая крестьянам представляется нормальной), но и готовы всегда ожидать самое невероятное, нелепое, немыслимое, уверены в безусловной злонамеренности его действий.

В книге К. В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» анализируются слухи, ходившие в среде государственных крестьян в связи с реформой графа П. Д. Киселева 1837—1841 гг., а также в годы, предшествовавшие реформам 60-х гг. (С. 208—219). См. также: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа Киселева. М., 1958. Т. II. С. 489—490.

Известно, что для русского крестьянства в целом это были первые пореформенные годы, осененные радостью надежды и вместе с тем исполненные разочарования, борьбы и смятения. Реформа была задумана крепостниками в интересах крепостников. В 1867—1869 годах основные события в жизни подавляющего большинства русских деревень были связаны с выработкой и выдачей «уставных грамот», т. е. документов, в которых фиксировались конкретные условия «освобождения» для каждой деревни и каждого поместья на основе законодательных актов и царского манифеста 19 февраля 1861 года. Между помещиками и крестьянами возникали длительные и — часто — ожесточенные споры. Помещики стремились выделить крестьянам земли похуже и одновременно связать их максимальными обязательствами. Для разрешения споров в каждой губернии было назначено по нескольку десятков мировых посредников. Споры нередко приводили к конфликтам — крестьяне не подписывали уставных грамот, которые предлагали им помещики и мировые посредники. Когда уставные грамоты вводились без согласия крестьян, вспыхивали столкновения с властями. Страна была охвачена крестьянскими волнениями, которые, по оценкам историков, были не менее значительными, чем волнения в годы, предшествовавшие крестьянской реформе. Так, в одном только 1861 году произошло более 1800 крестьянских волнений. Правительству пришлось для усмирения крестьян посыпать воинские команды в несколько губерний. В ряде случаев столкновения приобретали весьма значительный характер. Таковы были известные события в селе Кандеевка Пензенской губернии и селах Бездна и Ворошилово Казанской губернии. Крестьяне села Бездна во главе со своим вожаком Антоном Петровым решительно отказались ходить на барщину и платить оброки. Крестьяне считали, что местные власти и помещики обманывают их, утаивают от них подлинную волю. Они настаивали на том, что земля не должна выкупаться, т. к. она — божья и не может принадлежать только тому, кто работает на ней. Генерал граф Апраксин учинил в Бездне зверскую расправу — сотни крестьян были убиты. Антон Петров был схвачен и расстрелян. Войска стреляли в народ в селах Черногай и Кандеевка Пензенской губернии. Столкновения произошли и в ряде других губерний. Как правило, крестьянское движение выдвигало один и тот же лозунг: «Земля вся наша! На оброк не хотим, работать на помещиков не станем». Сложность борьбы с крестьян-

ским движением заключалась, помимо всего прочего, в том, что лозунг этот не был порождением ситуации 1861 года, а был давним убеждением крестьян, их представлением о социальной справедливости, о природе земельной собственности, устойчивым и неизменным компонентом социальной психологии русского крестьянства всей эпохи крепостного рабства.

Таким образом, против ожиданий правительства манифест 19 февраля 1861 года не принес успокоения, возникли новые, достаточно сложные проблемы. И все же в последующие годы, особенно в 1864 году, обозначился спад открытых крестьянских выступлений, крестьянское движение терпело явное поражение. Острые социальные проблемы, которые скажутся впоследствии (и в 1905-м, и в 1917 году), не были сняты, а лишь загнаны вглубь. Крестьянство искало пути, чтобы приспособиться к своему новому положению. Революционная ситуация, сложившаяся в стране в 1859—1861 годах, была позади.

В Олонецкой губернии крестьянская реформа развивалась иначе. Помещичьих крепостных крестьян здесь почти не было (менее 5%). Основную массу (94%) составляли государственные крестьяне. Поэтому реформа 1861 года их не коснулась или коснулась, но только сравнительно в небольшой части. Из общего числа 240 433 государственных крестьян в губернии 56 678 были приписаны к олонецким горным заводам. Кроме рабочих, занятых прямо на заводах (Петрозаводском, Кончезерском и др.), это были крестьяне окрестных деревень, выполнявшие различные внезаводские работы — заготавливали древесину, уголь, исполняли повозную повинность и т. п.¹

Специальные правительственные разъяснения, в которых упоминались приписные крестьяне, предусматривали постепенный перевод их в разряд государственных и освобождение от обязательных работ на заводах или для заводов. Однако еще в 1863 году олонецкий горный начальник настаивал на том, что реформа 1861 года на приписных крестьян не должна распространяться². Они стали переходить в ведение мировых учреждений только с 1864 года.

Что же касается основной массы государственных крестьян, то до 1866 года они продолжали оставаться кре-

¹ Филиппов Р. В. Реформа 1861 года в Олонецкой губернии. Петрозаводск. 1961. 224 с.

² Там же. С. 146.

постными государства, которое громогласно объявило об отмене крепостного права и заставляло помещиков освобождать крестьян.

Не следует думать, что олонецкие крестьяне составляли какое-то редкое исключение. В этом смысле читатель должен преодолеть обычное школьное представление, согласно которому помещичья, частновладельческая форма крепостного права была чуть ли не единственной формой феодальной зависимости в России. К моменту реформы около 43% крестьян европейской части России были государственными, т. е. крепостными государства. Это была своеобразная система «государственного феодализма»¹.

Разумеется, между помещичьими крестьянами и государственными были существенные различия. Государственные крестьяне не были в личной зависимости от феодала-помещика. Над ними не тяготело повседневное своееволие помещика, который вмешивался не только в хозяйственную, но и в семейную жизнь крестьянина, понуждал его работать на себя, творил суд и расправу за малейшее неповиновение, имел право отдать крестьянина в солдаты, сослать его, разлучить с семьей и т. д. Государственные крестьяне вели хозяйство по своему усмотрению, в семейную их жизнь никто не вмешивался, крестьянская община имела право на самоуправление, хотя и ограниченное. Вместе с тем государственный крестьянин обязан был выплачивать достаточно тяжелые подати, исполнять многочисленные повинности — дорожную, мостовую, поставлять, когда потребуется, лошадей, принимать солдат на постой, посыпать рекрутов и т. д. Если учесть, что районы расселения государственных крестьян были, как правило, наименее плодородными, то можно понять, что все перечисленные повинности, подати, оброки и обложения были достаточно тяжкими.

Правительство по своему усмотрению могло подарить государственных крестьян помещику, и тогда они теряли все свои права, становились такими же помещичьими крепостными, как и все остальные. Следует отметить, что для Олонецкой и Архангельской губерний такие случаи почти

¹ История Карелии. Т. I. С. 258—272; Филиппов Р. Ф. Реформа 1861 года в Олонецкой губернии. С. 127—172; Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1962; *Он же*. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. 1861—1917. Петрозаводск, 1968. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. Т. I; М., 1958. Т. 2.

неизвестны, т. к. земли здесь были малоплодородными и барщинное хозяйство не могло быть экономически выгодным.

Государственные крестьяне не знали над собой помещика, но им хорошо известна была фигура барина — чиновника, считавшего крестьянина податным быдлом, с которого надо драть побольше, чтобы доставалось и казне, и собственному карману. От зависимости от чиновников реформа не могла их освободить и не освобождала. Таким образом, реформа государственным крестьянам, в отличие от крестьян помещичьих, не принесла радости освобождения от личной крепостной зависимости. Формально они и так были лично свободны.

Для того чтобы понять остроту столкновений крестьян с чиновниками, следует помнить о том, что северорусские государственные крестьяне и в прошлом никогда не были в крепостной зависимости от помещика. Северному крестьянину всегда было свойственно чувство человеческого достоинства, трудолюбие и уверенность в неотъемлемости своих прав. Это были достойные потомки крестьян, ушедших из центральорусских областей от феодальной зависимости, предпочитавших трудиться в невероятно тяжелых северных условиях — в лесах, на каменистых, малопродуктивных почвах, на болотах, чем оставаться рабом боярина, а позже — помещика.

Что же происходило с государственными крестьянами в Олонецкой губернии в 1866—1867 годах?

Положения реформы, как мы уже говорили, распространились на них только в 1866 году. 18 января был опубликован указ об их передаче из Министерства государственных имуществ, которое ими до сих пор управляло, в ведение общих учреждений по крестьянским делам. О земле при этом ничего не говорилось. Затем 24 ноября 1866 года последовал указ «О поземельном устройстве государственных крестьян» в 36 губерниях, включая Олонецкую¹. Этими двумя указами формулировалась реформа государственных крестьян.

Для крестьян Олонецкой губернии, так же как и для

¹ Кроме упоминавшихся исследований особенно много сведений о поземельных отношениях государственных крестьян Олонецкой губернии в 60—70-е гг. XIX в. и последствиях указа 1866 года. См.: Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. М., 1884 (первоначально публиковалось под названием «Письма об Олонецкой губернии» в ж. «Русские ведомости» в 1879 и 1880 гг.).

соседней Архангельской губернии, смысл реформы был не в размежевании крестьянских и помещичьих земель, а в упорядочении землепользования — так, как это понимало правительство. Дело в том, что северные крестьяне издавна по собственной инициативе и выбору захватным путем распахивали лесные участки («нивы»), причем часть из них становилась постоянной пашней, на которой культивировалось трехполье, а часть превращалась в «подсеки». При подсечно-огневой системе вырубали и сжигали все деревья и кустарники. Пепел перепахивали, а травяной слой, корни и мелкие растения закисали и затем гнили, превращаясь в органическое удобрение. Разработанная таким способом нива первые два-три года давала хороший урожай, а затем начинала скучеть. После этого ее снова запускали под лес и переходили к другому участку.

При низкой урожайности постоянных пашен и малочисленности скота лесные расчистки-пожоги имели очень большое значение для северного крестьянского хозяйства. Вместе с тем они требовали невероятных трудов. Прекрасный знаток жизни олонецких крестьян С. А. Приклонский писал в своей книге «Народная жизнь на Севере», на которую мы уже ссылались: «Если сравнить мученический труд крестьянина при разработке подсек с возделыванием постоянных пахотных полей, то последнее покажется не трудом, а забавою. Отсюда понятно, как велика нужда, которая гонит крестьянина в лес расчищать подсеки»¹.

Правительство еще с петровского времени предпринимало попытки ограничить захватные лесные распашки, однако борьба эта развивалась с переменным успехом, средств и способов контроля было явно недостаточно. В годы, предшествовавшие указу 1866 года, одно за другим издавались противоречивые распоряжения. Так, 27 февраля 1860 года лесные расчистки разрешались не ближе, чем в трех верстах от деревни, 27 августа 1863 года последовал полный запрет расчисток. В 1866 и 1868 годах издавались новые распоряжения, но они по каким-то причинам не объявлялись крестьянам. С 1878 года расчищать новые участки разрешалось только по билетам лесного ведомства.

Все эти путаные, противоречивые распоряжения были, как правило, непонятны крестьянам, считавшим, что земля — божья. Лесная и никем не обработанная земля — тем более. Такое воззрение подкреплялось многовековой прак-

¹ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 67.

тикой: крестьяне пользовались теми постоянными и временными участками, которые сами расчищали, обрабатывали, вводили в культуру. Совершенно непонятно было, почему необъятные леса не должны использоваться теми, кто их может обрабатывать, вложил в них труд, и притом немалый. В лесу так же естественно охотиться, собирать грибы или ягоды, как и расчищать нивы и сеять на них хлеб. Труд, вложенный в нивы, крестьяне ценили очень высоко. Самый популярный из былинных богатырей — Илья Муромец, обретя богатырскую силу после тридцати трех лет сидения сиднем, тут же отправился в лес, где его отец и мать расчищали пожогу, и совершил свой первый подвиг — вырубил и раскорчевал весь участок, пока они спали в полдень, утомленные невероятным трудом¹.

Смысл указа 24 ноября 1866 года заключался в закреплении за государственными крестьянами обрабатываемых участков в качестве постоянных наделов. Надо иметь в виду, что на душу населения при этом пришлось в среднем 4,4 десятины при среднем наделе в 5,8 десятины по 49 губерниям Европейской России², причем действительно пригодно к использованию было не более 17% всей закрепленной за крестьянами земли³. Одновременно, как уже говорилось, было резко ограничено свободное использование лесных расчисток, что лишило олонецких крестьян значительной части земли, которую они фактически обрабатывали. Таким образом, государственные крестьяне Карелии вышли из реформы не менее «ободранными», чем помещичьи крестьяне других губерний. При всем кажущемся различии здесь произошла совершенно такая же «чистка земель для капитализма», о которой говорил В. И. Ленин, оценивая реформу 1861 года⁴. Сложилось весьма парадоксальное положение, о котором очень точно писал С. А. Приклонский — «безземелье среди громадной лесной пустыни»⁵. Он с полным сочувствием говорит об «изумительном упорстве и героизме» постоянной борьбы

¹ Былина «Исцеление Ильи Муромца» много раз записывалась как в Олонецкой, так и в других северных губерниях. Библиографию опубликованных вариантов см.: Астахова А. М. Былины Севера. М., Л., 1938. Т. I. С. 616—618. Т. II. С. 765—766.

² Никулин М. Г. Государственные крестьяне в Карелии в период реформы 1838—1861 гг. (Рукопись.) С. 156 (Архив Карельского филиала АН СССР).

³ Молодьков С. Ф. Карелия во второй половине XIX века. Сборник документов. (Рукопись.) С. 1.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 251.

⁵ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 7.

олонецкого крестьянства с казной за лес, за свое право быть земледельцами в северных лесах¹. «Сегодня оштрафованный, он завтра же идет с топором в лес, вырубает клочок леса на сельге, сжигает его и на удобренную золою почву бросает семена. Смотришь, и в диком лесу появилась нивка, зреет и спеет хлебный колос, высшая культура проникла в лесную глушь. А носитель и сеятель высшей культуры, олонецкий мужик, опять фигурирует в качестве подсудимого в камере мирового судьи, и опять на него налагаются штрафы за самовольную порубку и за лесоистребление»².

С. А. Приклонский убедительно показал, что не подсека, а быстро развивавшаяся лесная торговля истощает лес. Казна получает огромные барыши за продажу лесных участков лесопромышленникам. Вырубается все больше леса, значительная часть которого продается за границу (особенно в Англию). «Может быть лесная торговля и есть то волниющее дело, то ужасное преступление, за которое над нами будет тяготеть проклятие потомков?»³ Таким образом, С. А. Приклонский верно оценил торгово-промышленный, буржуазный характер борьбы казны с крестьянскими лесными распашками. В этом же был и основной смысл «землеустройства», которое осуществлялось по указу 24 ноября 1866 года.

Процесс передачи крестьян из Министерства государственных имуществ и горного ведомства в ведение мировых и земских учреждений, во главе которых было губернское по крестьянским делам присутствие, сопровождалось ростом как различных поборов, так и государственных податей. За десятилетие — с 1857 по 1867 год — увеличение оброчной подати производилось пять раз — каждый раз на 5—10%⁴. К концу 60-х годов общая сумма обложения достигла 801 423 рублей при официальной страховой стоимости ценности крестьянских дворов в губернии в 976 615 рублей. Ежегодные недоимки по губернии в эти же годы достигали 200 000 рублей. Следовательно, общая сумма годового обложения и недоимок превышала ценность крестьянского имущества. По свидетельству «Оло-

¹ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 12.

² Там же.

³ Там же. С. 79.

⁴ Ходский. Очерк развития земельных отношений бывших государственных крестьян//Русская мысль. 1889. Ноябрь. С 1814 по 1862 год они тоже возрастили в среднем на 16% (история России в XIX в. Изд. «Гранат». Т. III. С. 187).

нечких губернских ведомостей», «после неурожайных 1867 и 1868 годов и более или менее заметных потерь от сибирской язвы недоимки по одним казенным окладам и неокладным сборам достигли в Олонецкой губернии 329 000 р., увеличившись против предшествовавшего 1866 года на 136 000 р.»¹. Можно ли найти более убедительное свидетельство подлинного экономического кризиса?

Обострение общей социально-экономической ситуации усугублялось длительной полосой недородов, начавшейся в 1861 году и растянувшейся на семь лет. Наибольшей силы голод достиг в 1867 году². Даже чиновничьи «Олонецкие губернские ведомости» не в силах были скрыть размеры голода и называли 1867 год «страшным годом»³. В «Народной жизни на Севере» С. А. Приклонского эти годы оцениваются так же. Он писал: «Экономическое положение Олонецкой губ. никогда не было блестящим. Она всегда считалась губернею бедною и не раз нуждалась в государственной помощи. За крестьянами доселе (книга С. А. Приклонского вышла в 1884 году.—К. Ч.) числится в недоимке громадный долг государству по ссудам из общего продовольственного капитала, выданным еще во время голода, бывшего в 1867 и 1868 годах. Тогда общество на минуту остановилось с праздным любопытством пред картиною предсмертной муки умиравшего от голода олонецкого крестьянина»⁴. Голод 1867—1868 годов с поразительной отчетливостью вспоминался и в последующие годы. С. А. Приклонский признает: «Лица, посетившие Повенецкий уезд зимою 1878—1879 года, рассказывали, что у них сердце обливалось кровью, глядя на поразительные ужасы голода. Их буквально осаждали голодные, выпрашивавшие корку хлеба. Везде повторялись сцены голода, бывшего в 1867 году, когда по официальному свидетельству чиновников повенецкой полиции, во время сбора поштатей плательщики просили у них милостыню — копейку или кусок хлеба «ради Христа»⁵.

¹ Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 40.

² В 1867 г. голод распространился по большинству северных губерний — это было одной из причин отставки П. А. Валуева с поста министра внутренних дел. (Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 193—194).

³ Барсов Е. В. О хлебных недородах//Олонецкие губернские ведомости. 1868. № 21. Известное описание бедствий олонецкого крестьянства в 1861—1868 гг. содержится в книге: Н. Флеровский. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. С. 81—121.

⁴ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 3.

⁵ Там же. С. 16.

В центральных газетах начинают все чаще появляться статьи о бедственном положении крестьян Олонецкой губернии. На одну из них в газете «Москва» губернатор счел нужным дать официальный ответ, в котором вместе с признанием значительности размеров голода говорил о мерах, принятых губернским начальством¹. Однако эти меры явно не достигли своей цели. С 1864 по 1868 год посевные площади упали с 180 000 до 172 000 десятин. Таким образом, после неурожая 1867 года в губернии пустовало 8000 десятин². В 1868 году крестьяне Щуйской и Салменижской волостей Петрозаводского уезда дважды (в апреле и мае) в отчаянии посыпали ходоков к царю с прошением о выдаче им пособий, так как поля их оставались без посевов³. Среди пословиц, записанных Е. В. Барсовым от И. А. Федосовой, не случайно оказывается иронический афоризм: «Стали крестьяна разживаться, а от семян земли оставаться»⁴.

Как часто бывало в неурожайные годы, олонецкое крестьянство в это же время постигло еще одно несчастье. В 1862—1868 годах вспыхнула эпизоотия сибирской язвы, начался массовый падеж скота. В отчете за 1867 год губернатор вынужден был признать: «Сибирская язва, появившаяся в 1867 году в губернии, застала земство врасплох: на местах появления ее не было ни медиков, ни фельдшеров, ни медикаментов»⁵.

В том же 1867 году началась было и эпидемия сыпного тифа — заболело 1120 человек. Дальнейшего распространения эпидемия, впрочем, не получила.

Разоренные реформой, недородом и податями, крестьяне бежали из деревень в город, в леса, в другие губернии. О значительном числе паспортов на отлучку, выдававшихся в эти годы, мы уже говорили. Не меньшие размеры приобретает и неофициальное бегство. Так, в № 25 «Олонецких губернских ведомостей» за 1868 год сообщалось о побеге крестьян «в числе нескольких сот человек» на юг. Беженцы были задержаны в Вологде и возвращены этапным порядком «для возвращения на прежние места жительства». Об аналогичном случае рассказывал В. В. Берви-Флеровский в известной книге «Положение рабочего клас-

¹ Олонецкие губернские ведомости. 1868. № 23 и 25.

² Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 13.

³ Никулин М. Г. Государственные крестьяне Карелии. С. 160.

⁴ Барсов. Т. И. С. 323.

⁵ Гос. Архив КАССР. Фонд Губ. статистического комитета. Св. 7/93.

са в России»: «В марте месяце 1866 года в губернском городе N стали появляться какие-то люди жалкого и обрванного вида. У них были узаконенные годовые паспорта; по словам их, они переселенцы из Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии. Несмотря на то, что виды их были вполне законные, полиция, однако же, задерживала их; по причине их крайней нищеты им выдавали общее арестантское содержание и затем возвращали их в Каргополь и Пудож. Людей этих прибывало все более; все части города были ими наполнены, и, несмотря на то, что их постоянно высыпали обратно, они все прибывали, так что в частях их бессменно находилось почти до ста человек. В город N попадал, однако же, только авангард движения, потому что как скоро они узнали, что их здесь задерживают и отсылают обратно, они перестали въезжать в город и возвращались домой. В Олонецкую губернию возвращались они крайне неохотно, они объявляли, что готовы остаться навсегда в губернии, где были задержаны, отправиться в Сибирь и в восточную Россию, на Кавказ: куда угодно, но только не в Олонецкую губернию. Когда их спрашивали, куда переселяются, они не умели дать никакого положительного ответа или отвечали неопределенно: в Самарскую губернию»¹.

Итак, случайно или нет, но Е. В. Барсов познакомился с И. А. Федосовой и начал записывать от нее именно в 1867 году, т. е. в один из самых тяжелых периодов истории олонецкого крестьянства XIX века. В этом факте, вероятно, можно все-таки увидеть и определенную закономерность. Не случайно ее второму мужу Якову Федосову пришлось в 1865 году уходить к Соловкам на заработки, в 1866 году бросить крестьянство и переехать в Петрозаводск плотничать. В воспоминаниях невестки И. А. Федосовой — Анны Федоровны Федосовой, записанных мною в 1948 году, и в воспоминаниях других лиц постоянно говорится о неладах И. А. Федосовой с семьей ее мужа. Однако это, видимо, не единственная причина переезда в Петрозаводск. С Федосовыми случилось то, что происходило со многими другими ее земляками,— они уехали из голодающей деревни в город на заработки. Так как Я. И. Федосов попивал, Ирина Андреевна не могла оставить его одного в городе, и они стали и в дальнейшем постоянно жить в Петрозаводске. Это был один из эпизодов

¹ Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения: В 2 т. М., 1958. Т. I. С. 131.

«раскрестьянивания» под влиянием тех событий, которые постигли государственных крестьян в 1866—1868 годах и о которых мы только что говорили.

Переехав в Петрозаводск, И. А. Федосова была и оставалась под впечатлением переживаний пореформенных лет; связи ее с деревней были по-прежнему активны, и она не отделяла свою судьбы от судьбы односельчан. Со страниц первого тома сборника «Причитанья Северного края» действительно веет «страшным» 1867 годом. Мы писали об этом неоднократно, и в этом нет никакого преувеличения. Если бы мы не знали, что эти причитания записаны в 1867—1869 годах, то должны были бы именно так и датировать их на основе анализа крестьянского быта заонежской деревни этих лет. Бедствия крестьян, крестьянское горе предстает здесь в традиционном и вместе с тем предельно обобщенном персонифицированном образе Горя:

Зло — несносное, велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянамы злодийно черным вороном;
Возлетат оно злодийно, само радуется:
«На белом свете я распоселился,
До этих крестьян я доступило,
Не начаются обиды, накачаются,
Не надиются досады, принавидятся».
Как со этого горя со великого
Бедны людушки, как море, колыбаются;
Быдто деревья стоят да подсушёны;
Вся досюльщина куды да подевалася;
Вся отчевщина у их нонь придержалася;
Не стоят теперь стоги перегодныи,
Не насыпаны анбары хлеба божьего;
Нет на стойлы-то у их да коней добрых,
Нету зимных у их санок самокатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков¹...

(т. I, с. 292)

Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная невзгодушка;
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на свет человеку не родитися;
Много страсти-то теперь да много ужасти,
Как больши того великих пригрозушек...

(т. I, с. 288)

¹ Здесь и дальше для облегчения чтения цитат из текстов И. А. Федосовой нами отмечаются все случаи отклонения ударений от норм, принятых в литературном языке: для заонежского диалекта характерно перемещение ударений на первый слог. Римская цифра обозначает номер тома (части) сборника «Причитанья Северного края», собранные Е. В. Барсовым. Сравнительный материал см.: *Brednich R. W. Volkserzählungen und Volksglaube von den Schicksalsfrauen. Helsinki, 1964. FFC. N 193.*

Приведенный выше отрывок из «Плача о писаре», записанного от И. А. Федосовой, неоднократно привлекался исследователями русского фольклора и особенно авторами учебников по фольклору для демонстрации поэтичности изображения тягот крестьянской жизни вообще. Разумеется, это справедливо. Обобщенный образ Горя известен в русских народных песнях, сказках, загадках, лубочных картинках, он неоднократно, начиная с XVII века, использовался русскими литераторами («Повесть о Горе-Злочастии» и др.). Его традиционность не подлежит сомнению. Однако не менее интересен вопрос о том, как звучали эти строки для самой Федосовой и ее слушателей. Образ вырвавшегося из заключения и бушующего Горя символизировал для них, можно в этом не сомневаться, совершенно конкретные бедствия этих лет. Стока «Не стоят теперь стоги перегодныи» для них означала не просто общее обозначение малоурожайности олонецких земель, а изнуряющий, длившийся несколько лет недород, о котором мы говорили. «Не насыпаны анбары хлеба божьего» — не просто нередкая в этих краях нехватка хлеба, а голод, бескорница и нехватка семян для сева именно в годы записи. «Нет на стойлы-то у них коней добрых» — не общая малолошадность северных деревень, а опустошения, только что произведенные сибирской язвой. Безусловная конкретность восприятия совершенно не противоречила обобщенности как образа Горя, так и традиционности поэтического изображения обычных бедствий, принявших на этот раз неслыханные масштабы. Поэтому совершенно не прав был В. Г. Базанов, когда он, отвергая наш анализ этих строк И. А. Федосовой, писал: «К. В. Чистов в данном и в ряде других случаев забывает, что и до 1868 года существовали народные причитания, в которых легко найти подобные же образы и поэтические формулы, составляющие в плачевой поэзии общие места»¹. Мы уже говорили о том, что образ Горя известен ряду жанров русского фольклора, однако В. Г. Базанов не смог бы назвать другие записи именно причитаний, в которых можно обнаружить этот образ. Поскольку причитания до И. А. Федосовой почти

¹ Базанов В. Г. Поэзия Русского Севера. С. 206. В этой книге В. Базанов ссылается на самую раннюю из моих публикаций — статью «Ирина Федосова как выразитель крестьянского мировоззрения пореформенного периода»//В сб.: Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических взглядов народа. М., 1953. С. 93—126. («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия», Т. XX.)

не записывались, то трудно доказать, что она просто воспользовалась уже готовыми общими местами. Не найти их в таком виде и в последующих записях — может быть, потому, что столь острых ситуаций не возникало. Можно только логически предполагать, что образы Горя — пустующих амбаров, стойл и хлевов, полей без стогов — могли в годины подобных бедствий или создать, или использовать и другие исполнительницы причитаний. Но предположение не есть еще факт, достойный научного признания. То же самое можно сказать и о других процитированных строках, безусловно содержащих «общие места», т. е. устойчивые традиционные формулы. Ниже мы постараемся показать, каким образом И. А. Федосова использует традицию, компонуя свою легенду о Горе. Сейчас же еще раз подчеркнем, что в этом разделе нас интересует другой вопрос: как воспринимались, что означали для Федосовой и ее односельчан в 1867—1869 годах тексты, которые она импровизировала при встречах с Е. В. Барсовым? Обобщенные образы и традиционные формулы, накопленные традицией, составлявшие в своей совокупности поэтический язык причитаний, не только не противоречили, но и предназначались именно для выражения совершенно конкретных и реальных переживаний исполнительниц причитаний и их слушателей (участников того же похоронного обряда). Каждые похороны были не похоронами вообще, а конкретными похоронами, в ходе которых текст причитаний импровизировался (по существу, монтировался) в зависимости от реальной ситуации из традиционных поэтических стереотипов. Поэтому противопоставление обобщенности, традиционности и конкретности употребления и восприятия их теоретически бессмысленно, оно противоречит современному пониманию природы фольклора и особенно фольклора обрядового.

В том же «Плаче о старости» без труда можно отыскать и другие строки, подтверждающие вполне реальные и конкретные функции произошедшегося причитания. Причитывающая, обращаясь к покойному писарю, говорит:

Ты послушай же, крестовой милой кумушко,
Буде бог судит на втором быть пришествии,
По делам-судам душа да будет праведна;
Може, станешь у престола у господнего,
Ты поросскажи бладыке¹ — свету истинному,
Ты про общество² крестьян да православных...

¹ Владыка.

² Община, деревня.

Што неправедные суды расселяются,
Свысока глядят оны да выше лесушку,
Злокоманно их ретивое сердечушко,
Точно лед как во синем море;
Никуды от их злодиев не укроешься,
Во темных лесах найдут оны дремучих,
Все доищутся в горах оны высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле;
Воконец оны крестьян всех разоряют.

(т. I, с. 291—292)

Здесь в форме обычного для похоронных притчаний «наказа умершему» снова говорится о вполне определенных событиях 1866—1868 годов. Вслед за указом о передаче государственных крестьян в ведение мировых и земских властей, 27 августа 1866 года, последовало назначение мировых посредников по каждому участку и по уездам. Вместо чиновников Министерства государственных имуществ или горного ведомства (для приписных крестьян), довольно редко заглядывавших в олонецкие деревни, теперь полным «попечителем» их стал мировой посредник из тех же чиновников. В его обязанности входила не только выдача уставных грамот на постоянно закрепляемые наделы, но и взимание оброков и податей, полицейская и судебная власть над крестьянами. В Приложениях к «Олонецким губернским ведомостям» в эти годы постоянно публикуются материалы судебных и ведомственных разбирательств «недоразумений», возникавших в связи с деятельностью мировых посредников, особенно в связи с их методами взыскания податей. Они выразительно свидетельствуют о том, что взаимоотношения крестьян с мировыми посредниками с первых же дней стали крайне напряженными.

Как мы уже говорили, в губерниях, где была распространена помещичья форма крепостного права, институт мировых посредников был создан в 1861 году для посредничества между крестьянами и помещиками; их долгом было улаживать споры, от имени правительства способствовать составлению уставных грамот, приемлемых не только для помещиков, но и для крестьян. Назначались они из дворян, но официально подчинялись не местным властям, а сенату. Среди них оказались люди весьма разных убеждений — и ярые крепостники («дети отцов своих», как называл их М. Е. Салтыков-Щедрин), и, условно говоря, центристы, понимавшие необходимость реформ и создания сбалансированной системы новых социальных отношений, и люди либеральные, даже радикальные по

своим взглядам. Известнейший пример — Л. Н. Толстой, который был мировым посредником в Тульской губернии. Он пытался открыто защищать интересы крестьян, и был в конце концов отстранен от должности и отдан под тайный надзор¹. Среди мировых посредников в первые годы после реформы были такие демократически настроенные люди, как бывшие декабристы (отбывшие ссылку А. Е. Розен и Г. С. Батенков), братья Бакунины, известный хирург и общественный деятель Н. И. Пирогов. В составлении списка мировых посредников Тверской губернии, по-видимому, принимал участие М. Е. Салтыков-Щедрин, в это время тверской вице-губернатор. Наконец, на всю Россию прогремело дело, разыгравшееся в той же Тверской губернии в связи с «Заявлением 13-ти» — мировых посредников, объявивших о своем намерении и праве действовать не по предписаниям правительства, занимавшего все более и более правые позиции, и даже не по букве манифеста от 19 февраля, а по справедливости и совести². Все тринадцать посредников были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Одним словом, деятельность мировых посредников была в центральных губерниях России ареной подлинной политической борьбы.

В Олонецкой губернии, как и в других губерниях, где преобладали государственные крестьяне, сложилась совсем иная ситуация. Здесь не было помещиков, и дворяне в управлении губернией не играли самостоятельной словесной роли. (Разумеется, это не исключало того, что отдельные должности занимались дворянами-чиновниками.) В губернском по крестьянским делам присутствии господствовали чиновники, и мировые посредники назначались из них же. По существу, они были не посредниками, а прямыми исполнителями правительственные указаний. Выколачивание казенных податей и преследование крестьян за самовольные порубки и расчистки стало их основной функцией. Не считаясь с общинными традициями северных крестьян, они бесцеремонно вмешивались в жизнь общины, стремились превратить выборных крестьянских старост, и тем более старшин, в беспрекословных исполнителей своей воли. Все это, разумеется, сопровождалось

¹ Эйхенбаум В. Лев Толстой. Книга вторая. 60-е годы. Л.; М., 1931.

² Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. Биография. М., 1972. С. 335—397 (гл. «19 февраля 1861 года», «Тверская оппозиция» и «Отставка»).

взяточничеством, рукоприкладством, своеволием. Надо еще учесть, что с точки зрения крестьян действия мировых посредников выглядели еще более своевольными и корыстными, чем это было на самом деле. Мы уже говорили о том, что крестьянам непэнятны были не только противоречивые распоряжения о расчистках в казенных лесах, но и сама принадлежность леса казне. Увеличение поборов и ужесточение способов их выколачивания, особенно в годы бедственных недородов, также трактовались крестьянами однозначно. Очень важно при этом, что все действия посредников — запрещение пользоваться «лядинами» (лесными нивами), увеличение поборов и систематическое вмешательство во внутренние дела общин, которые считались прерогативой крестьянского «общества», — в равной степени затрагивали как бедняцкие, так и более зажиточные слои деревни. Поэтому неудивительно, что мировые посредники — исполнители того, что В. И. Ленин называл «всероссийским обдиранием до нищеты», нередко встречали единодушное сопротивление своим распоряжениям всего крестьянского мира со старостой во главе.

Так, например, в 1869 году разбиралось дело о предании суду лижемского сельского старосты Полозова по заявлению мирового посредника второго участка Петрозаводского уезда¹. В том же году слушалось дело о сопротивлении приставу и старшине в Пудожском уезде², в 1870 году — дело об отказе от платы податей крестьянами того же Пудожского уезда, соседнего с Заонежьем³, дело об отказе от выполнения распоряжений начальства⁴ и т. д. Об одном из таких случаев рассказала И. А. Федосова в своем знаменитом «Плаче о старосте», фигурирующем ныне в школьных и вузовских хрестоматиях. Плач чрезвычайно интересен тем, что в нем исключительно резко выражена оценка заонежскими крестьянами деятельности мировых посредников — основных проводников правительственной политики в годы реформы государственных крестьян.

Возникновение «Плача о старосте» можно со всей определенностью датировать августом-сентябрем 1867 года. Как уже говорилось, передача государственных крестьян,

¹ Гос. Архив КАССР. Фонд Губернского по крестьянским делам присутствия. Св. 27/982.

² Молодьков С. Ф. Карелия во второй половине XIX в. № 58.

³ Там же. № 59.

⁴ Там же. № 60.

в том числе и горнозаводских, в ведение мировых учреждений была объявлена в июле 1866 года. 27 августа того же года последовало назначение коллежского секретаря П. П. Дротаевского мировым посредником второго участка Петрозаводского уезда, в который входили волости Петропавловская, Кижская и Толвуйская.

Вероятно, «Плач о старосте» возник между 27 августа 1866 года и 25 ноября 1867 года, т. е. когда, по сообщению «Олонецких губернских ведомостей», Е. В. Барсов закончил работу над I томом «Причитаний Северного края». И. А. Федосова, как мы знаем, жила в это время в Петрозаводске, но вполне вероятно, что в летние или осенние месяцы 1866 или 1867 года она могла посетить своих родных в Кузаранде или, по крайней мере, получить от своих земляков известие о случившемся. Как увидим далее, это предположение подкрепляется и записанным одновременно с «Плачом о старосте» «Плачом о потопших», в котором идет речь, вероятно, о событии, зафиксированном в полицейском сообщении 1867 года.

Итак, «Плач о старосте» мог возникнуть первоначально (т. е. до записи его Е. В. Барсовым) при похоронах старосты в 1866 или 1867 году. При этом трудно решить, отдать предпочтение летним или осенним месяцам 1867 года, т. к. подати обычно собирались осенью, а староста арестован был на пожне — на покосе, на лугу, т. е., вероятно, летом. Судя по тексту плача, это уже не первая встреча крестьян с мировым посредником. В плаче говорится:

Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным:
В темном лесе быдто звери-то съедущии,
В чистом поле быдто змеи-то клевущии,
Как наедут ведь холодный-голодный,
Оны рады мужичонка во кotle варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются¹,
До подошвы оны всех да разоряют.

(т. I, с. 285)

Или:

Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди...

(т. I, с. 283)

¹ Издеваются.

Этот мотив — «нет на нем ни креста, ни совести» — повторяется неоднократно:

Как найдет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую,
Не творит да тут Иисусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает...

Или:

Да он также над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещеной...

(т. I, с. 282—283)

Сюжет «Плача о старосте» прост. В деревню внезапно приезжает мировой посредник. Его приезд воспринимается как стихийное бедствие:

...В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великоле, сердитое...

(т. I, с. 284)

...Точно вехорь во чистом поле полетывае,
Быдто зверь да во темном лесу порикивае...

(т. I, с. 283)

Крестьяне не знают, зачем он приехал, но они не сомневаются в том, что добра ждать нечего:

Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бесцветна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?

(т. I, с. 284)

Крестьяне не сомневаются, что казенные дела посредник сочетает с своекорыстными. Приехавший врывается в земскую избу (по воспоминаниям стариков, которых я застал в Кузаранде в 1948 году, она была в деревне Юсова Гора), требует к себе старосту, кричит на него, «без разума рукой ему приграживае», требует немедленно созвать мужиков на сходку:

Неподсудны мировому знать посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Штобы все были сейчас же на ям¹ согнаны!

(т. I, с. 283)

¹ На сходку (к ямской избе).

Он кричит на старосту:

Вы даете все повольку мужикам-глупцам¹,
Как бездельникам ведь вы да потакаете;
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко.

(т. I, с. 284)

Эти строки требуют комментирования. С. А. Приклонский в своей книге писал: «Редко кто задавался вопросом о причинах голода, потому что русский человек испокон века привык относить всякое несчастье — голод ли, пожар ли, банкротства и т. п. — к одной причине — воле божией». И далее он говорит об официальной версии, объяснявшей голод леностью мужиков. «Правда,— пишет он,— нашлись умные головы, которые глубокомысленно утверждали, будто мужик сам виноват, что умирает с голоду. Ему, по словам этих мудрецов, не следовало заниматься земледелием, а нужно было приняться за другие промыслы. И это говорили люди, выдававшие себя за знатоков народного быта!..»² С. А. Приклонский подвергает критике две основные официальные версии, объясняющие бедствия олонецких мужиков. Первая из них заключалась в том, что они по своему консерватизму, серости и даже лености своей не культивируют в достаточной степени постоянные пашни, как это делается в центральных губерниях и в других европейских странах, предпочитают расчищать недозволенные участки в казенных лесах. Согласно другой — крестьянам следует бросить земледелие и заняться рыболовством, охотой, плотничьим, лесорубным и всяким иным отхожим ремеслом. Приклонский убедительно показывает, что и первая и вторая версии в равной степени связаны с непониманием природы хозяйства северных деревень.

И второе. По давней традиции, возникшей еще в то время, когда северорусские крестьяне числились черносошными, считалось, что старосты и другие крестьянские выборные должны собственным имуществом отвечать за исправность податных платежей. Правительственные чиновники при этом требовали, чтобы в старосты выбирались наиболее состоятельные крестьяне³. Отсюда — «хоть своей казной теперь да долагайте-тко».

¹ Даете мужикам своеольничать, распустили их.

² Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 3.

³ Ср.: Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 76.

Староста обходит деревню и созывает крестьян:

Сами сходите, крестьяна, приузнаете,
Со каким да он приехал со известицем...

(т. I, с. 284)

Крестьяне с большой неохотой собираются («посреднику в глаза да поклоняются, позаочь его бранят да проклинают»). Посредник кричит, ругает крестьян и старосту и требует незамедлительной выплаты податей. Один из мужиков пытается объяснить истинное положение дел. Это вызывает новый взрыв негодования «начальства»:

Уже так на мужика стане срыгатися¹,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвым ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае.

(т. I, с. 284—285)

Староста вступается за крестьян. Историческому неистовству посредника он противопоставляет речь, полную спокойного мужества и достоинства:

Не давай спеси во бладую² головушку,
Суровьства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-то —
Едины да все у бога люди созданы.
На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержи да свои белы эти рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченые;
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Наступать³ да на крестьян ведь православных!
Не на то да ведь вы судьи выбирайтесь!
Хотя ж ръян да ты посредничек, уходишись;
Хоть спесив да ты начальник, приусядешься...

(т. I, с. 285)

Эта великолепная речь в истории русского крестьянства стоит в одном ряду с лучшими образцами народного политического красноречия — от манифестов Е. И. Пугачева до речей Антона Петрова из Бездны. Вместе с тем она не может не напомнить известный рассказ П. Н. Рыбникова о земляке И. А. Федосовой — знаменитом певце былин Т. Г. Рябинине: «Слово гордость не исчерпывает характера Рябинина: к ней присоединяется и деликатность, так как это свойство в нем следует назвать уважением к себе и к другим. Для характеристики этого само-

¹ Ругать.

² Молодую.

³ Бросаться, теснить.

уважения расскажу здесь случай из его жизни: один из полицейских чиновников прежнего времени попросил у него взятки за какое-то дело; Рябинин не дал. И случилось чиновнику этому проезжать через деревню Середку. Как он завидел Рябинина, так и бросился к нему с поднятыми руками. Т. Г. (т. е. Трофим Григорьевич Рябинин.—К. Ч.) спокойно отстранил его от себя и заметил ему суревым голосом: «Ты, ваше благородие, это оставь: я по этим делам никому еще должен не оставался»¹.

Посредник напуган, но делает вид, что удовлетворен обещанием «до ноци», т. е. до ночи, собрать недоимки, он говорит:

Да вы счастливы крестьяна деревенский,
Што ведь староста у вас да преразумной! —

и уезжает. Мужики, разумеется, рады такому исходу дела:

Слава богу-то теперь да слава господу!
Буря-падара² теперь да уходилася,
Сине морюшко теперь да приутихло;
Нонь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба мироедная!..
Настоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да все накланялися,
Без Иисусовой молитвы намолилися...

(т. I, с. 285—286)

Староста, так же как и другие мужики, не способен в неурожайный год не только выправить подать, но и прокормить детей; он отправляется на заработки в Повенец. Впрочем, он, вероятно, ездил в Повенец что-нибудь продавать, т. к. вся поездка длилась неделю. Но беда была еще вся впереди. Во время сенокоса («с луговой с этой поженки») мировой посредник арестовывает старосту (видимо, в деревне при крестьянах он не решился на это) и отправляет его в тюрьму на три дня за неповинование.

¹ Рыбников П. Н. Заметки собирателя//В сб.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е. Т. I. С. XXIX.

В. В. Богданов, вспоминая об этой черте северных крестьян, писал: «В 1899 году это подтвердил мне архангельский губернатор А. П. Энгельгардт, испытавший крестьянскую «гордость» на самом себе. Он не подал руки пришедшему к нему крестьянину. А этот «северный медведь», по выражению губернатора, заметил ему: «Ненадобен я тебе,— и ты мне ненадобен». Повернулся и ушел из губернаторского дома. «С тех пор,— сказал губернский аристократ,— пришлось подавать крестьянину руку». См.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 358.

² Буря с дождем или снегом.

Старостиха, от имени которой причитывает И. А. Федосова, заболевает от огорчения и бесчестия. А староста умирает по дороге домой:

В чистом поле неможенье сущигало,
На пути злодий-смеретушка стретала...

(т. I, с. 287)

Столкновение крестьянского старосты с мировым посредником кончилось трагически. Смерть всегда трагична для окружающих, родных и близких. Однако здесь речь идет не просто о смерти одного из односельчан — мы увидим в дальнейшем, что И. А. Федосова прекрасно понимала трагичность любой «рядовой» смерти, когда речь шла о гибели кормильца, сына, дочери, брата. В этом же случае говорится о смерти старосты, отважно защитившего односельчан и погубленного мировым посредником. Смерть старосты, видимо, не первый раз вступавшегося за односельчан, приобрела общественное и социальное значение. Устами старостихи говорит вся деревня.

«Плач о старосте» перерастает в сюжетную, социально острую поэму, в гневную обличительную речь, исполненную трагизма.

В этой федосовской поэме нет ничего измышенного — сама жизнь породила факт, равноценный художественному обобщению, сконцентрировавший в себе до предела бедственную суть быта заонежской деревни тех лет. Вместе с тем причитание остается причитанием. И. А. Федосова причитывает от имени старостихи в тот момент, когда односельчане собираются у гроба:

Спаси, господи, спорядных¹ суседушек!
Благодарствую крестьянам православным!
Не жалели что рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надежную головушку —
Уж вы старосту — судью да поставленную!
Он не плут был до вас, не лиходейничек,
Соболезновал об обществе собрёном²,
Он стоял по вам стеной да городовой
От этих мировых да злых посредников.
Теперь все прошло у вас, миновался!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!

(т. I, с. 282)

И далее следует рассказ-воспоминание о наезде мирового посредника. После строк, в которых рисуется, как староста скончался в поле, не доехав до дома, следует

¹ Порядовых, односельчан (от «ряд» — улица).

² Радел об общей пользе общины, деревни.

сильнейший эмоциональный взрыв: знаменитое проклятие «злодею супостатному», которое Некрасов целиком процитировал в главе «Крестьянка» в «Кому на Руси жить хорошо». Характерно, что это проклятие, адресованное вполне конкретному мировому посреднику (как мы теперь знаем — П. П. Дротаевскому), воспринимается и цитируется обычно расширительно — как проклятие «судьям неправосудным», жестокому начальству вообще. Недаром и у Некрасова оно связано не с мировым посредником, а с «начальством», которое вело судебно-медицинское следствие, на глазах у матери «пластало» тело погибшего Демушки:

Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице.
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже господи,
Штобы тлен пришел на цветно его платьице,
Как безумьице во буйну бы головушку!
Еще дай да, боже господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешны!
Прими, господи, ты слезы детей малых!

(т. I, с. 287—288)

И. А. Федосова оплакивает не только горе старости и ее детей, эту несчастную осиротевшую семью, но в такой же мере, и даже прежде всего, — деревню, потерявшую заступника-старосту, замученного мировым посредником, негодует на чиновничье своеолие, особенно ужасное в голодные годы. Причитывая для записи, она восстанавливала (или воображала, если этот трагический случай был ей известен только по рассказам односельчан; могло быть и так!) в своей памяти вполне конкретную обстановку похорон старости. Поразительно, что ей при этом важно было восстановить (выразить, изобразить) преимущественно саму суть ситуации, а не эмпирически подлинно звучавший текст, если она была на этих похоронах. Весь «Плач о старосте», каким мы его знаем, приурочен только к одному моменту обряда — оплакиванию покойника перед выносом. В отличие от большинства других записей (особенно явственно это видно, например, в «Плаче вдовы по мужу», открывающем сборник) текст этот не членится на отдельные заплачки, приуроченные к тем или иным тра-

диционным моментам похоронного обряда (плач-оповещение, плач при вносе гроба в избу, при посещениях родных, при выносе, по дороге на кладбище, над могилой и т. д.). Цепочка традиционных мотивов, которые обычно обслуживают обряд на каждом его этапе, оказалась не столь уж важной для воспроизведения. Выбран лишь один кульминационный момент, выражающий и семейную, и общественную суть произошедшего. Конечно, и здесь мы находим привычные традиционные формулы и словосочетания, характерные для любого фольклорного текста («надежная головушка», «Исусова молитовка», «дубовый стол», «кленовый стол», «спорядные суседушки», «буйная головушка», «ретливое сердечушко» и т. д.), но следует помнить, что, когда И. А. Федосова импровизировала свой плач, в ее распоряжении не могло быть традиционных формул, связанных с деятельностью только что введенных мировых посредников, или формул, которые могли бы изобразить столкновение с ним деревенского старосты. Вместе с тем применение традиционных формул в нетрадиционной ситуации требовало поэтического напряжения, того, что в начале нынешнего века русские фольклористы именовали «личным вкладом», «личной инициативой». Такое проявление «личной инициативы» само по себе было вполне традиционно для исполнительниц причитаний, для традиции причитывания в целом. Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что обобщенность и конкретное применение (и восприятие), так же как традиционность и «личный почин», вовсе не противоречили друг другу, а существовали вialectическом взаимодействии. Одаренность способствовала реализации этого взаимодействия, поэтому И. А. Федосова оказалась способной воспроизвести для записи текст, возникший в столь напряженной и по-своему уникальной (теперь бы сказали — экстремальной) ситуации через какое-то время.

Гибель старосты — крестьянского заступника — воспринимается как единичное, но вместе с тем весьма характерное бедствие реформенного времени, или, точнее, — безвременя. Крестьянский «мир», кузарандская община, потерпели еще одно поражение. Именно поэтому гибель старосты изображается Федосовой как событие, воспринимаемое ею (так же наверняка воспринимали это событие ее земляки и односельчане) в совершенно определенных социальных очертаниях конкретного факта. Мировой посредник, погубивший старосту, видимо, остался безнаказанным. Крестьяне знали, что искать защиту от «начальства» у «на-

чальства» безнадежно. Их единственным оружием было сочувствие вдове и проклятие насильнику. И то и другое было произнесено И. А. Федосовой, потому что она была, по словам Е. В. Барсова, «выразительницей горя народного». Мы придаем этим словам, разумеется, более расширительный смысл, чем это делалось в предисловии Е. В. Барсова к «Причтаниям Северного края».

Тема «Плача о старосте» развивается в «Плаче о писаре», тоже одном из высших поэтических достижений И. А. Федосовой. Здесь речь также идет о крестьянском заступнике — сельском писаре. Причина его смерти нам неизвестна, мы не знаем, что совершил он для своих односельчан, но, по-видимому, он умер, в отличие от старосты, естественной смертью. Поэтому причтание выстраивается И. А. Федосовой совершенно иначе. В первой части она причитывает от имени «кумы». Исходя из ремарок Е. В. Барсова, остается предположить, что это кума писаря (в начале второй части, обращаясь к покойному, она говорит: «Ты послушай же, крестовой милой кумушки» — с. 291). Почему на этот раз причтание произносится не от имени вдовы покойного, как это было в случае со старостой, не вполне ясно. Может быть, писарь был «крестовым кумом»¹ самой И. А. Федосовой?

Так же как в «Плаче о старосте», в «Плаче о писаре» оплакивается не только (точнее — не столько) горе семейное, но прежде всего горе общинное, деревенское. Причтание соответственно начинается строками, заставляющими вспомнить «Плач о старосте»:

Отлишился застуны-заборонушки!
Как не стало ноны стены да городовой,
Приукрылся писаречек хитромудрой,
Он во матушку сырую землю!

(т. I, с. 288)

Создается некоторая неясность: к какому же моменту обряда приурочена эта часть причтания? Судя по строкам «Приукрылся писаречек хитромудрой, Он во матушку сырую землю!», это могло быть и надмогильное причтание. Однако этому противоречит уже упоминавшееся обращение к покойному в начале второй части — мотив обычный для причтания, которое произносилось у гроба покойного в избе при прощании. Все говорит о том, что

¹ Т. е. причитывающая крестила кого-то из детей писаря либо вместе с ним крестила чьих-то детей.

и здесь И. А. Федосовой было важно воспроизвести не притчание в его обрядовой функции, а общественную суть события¹, о чем она прямо говорит в строках в начале притчания:

Вкупе все да мы крестьяна сухотуем²:
Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная невзгодушка.

(т. I, с. 288)

Характерно, что проклинается «горюшко-невзгодушка», а не вполне определенный социальный противник, как это было в «Плаче о старости». В соответствии с архаической традицией народного мировоззрения враждебная социальная сила получает здесь отвлеченное от реальности обобщение. Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленному разделению труда сотрудничеству различных индивидов, вследствие того, что само сотрудничество возникает не добровольно, а стихийно,— эта социальная сила представляется этим индивидам не как их собственная объединенная сила, но как некая, вне их стоящая сила, о происхождении и целях которой они ничего не знают, которою, следовательно, не могут овладеть, которая, напротив, должна пройти свой особенный, не зависящий от воли и поведения людей, а даже эту волю и это поведение направляющий, ряд фаз и ступеней развития»³.

В русской фольклорной традиции подобная абстрагированная социальная сила персонифицируется в антропоморфном (человекоподобном) образе Горя или Доли, Судьбины (Судины). У И. А. Федосовой — это хищная птица, черная как ворон и стремительная как сокол.

Переживаемое «обществом» (деревней) горе — смерть писаря — осмысляется как часть всеобщего Горя, как один из случаев в длинной череде бедствий реформенных лет:

Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на свет человеку не родится;
Много страсти-то теперь да много ужаси,
Как больши того великих пригрозушек;
Наезжают-то судьи да страховитые,

¹ Слово «общественный» здесь употребляется не в современном, а в старом крестьянском его значении («общество» — деревня или несколько деревень, объединенных в общину).

² Горюем, оплакиваем.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. IV. С. 24—25.

Разоряют-то крестьянски оны жиrushки¹
До последней-то оны да лопотиночки².
Не дай, господи, на сем да на белом свете
Со досадой этим горюшком возитися...

(т. I, с. 288—289)

«Судьи страховитые» — одна из важнейших причин крестьянских бедствий здесь названа. Они разоряют крестьян. Все как будто так же, как в «Плаче о старосте», но мысль причитывающей развивается на этот раз в ином направлении. Происходит как бы некий логический взрыв, поэтическая эмфаза, вызванная неясностью причин случившегося несчастья. И. А. Федосова в поисках общей мотивировки рассказывает легенду о происхождении горя на земле, не именно этого горя, а горя вообще:

Вы послушайте, народ люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилося.

(т. I, с. 289)

Согласно легенде, было время, когда «жили люди во всем мире посттатейныи, Оны ду-друга люди не терзали», т. е. в давние времена было некоторое подобие «золотого века». Горю не было места на земле, и пришлось ему спрятаться в окиан-море «под колодинку». В ходе дальнейшего изложения (не лишенного противоречий) оказывается, что в окиан-море под колодинкой спряталось не само Горе: там были спрятаны ключи от «подземельных нор», от «тюрем заключевых», где оно заперто. Ключи эти проглотила чудовищная рыба — «Точно хвост у рыбы лебединой, Голова у ей вроде как козлиная» (с. 290). Рыбаки, впервые отважившиеся выйти в море, поймали рыбу, распластали ее и нашли в брюхе «ключи золоченыи». Возвратившись в свою деревню, ловцы показали соседям диковинные ключи и стали примерять к божиим церквам, к лавочкам торговым. Наконец обнаружилось, что ключи подходят к тюрьмам, к подземельным норам. Ловцы

Потихошеньку замок хоть отмыкали,
Без молитовки знать, двери отворяли...

(т. I, с. 290)

¹ Крестьянскую жизнь, имущество, достаток.

² До последней одежки (от «лопоть», «лопотина» — рабочая, плохая, ветхая одежда).

И тут произошло великое несчастье:

С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто поле слетело;
На чистом поле горюшко садилося,
И само тут злодийно восхвалялся,
Што тоска буде крестьянам неудольная:
Подъедать стало удалых добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,
Овдовило честных, мужних молодых жен,
Обсирошило сиротных малых детушек...

(т. I, с. 290—291)

Здесь образ Горя — зловещей черной птицы — максимально сближен с образом Смерти. Замечательна также перекличка с известными у многих народов преданиями и сказками, в которых рассказывается о том, что смерти раньше не было на земле или она была где-то заперта и вырвалась из-за чьей-то неосторожности или любопытства (ящик Пандоры и др.)¹. Однако в последующих строках содержится прямой возврат к реальным бедствиям реформенных лет, совпавших с длительным неурожаем и голодом, и снова звучит прямая перекличка с «Плачем о старосте»:

По чисту полю горюшко катилося,
Стужей-инеем оно да там садилося,
Над зеленым лугом становилося,

¹ Подробнее см.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 189—194; здесь же основная библиография и указания на параллели из севернорусского фольклора. В письме к В. Харциеву М. Горький писал: «Странное дело: века народ русский поет и плачет о Доле, века тщится одолеть судьбу и подчиняется ей, побежденный, а наши фольклористы по сей день не дали сборника «Песни о Доле», и нет книги «Национальные представления славян о Доле и Судьбе» или какой-то иной заголовок. Надо бы нам заняться изучением корней психики и миросуждения народа-то нашего» (Литературная газета. 1937. 15 июля. № 32). М. Горький несколько преувеличивает — работ о песнях о Доле, Горе, Судьбине довольно много, начиная от А. Н. Веселовского до современных фольклористов и исследователей литературы XVII века (в связи с «Повестью о Горе-Злочастии»), хотя систематическое и фундаментальное исследование этой проблемы все еще впереди. Обстоятельный анализ традиционных элементов в федосовской легенде о Горе см.: Веселовский А. Н. Судьба-Доля в народных представлениях славян. (Разыскания в области русских духовных стихов//В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. XVI. Статья XIII.) Более позднюю библиографию см.: Новикова А. М. и Александрова Е. А. Фольклор и литература. Семинарий. М., 1978. С. 47.

Частым дождиком оно да рассыпалося;
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель¹ на сдовольны эти хлебушки;
Неприятности во добрых пошли людушках.

(т. I, с. 291)

Обобщенная и конкретная темы здесь смыкаются. Во второй части причитания мрачная картина дублируется в известных строках, которые уже цитировались («Зло — несносное, велико это горюшко По Россиюшке летает ясным соколом, Над крестьянами злодийно черным вороном...» — с. 292). В них рисуется катастрофическое обнищание крестьян, столь выразительно описанное в публицистике и экономической литературе этих лет, касавшееся Олонецкой губернии в «страшный год» («не стоят стоги перегодные», «не насыпаны анбары хлеба божьего», «нет на стойлы-то у их коней добрых», «неправедные суды расселяются» и т. д., т. е. голод, неурожай, эпизоотия, разгул чиновничьих притеснений). Особенность второй части в том, что в ней называется не легендарная, а другая причина всеобщего несчастья — божье наказание людей за грехи. Вспомним, что именно о таком варианте объяснения бедствий, как одном из распространенных в те годы, говорил С. А. Приклонский в цитированной книге.

Много-множество е в мире согрешения,
Как больши того е в мире огорчения:
Хоть повыстанем² поутрышку ранешенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на сонмище³ бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся⁴.

(т. I, с. 291)

Представление о грехе как причине несчастья и нехристианское по своему происхождению представление о Горе, Судьбе, Доле, участи — Талане (прирожденной или приобретенной) постоянно переплетаются. Так, например, в «Плаче о потопших» в начале причитания можно прочитать:

Снарядились мы за славное Онегушко
Во утлой малогребной этой лоточке,
С суседями бессчастны не простилися,
Милосердому бладыке не молилися,
Воску ярова свечей не затопляли⁵ —

¹ Холод, стужа, изморозь, иней.

² Встанем, поднимемся.

³ Сборище.

⁴ Не молимся о прощении нам тяжких грехов.

⁵ Не зажигали.

и тут же рядом:

Знать судинушка по бёрежку ходила,
Страшно-ужасно голосом водила,
Во длани судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась.

(т. I, с. 252)

Через несколько строк они соседствуют в редуцированном (сжатом до краткости) виде:

По судьбы, видно, нашей *бесталанной*,
За тяжкое *велико согрешенье*,
По божьему господню повеленью...

Лодка перевернулась — отец, брат и сосед погибли, а герояния причитания, от имени которой оно произносится, начинает усиленно молиться, обещает забыть о всех развлечениях и девичьих вечорках, продать всю одежду, пойти к богатею в батрачки и на все деньги заказать молебны, накупить церковных свеч — и спасается. Грехи искуплены молитвой и обетом. Снова и снова рассказывая о случившемся, сперва спасшим ее рыбакам, потом односельчанам и, наконец, писарю и становому, она каждый раз говорит не только о совершенных грехах, за которые поплатились ее спутники и она сама (потеряла отца и брата!), но и о «злодийном бесталанье» (с. 260), о том, что, видно, это было «сужено» (с. 262), причем «сужено» то судьбой, то «бог судил» (с. 265). Мотив «наказанье за грехи» повторяется неизменно и как бы автоматически.

Подобное сочетание причин, казалось бы противоречащих друг другу, легко отыскать и в других записях от И. А. Федосовой. Оно не только типично, но и традиционно.

И все же «Плач о писаре» и «Плач о старосте» стоят и в этом отношении несколько особняком. В причитаниях И. А. Федосовой Горе, Доля, Судьба, так же как в песнях и сказках, — это обычно индивидуальная судьба и доля человека, в большинстве случаев — семейная судьба (но и здесь неудачливый брат обычно противопоставляется удачливому). В подобных причитаниях речь идет о каком-то горе, о несчастье — кто-то умирает, и его осиротевшую семью кто-то оплакивает. Односельчане сочувствуют горю, но все-таки это прежде всего горе осиротевшей семьи или семьи, потерявшей сына, дочь и т. д. В причитаниях же о старосте и о писаре речь идет о горе общественном, о горе каждого ее жителя — односельчане потеряли защитника деревни. Поэтому здесь оказался возможен

и естествен переход к социальной проблематике и к обобщениям (социальным и поэтическим), неожиданным по своему масштабу. Знаменательно, что Н. А. Некрасов, прочитав «Плач о писаре», выделил его пересказ в своем черновике под названием «Происхождение горя общественного»¹.

Характерно, что, например, в «Плаче о потопших», в котором нет противопоставления крестьянского мира «начальству», И. А. Федосова клянет Онежское озеро, которое погубило ловцов:

Как могучий я был бы богатырь,
Кабы силушка была у меня звериная,
Потягй² да у меня были лошадиные,
Накатала бы катучих белых камышков,
Загрузила бы я славное Онегушко,
На синём море волна бы не сходилася,
Со желтым песком вода бы не мутилася,
Малогребных этих лоток не шатало бы,
Тонких белых парусов не обрывало бы,
Бесповинных голов да не топило бы,
Уж как мужниих бы жен да не слезило бы,
Сирот малых детей не оставляло бы!

(т. I, с. 266)

Заметим, кстати, что после обвинения в прегрешениях погибшие тут же называются «бесповинными головами» и вся вина перекладывается на «Онегушко». Впрочем, эпитет «бесповинные» можно считать нейтральным, бессодержательно традиционным, так же как эпитет «славное», поставленный рядом с «Онегушко», на которое направлена обвинительная речь причитывающей (так же как сама уменьшительная форма названия озера).

Таким образом, религиозно-христианское — а по своему происхождению дохристианское, языческое, легендарное объяснения бедствий реформенного времени мирно соседствуют в этом причитании. Вероятно, это вполне объективно отражает структуру крестьянского фатализма середины XIX века, чрезвычайно метко охарактеризованного в статье Н. А. Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья», опубликованной в IX томе «Современника» за 1860 год: «На разговор о том, как на свете правды не стало и как все в мире беззаконствует, можно в несколько минут навести всякую бабу. Правда, заклю-

¹ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР. 21.2.0

с XV б. 21. С. 119.

² Сила, сила тяги.

чение разговора будет неотрадное: «все, дескать, это по грехам нашим, и видно уж так нам на роду написано, судьба наша такая несчастная, и ничего с ней не поделешь...» Но говорится это больше по привычке и по бессилию <а когда станешь продолжать разговор и предлагать средства для выхода из настоящего положения, то и окажется, что самая фаталистическая старуха не прочь бы ими воспользоваться, да только боится и не доверяется>. У мужчин замечается тот же видимый фатализм, но это опять <не фатализм веры, а фатализм отчаяния>... они отчаялись и смирились только видимо, а внутри них непременно бродит желание и надежда выйти из этого положения¹. Это наблюдение Н. А. Добролюбова, как мы видим, не было отвлеченным рассуждением; оно фиксировало совершенно определенный этап развития крестьянской социальной психологии, или, точнее, крестьянского мировосприятия. Подтверждение его верности мы находим в творчестве И. А. Федосовой. Н. А. Добролюбов надеялся, что падение крепостного права приведет к постепенному изживанию традиционного крестьянского фатализма. Так в конце концов и случилось, однако путь к этому был еще достаточно длинным.

Следует признать, что в монографии 1955 года активность поисков И. А. Федосовой выхода из замкнутого круга традиционных фаталистических представлений была несколько преувеличена². В наибольшей мере это коснулось проблемы греховности людей как причины их несчастий, в том числе и связанных с реформенными годами.

Нет сомнения, И. А. Федосова была религиозна, как и подавляющее большинство крестьян ее времени. Вместе с тем глубину и силу ее религиозности оценить довольно трудно. Вероятно, как и ее односельчане, она исповедовала то, что теперь принято называть «бытовым православием». В отличие от старообрядцев крестьяне, державшиеся официальной церкви, обычно не отличались знанием религиозной догматики, соблюдали в основном обрядовые требования церкви при довольно наивных теологических представлениях, легко совмещавшихся с тем, что столь же условно называют языческими элементами религиозных представлений и языческой обрядностью (точнее, это, как правило, дохристианские по своему происхождению и вне-

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 105—107. В скобки заключено вычеркнутое цензором.

² Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 193—201.

христианские по своей обрядовой практике элементы). В этом смысле мы располагаем более определенным материалом для суждения о представлениях о смерти и загробном существовании, которые были свойственны И. А. Федосовой, т. к. они тесным образом связаны с похоронным обрядом, обязательным компонентом которого были причитания, и, в значительно меньшей степени, о других сторонах и формах религиозности.

Представления о грехе, греховности, искуплении грехов и наказании за грехи несомненно лежали в основе бытового православия. Мы уже цитировали очень точные высказывания таких знатоков народного быта, как Н. А. Добролюбов и С. А. Приклонский.

В качестве заступника девушки, переживающей страшное несчастье, в «Плаче о потопшем» тоже выступает писарь. По обязанности он допрашивает ее, но верит ей, утешает и выгораживает ее перед «начальством» — становым. В результате девушка освобождена от оскорбительного и унизительного следствия.

И, наконец, в «Плаче о попе — отце духовном» рисуется третий тип крестьянского заступника в годы реформенных бедствий — сельского попа. Здесь как будто подчеркиваются исключительные личные качества священника («Уже нет, да такова попа не видано» — с. 293). С другой стороны, попу этому свойственны качества, которые были, по-видимому, обычно свойственны бедным сельским попам, часто выходцам из крестьян:

Не упьяnsлива он был да поп головушка,
Примерная душа — благочесливая;
Он рачитель до участков деревенских был,
Всегда кéхтал¹ на крестьянскую работушку

Он старатель был до церкви богомольной...

(т. I, с. 293)

Далее рассказывается о том, что по первому зову он готов был, не страшась ни «непогоды он, ни падары», «хоть проезду нет на санках самокатных», идти в дальнюю деревню отправлять требу. Фигура такого попа хорошо известна в литературе XIX века. Он знаком нам и по семейным биографиям демократических деятелей, вышедших из семей сельских священнослужителей. Поэтому в «Плаче о попе — отце духовном» вполне вероятно не содержалось сколько-нибудь существенной идеализации.

¹ Охотно делал.

В других текстах И. А. Федосовой изображение попов часто органически сочеталось с призывами не быть корыстолюбивыми и не вымогать у осиротевших семей слишком высокую плату за отпевание покойного.

В «Плаче о попе — отце духовном» поп выступает в двойной роли заступника — он не только защищает родителей, потерявших ребенка, от возможных притеснений станового, но и молится, чтобы его паства не впадала в грехи, отпускает им грехи, тем самым как бы спасая от божьего наказания. Такое отношение к сельскому священнику тоже органически укладывается в традиционное представление, лежавшее в основе крестьянского мировоззрения той поры.

Трудно допустить, что И. А. Федосова осознавала противоречивость церковного представления о грехе и искупительной молитвы. Однако со свойственной ей душевной чуткостью она несомненно ощущала это противоречие. Свидетельства этому мы находим в «Плаче об упьянистой головушке» и «Плаче об убитом громом-молвией».

В последнем из них проблема греха также приобретает социальные очертания. Она здесь звучит особенно остро, поскольку речь идет о крестьянине, убитом молнией. По традиционным крестьянским представлениям, убитый молнией безусловно заслуживал божьего наказания. Первоначально это так и объясняется:

Он не ходит-то крестьянин во божью церковь,
Он не молится-то богу от желаньца,
О души своей крестьянин не спахается¹,
Да он в тяжких грехах попу не каётся.

(т. I, с. 245)

Когда началась гроза, крестьянин совершил еще один грех — вместо того чтобы пойти домой, затеплить свечу² и молиться, он остается один в поле и продолжает работать, да еще в праздник, в троицу. В своеобразном прологе в небесах, заставляющем вспомнить европейскую литературную традицию от Гомера до средневековых мистерий, Илья-пророк, повелевающий громом и молнией, спрашивает у бога права покарать грешника. Быть мо-

¹ Не заботится, не вспоминает.

² По народному поверью во время грозы надо запереть в доме окна и двери и запалить «громничку» — свечу, зажигающуюся в церкви в страстной четверг или в пасху (Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М., 1957. с. 67—70).

жет, мужик совершил еще больший грех ранее — работал в Ильин день? Согласно поверью, работавшим в этот день грозил гнев Ильи-пророка, т. е. смерть от молнии¹.

И. А. Федосова устами вдовы утверждает, что покойный не был неисправимым грешником:

Он не вор, кажись, был не мошенничек,
Он не плут, кажись, был не разбойничек,
Не хлопотной был в суседях спорядовых...

(т. I, с. 251)

Все дело в том, что «накрывать стала крестьянская работушка» (с. 246), т. е. было слишком много работы, хотелось как-нибудь вырваться из голодухи и неурожая.

В 1867 году троица была 4 июня. По свидетельству заслуженного агронома КАССР покойного И. А. Петрова, в исключительно неурожайный 1867 год паюта и взмет пары могли растянуться даже до 20—25 июня. Таким образом, в первой половине июня действительно могла «накрывать крестьянская работушка». Не подтверждает ли это еще раз, что летом этого года И. А. Федосова могла побывать в Кузаранде? Можно было бы уверенно говорить об этом, если бы не одно противоречие: в прологе говорится о том, что Илья-пророк обратился к богу в пасху («Как о светлоем бладычном божьем празднике, На ранней на заутрены воскресной», т. е. в «светлое воскресенье»), а покарал он покойного в троицу. Однако даже самая поздняя троица не могла быть позже Ильина дня (20 июля). Видимо, поэтическая мысль И. А. Федосовой судорожно искала объяснения случившемуся, переходя от одной возможной причины к другой. При этом, как мы уже убеждались и в других случаях, она не очень заботилась о согласовании причин.

«Грех» погибшего от молнии в том, что он работал, нарушая запрет Ильина дня, и продолжал работать, когда уже началась гроза. «Грех» его в том, что он работал, а не молился. В этом сказалось одно из обычных традиционных бытовых противоречий христианства.

Итак, анализируя причитания, записанные от И. А. Федосовой, мы постоянно встречаемся с сочетанием обобщен-

¹ О запрете работать в Ильин день см.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. I. С. 473; Он же. Народные русские легенды. М., 1859. № 10; Токарев С. А. Цит. соч. С. 113; С. А. Токарев пишет: «Население строго следило за соблюдением этого запрета, ибо думали, что нарушитель мог навлечь гнев грозного пророка на всю деревню» (там же).

ности и конкретности. Опираясь на традицию, обеспечивавшую возможность мощных поэтических обобщений, она, встречаясь с Барсовым и импровизируя ему для записи, вспоминала о вполне конкретных кузарандских или шире — заонежских фактах. Мы уже упоминали о совпадении полицейского сообщения в «Олонецких губернских ведомостях» с происшествием, о котором рассказывается в «Плаче о потопших». Приведем его: «Крестьянин Ругозерского общества Петрозаводского уезда Василий Радионов вместе с сыном своим Андрианом Василием Радионовым, дочерью Марьей и крестьянином Василием Петровым отправились из своей деревни на противоположный берег озера для сбора мху. На возвратном пути 28 августа их застигла буря и лодку понесла в озеро; в это время Петров упал в воду и утонул, а Радионова с детьми прибило в лодке к о. Сосновцу в четырех верстах от деревни Шуровой. Здесь Радионов и его сын Андриан умерли, а дочь Марья была вывезена на берег прибывшим на ее крик крестьянином д. Корелевской Иваном Андриановым»¹. В полицейском сообщении по сравнению с притчанием И. А. Федосовой есть расхождения. Поэтому не будем настаивать на том, что это было одно и то же происшествие, хотя поразительно, что этот факт датируется августом все того же 1867 года². Событие, о котором пишется в газете, происходит не в Кузаранде, но в относительно близком Ругозере. Можно предположить, что об этом происшествии И. А. Федосова знала по рассказам земляков. Кроме того, надо иметь в виду, что гибель в озере была делом довольно обычным, хотя, разумеется, всегда трагическим. Так, в «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1867 год» сообщается, что в озерах Олонецкой губернии в 1864 году потонуло 77, в 1865 — 88 человек.

Мысль И. А. Федосовой всегда была «привязана» к конкретным фактам. Припоминая их, она могла снова вжиться в ту обстановку, которая была во время похорон, и воспроизводить для записи не примитивный набор формул, отработанных традицией, а текст притчания, если и не совпадавший с тем, который звучал на похоронах, то по крайней мере близкий к нему по духу, по своей психологической и социальной сути.

В конце 1895 — начале 1896 года известный русский

¹ Олонецкие губернские ведомости. 1867. 30 сентября. № 39.

² Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск. 1867. С. 97.

этнограф В. В. Богданов несколько раз виделся с И. А. Федосовой в Москве. В его воспоминаниях об этих встречах, записанных по моей просьбе, есть такой эпизод: на вечере Общества любителей естествознания при Московском университете после вступительного слова Е. В. Барсова должна была выступить И. А. Федосова; она обратилась к Е. В. Барсову, который, как известно, хорошо знал ее с 60-х годов:

«— Ты уж скажи-то, Елпидифор Васильевич, что причитать-то, что сказывать?»

Барсов напомнил ей из своих записей несколько причитаний.

«— Да теперь (ответила ему Федосова.— К. Ч.) я тех покойников не помню. Ничего причитать о них не могу».

Но по просьбе Барсова она стала импровизировать старые причитания «по-новому» (т. е. это были, по существу, именно новые причитания.— К. Ч.). Далее в воспоминаниях В. В. Богданова говорится: «Кое-кто из публики попросил Ирину Андреевну причитать по том или другом умершем, о котором Федосова расспросила подробно, так же как и о его семье. Эти импровизации произвели сильное впечатление на аудиторию. Наконец, одна немолодая дама попросила Федосову излить ее горе и тоску по дочери, которая не умерла, но рассталась с матерью. Федосова подробно расспросила о матери, о дочери и о разных обстоятельствах и причинах разлуки.

Получив после этого опроса нужный ей сюжет для элегии, Ирина Андреевна, стоя на некотором возвышении около кафедры, начала своим ровным, чистым и громким голосом импровизацию элегии на заданный сюжет. Минут пятнадцать, если не больше, сказывала Ирина Андреевна эту в ритм устроенную вдохновенную элегию. Уже на середине сказа послышались всхлипывания, потом плач, и не только самой героини элегии, но и других. Когда окончилась элегия, та дама, которая пожелала испытать импровизацию Федосовой, была в обмороке. Эта демонстрация поэтического творчества И. А. Федосовой произвела глубокое впечатление на всю аудиторию. Сама Ирина Андреевна тоже не казалась спокойной»¹.

И. А. Федосовой для импровизации нужен был конкретный факт, и вместе с тем не один «голый» факт сам по себе, а эмоциональное содержание бытовой ситуации, элементом которой должно было быть подлинное причи-

¹ См.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 360.

тание; ей надо было, чтобы факт излучал определенные эмоции.

Судя по составу похоронных притчаний, записанных от И. А. Федосовой О. Х. Агреневой-Славянской, собирательница не понимала, какие условия необходимы для успешной импровизации при записи. Она упорно понуждала И. А. Федосову припомнить старые тексты. Ей, вероятно, казалось, что притчания со сходной тематикой должны быть такими же вариантами по отношению друг к другу, как дважды исполненные лирические песни. Собственно, в этом нет ничего удивительного — этого не понимал, как мы видели, даже Е. В. Барсов, неизмеримо превосходивший О. Х. Агреневу-Славянскую как собиратель.

В записях О. Х. Агреневой есть плач о старшине (старосте), о деревенском писаре, об утопленнике, об умершем от опоя, не говоря уже о типовых притчаниях, исчерпывающих родственные отношения — о муже, об отце, о сестре, о дочери, о сыне и т. д. Чувствуется по всему, что во время записи в селе Кольцово том Барсова лежал на столе О. Х. Агреневой. Как и следовало ожидать, никакого повторения текстов не было. Через двадцать лет, равно так же, как еще десятилетием позже в Москве, И. А. Федосова могла бы сказать, что она тех покойников уже не помнит. В действительности она, может быть, и могла что-то припомнить о «тех покойниках», но все это было уже давно пережитое, не могло волновать так, как это было необходимо для успешной импровизации.

При первом же знакомстве с записанным О. Х. Агреневой видно, что это совсем другие тексты, их объединяют только некоторые повторяющиеся формулы, обороты (например, «туча темная, неспособная» и др.). Впрочем, и их не так много. В притчании о потопшем, записанном О. Х. Агреневой-Славянской, мать плачет над трупом утонувшего сына (№ 18). Волны озера вынесли его на берег. Соседи пробуют его откачать, но уже поздно. Возникает спор, в котором мать не участвует: оставить утопленника на берегу и известить начальство или отвезти в деревню. Об этом говорится в прозаической реплике. Одним словом, притчание произносится не от имени дочери и сестры утонувших, которая была с ними в одной лодке, как это было в записи 60-х годов, а от имени матери, которая увидела на берегу труп сына-утопленника. Оплакивается сын, а не отец и брат. Притчание произносится над трупом, а не при встрече причитывающей с односельчанами

и т. д. Одним словом, ситуация совершенно другая. Различия между этими двумя текстами не меньшие, чем между ними и плачем по двум братьям-семинаристам, утонувшим в Онежском озере при возвращении в Петрозаводск после каникул, записанном от каргополки Марии Федоровой и опубликованном в I томе сборника Е. В. Барсова в качестве параллели к тексту И. А. Федосовой. Здесь тоже можно встретить некоторые формулы, знакомые нам по прочтанию И. А. Федосовой («Онега свирепое», «расходилась погодушка великая», «скорая смеретушка», «мелкие пески рассыпчатые» и др., и, разумеется, обычный набор общефольклорных формул типа «белый свет», «путь-дорожка великая», «птички-пташечки», «весточка нерадостная» и т. п.). То же можно сказать и о других причтаниях, записанных О. Х. Агреневой от И. А. Федосовой,— о старшине, писаре, об умершем от опоя — по сравнению со сходными по теме текстами из «Причтаний Северного края». Сопоставление их выявляет не столько общность текстов, сколько их общую принадлежность северорусской традиции — и прежде всего «личный почин» импровизирующей, необходимый для возникновения причтания в сходной (типичной), но все-таки отличной по своей сути и по своим деталям ситуации.

Своеобразная трилогия — три типа, три образа крестьянских заступников — старосты, писаря и попа — несомненно, не плод какого-то общего, единого замысла И. А. Федосовой. Их выделила сама жизнь, определенное стечание обстоятельств. Староста был погублен мировым посредником; почему и как умер писарь, мы не знаем; смерть попа, судя по всему, не связана с его заступничеством. Вместе с тем они умерли — и им воздается должное. Причтание при этом выполняет функцию не только оплакивания, но и восхваления. Этот факт заслуживает особенного внимания, т. к. русские причтания в отличие, например, от сербских в этой функции почти неизвестны. И наоборот, мы знаем даже случаи, когда оплакивается покойный, поведение которого осуждается причзывающей (ярчайший пример этому — «Плач об упьянистой головушке», сходные мотивы есть и в других причтаниях о пропойцах). Обычно же покойные идеализируются, но не восхваляются, как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным. Идеализация эта, как правило, лишена индивидуализации. Покойный муж упоминается и оплакивается как идеальный исполнитель своей семейной роли. Муж — это «надежная головушка», защита и опора при-

читывающей, сын или дочь — это ее надежда, брат — защитник и опекун на молодежных увеселениях. Причем акцент делается на то, что они потеряны, теперь нет защиты и опоры, нет надежды, нет опекуна и т. д. Наибольшего напряжения подобные причитания достигают в тех строках, где говорится о том, что ждет причитывающую, ее семью, ее детей и т. д. после потери мужа, сына, дочери, брата. В значительно большей степени оплакивается будущее осиротевшей семьи, чем восхваляется покойный¹.

В «Плаче о старосте», «Плаче о писаре» и «Плаче о попе — отце духовном» как-будто налицо отклонение от этой традиции. Однако происходит оно вполне естественно и закономерно. В этих трех причитаниях речь идет, как уже говорилось, о событиях не столько семейного, сколько общественного характера. Как было показано, даже в «Плаче о старосте», который произносится от имени старостихи, о его гибели говорится как об общественной, а не семейной катастрофе. Это общественное начало и преобразовало причитания, сдвинуло взаимоотношение оплакивания и восхваления.

Нет основания думать, что подобные причитания на всем протяжении истории русского фольклора создавались только И. А. Федосовой. Сходные явления могли возникать, вероятно, каждый раз в периоды социального напряжения крестьянского быта. Образцы подобных причитаний можно видеть в причитании над рекой Яик, известном по пересказу А. С. Пушкина, в котором переплелись отзвуки разинского и пугачевского движения, в солдатских песнях-плачах XVIII века, в записях причитаний для Г. Р. Державина и др. Сходный сдвиг элементов оплакивания и похвалы можно обнаружить и в причитаниях, связанных с Великой Отечественной войной в оккупированном Заонежье (см., например, причитание Т. А. Мухиной из Кузаранды над могилой ее дочери Тани, расстрелянной оккупантами, серию плачей по жизни в дни оккупации и т. п.), опубликованных в сборнике В. Е. Базанова и А. П. Разумовой².

Героизация крестьянских заступников и оплакивание их — несомненно, отражение социальной ситуации в оло-

¹ Эта черта русских причитаний была отмечена еще Н. Г. Чернышевским в связи с обоснованием так называемой «теории разумного эгоизма» (см.: Антропологический принцип в философии. Поли. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 283).

² Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. № 55, а также № 30, 38, 45, 78 и др.

нецкой деревне в годы реформы государственных крестьян. Деревня выступала как нечто единое в столкновениях с чиновным «начальством». Неурожай, падеж скота, рост податей и поборов, бесчинство чиновников, вмешивавшихся в жизнь общины и тем самым игнорировавших власть общинного самоуправления, если и не в равной степени, то, безусловно, достаточно чувствительно задевали все слои деревни, населенные государственными крестьянами. В этом и была социальная основа своеобразного триптиха, записанного от И. А. Федосовой,— «Плача о старости», «Плача о писаре» и «Плача о попе — отце духовном».

Тема противостояния «начальству» — «судьям неправосудным» (без заступников — и поэтому без всякой надежды устоять в борьбе с ним) с особенной силой звучит во II томе «Причитаний Северного края», в котором собраны причитания по рекрутам и солдатам. Тексты, образовавшие том, записывались в те же годы, но изданы были только в 1882 году, т. е. через тринацать-четырнадцать лет после записи и через десять лет после I тома. Вполне вероятно, что причиной этого была не только сложность издательской подготовки и недостаток денежных средств, но и цензурные затруднения. До 1882 года Е. В. Барсов по каким-то причинам не опубликовал ни одного текста рекрутских и солдатских причитаний. Характерно, что предисловие ко II тому подписано 1 марта 1882 года, т. е. в годовщину убийства Александра II народовольцами, том посвящен Александру II («Бессмертной памяти государя императора Александра II, освободителя народа от рекрутских тягостей и воинской страды благоговейно посвящается»). Эти факты говорят не только о заметном поправлении Е. В. Барсова, переходе его на открытые монархические позиции, но и об идеализации подлинных результатов «военных реформ» 60—70-х годов. В восхвалительном тоне, весьма близком к тону тогдашней официальной печати, написана и вступительная статья ко II тому. Том, по мысли автора, должен был свидетельствовать об освободительном значении осуществленных реформ¹.

¹ В тоне вступительной статьи Е. В. Барсова звучал и отзыв о II томе известного литературоведа П. Д. Голохвастова, державшегося отнюдь не левых взглядов. В письме И. С. Аксакову он писал: «Если успею, напишу статью о II томе барсовского сборника «Причтания рекрутские». Том только что вышел, я читал его на железной дороге и ушел в отдельное купе потому, что то и дело не мог от слез удержаться читая: совестно сидеть и плакать в общем вагоне.

В этом на первый взгляд заключена бесспорная правда. Как нельзя отрицать прогрессивности и освободительного значения крестьянской реформы 1861 года, так не следует отказывать в этом и последовавшим за ней реформам — суда, военной и так называемой земской. Все они составляют единый исторический ряд социальных, политических и экономических реформ, необходимость которых стала ясной после военной катастрофы в Крымской войне 1853—1855 годов. И всем им, при всем их историческом значении, были присущи и непоследовательность, и противоречивость. Это тоже были антикрепостнические реформы, проведенные самими крепостниками.

Военная реформа завершилась только в 1874 году, т. е. через несколько лет после встречи Е. В. Барсова и И. А. Федосовой. В ее импровизациях не могли еще отразиться те перемены в жизни рекрутов и солдат, которые реформа за собой повлекла. Поэтому нам трудно было бы вслед за Е. В. Барсовым утверждать, что с осуществлением реформы все «рекрутские тягости» были отменены, а «воинская страда» была позади. Но в одном он, бесспорно, не прав — ни рекрутский обряд, ни рекрутские причитания не прекратились с военной реформой 1860—1870 годов. Нам достаточно хорошо известно, что этого не случилось.

К сожалению, от второй половины XIX — начала XX века фиксаций рекрутского обряда и записей рекрутских причитаний дошло довольно мало. Однако они есть, и то, что рекрутские причитания продолжали бытовать, не вызывает сомнения. В частности, даже и от И. А. Федосовой одно рекрутское причитание было записано О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 годах, т. е. через четырнадцать лет после того, как Е. В. Барсов в введении ко II тому объявил: «Причеть рекрутская и завоенная отныне прекратилась вместе с рекрутским обрядом»¹. В начале XIX века рекрутские причитания публиковали Н. С. Шайкин, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, Я. И. Коробов, Ф. Малевинский, Чужой и И. И. Ульянов (последний — целую серию текстов, описаний и исследований рекрутско-

Посвящение покойному государю, прекратившему эти ужасы, помечено 1 марта. Так и буду писать. Вот одна из его реформ, а его убили!» (Переписка П. Д. Голохвастова с И. С. Аксаковым о «Земском Соборе»//Русский архив. 1913. № 1. С. 100).

¹ Барсов. Т. II. 3-я ненумерованная страница.

го обряда в годы первой мировой войны)¹. Упоминавшийся уже сборник В. Г. Базанова и А. П. Разумовой подтверждает, что традиция рекрутских причитаний была жива еще в 20—30-е годы нашего века. Социальное содержание их, разумеется, с середины XIX века претерпело значительные изменения. Правда, из всех записей рекрутских причитаний, сделанных после И. А. Федосовой, которыми мы располагаем, нельзя было бы сформировать сборник даже в три раза тоньше, чем II том Е. В. Барсова. (Хотя количество записей могло зависеть от интереса собирателей к этому жанру.)

II том «Причитаний Северного края» состоит из четырех пространных текстов рекрутских причитаний, записанных от И. А. Федосовой, и четырех довольно кратких записей от четырех других исполнительниц, описания обряда, вводной статьи и обычных приложений — они содержат «Сведения о волгеницах, от которых записаны причитания», рассказы про беглых рекрутов, сказку о солдате и смерти, «Замечание о языке причитаний» и «Северорусский словарь».

И. А. Федосовой, как мы только что сказали, принадлежат четыре значительных по объему причитания — «Плач по холостом рекруте», «Плач по рекруте женатом», «Плач при проводах солдата с побывки» и «Плач при побывке солдата на смерть своего отца». Первые два возникли, вероятно, в годы записи или незадолго до этого. В них обращает на себя внимание частое упоминание Петроводска не только как города, куда родные отправляют рекрута, но и как места действия («Он ко городу уехал ко Петровскому» — с. 5; «И буде возвращусь на родимую сторонушку Я со этого со

¹ Шайгин Н. С. К материалам по народной словесности. Рекрутская припальч//Олонецкие губернские ведомости. 1903. № 49. 13 мая; Сказки и песни Белозерского края//Зап. Б. и Ю. Соколовы. СПб., 1915 (рекрутские причеты — с. 402—406); Коробов Я. И. Народная песня в северной части Покровского у. Из записок старожила//Старый владимирец. 1913. № 244; Народные песни Тотемского у. Вологодской губ./Собр. Ф. Малевинский. Вологда. 1912. С. 30—31; Чужой. Трогательный обычай//Архангельск. 1915. № 110; Проводы солдат на войну. Вариант обряда, причитания, зап. И. Ульяновым. Пг., 1914; Он же. Обрядовые причитания при проводах солдат на войну (по записям и личным наблюдениям)//Правительственный вестник. 1914. № 254. Он же. Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний//Живая старина. 1914. Вып. 3/4. С. 233—270.

города Петровского» — с. 10; «И ускоряются¹ ко городу Петровскому, Как ко этому принёму² государеву» — с. 17; «И ты пойди со мной ко городу Петровскому» — с. 25; «И как я да была в городе Петровском» — с. 27; «И вы по городу пойдете по Петровскому И мимо славную палату енеральскую»³ — с. 33; «И ко злодийному ко городу Петровскому» — с. 46 и др.). В «Плаче о холостом рекруте» «соседка, у которой брат в солдатах», рассказывает о злоключениях рекрутов, связанных с губернским воинским присутствием в Петрозаводске с такими подробностями, которые вряд ли появились бы, если бы И. А. Федосова не была сама очевидицей этих печальных событий. Следовательно, сообщая Е. В. Барсову эти тексты, И. А. Федосова пользовалась не только кузарандскими (или шире — заонежскими) впечатлениями, но и своими наблюдениями в петрозаводский период.

До сих пор точно не установлено, где И. А. Федосова жила в Петрозаводске, но, опираясь на подобные строки и особенно на описания расставания жен и матерей с рекрутами, разгон женщин у «принема» водой из брандспойтов, понуждение рекрутов в момент расставания с родными петь веселые песни и т. д., есть основание предполагать, что И. А. Федосова жила в «слабодке», т. е. в забульварной части города, вблизи от Военной улицы, где находилось губернское военное присутствие. (Сейчас это улица И. А. Федосовой. Такое название ей было присвоено в дни, когда отмечалось 150-летие со дня рождения И. А. Федосовой — в 1981 году.)

Первоначальное возникновение двух других текстов II тома — «Плача при проводах солдата с побывки» и «Плача при побывке солдата на смерть своего отца» можно тоже датировать более или менее определенно. Они основаны на воспоминаниях о событиях (или солдатских рассказах об этих событиях), случившихся после 1855 года и до 1863 года. В «Плаче при проводах солдата с побывки», по-видимому, речь идет о боях на турецком фронте в годы Крымской войны 1853—1855 годов (т. е. о сражениях на Дунае либо на Кавказском фронте). Предполагать, что в этих текстах отразились воспоминания

¹ Устремляются.

² Рекрутский прием.

³ Генеральский дом (м. б. губернаторский дом или губернское управление).

о более ранних турецких войнах, скорее всего, нет основания. Впрочем, в нашем предположении тоже заключен известный риск: «турки» — это не только реальный враг в русско-турецких войнах, но и эпический враг русских солдатских исторических песен¹ и, конечно, солдатских устных рассказов, о которых мы, к сожалению, знаем мало.

• В плаче говорится:

И как на нашу-то Русию подселенную²
И наступали-то злодий супостатыи,
И ведь думали-то турки окаянныи
И оны въехать-то в Русию подселенную
И разорить Москву оны да все великую,
И поразить да оны крепость в Новегороде...

(т. II, с. 222)

Царь, отпустивший солдат на побывку после того, как «война усмирилась», называется то «царем», то «наследником».

И милосердый-то наследник сжаловался;
Уж он дал да нам билеты подомовыи
И отпускал да на родину нас, на родинку...

(т. II, с. 185)

В обоих текстах здесь же рассказывается о приезде наследника в действующую армию. Известно, что именно во время войны 1853—1855 годов наследник превратился в царя. После смерти Николая I в 1855 году императором стал Александр II. Кроме того, в «Плаче при побывке солдата на смерть своего отца» говорится о том, что солдат отпущен на побывку после окончания войны и возвращения войск на родину.

После Крымской войны и до записи рекрутских при читаний от И. А. Федосовой состоялась еще, как известно, «польская кампания», т. е. подавление польского восстания 1863—1864 годов, однако никаких деталей, которые отразили бы эти события, в текстах не обнаруживается.

¹ Песни о турецких войнах. В кн.: Исторические песни XVIII века/Изд. подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. С. 242—266. Песни о русско-турецкой войне 1828—1829 гг./В кн.: Исторические песни XIX века/Изд. подготовили Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973. С. 164—182.

² Всю Россию, все население России.

Более того, в причтаниях рассказывается о запарывании насмерть, о проведении «сквозь строй», которые были запрещены решением комиссии по военно-судебной реформе 17 апреля 1863 года.

Солдат рассказывает матери:

И на ученьице, родитель, на мученьице,
И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
И до умертвия победных бьют головушек,
И скрзозе строй гонят бессчастных нас солдатушков...

(т. II, с. 220)

Разумеется, И. А. Федосова знала о солдатской жизни только понаслышке — по слухам, по солдатским рассказам. Ей не были известны распоряжения по военному министерству, доклады Д. А. Миллютина царю о состоянии армии, дискуссии в многочисленных комиссиях и комитетах и т. д. Однако мы уже не раз убеждались в ее способности проникаться смыслом известного понаслышке, сопререживать чужому горю, воспринимать его как свое. Нужно было действительно обладать незаурядной силой поэтического воображения, чтобы воспроизводить жизнь солдата с такой верностью и с такими деталями, какие мы находим у И. А. Федосовой. Несмотря на то, что она, как сама об этом говорит, «не была во службы государевой, и не ходила по походам я солдатским» (т. II, с. 37), в ее творчестве нашли свое отражение важнейшие моменты службы «казенного человека».

Например, солдат гонят на учение в зной и в холод.

И хоть студеная холода эта зимушка,
И хоть плящии морозы неудобны,
Хоть на улице погода непомерная,
Хоть буйны ветры со снежком идут перистым,
И столько нас бедных солдатушков бессчастных —
И на ученьице нас гонят тут на уличку,
И на гладкое на чистое на полюшко...

(т. II, с. 201)

Или:

И хотя ж бьет эта погода непомерная
И во бессчастны нам во ясныи во очушки,
И веют ветрышики во блекое во лицушко,
И хоть зябет наше ретливое сердечушко,
И никуда ж да тут, родитель, не деваешься,

Тут от ветрышка, родитель-то, не скроешься,
И от погодушки, родитель, не склонишься,
И со шириночки¹, родитель, тут не выскочишь...

(т. II, с. 202)

Бессмысленная муштра и жестокие, унизительные наказания за малейшую провинность:

И наб в умы держать бессчастным тут солдатушкам:
И как (к) начальству нам победнушкам явитися,
Штоб мондеры сукон серых наглажены,
И как оружьица ведь были бы начищены,
И сабли вострыи ведь были бы наасветлены...

(т. II, с. 203)

И хоть оружьице у нас да все промахнется,
Аль плечо с плечом у нас да все не сойдется,
Аль ступня с ступней у нас да не сровняется,
И тут заметят кумандеры-то² ведь ротныи,
И по белу лицу дают да нам затрещенье,
Аль по головы дают оны заушенье,
Али под белую-то грудь оны подтычину.

(т. II, с. 202)

И не доносят тут ведь резвы наши ноженьки,
И доведут да нас солдатушки бессчастныи;
И тут мы падем от побоев о сырь землю;
И тут ряхнемся ума-разума в головушке;
И мы не чувствуем ведь добрыих-то людушек,
И мы самы себя с побоев тут не ведаем,
И на плечах да мы не слышим тонко-белых
рубашечек,
И мы лежим да со побоюшков без навиду³.

(т. II, с. 221)

Солдат плохо одеваются, хотя, казалось бы, одежда их регламентировалась официально установленной формой, а кормят еще хуже. До военной реформы все полковое хозяйство было в руках командиров полка и, как писал об этом с полной откровенностью в одном из своих докладов Александру II инициатор перестройки армии Д. А. Милютин, они рассматривали его как «свое собственное, личное хозяйство»⁴. Корыстолюбие и даже прямое мародерство и интендантов и строевых командиров особенно ясно выявились в годы Крымской войны.

¹ Шеренги.

² Командиры, офицеры.

³ Никто не навестит.

⁴ Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952. С. 124.

И. А. Федосова так говорит об этом, видимо со слов солдат:

И нам не выдано солдатушкам победным
И круг сердечушка нам теплых этих шубонек;
И мы в одных, бедны, мондерах сукон серых;
И как мундерики у нас плотно застегнуты,
И бела грудь да у нас крепко ведь подтянута,
И ретливо сердце у нас да обрестовано...

(т. II, с. 203)

Хоть с ученьица в казармы ворочаемся,
И мы придем да во казармы во казенныи;
И не дубовые столы да нам расставлены,
И все не шиты скатерти да нам разосланы;
И нам ведь ествушки готовы не сахарныи,
И да нам питьица готовы не медвяныи:
И точно питьице, победным нам, скотиное,
И еденьице, бессчастным, лошадиное,
Уеданьице — мякинны нам сухарики,
Улоеньице — нам водушка со ржавушкой.
И мы от царя да мы, солдаты, не обижены,
И от царицы милосердой не огрублены,
И от царя пища хорошая составлена,
И от царицы добры питьица снаряжены,
И тут между собой начальники съедают...

(т. II, с. 203)

Как видим, быт солдат, их беды и тягости, жестокость начальства характеризуются довольно наивно и условно, при помощи традиционных формул и словесных оборотов солдатских песен. Однако не может быть никакого сомнения в том, что при этом имелась в виду армия, современная И. А. Федосовой, т. е. русская армия в годы, предшествующие началу военных реформ, и в первые годы проведения реформ. Военный министр Д. А. Миллютин, о котором мы уже упоминали, был исполнен либерального стремления обновить русскую армию. Он понимал, что для этого надо преодолеть ее сословные, крепостнические традиции. Это удалось лишь отчасти. Он вынужден был признать, что в армии по-прежнему, несмотря на отмену крепостного права в стране, господствуют «варварские приемы, усугублявшие в глазах народа тягость рекрутства и унижавшие звание солдата»¹. В. И. Ленин совершенно справедливо писал о том, что армия, несмотря на некоторые улучшения и послабления, сохранила свой крепостнический характер: «...казарма насквозь пропитана

¹ Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. С. 82.

духом... бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье»¹.

В рекрутских и «завоенных» причитаниях И. А. Федосовой постоянно говорится об армейских командах. Она, разумеется, при этом не различает их рангов и званий. Так же как в причитаниях I тома мировой посредник и всякое другое начальство — это «судьи неправосудные», которые олицетворяют бедствие олонецкой деревни в годы реформы государственных крестьян, так и солдатские командиры — «судьи неправосудные», «злодии супостаты», они все заодно и все действуют во зло солдатам — мучат их, бьют, обкрадывают.

В «деревенских» причитаниях И. А. Федосовой «судьи неправосудные» налетают на деревню и уезжают из нее. Крестьяне не знают их быта, их семей, их человеческих качеств. Они просто выступают в определенной социальной роли. Быт офицеров был более знаком солдатам. Семьи их в мирное время всегда были при полках, солдат заставляли обслуживать офицерские семьи. О них у солдат складывалось совершенно определенное мнение. Это мнение (по солдатским рассказам, разумеется) и передает И. А. Федосова. При этом она использует ходовые формулы свадебных песен и свадебных причитаний:

И судьи-власти-то пошли да скрозекозныи,
И начальнички пошли да все бездельныи,
У их женушки пошли да белорукии,
У их дочушки пошли да ничевухи:
И не ткиюшки оны да не прядеюшки.
И одно у их в умы, да одно в разуме,
И все белила-то у их да со румянами,
И как хвостом вертеть да как ногой тряхнуть;
И не знают-то, бессчастныи, не ведают,
И што ведь дом вести — не головой трясти.

(т. II, с. 49)

Федосову возмущает, что бездарные бездельники вправе властвовать над солдатами, она возмущена их бессердечностью, бес совестностью:

Да вы слушайте, народ да люди добрыи,
И вы милыи суседи спорядовыи!
И да што я скажу, победная головушка,
И я про этих злодиев супостатых,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 393.

И я про этих вертунов да самохватных,
И я про этих тонконог да вихреватых;
И как бессчастны ведь злодии неталанные¹;
И как у этих хватов — да подтяни нога,
И как у этих вертунов — да посшиби рука,
И нету душеньки у их да во белых грудях,
И нету совести у их да во ясных очах,
И нет ума-то у их да в буйной головы.
И гордо головы несут да все посвистывают,
И во мамоны-то² у их да все побурливае;
И уж как этия ярыги³ скрозекозныи
И подольщаются ко дщерям оны матерным,
И с ума сводят оны девушек молодых;
И своей сбруей-то оны да все позванивают,
И во кругах-тонцах оны да их завERTывают...

(т. II, с. 225—226)

Это незаурядное сатирическое изображение господ офицеров, их жен и дочерей не имеет аналогий в русском фольклоре. Традиционные фольклорные приемы здесь служат выражению вполне сформировавшейся сословной ненависти солдат к офицерам. Характерно, что не только ненависти, но и презрения, что роднит эти строки с сатирическим изображением бар в сказках, особенно в солдатских. Барин (офицер, часто генерал) в сказке бестолков, бездарен, ленив, алчен, совершенно так же, как в федосовских причтаниях. Если сравнить подобные пассажи причтаний с корильными свадебными песнями или гуляночными «крюками», т. е. веселыми высмеиваниеми традиционного характера, то выявляется несомненное их различие. В корильных песнях и «крюках» — дружеские шаржи, безобидные шутки, здесь же — исполненная эмоциями социальная сатира, напряженное словесное отмщение за офицерское издевательство над солдатами.

Причтания I и II тома объединяет еще одна тема, важная для понимания социальной психологии и мировосприятия И. А. Федосовой и ее односельчан. Эту тему можно было бы назвать «глумление начальства над крестьянским несчастьем». «Судьи неправосудные» — не только виновники крестьянских несчастий, они безжалостно глумятся над рекрутом, несчастной девушкой, только что потерявшей родных, над матерью, потерявшей ребенка, над причитывающей. Глумление «начальства» над несчастьем приобретает различные формы, но чаще

¹ Бездарные, неудачливые.

² Живот, брюхо.

³ Пьяница, беспутный.

всего оно связано с необычной смертью оплакиваемого — гибелью на озере, внезапной смертью ребенка, поражением молнией, смертью от опоя и т. д. Мировые и полицейские власти грозят семье судебным следствием (хотя причина смерти, с точки зрения оплакивающей, ясна), нарочито подозревают горюющих в умерщвлении покойного, угрожают судебно-медицинским вскрытием тела и т. д.

Н. А. Некрасов, внимательно читавший И. А. Федосову, не мог не уловить предельной трагичности этой темы. В главе «Демушка» части «Крестьянка» в «Кому на Руси жить хорошо» он не только пересказал, но и обобщил и углубил эту тему, довел ее разработку до логического конца. Если у Федосовой сердобольный поп готов защищать крестьянку, а писарь и становой готовы поверить тому, что ребенок умер естественной смертью и поп успел его исповедать и причастить, то некрасовская Матрена Тимофеевна испивает чащу страданий до конца — на ее глазах вскрывают тело Демушки, и она обрушивает на головы мучителей проклятье, которое известно нам по «Плачу о старости». Для Некрасова это было не только разработкой темы, найденной у Федосовой, но и продолжением определенной литературной традиции. Прежде всего в этой связи следует назвать его же стихотворение «Похороны», написанное за одиннадцать лет (1861) до выхода в свет «Причитаний Северного края». Классический пример выжимания взяток под угрозой следствия о мертвом теле содержится в XV главе «Былого и дум» А. И. Герцена. А. И. Герцен дважды рассказывает о подобных случаях. «Начнется следствие о мертвом теле какого-нибудь пьяницы, сгоревшего от вина и замерзнувшего от мороза, — пишет А. И. Герцен, — и голова собирает, староста собирает, мужики несут последнюю копейку. Становому надобно жить; исправнику надобно жить да и жену содержать; советнику надобно жить да и детей воспитывать; советник — примерный отец». И далее рассказывается, как исправник и становой поступают в таких случаях: «Попадется им мертвое тело, они его возят две недели, пользуясь морозом, по вотским деревням и в каждой говорят, что сейчас подняли и что следствие и суд назначены в их деревне. Вотяки откупаются»¹.

¹ Герцен А. И. Былое и думы. Л., 1946. С. 141. Ср. у Пушкина в стихотворении «Утопленник»:

Суд наедет, отвечай-ка,
С ним я век не разберусь.

Совершенно так же в причитаниях И. А. Федосовой «неестественная» смерть крестьянина грозит несчастьем всей общине. И. А. Федосова осуждает не только корыстолюбие взяточников, стремящихся воспользоваться чужой бедой, но ее возмущает прежде всего оскорбление чувств горюющих допросом, подозрениями, надругательство над дорогим телом покойного. Крестьянки в причитаниях И. А. Федосовой готовы откупиться всем, лишь бы избежать глумления. Поэтому в ее текстах нет ни одного случая, когда они не откупались бы от грозящего следствия.

В «Плаче об убитом громом-молвией» овдовевшая возвращается с поля в село и объявляет соседям о случившемся:

Объявила тут суседям спорядовым,
Как наделала тревоги всему обществу,
Беспокойства-то крестьянам православным;
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отправляли.

(т. I, с. 249)

То же и в «Плаче об упьянливой головушке»:

Удивились все спорядные суседушки,
Што незгода сочинилась вдруг великая;
Проклинают его добры эти людушки,
Што наделал суматохи он всему миру;
Беспокоиться по темным наб по оченькам,
Наб сидеть им тут у тела запитущего,
Наб отправить объявление во Петров город,
Наб преложить-то¹ ведь лекаря умильного
Ко этому телу его мертвому.

(т. I, с. 279)

Соседи не только из сострадания к вдове, но и из стремления предотвратить нежелательный для всей деревни приезд властей советуют вдове откупиться, дать взятку начальству, предупредить возможное судебно-медицинское следствие. Этот мотив звучит особенно отчетливо в «Плаче об убитом громом-молвией»:

Ты послушай же, спорядная суседушка,
Не жалий, бедна, любимое покрутушки²,
Заложи-снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны бессчетной;

¹ Позвать, пригласить.

² Одежды, нарядов.

Штоб надеженьку твою не патрушили,
Штобы белой его груди не пороли,
Штоб сердечушка его не вынимали,
Штоб назолушки¹ тебе не надавали,
Штобы придали ко матушке сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья...

(т. I, с. 249—250)

В «Плаче о потопших» оскорбительность допроса показана с особенной силой. Девушка была свидетельницей гибели отца и брата; она насчиталась по безлюдному острову в ожидании голодной смерти; наконец спасена рыбаками, добралась до родной деревни и, естественно, радуется своему возвращению. Но как только она появилась на берегу,

Все собиралися суседи спорядовыи,
Объявили тут властям да оны сельским;
Приходили писаречки хитромудрыи,
Садилися к столу до ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой²,
Меня спрашивать тут стали да выведывать...

(т. I, с. 261)

Самым оскорбительным, чудовищно кощунственным был при этом вопрос: не потопила ли она сама с какой-нибудь целью отца и брата? Протокол допроса отправляется «по инстанции». Несчастная девушка ждет приезда станового. Она, конечно, ни в чем не виновата, но совершенно не уверена, что это гарантирует ей благоприятный исход следствия.

Как прийде становой да все начальничек,
Он куды кладет победную головушку?³
Меня сошлют со родимой, може, родинки,
Буду странствовать, победна, слезно плакать.

(т. I, с. 261)

Приезжает становой, и допросы начинаются заново. Против ожидания становой верит девушке и прекращает следствие. Это воспринимается как чудо.

В «Плаче об ульянсливой головушке» исход следствия тоже благополучен, но столь же оскорбительно для оправдевшей подозрение в отравлении покойного. Вдове тоже кажется неожиданным и странным, что исправник «рассудил по-хорошему».

¹ Обиды.

² На гербовой бумаге (т. е. на бумаге с водяными знаками — гербом) составлялись различные официальные акты.

³ Т. е. что со мною сделает.

Глумлением начальства над крестьянским несчастьем чревата (крестьяне в этом уверены) каждая встреча с начальством, с «судьями», которые всегда, независимо от их реального поведения, считаются и называются «неправосудными». Для деревенских жителей каждая встреча с начальством оказывается драматическим эпизодом. Это именно «наезды». Традиция такого восприятия «наездов» уходит своими корнями в далекое прошлое, в первые века формирования феодальных отношений в северорусских областях. Тогда практиковались так называемые «кормления», т.е. право феодала — боярина, князя или их приказчиков — объезжать подвластные им территории для сбора дани так часто, как феодалу это понадобится. «Наезды» были одной из наиболее ярких форм феодального произвола. Вместе с тем для черносошных, а потом государственных крестьян это были только более или менее редкие (или более или менее частые) эпизоды. В отличие от этого крестьянин, ставший солдатом, был день и ночь во власти батальонного, ротного и полкового начальства. Не случайно формы глумления при этом сложились особенно изощренные. В подобную ситуацию сразу же после призыва попадают и рекруты, и провожающие их родственники:

И нам не дали-то судьи неправосудны
И расставаться столько времечки на два часа,
И постоять да нам победным, подумать —
И посоветовать с любымыма семеюшкам¹.
И как лучиночку скорешенько сломили,
И так в поход бедных солдатов снарядили.

(т. II, с. 138—139)

Особенное возмущение И. А. Федосовой вызывает разгон матерей и жен водой из пожарных брандспойтов, который учинили военные власти около рекрутского приемного пункта в Петрозаводске:

И им не по сердцу горючи наши слезушки;
И тут привозят они бочки с ключевой водой,
И тут над нама-то оны да надрыгаются²;
И как начальнички стоят да там не русский,
И как судышечка ведь там не новгородский;
И велят оны из труб да все пожарных

¹ Мужьями.

² Издеваются.

И нас окачивать, победных головушек,
И все тушить пожар в ретливых сердечушках...

(т. II, с. 32)

Неслыханная бесчеловечность разгона горюющих женщин вызывает у Федосовой взрыв негодования:

И суди, господи, злодиям супостатым
И за их тяжкии велики беззакония!
И ты услышь наши молитвы изутробныи,
И ты узри да наши слезы горегорькии!

(т. II, с. 32)

Начальство глумится не только над горем провожающих, не менее бессердечно оно и по отношению к новобранцам. Построив, «командеры» ведут их «мимо палату генеральскую» (вероятно, мимо дома губернатора в начале нынешнего проспекта Карла Маркса или, еще вероятнее, мимо здания губернского управления на нынешней площади Ленина) и велят петь веселые песни:

И столько дается солдатушкам бессчастным,
И им писенки запить да не хотелось бы;
И ущемлят у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зяблая утробушка;
И впереди идут все дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщики,
И середи да музыканы с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И сквозь слезы поют жалку оны писенку,
И сквозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногами-то выступывают,
И ретливо сердчё ведь кровью запечатано.

(т. II, с. 34)

Как мы говорили, кульмиационными моментами, или, точнее, моментами наивысшего эмоционального напряжения (следует добавить — в постоянно эмоционально напряженных текстах), в притчаниях I тома были речь старости, одергивающего мирового посредника, легенда о Горе и, наконец, проклятие «судьям неправосудным» в конце «Плача о старосте». Во II томе подобная эмфаза связана с актом забривания рекрута на приемном пункте, который означал окончательное решение судьбы солдата. Если после жеребьевки у рекрута (и его жены) оставалась надежда на то, что родные, не считаясь с расходами, найдут «заменщика», который будет вместо него отбывать долгую службу, или на приемном пункте медицинская комиссия забракует его, то обряд забривания, когда до него доходило дело, никаких надежд не оставлял. Слово «го-

ден» было уже произнесено, и обривание голов символизировало переход рекрута в новое социальное состояние — он теперь солдат, в деревню не вернется или вернется только после долголетней службы.

Головы солдатам обривали из гигиенических соображений, и это обривание совершенно меняло их обличье. Представьте себе типичного молодого крестьянина того времени — с достаточно обильными волосами, подстриженными «под горшок», с бородой и усами (или с только-только намечающимися бородой и усами). Ему обривают бороду и усы — и он приобретает бабий вид, ему бреют голову наголо — и он становится совершенно на деревенских мужиков не похожим, только на солдата. Это было и оскорбительно, и трагично. Это был обряд, который сам по себе мог бы восприниматься крестьянами как один из обрядов перехода из одного социального состояния в другое (из одной половозрастной группы в другую), сопровождающийся подстрижением волос — «застиржка» годовалого ребенка, подрезание локона у невесты в ходе свадебного обряда, пострижение в монахи, в некоторых районах — подрезание локона покойника на память и т. д. Однако ни в одном из этих обрядов не полагалось обривать наголо.

Женщины, провожавшие рекрута, следили за всем, что творилось на «принеме», с нарастающим волнением — рекрута подводили под мерку, он вышел после медицинского осмотра, он годен, и, наконец, его забривают. Причтания, сопровождавшие все эти этапы, приобретали все более трагические интонации. В момент забривания они достигали, видимо, наивысшего напряжения. Обряд обривания казался им бесконечно затянувшимся. И. А. Федосова, изображая этот момент, произносит проклятье «командерам», обривающим рекрута:

Быдьте прокляты, злодии супостаты!
Бéргай¹ скрьз землю, ты нехресь вся поганая!
И секите вы кудри поскоряя,
И точите вы бритвы повостряя,
И уж вы брийте его да побеляя;
Охти мни, да мне тошнешенько.
И кабы мне да эта бритва навостреная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноныку рожденьем надрыгатися;
И распорола бы я груди этой некрести,
И уж я выняла бы сердце тут со печенью,

¹ Провались.

И распластала бы я сердце на мелки куски,
И я нарыла бы корыто свиньям в месиво;
А и печень я свиньям на уеданьице!

(т. II, с. 74—75)

Если речь старосты, как мы говорили, напоминает манифесты Е. И. Пугачева или речи Антона Петрова из Бездны, то эти трагические строки можно было бы начертать на знамени любого крестьянского бунта. Вместе с тем мы не должны забывать, что это все-таки не боевой призыв, а плач отчаявшейся, доведенной до крайности женщины.

Может показаться странным, что проклятье «командерам» звучит не в рассказе об издевательствах и побоях в армии, о воровстве офицеров, держащих солдат впроголодь, не в изображении походных и боевых тягот, даже не в рассказе о том, как гонят «скрозве строй», а в рассказе о сравнительно безобидном забривании. Дело не только в том, что обряд был оскорбительным. Это была решительная минута прощания. Рекрут больше не принадлежал семье и деревне. Он был жив, но с ним расставались надолго, скорей всего, навеки (двадцатипятилетнюю службу мало кто выдерживал, пятнадцатилетнюю тоже¹). Недаром один из самых характерных словесных стереотипов (формул) рекрутских причитаний — «Жива эта разлука хуже мертввой»²). Кроме того, вероятно, можно говорить и еще об одной причине.

В причитаниях II тома один за другим проходят все этапы жизни крестьянина, превращающегося в солдата,— объявление о наборе рекрутов, жеребьевка, прощальное гуляние рекрута, расставание его с родными, приезд в Петрозаводск в «государев принем», «забритие», окончательное расставание с провожавшими до Петрозаводска родными (женою или матерью, отец обычно не упомина-

¹ Напомним, что в связи с реформой 1863 года, предусматривавшей не 25-ти а 15-летний срок службы в армии, Н. А. Некрасов написал свое известное стихотворение «Орина, мать солдатская». Сын Орины — Иванушка, прослужив восемь лет, должен был «выйти в бессрочные» (т. е. был демобилизован как инвалид), хотя и был «богатырского сложения здоровенный детинушка». За это время совершенно разорилось его хозяйство. Некрасов не случайно называет половину нового срока службы в армии, показывая, что и его вполне достаточно, чтобы искалечить человека. (См. об этом подробнее в статье: Чистов К. В. Некрасов и народное творчество (задачи изучения)//В кн.: Некрасовский сборник. Л., 1951. Т. I

² Ср.: Барсов. Т. II. С. 35, 107, 113, 123, 136 и др.

ется), отправка из Петрозаводска, служба в армии, участие в сражениях, приезд на побывку и снова отъезд в армию. Как мы уже говорили, при этом собственные впечатления И. А. Федосовой переплетаются и сочетаются с известиями и рассказами, которые она могла слышать от односельчан или шире — от жителей Заонежья или Петрозаводска, прежде всего от солдат или крестьян, бывавших в других губерниях на заработках и наблюдавших там гарнизонную службу, ученья, парады и т. д. Расчленить эти источники ее, как мы сказали бы теперь, первичной информации далеко не просто. Из того, что нам достоверно известно о биографии И. А. Федосовой, следует, что ее муж, Я. И. Федосов, в армии не служил, а приемный сын, по-видимому, родился позже 1867—1869 годов, когда от И. А. Федосовой были записаны рекрутские причитания, изданные Е. В. Барсовым. Приходилось ли ей провожать в армию других своих родственников, мы не знаем, как не знаем, возвращался ли кто-нибудь из ее близких из армии после долголетней службы или на побывку после Крымской кампании.

Но во всем этом ничего необычного для И. А. Федосовой нет. Она не была и вдовой старости или писаря, ее дочь не умирала от тайной беременности, мужа не убивало молнией, он хотя и попивал, но умер не от опоя, ее сын не погиб, свалившись с лавки, пока родители были в поле, и т. д. Ее обрядовый и поэтический опыт был значительно шире ее личного жизненного опыта. Кроме того, несомненно, что ее поэтический опыт был шире опыта обрядового. Даже если она была на похоронах старости, писаря, убитого молнией, и т. д., то, очевидно, она не причитывала при этом от имени вдовы. Она могла причитывать, скорее всего, только как соседка. Как правило, записанные от нее тексты не представляют собой монологов, это заплачки-диалоги или более сложные конструкции (например, в «Плаче при проводах солдата с побывки» по очереди причитывают жена солдата, мать, солдат (т. е. от имени солдата), сестра солдата и т. д., причем они обращаются то друг к другу, то к соседям). В подобных диалогах нередко участвуют и соседки (женщина, овдовевшая ранее, старая солдатка и т. д.), но заплачки вдовы или солдатки всегда остаются центральными. Так могло быть и в действительности. Однако, импровизируя для записи, И. А. Федосова причитывала от имени всех действующих лиц, в том числе и от имени солдата или рекрута, который участвовал в обряде, но, конечно, не причитывал. Мужские

причитания вообще неизвестны русской фольклорной традиции. И, что особенно важно, для записи Федосова причитывала от имени главного действующего лица. При этом она могла опираться не только на реальный опыт тех лиц, от имени которых причитывала. Как она, так и ее односельчанки были, конечно, участницами обрядов проводов рекрутов и солдат в своей или близких деревнях. Как следует из причитаний И. А. Федосовой, рекрутов было принято провожать в Петрозаводск, но, разумеется, дальше следовать за ними они не могли¹. Именно поэтому забритие было последним и одновременно самым трагичным актом общения рекрутов (солдат) с провожающими. Причитания, которые в этот момент звучали, можно сравнить только с надмогильными заплакками в составе похоронного обряда. В похоронных причитаниях обращение к стихиям, когда все другие надежды были исчерпаны, было тоже последним и самым трагическим моментом. Например:

Возбушуйте, ветры буйные,
Со всех ли четырех сторон,
Понеситесь вы к божьей церкви,
Размечите вы сырь землю,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите мою матушку!

(т. I, с. 68)

Что же касается картин солдатской жизни, сражений, учений, парадов, отношений с офицерами, то все это, бесспорно, основывается на солдатских рассказах из первых или вторых уст. Именно поэтому, как бы ни были обобщены описания солдатской жизни, которые А. И. Федосова вкладывала в уста то самого солдата, то его матери или жены, довольно легко разглядеть детали, которые восходят к конкретным в своей документальности рассказам. Так, например, в одном из описаний сражения рядом со строками, которые воспринимаются как обычные гиперболы:

И день и ночь да на страженьице стояли,
И хлеба-соли мы пять суток не едали,
И десять ден воды, бессчастны, не пивали —

¹ В причитаниях упоминается о том, что провожающая была в Петрозаводске одну (т. II. С. 37, 56, 136, 161) или две недели (там же. С. 162).

есть отзвук подлинных боевых сражений (пушечный дым, суматоха сражения, солдаты уже почти не видят друг друга и не знают, в кого стреляют):

И не видли мы в дыму да красна солнышка,
И во тумани-то не видли свету белого

И тут с ду-другом солдаты распростилися;
И уже тут да мы солдатушки не знаем,
И на кого да мы оружья заряжаем...

(т. II, с. 222)

Солдаты молятся богу, чтобы дым развеялся, бой кончился и они смогли бы прилечь на траву отдохнуть.

Мы уже говорили о том, что в «Плаче при проводах солдата с побывки» и в «Плаче при побывке солдата на смерть отца» несколько раз говорится об окончании турецкой войны, о приезде наследника на фронт, о «проще» государевой, т. е. о том, что солдат отпускают на побывку: одного на год — после окончания войны, другого — как отслужившего пятнадцать лет (здесь, видимо, наслонились более поздние факты, связанные с началом военной реформы в 1863 году). Все это могло быть результатом переработки и солдатских рассказов, и общих слухов. Однако есть и здесь детали, которые вряд ли оказались бы в тексте причитания, если бы И. А. Федосова не слышала устных рассказов-воспоминаний солдат и, по нынешней фольклорной терминологии, солдатских меморатов. После подписания мира солдаты награждаются медалью, на марше через Царское Село их встречает царь, они получают по чарке водки и расходятся по домам (т. II, с. 259).

Одним словом, влияние на причитания не только отношения заонежан к солдатчине, но и солдатских рассказов и солдатских настроений не подлежит сомнению. Как же оцениваются при этом не только армейские порядки, о которых мы уже писали, но и сама рекрутчина и сама солдатчина как явление социальное? Мы вправе так ставить вопрос, т. к. они рисуются в причитаниях И. А. Федосовой как явление противоестественное, созданное людьми и зависящее от них. Вместе с тем это явление как бы надсоциальное — это «служба государева», «грозна служба государева», «злодийна служба государева», «неволюшка служба государева», рекруты «обрестованы указом государевым»¹ и т. д.² Обвиняя во всем офицеров, солдаты

¹ Схвачены по царскому указу.

² Ср.: Барсов. Т. II. С. 97, 103, 107, 108, 126, 132, 139, 149, 150, 153 и др.

и причитывающие о них женщины обращаются с мольбой то к богу и богородице, то к царю и царице, уверенные в том, что только они могут защитить их от «командиров» — «судей неправосудных»;

И суди, господи, злодиям супостатым
И за их тяжкие велики беззакония!
И ты услыши наши молитвы изутробныи,
И ты узри да наши слезы горегоркии!

(т. II, с. 32)

Так же как в похоронных причитаниях, молитвенное обращение к богу вместе с тем связано с представлением о рекрутчине, солдатчине и тем более о войне как наказании за грехи — родителей рекрута, его самого или его жены:

И мы живем да точно гуси заблудящии;
И как за наше, знать, велико прегрешение
И понапрасное живет да кроволитье
И от злодиев-то теперь да неприятелей,
И от наших живет да християнушков.

(т. II, с. 135—136)

Или в другом контексте:

И спородила как родитель меня матушка,
И, знать, Иисусовой молитвы не творила,
И принимала как на белы свои рученьки,
И с благословленьицем креста она не клала¹;
И приносила как в хоромное строеньице,
И не в большой угол на стульице ложила,
И на кирпичну жарку печь да положила.

(т. II, с. 144)

Здесь, так же как в похоронных причитаниях, христианское представление о грехе переплется с внецерковным, внехристианским бытовым представлением о наказании за нарушение традиционного обычая — принимая ребенка впервые на руки, мать должна была перекреститься и просить бога благословить ее, принеся ребенка впервые в дом (рожали обычно в бане), она должна была положить его на лавку в большой угол.

И все же в рекрутских и солдатских причитаниях, записанных от И. А. Федосовой, мотив наказания за грехи явно на втором плане. Физическая смерть человека — проявление божьей воли, «гражданская же смерть» крестьянина, превращение его в обреченного казенного человека

¹ Не перекрестилась и не испросила благословения.

ка — дело рук человеческих, зло, социальное по своей сути. Осмысляется же это зло, идущее от «командеров», на фоне наивного монархизма, характерного для русского крестьянства XIX века. Служба государева становится «грозной», «злодейной», нестерпимо жестокой не по вине царя. Царь об этом не знает, а если бы знал — помог бы солдатам и пожалел бы их. В «Плаче при проводах солдата с побывки» горюющая мать советует солдату просить «командеров», чтобы они напрасно не терзали солдат, не доводили бы их до гибели. Но она тут же спохватывается и говорит, что это наверняка не поможет:

И пораздумаюсь бессчастным умом-разумом:
И оны без души, суды неправосудны,
И оны без креста, злодии супостаты

И не жалиют-то солдатушков бессчастных,
И за пропащу их собаку почитают,
И не веруют слезам да горегорькиим...

(т. II, с. 225)

В отчаянии она советует найти «писаречка хитромудрого» и написать прошение самому царю, который, конечно, помог бы. Но и из этого тоже ничего не выйдет: «командеры»

И не допустят-то прошеньца бессчастного
И как до этого царя да до великого,
И все до матушки-царицы милосердой;
И оны с ду-другом, злодии, увидаются,
И тут изорвут-то гербовую бумаженьку,
И тут обыщут ведь солдатушков бессчастных.

(т. II, с. 225)

Когда же доходит дело до отпуска («прощи») солдатам, то это, конечно, тоже идет не от офицеров, а от самого царя (наследника) и царицы. Это единственный случай, когда царь может что-нибудь сделать для солдат. Во всех остальных — они безысходно в руках «командеров», офицеров, тех же бар-крепостников, что и мировые посредники. Мы уже говорили о чувстве собственного достоинства, свойственном северорусским крестьянам. Можно, без риска ошибиться, предположить, что солдатчина переживалась ими несравненно тяжелее, чем помещичьими крестьянами, ежедневно имевшими дело с барином или его приказчиком.

Примечательно, что И. А. Федосова совершенно не упоминает о поражении русских войск в Крымской войне.

И даже наоборот. Она, видимо, полагала, что русские войска победили. Это тоже отражает особенности солдатских рассказов об этой войне. Неприятель напал на Россию:

И как на нашу-то Русию подселенную
И наступали-то злодии супостаты,
И ведь думали-то турки окаянные
И оны въехать-то в Русию подселенную,
И разорить Москву оны да все великую,
Да поразить да оны крепость в Новегороде,
И победить да ведь царя, бога русийского,
И благоверную царицу милосердую...

(т. II, с. 222)

Но русские солдаты проявили немыслимую храбрость:

Шаги делаем ведь мы да по-звериному,
Уж мы хоботы¹ даем да по-лисицыному;
И где нет пути-дороги, тут протáриваем,
И где мхи да болота — тут орлом летим.
И на злодия мы, солдаты, наступали,
И за горы да супостата прогоняли...

(т. II, с. 259)

Тут одна рука не може, другая пали;
Тут одна нога упала, другая стон;
И раззудилося плечо да расходилося,
И бурлацкое ведь сердчё не устерпчиво:
И гди ведь пулей неймем, там грудью берем,
А гди грудь не бере, душу богу отдаем...

(т. II, с. 207)

В этих строках, как и в предыдущей цитате, явственно сказалась традиция солдатских песен — еще одного бесспорного источника притчаний И. А. Федосовой.

Солдаты не только отразили наступление неприятеля, но и победили его:

И как война да в чистом поле уходилась,
И неприятель-то царю да поклоняется
И на семь лет, пише ему, да замиряется.

(т. II, с. 259)

Нет смысла сопоставлять эти страницы притчаний И. А. Федосовой с известным нам по историческим документам ходом Крымской войны, обстоятельствами и условиями заключения мира и его последствиями. И. А. Федосова обо всем этом не знала. Ее сведения о войне были наивными и легендарными, как, впрочем, и устные рассказы солдат. Если в целом притчания И. А. Федосовой — уникальный по своей содержательности исторический до-

¹ Крюки, обходные пути.

кумент, зафиксировавший определенное состояние крестьянского сознания середины XIX века, то на документальную передачу военно-исторических событий этого времени они, разумеется, не претендовали.

Как было показано, творчество И. А. Федосовой широко отразило взаимоотношения олонецкого крестьянства с губернской бюрократией и воинскими властями второй половины 50-х — первой половины 60-х годов XIX века. Если деревенские ситуации, которые рисуются в ее причитаниях, приобрели под влиянием реформы государственных крестьян, длительного недорода и падежа скота исключительный характер, то ситуации, связанные с рекрутчиной и солдатчиной, были типичными и традиционными для дореформенного времени и едва-едва начавшейся военной реформы. Не случайно В. И. Ленин увидел в рекрутских причитаниях И. А. Федосовой прежде всего отражение николаевской солдатчины.

И губернские «судьи неправосудные», и «командеры» предстают единой социальной силой. Сталкиваясь с ними, «крестьянский мир» выступает тоже как единая сила. Антагонизм крестьян и государственной власти был основным, ведущим социальным противоречием для областей Русского Севера середины XIX века. Для крестьян он воплощался в конкретных носителях власти — и гражданской, и военной, в фольклорной традиции — обобщался в образах «судей неправосудных» и «командеров», с большой подробностью и психологической достоверностью разработанных И. А. Федосовой в легендарном образе Горя, который она актуализировала и придала ему характерные черты крестьянского несчастья реформенных лет.

И все-таки это основное противоречие не исчерпывало всех социальных коллизий, которые занимали сознание И. А. Федосовой. Уже к концу первой четверти XIX века имущественное неравенство олонецких крестьян было довольно значительным¹. Так, на долю зажиточных, составлявших пятую часть всех крестьян, приходилось около трети пахотных и сенокосных земель и более трети рогатого

¹ О расслоении олонецкого крестьянства см.: Семевский В. Казенные крестьяне в царствование Екатерины II//Русская старина. 1879. № 1. С. 29—32; № 2. С. 264—265; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946; Балагуров Я. А. Положение олонецких приписных крестьян в первой четверти XIX столетия//Известия К-Ф Базы АН СССР; История Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. I. С. 230—257; Филиппов Р. В. Реформа 1861 года в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961.

и тяглового скота. Особенно выделялись 32 семьи, которые владели пахотными участками размером от 8 до 22 десятин, что значительно превышало величину среднего надела¹. Односельчанин И. А. Федосовой Дмитрий Захаров засевал 180 четвериков (22 десятины) и имел 12 лошадей. Крестьянин соседней Вырозерской волости Фока Фролов засевал 130 четвериков (16 десятин) и держал 15 лошадей. С другой стороны, даже в урожайные и сравнительно благополучные годы росло число обезземеленных и обнищавших крестьян, вынужденных на продолжительное время покидать деревню в поисках заработка. По причтаниям И. А. Федосовой нам знакома фигура «бурлака» — человека, отправившегося на заработки. По сведениям комиссии, обследовавшей в 1825 году положение олонецких крестьян, 46% крестьянских хозяйств запахивали в среднем 1,8 десятины и косили 1,7 десятины при 0,9 лошади на семью. Таким образом, расслоение олонецких крестьян до реформы уже было достаточно заметным. Годы реформы, борьба властей с лесными запашками, длительный неурожай, о котором мы говорили, несомненно ускорили этот процесс. И действительно, например, Захаровы из Толвуйской волости, которых мы упоминали, во второй половине XIX века стали купцами и владельцами лесопильных заводов, два других крестьянина из одной с И. А. Федосовой волости — Аристов и Ямщиков — широко торговали хлебом, завели в деревнях Заонежья лабазы, кабаки и т. д. Процесс этот во всероссийском масштабе охарактеризован В. И. Лениным, изучавшим развитие капитализма в русской деревне: «Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса (разложения крестьянства.— К. Ч.), но одной этой «дифференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения,— типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих»². Как говорилось выше, В. И. Ленин после

¹ Балагуров Я. А. Там же. С. 119.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 166.

1905—1907 годов внес некоторые корректизы в общее представление о степени развития и темпе процесса социальной дифференциации, однако вместе с тем он подчеркивал, что направление развития было определено правильно.

В галерее крестьянских типов, зафиксированных сознанием И. А. Федосовой, нашли место и бедные («маломочные») и богатые («полномочные») крестьяне¹, крестьяне-торговцы² и крестьяне-батраки³. Современная И. А. Федосовой деревня, как свидетельствуют записанные от нее тексты, знала сезонного батрака, коровницу, наемного сенокосца, «дроворубчика»⁴, извозчика (т. е. крестьянина, занимавшегося в извоз), «бурлака» и, наконец, наемного рекрута⁵. Причтания, даже развившиеся в плачи-поэмы, все-таки оставались по своей сути (по типу отражения действительности и по способности отражать определенные сегменты социальной действительности) причтаниями. Сколько бы мы ни говорили о социальной остроте причтаний И. А. Федосовой, необходимо помнить, что они отнюдь не были социологическими очерками, специально направленными на выявление и изображение определенных социальных типов. Причтания были и оставались женским элегическим, медитативным жанром, имевшим определенную обрядовую функцию и вместе с тем предназначенным для выражения скорбных чувств, связанных с потерей близких (мужа, сына, дочери, отца, матери и т. д.), говоря словами причтаний — с разлукой «мертвой» (похоронные причтания) или разлукой «живой» (рекрутские или свадебные причтания). И. А. Федосову естественным образом волновала прежде всего судьба вдов и солдаток и во вторую очередь — судьба детей, оставшихся без матери, судьба семьи, оставшейся без «большака». Все остальное — реалии, способствовавшие воссозданию конкретной ситуации, складывавшейся в осиротевшей семье. Именно это мы имеем в виду, когда говорим об отражении в причтаниях И. А. Федосовой современной ей социальной действительности.

Судьба вдов, сирот и солдаток при полном отсутствии государственного попечительства и весьма относительной и ненадежной опеке общины целиком определялась тра-

¹ См.: *Барсов*. Т. I. С. 7, 143, 146; Т. II. С. 6 и др.

² Там же. Т. I. С. 165, 168—169 и др.

³ Там же. Т. II. С. 208—209.

⁴ Там же. С. 132, 209 и др.

⁵ Там же. С. 16, 17 и др.

диционными отношениями родственников, установлениями обычного права, которые признавались общиной, но далеко не всегда соблюдались на практике. Не учитывая этого, мы рискуем модернизировать проблему.

К сожалению, мы не располагаем обстоятельным исследованием внутреннего строя крестьянской семьи в Занежье в середине XIX века. Да и эмпирических материалов мало. Как это ни парадоксально, причитания И. А. Федосовой оказываются наиболее надежным источником сведений об особенностях семейных взаимоотношений в Занежье интересующего нас периода. Сопоставление их с документами, которые еще можно было бы разыскать и обобщить,— дело будущего. Настоящая книга этого не предполагает.

Сведения, извлекаемые из текстов I тома, оказываются особенно богатыми в силу его специфического состава. Барсов и Федосова (нам не известно, кто именно проявил инициативу) стремились исчерпать все варианты родственных взаимоотношений. Здесь опубликованы плач жены по мужу, родственницы (за мужа) по жене, дочери по отцу и матери, матери по сыну и дочери, крестной по крестнице, сестры по брату и сестре, племянницы по дяде родном и двоюродном, сваты по свату и т. д. Внимательное прочтение текстов I тома позволяет увидеть стоящие за ними семьи в их реальных очертаниях.

Мы не будем предпринимать попытки реконструкции всех типов семейных и родственных взаимоотношений. Важнее представить себе хотя бы в общей форме, что ожидало вдову или солдатку после потери мужа или другого большака в семье. Или, точнее,— что думала об этом И. А. Федосова.

Семьи, фигурировавшие у И. А. Федосовой, можно в известной мере восстановить по прямым и косвенным данным — по упоминанию в них лиц, которые находились в тех или иных родственных отношениях с причитывающей, или, точнее, с женщиной, от имени которой причитывала И. А. Федосова для записи. Для наглядности мы составили схемы, которые передают структуру семьи. При этом в схему внесены и те лица, которые в текстах не упомянуты, но которые восстанавливаются логически. Для правильного понимания схем необходимо опираться не только на федосовские, но и на все имеющиеся записи причитаний 40—60-х годов XIX века. Мы их уже перечисляли в главе «Причтанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым».

До нас дошло около пятидесяти текстов причитаний, относящихся к 40—60-м годам. В них отразились события, происходившие в несколько большем количестве семей, так как в причитаниях упоминаются не только семьи умерших, но иной раз и родственные семьи, участвовавшие в обряде, семьи соседей и т. д. Находящиеся в нашем распоряжении тексты не дают возможности всесторонне характеризовать фигурирующие в них семьи. Причитания — не этнографический очерк; поэтическое сознание причитывающей, находящейся в крайне эмоциональном напряжении, высвечивает только определенные фрагменты действительности, имеющие особое значение для сложившейся ситуации. С известной долей условности можно говорить о двух зонах этого «фрагмента высвечивания». В первой из них оказываются покойный (или покойная) и горюющая исполнительница причети (если это вдова, то часто вместе с ее детьми-сиротами), а во второй — их родственники, расположенные не по степени родства, а по их роли в сложившейся ситуации. Обычно это братья, сестры или родители покойного, тетки и дяди, «племята», иногда соседи (особенно часто соседка-вдова). Обо всех этих лицах говорится с разной степенью подробности, но всегда главное при этом — их взаимоотношения с покойным до его смерти и с горюющей в будущем. Последнее тоже очень важно — в причитаниях значительное место занимает отражение не только уже существующих, но и предчувствуемых ситуаций. Несомненно, что эти предчувствия тоже имеют обобщающий, типизирующий характер, отражают определенный социальный опыт. Чем значительнее была роль покойного в крестьянской семье, тем больше подобные предчувствия насыщены социальным содержанием (перестройка внутрисемейных отношений в связи с происходящим — появление нового большака или большухи, превращение вдовы-снохи во внутрисемейную батрачку, сиротство детей, изменение характера и структуры связей осиротевшей семьи с родственниками и общиной и т. д.).

Из пятидесяти семей, отраженных в занимающих нас текстах и безусловно находящихся в центре внимания причитывающих, по крайней мере десять оказываются безусловно «большими» (т. е. 20% учтенных семей)¹. Кроме того, можно отметить еще некоторое количество

¹ Причтанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Т. I. № 1, 3, 6, 8, 12, 13, 15; М., 1882. Т. II. № 1, 2, 3 (анализ состава семьи см. на схемах).

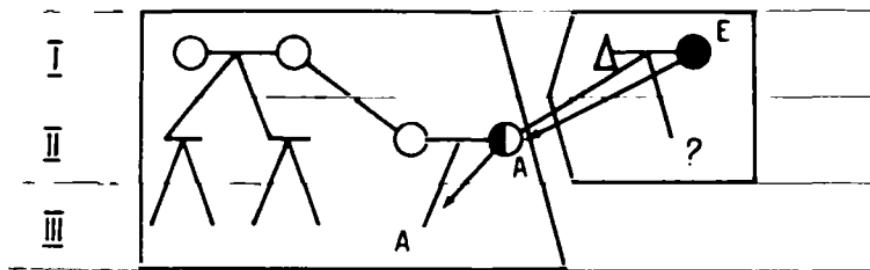

Рис. 1. Плач по жене, если останется милое дитя (Барсов. Т. I. №6)

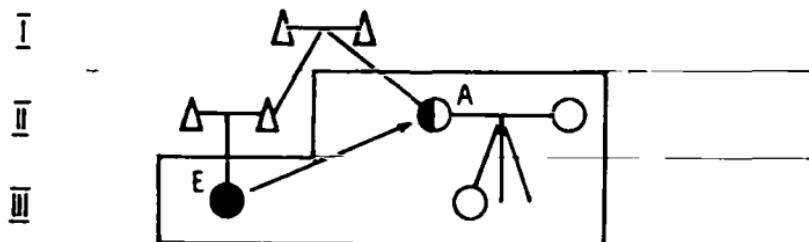
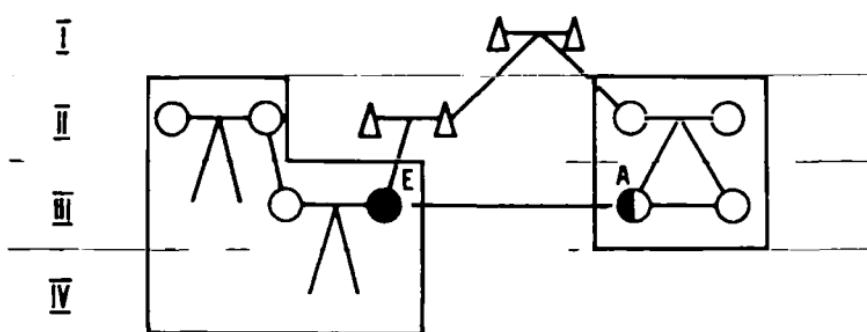

Рис. 2. Плач по дяде родном (Барсов. Т. I. № 12)

●₁ ○₂ ○₃ Δ₄ □₅ Λ₆ —₇

Рис. 3. Плач о брате двоюродном (Барсов. Т. I. № 13)

1 — член семьи, от имени которого произносится причитание (E); 2 — член семьи, который оплакивается (A); 3 — родственники, упоминаемые в причитании; 4 — родственники, не упоминаемые в причитании; 5 — границы семьи; 6 — родство по нисходящей линии; 7 — брак. I, II, III и т. д.— поколения.

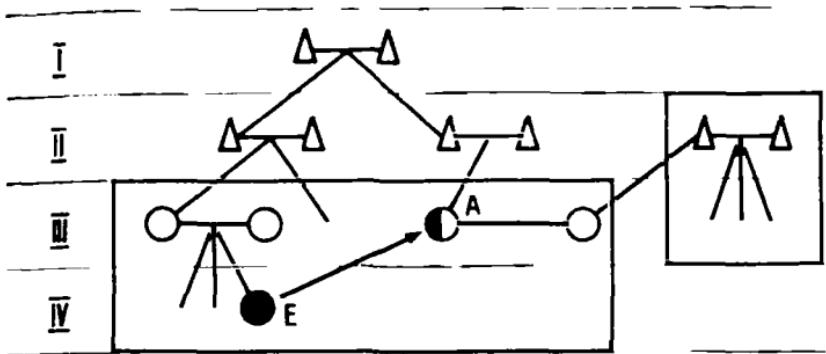

Рис. 4. Плач о дяде двоюродном (Барсов. Т. I. № 14)

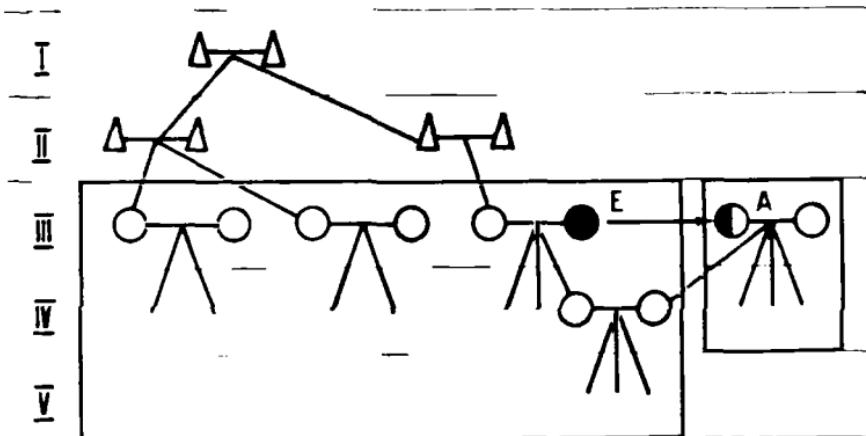

Рис. 5. Плач о свате (Барсов. Т. I. № 15)

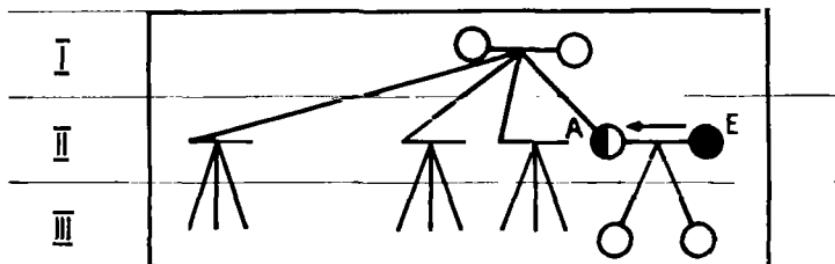

Рис. 6. Плач о рекруте женатом (Барсов. Т. II. № 2)

неясных по своей структуре семей, которые в равной степени могли оказаться как «большими», так и «малыми». Кстати, заметим, что известное определение М. О. Косвена, на котором основываются обычно подсчеты количества «малых» и «больших» семей и их соотношений, не представляется нам бесспорным. «Большие» семьи отличает не количество поколений (три-четыре, по М. О. Косвену)¹, а наличие двух или более брачных пар, способных к самостоятельному существованию в качестве семей (см. рис. 1—6).

Что же означает, когда среди семей, отраженных в притчаниях, оказалось по крайней мере десять «больших»? Прежде всего то, что «малые» и «большие» семьи сосуществовали. В этом нет ничего нового. В XIX веке иначе и быть не могло. Важно оценить их соотношение. Выше уже говорилось, что десять «больших» семей составляют 20% всех учтенных семей. Конечно, правильнее (в отступление от традиции) было бы оценить размеры средней вероятной ошибки при традиционном способе оценки. Для этого будем оперировать минимальными цифрами. «Малая» семья при наличии детей может состоять из четырех человек (двоих родителей + двое детей). «Большая» — из десяти человек (двоих родителей + два сына + две снохи + четверо детей, по двое у каждой из младших пар). При соотношении десяти «больших» семей (20%) на сорок «малых» (80%) это составит: $10 \times 10 = 100$ человек, охваченных «большими» семьями, или 38,6%; $4 \times 40 = 160$ человек, охваченных «малыми» семьями, или 61,4%, т. е. 10% «больших» семей означают в среднем 38,6% охвата населения этим типом семьи, или каждый второй-третий человек оказывается членом «большой» семьи.

Обратим также внимание на следующее обстоятельство. «Малые» семьи, изображенные в притчаниях, — это преимущественно семьи, осиротевшие в самом жестоком смысле слова. Они теряют, как правило, не только единственного кормильца, но и поддержку родственников. Вдова и дети в безвыходном положении. «Большие» семьи, по крайней мере в шести из десяти отмеченных случаев, — не «отцовские», распадающиеся после смерти большака, а усложненные боковым родством. В их составе двоюродные и троюродные братья. Они не распались в третьем и даже четвертом (в одном случае — пятом) поколении (см. рис. 1). Это, разумеется, не значит, что в деревнях,

¹ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 4.

в которых разворачиваются события, не было промежуточных, переходных или смешанных форм. Вернее видеть в этой поляризации типов семьи не только действие все того же механизма памяти, которая выбирала из своих запасов наиболее яркие, особенно запомнившиеся случаи или наиболее выразительные типы, но и действие поэтики причитаний — жанра по своей сути трагического, не только допускавшего, но и требовавшего сгущения красок. Напомним, что дошедшие до нас тексты не были исполнены в составе обряда, а были воспроизведены по памяти для записи.

Вместе с тем причитывавшие, видимо, ничего не выдумывали: подобные случаи были им известны. Следовательно, несмотря на развитую в северорусских деревнях традицию родственной взаимопомощи, абсолютное сиротство всегда угрожало одинокой вдове и ее детям. В то же время если само существование усложненных «больших» семей можно тоже считать доказанным, то это очень важный показатель соотношения «малых» и «больших» семей. Рядом с ними должны были существовать «отцовские» и «братьеские» большие семьи, семьи неразделенные и другие переходные формы. Это дает нам право подозревать, что в число семей, которые мы отнесли к неясным, должно быть еще какое-то количество «больших» семей.

Таким образом, в целом складывается впечатление, что «большие» семьи если и не преобладали, то все-таки занимали еще заметное место в крестьянском быту и крестьянском сознании интересующих нас губерний. Проверить это впечатление мы можем, пользуясь некоторыми сведениями, которые сообщаются в I и II томах «Причтаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» о семьях исполнительниц причитаний.

Семья, в которой выросла И. А. Федосова (д. Сафроново Толвуйской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии), состояла, как она сообщила Е. В. Барсову, из двадцати двух душ¹. При этом упоминаются: отец, мать, брат, жена брата, две сестры. Кто же остальные пятнадцать человек? Если предположить наличие родителей отца и детей брата, то все равно возникает подозрение, что в составе семьи Федосовой были какие-то боковые родственники.

Девятнадцати лет, в 1850 году, И. А. Федосова вышла замуж за вдовца. Семья его состояла из дочери и сына,

¹ Барсов. Т. I. С. 314.

жены сына и двух внуков. Следовательно, это тоже была «большая» семья, хотя и сравнительно немногочисленная.

После смерти П. Т. Новожилова Ирина Андреевна в 1864 году, прожив год вдовой, вышла замуж за Я. И. Федосова. Из членов этой семьи упоминаются муж, брат мужа (большак), жена брата мужа (большуха), сын брата мужа, дядя мужа и жена дяди мужа. Были ли еще дети у брата и дяди мужа и живы ли были родители мужа, неизвестно. Таким образом, это тоже была «большая» семья с двоюродным боковым родством минимум в семье—тринацать человек. Вместе с тем небезынтересно упомянуть о том, что в 1865—1884 годах, т. е. после ссоры с семьей, И. А. Федосова жила в Петрозаводске вдвоем с мужем. В 1884 году после смерти Я. И. Федосова она вынуждена была вернуться в «мужчин угол», т. е. в семью его брата и дяди (если он еще был жив). Это значит, что «малая» семья, которую образовали Федосова и ее муж и которая существовала почти двадцать лет, в правовом и психологическом отношениях все-таки оставалась связанный с семьей, от которой она отделилась в 1865 году. Может быть, это объясняется тем, что Я. И. Федосов был плотником и его пребывание в Петрозаводске рассматривалось как ремесленный отход с сохранением права на возвращение¹.

Анна Лазориха из с. Логиново Череповецкого уезда Новгородской губернии, записи от которой были также опубликованы в сборнике Е. В. Барсова, родилась и выросла в семье, которая, по имеющимся сведениям, может быть названа «малой» (она сама, отец, мать, семья братьев и три сестры), но вышла замуж она в семью из двадцати человек и имела троих детей. Состав семьи неизвестен, но с некоторой долей вероятности можно предположить, что это была «большая» семья и, может быть, даже с боковым родством².

Анна Первонцева из Кулгалакской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии выросла в семье сельского священника. Ее родители имели кроме нее семью дочерей и шесть сыновей³.

Ирина Калиткина из д. Хмелины Череповецкого уезда Новгородской губернии росла в семье из тринацати человек (она сама, ее родители, дед со стороны отца, три брата отца — один из них овдовевший, пять братьев и сестер,

¹ Барсов, Т. И. С. 316—322.

² Там же. С. 325—326.

³ Там же. С. 324.

двоих из которых потом умерли). Здесь мы встречаемся с неполной «большой» семьей (жена дяди умерла, а были ли у нее дети, не сообщается). Характерно, что позже отец и мать И. Калиткиной отдалились от этой семьи. Вероятно, связано это было с тем, что женился один из братьев отца, так как представить себе крестьянскую семью без женщины просто невозможно. После пожара семья И. Калиткиной на три года возвратилась к родственникам, и ей пришлось в это время нянчить двоюродного брата. Сама И. Калиткина замуж не вышла и «жила по людям»¹.

Итак, сохранившиеся сведения о семьях исполнительниц подтверждаются данными, извлеченными из исполненных ими причитаний. Среди них тоже оказалось относительно много «больших» (или многолюдных «малых») семей, которые, однако, нередко делились, сохраняя при этом правовую и моральную связь.

И, наконец, обратимся к краткой характеристике терминологии родства, как она рисуется по причитаниям. Это тоже могло бы помочь точнее оценить соотношение типов семьи в крестьянской среде названных губерний в интересующее нас время. Для правильной оценки состояния терминологии родства необходимо учесть свойственную причитаниям тенденцию к табуированию терминов, прямо обозначающих родственные отношения. Эта тенденция проявляется в разных локальных традициях с разной силой. О них мы еще будем говорить специально. Однако важно отметить, что в причитаниях мы встречаемся, как правило, либо с этими заменами, либо с терминами обращения, а не прямого обозначения. Последнее связано также с весьма характерной особенностью поэтики причитаний — обилием восклицательных и вопросительных конструкций, непрерывным нанизыванием и распределением обращений к покойному, его родственникам, участникам обряда, стихиям (солнцу, ветру) и т. д.

Наибольший интерес для нашей темы представляют термины-обращения классификационного характера². Отметим важнейшие из них:

¹ Барсов. Т. II. С. 279—285.

² Общие сведения о русских терминах родства см.: Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959; Козырев И. С. Из истории развития терминологии родства в русском и белорусском языке//В кн.: Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 3—19. См. также: Левин В. И. Описание систем терминов родства//Сов. этнография, 1970, № 4.

1. «Родители» — отец и мать; все члены семьи старшего поколения.

«Родитель» — отец, мать, свекровь.

(«Родитель — родна дяденька») — тетка, жена дяди.

(«Родитель — тетушка») — тетка, сестра матери или отца.

(«Чужие родители») — лица старшего поколения из чужой семьи.

2. «Батюшка» — отец, свекор (чаще «богоданный батюшка»), крестный отец («крестовый батюшка»).

3. «Матушка» — мать, свекровь (чаще «богоданная матушка»), крестная мать («крестовая матушка»).

4. «Брат» («братец») — родной брат, двоюродный брат (сдвуродимый), деверь («братец богоданный»), другие родственники одного поколения.

5. «Сестра» («сестрица») — сестра родная, сестра двоюродная (сдвуродимая), золовка («сестрица богоданная»), другие родственницы одного поколения.

6. «Тетка» («тетушка») — родная тетка, сестра матери или отца.

7. «Дядя» («дядюшка») — родной дядя, брат матери или отца, старший родственник по мужу.

8. «Дяденька» («дянька») — тетка, жена родного дяди.

9. «Племя́нки» — родные племянники, любые родственники младшего поколения.

10. «Невестка» — невестка, золовка.

Итак, перед нами типичная классификационная система терминов родства, однако архаичность ее не следует преувеличивать. Если целые классы родственников объединяются стяженными терминами (родители, батюшка, матушка, сестры, братья, племя́нки), то дяди и тетки со стороны отца и матери не различаются, невестки и золовки могут быть обозначены одним термином, так же как двоюродный брат и деверь. Характерно различение родственников и свойственников (родные и «богоданные»). Все это говорит о том, что в причтаниях отразилась терминология, характерная для поздней стадии существования «большой» семьи.

Впрочем, и этот вывод должен быть сопровожден известными оговорками. Терминологию мы извлекли из поэтического текста, которому, несомненно, была свойственна определенная историческая инерция,— она вполне могла отражать не только и даже не столько стадию развития форм семьи, современную записям, но и предшествующих эпох. И, наконец, обращения в причтаниях эмоционально

окрашены, экспрессивны по своей природе. Обращение «батюшка», сказанное свекру, или «сестрица» — золовке, — обращения ласкательные и не означают принципиального неразличения степени родства или свойства. Вероятно, это относится и к широкому термину «родители».

Отметим еще раз факт, который нами уже констатировался. В записях причитаний, произведенных О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 годах от той же И. А. Федосовой и ее землячек и другими собирателями в начале XX века, как ни удивительно, не фигурирует ни одной «большой» семьи¹. Заключение это требует проверки на более обширном материале, но нельзя не заметить, что оно совпадает со сведениями многих тогдашних наблюдателей крестьянской жизни северорусских деревень и позднейших ее исследователей. После реформ 60—70-х годов распад «большой» семьи развивался с катастрофической быстротой².

«Большие» семьи, о которых говорилось, работали на общем поле сообща, сообща ухаживали и за скотиной. Питались члены такой «большой» семьи либо деля продукты и вообще доходы по количеству работающих в каждой «малой» семье, либо тоже сообща. В общем доме иногда женатые братья имели в своем распоряжении часть избы либо пристройку («не пристройщица хоромному строеньцу»³ — говорит о себе вдова, потерявшая права), либо «клеть» («С горя сойду в мелкорубленную клеточку»⁴). Большак с большухой занимали обычно, деля его с кем-нибудь или нет, помещение, в котором стояла общая печка (поэтому «согреваться у кирпичной твоей печеньки»⁵ — значит жить в доме, в котором ты большак или

¹ Агренева-Славянская О. Х. Т. III. С. 5—87; Шайгин Н. С. 1) Олонецкие водопады Кивач, Пор-Порог и Гирвас в описаниях туристов. Петрозаводск, 1907; 2) Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись): Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 год. Петрозаводск, 1911; 3) Олонецкий фольклор. Похоронные причитания вспомогательницы Н. С. Богдановой: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год. Петрозаводск, 1911; и др.

² К вопросу о массовых семейных разделах//Олонецкие губернские ведомости. 1883. № 24; Ефименко П. Е. 1) К истории семейных разделов//Киевская старина. 1886. № 3; 2) Семья архангельского крестьянина по обычному праву//Судебный журнал. Приложение к «Судебному вестнику». СПб., 1873. № 7; Народные юридические обычаи Архангельской губ. СПб., 1900. Т. I—II; Косвен М. О. 1) Семейная община//Сов. этнография, 1948. № 3; 2) Семейная община и патронимия.

³ См.: Барсов. Т. I. С. 220.

⁴ Там же. Т. II. С. 156.

⁵ Барсов. Т. I. С. 226.

большуха). Рабочими руками распоряжался большак («распорядчик»), в отсутствие большака — большуха. Она же главенствовала над всеми женщинами и всеми домашними (шире — женскими) работами (приготовление пищи, уход за коровами, овцами, свиньями, домашней птицей и т. д., включая выращивание льна, конопли, шедших на прядение, ткачество, вышивание и т. д.).

Таковы самые общие очертания заонежской семьи в середине XIX века. Однако действительная жизнь «больших» семей была далека от предписанной обычаем гармонии. Внутрисемейные отношения были сложными и противоречивыми. «Большая» семья созревала для распада. Поэтому в научной литературе их обычно называют неразделенными семьями. Кроме того, рядом с ней существовало уже определенное количество «малых» семей, выделившихся из «большой». Раздел семей задерживался неземледельческим отходом, который был довольно значительным, и побочными заработками — рыболовством, промысловой охотой, разными ремеслами, которыми занимались сезонно или круглогодично. Если же говорить об этом процессе в общенациональном масштабе, распадение «больших» семей задерживалось различными мерами феодального государства, заинтересованного в сохранении платежеспособности податных единиц¹. Реформы 60—70-х годов XIX века сняли некоторые искусственные ограничения, и вся социальная действительность второй половины века способствовала нарастанию тенденции распада «больших» семей². Характерно, что тексты И. А. Федосовой, записанные О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 годах, дают уже только отражения «малых» семей. Здесь, вероятно, возможен был и некоторый элемент случайности, однако, так или иначе, основная тенденция отражена верно. Так, например, в плаче по муже или отце дочь умершего, обращаясь к брату-подростку, говорит о том, что ему теперь вести крестьянскую работу, управлять «крестьянской жирушкой», т. е. быть большаком³. Случай, невоз-

¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. С. 27; П. Е. (Ефименко П. С.) К истории семейных разделов//Киевская старина. 1886. № 3; Косвен М. О. Семейная община и патронимия.

² Косвен М. О. Семейная община и патронимия. С. 30. О массовых разделах в Карелии см. также статьи «К вопросу о семейных разделах»//Олонецкие губернские ведомости. 1883. № 24 и др.

³ Агренева-Славянская. Т. III. С. 8.

можный в «большой» семье, в которой большаком становился бы брат отца. «Дядюшка» тоже упоминается в причитании, но он «входит в избу» (следовательно, живет в другой избе, он разделился с братом), и обращение к нему — простая просьба о поддержке, о защите от «злых-то людшек», а не просьба обращаться ласково, не притеснять и т. д., как это было обычным в текстах 60-х годов.

Типичную судьбу вдовы в заонежской деревне середины XIX века И. А. Федосова проникновенно изображает в «Плаче вдовы по муже», которым открывается I том «Причтаний Северного края».

Для русской крестьянки середины XIX века — современницы И. А. Федосовой — смерть мужа (или уход его в армию на долгие годы, а то и навсегда) была жесточайшим ударом. Она лишала ее надежды выстоять в борьбе с непомерными трудностями крестьянской жизни. Семья не только теряет своего основного работника, но теряет и целый ряд своих жизненно важных прав, переходит в иную социальную группу. Поэтому И. А. Федосова, предсказывая последствия смерти кормильца семьи, постоянно говорит о «бобыльской» (т. е. батрацкой) вдовьей «жирушке» (жизни), о том, что вдову перестанут считать в социальном смысле «своей» и родственники, и соседи. Самое страшное, что ей угрожает, это — социальная изоляция со всеми ее последствиями. Так, например, в «Плаче о дяде двоюродном» говорится:

Я того страшусь, кручинная головушка,
Всегда имячко мне было со изотчиной,
Краснословьице было мне-ка отчимое¹;
За тобой жила надежной как головушкой²,
Почитали спорядобы вси суседушки,
Поклон воздали жены мне-ка мужни;
Теперь-нонь живу кручинная головушка,
Бояц³ хожу по широкой по уличке,
Торопясь я ко спорядным суседушкам,
На скреканьице⁴ всем добрым-то молодушкам;
Куда спесь да моя гордость подевалася,
Што головушка моя да приклонилася.

(т. I, с. 186)

¹ То же «отчество» или «очимос», т. е. «в глаза».

² С мужем.

³ Боясь, опасаясь.

⁴ На попреки, пересуды.

Или в «Плаче по муже»:

Была в живности любимая семеюшка¹,
Маломошному суседу не корилася²,
Была гордая ведь я да непоклонная,
Я с суседями была да несговорная;
Не нечаяла я горя, не надиялась,
Што разлукушки с законной со державушкой³,
Што останусь сирота — вдова бессчастная
Я со этой станицей неудольноей⁴,
Со малыма, сердечными детушкам.

(т. I, с. 7)

Даже вдова подторговывавшего крестьянина не может надеяться сохранить свое прежнее положение:

Вси отрекнутся нонь сродчи милы сроднички,
Вси отступятся купцы твои приятели,
Вси отшатнутся попы — отцы духовныи...

(т. I, с. 169)

Поистине выстраданным звучит своеобразный афоризм в «Голошении замужней сестры по родном брате» в записи О. Х. Агреневой-Славянской:

Написано ноне в книге голубиня
Про твое ли про несчастьице вдовиное.

(А.-С., т. III, с. 47)⁵

т. е. «вдовье горе — всем горям горе», будто так и записано в книге вселенской мудрости — рядом с «окияном-морем», которое «всем морям море», «Фавор-горой», которая всем «горам гора», и т. д.

Соседка, которая овдовела раньше и претерпела уже немало бедствий, учит причитывающую не терять человеческого достоинства, выплакаться на похоронах, а потом не показывать людям своего горя:

Надо побсаки держать да горносталевы,
Поворотушки держать да сера заюшка,
Надо полет-то держать да соловьиной;
Наб на лавочке горюшам не посеживать,
Наб за прялочкой саженки не дотягивать,
У дубовой надо грядки не постаивать...
Принакопится злодийской тут кручинушки,

¹ Когда был жив муж.

² Не покорялась, не подчинялась.

³ С мужем.

⁴ Несчастной, несчастными детьми.

⁵ В записи от И. А. Федосовой см. «О книге голубиной»: Агренева-Славянская. Т. III. С. 96—99.

Не высказывай во добрыи во людушки,
Ты повыбери слободну пору-времячко,
Ты выдь-ко там ко быстроей ко риченьке,
Сядь, победнушка, на крутой этот бережок,
Прибери да неподвижной синей камешок;
Тут повыскажи обидную обидушку,
Рути¹ слезушки, горюша, в быстру реку...

(т. I, с. 13—14)

Она рассказывает, как оскудело ее хозяйство, как беспощадны к ней «судьи неправосудные»:

Прискудалась вся сиротна моя жиrushка,
Разрешётилось хоромное строеньцио,
На слезах стоят стекольчаты околенки,
Сквозь хоромишки воронишки летают,
Сквозь тынишка воробышечки падают²;
Большака нету по дому — настоятеля,
Ко крестьянской нашей жиrushки правителя;
Задернили всеи распашисты полосушки,
Лесом заросли луговы наши поженки.

(т. I, с. 14—15)

Как посли своей надежноей головушки
Я по земским избам да находилася,
У судебных-то мест да настоялася,
Без креста-то ведь я богу намолилася,
Без Иисусовой молитовки накланялася,
Всем судьям, властям ведь я да накорилася.

(т. I, с. 16)

Особенно беспокоит вдову, естественно, будущая судьба ее детей; они так же, как она, станут бесправными из бесправных в «большой» семье, так же, как она, они будут переживать социальную изоляцию:

Сиротать будут сиротны малы детушки;
Будут детушки на улочке дурливые,
Во избы-то сироты да хлопотливыи,
За столом-то будут детушки едучии³;
Станут по избы ведь дядюшки похаживать
И невесело на детушек поглядывать,
Оны грубо-то на их да поговаривать:
«Ох уж вольныи вы дети самовольныи!»
Станут детушек, победнушек, подергивать,
В буйну голову сирот да поколачивать...

(т. I, с. 17—18)

¹ Лить, ронять.

² «Падают» — вероятно, какая-нибудь ошибка Е. В. Барсова. Передвижение ударения на второй слог маловероятно.

³ Слава за ними будет, что они озорные, обжоры и т. п.

Но дело не только в психологической изоляции, но и в резком снижении социального статуса — были дети «отнин» (от слова «отец»), теперь стали сиротами. Выстоять в борьбе с голодом нет никаких шансов. Детям придется побираться. Но на что могут рассчитывать нищие в голодающей деревне?

Будут по миру оны да ведь скитатися,
По подоконью оны да столыпatisя¹...

(т. I, с. 1)

На семью мужа надежда тоже плоха. Вдова-сноха, по существу, превращается во внутрисемейную батрачку, с той разницей, что обычная батрачка может уйти от хозяев, а вдове-снохе деваться некуда. Она хорошо это понимает и в одном из причитаний обращается к родственникам мужа:

Вы возьмите-тко победную головушку,
Вы во двор меня, горющицу, коровницей,
Вы во зимное гумно да в замолотки,
Вы во летный меня да во работники;
Золотой казны вы мне да не платите-ко,
Только грубым словечком не грубите-тко,
К дубову столу меня да припустите-ко;
Не обидьте вы печальную головушку,
Не прошу да я, победна горепашица²,
Со полосыньки у вас да я долиночки³,
Ни со поженьки у вас да я третиночки,
Половины со хоромного строеньца
И не паю⁴ со любимоей скотинушки.
Я о том прошу, победная головушка:
Вы обуйте столько резвы мои ноженьки,
Вы оденьте столько белы мои плечушки,
Вы подобрите победную головушку!

(т. I, с. 31—32)

В этих строках содержится вполне конкретная и, с точки зрения обычного права, естественная просьба вдовы-снохи взять ее и ее детей на полное обеспечение. Взамен она готова отказаться от своей законной доли в общем хозяйстве, стать из «дольщицы» — «подворницей». Другого пути ей нет. Вернуться в семью своих родителей или братьев она не может — выходя замуж, она получила приданое и потеряла все остальные права. Вдова прекрасно знает,

¹ Шататься, спотыкаясь, под чужими окнами, выпрашивая подаяние.

² Так называет себя горюющая женщина.

³ Доли.

⁴ Паи, права на долю.

что ее ждут унижения, ее будут попрекать куском хлеба, каждое ее слово и действие будут истолковывать как изъявление непокорности, желание увильнуть от работы, лень. В той части «Плача вдовы по муже», которая является поминальным причитанием (см. реплику: «Наедине, когда стоскуется, приговаривает...» — т. I, с. 37), вдова рассказывает, как, возвратившись с поля смертельно усталая, она накрывает на стол, едва решившись промолвить слово, зовет братьев покойного мужа и их жен ужинать, но даже это свидетельство ее усердия воспринимается как проявление лени:

Засвирипятся ветляны тут нешутушки¹
На меня да на кручинную головушку:
«Што торопишишься за ужину вечернюю?
Знать спешишься на спокойну темну ноченьку?!

Не работушку сегодня работала ё,
За кудрявой деревиночкой стояла все,
На красное на солнышко поглядывала,
Скоро ль солнышко ко западу двигается,
Скоро ль красное за облако закатится,
Со работушки вдова да в дом пришатнется».

(т. I, с. 41)

Ей придется своих малолетних детей («недоросточек») посыпать в поле. Она утром с большим трудом поднимает их и заспанных отправляет на сенокос. Дети, придя на луг (характерно, что это бывшая нива, здесь — «огнищеко»), устав с дороги (тоже характерная олонецкая черта — до луга далеко), садятся под «ракитный кусточек» и, пригретые утренним солнцем, засыпают. В полдень вдова несет им обед и застает их спящими. Она вынуждена ругать детей, но ей бесконечно жаль их, и сцена кончается тем, что она плачет вместе с ними (т. I, с. 179—181).

Те же мотивы мы находим и в рекрутских причитаниях. Социальный и психологический статус солдатки и вдовы весьма сходны. Различие заключается в том, что при уходе рекрута из дома не только солдатка, но и он просят родных позаботиться о детишках. Братья рекрута явно рассчитывают, что он не вернется, они пользуются его долей в хозяйстве как своей, при этом не жалуя ни солдатки, ни ее детей. Здесь возникают те же психологические коллизии (см. «Плач о рекруте женатом», «Плач

¹ «Ветляны нешутушки» — обычная метафорическая замена для невесток, золовок, вообще младших женщин в семье (кроме дочерей).

при проводах солдата с побывки» и «Плач при побывке солдата на смерть своего отца»). В «Плаче при проводах солдата с побывки» тема, обозначенная Е. В. Барсовым в заглавии, возникает только на последних страницах. Плач начинается с неожиданного для всех прихода солдата в деревню. Братья смущены, им, как они предполагают, придется держать ответ за плохое отношение к солдатке и возвратить брату его долю хозяйства. Солдат успокаивает их — его отпустили только на побывку.

И. А. Федосова оплакивает и судьбу солдата, и судьбу его жены и детей. В «Плаче о рекруте женатом» от имени будущей солдатки говорится:

И поостанусь я, печальная головушка,
И не вдовой да буду слыть — женой не мужней,
И я бессчастною солдаткой горегорькою;
И сироты будут солдацки мои детушки,
И не обуты будут резвы у их ноженьки,
И не одеты их бессчастны будут плечушки;
И приотпехнут-то желанны столько дядюшки
И от стола да их бессчастных от дубового...

(т. II, с. 119)

Солдатку ожидают не только унижения в семье мужа, но и пустословье соседок. Несмотря на все ее смижение, будут говорить, что она строптива и не желает покоряться братьям мужа. Если она будет весела — попеняют на то, что она не горюет о муже, если будет всегда печальна — ее упрекнут в лицемерии, в том, что она слезами прикрывает свое воле. У отчаявшейся солдатки формируется вполне трагический образ мыслей. Она говорит о том, что застрелится (т. II, с. 114), она готова умереть, она проклинает свою жизнь, и это проклятие пословесно сближается с известным проклятием «судьям неправосудным» из «Плача о старосте»:

И лучше бы тлен пришел на цветно мое платьице,
И мне не жаль-тошно, победной бы головушке,
И мне не цветного снарядного¹ бы платьница,
Аль пожар бы на хоромное строеньице

И хоть бы мор да на любимую скотинушку,
И недород да был довольным этим хлебушкам...

(т. II, с. 146)

Мы обрисовали, опираясь на причтания И. А. Федосовой, бедственное положение олонецких крестьян в сере-

¹ Нарядного.

дине XIX века, специально остановившись на судьбе вдов и солдаток, жизнь которых была особенно трагична. Искала ли ее мысль какого-нибудь выхода из тех бедствий, которые делали ее существование невыносимым? Для ответа на этот вопрос нельзя найти достаточно выразительного свидетельства в текстах, записанных от И. А. Федосовой. Причтания, даже перерастая в плачи-поэмы, оставались причтаниями. Недостаточно материала для суждения об этом и в записях песен, былин, баллад, осуществленных от нее Е. В. Барсовым и другими собирателями.

Между тем мы знаем, что мысль олонецких крестьян (как и крестьян других русских губерний) стремилась найти выход из создавшегося положения. Если в центральных губерниях все надежды связывались с ожиданием «воли», а после 1861 года продолжали надеяться на то, что воля все-таки была дана, но ее скрывают помещики и в конце концов она обнаружится, то северные губернии были лишены подобных иллюзий. Реформы государственных крестьян не ждали и на нее никаких надежд не возлагали. И все-таки некоторые свои надежды крестьяне и здесь продолжали связывать с царем как властью, по крестьянским представлениям, надклассовой. Так, в «Плаче о писаре» кроме обращения к богу (кстати говоря, довольно редкому у И. А. Федосовой):

Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малых!

(т. I, с. 288)

звучит не менее традиционное —

Кабы ведали цари да со царицами
Про бессчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

(т. I, с. 293)

Правда, между этими двумя строками читается труднообъяснимое:

Кабы знали все купцы да ведь московскими...

И. А. Федосова была несомненно религиозна, вместе с тем упование на бога и попов у нее в порыве отчаяния подчас сочетается со строками, в которых говорится о том, что эти упования ненадежны:

Я с досадушки, победная, зглянула
На эту пресвяту мать-богородицу...
Што ведь топится свеча да воску ярого?

(т. I, с. 168)

Большой ошибкой было бы считать подобные мотивы богоборческими, хотя мы знаем, что крестьянский поиск «истинной веры» приводил в некоторых случаях к иконооборчеству и даже к богоборчеству («лучиновцы», «дырочники» и др.)¹. С другой стороны, какие-то признаки расшатывания крестьянской веры, так же как в «Плаче об убитом громом-молвией», здесь налицо.

Известно, однако, что неприятие действительности и одновременно поиски выхода из ее трагических противоречий развивались как в религиозной форме (различные радикальные ответвления старообрядчества, широко распространенные на Русском Севере, и менее распространенное сектантство), так и в форме социально-утопических идей, слухов и связанных с ними поэтических образов. Об этом мы писали в книге «Русские социально-утопические легенды XVII—XIX вв.». Так, например, в Северной Карелии был создан и распространился отсюда по многим губерниям «Путешественник Марка Топозерского», представляющий собой изложение фантастического маршрута в легендарное Беловодье — утопический край, где мужики живут не зная ни царя, ни чиновника, ни попа. «Путешественник» стимулировал бегство в Сибирь, на Алтай и далее в поисках чудесной страны, где каждый может найти «землю» и «волю»².

В творчестве И. А. Федосовой не отыскиваются отклики беловодской легенды, хотя идея бегства от «судей неправосудных» в самой общей форме и косвенно все-таки получает свое выражение — как один из крайних способов уйти от конфликтов с ними. В «Плаче о старосте» читаем:

Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Для этих властей да страховитых!

(т. I, с. 283)

В книге «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» были выделены три важнейшие формы социально-утопических легенд, бытовавших в русской крестьянской среде в XIX веке — легенды о «золотом веке», о «далеких землях» и об «избавителях»³. В записях от И. А. Федосовой нет отражения довольно попу-

¹ Об ответвлениях «бегунства» — радикального течения старообрядчества см.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. С. 241 и др.

² Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. С. 250—261.

³ Там же.

лярных легенд второго и третьего типа, но большой интерес с точки зрения истории социальной психологии русского крестьянства представляет одна из легенд первого типа, весьма редких в русской фольклорной традиции. Мы имеем в виду «новгородскую легенду», о которой упоминали в монографии 1955 года и которая натолкнула нас на дальнейшее изучение социально-утопических легенд, созданных русским крестьянством.

Выше уже говорилось о том, что при публикации I тома сборника «Причтанья Северного края» Е. В. Барсов пропустил более сорока строк из «Плача о старосте». Сделал он это, по-видимому, по цензурным соображениям. Впоследствии он дважды публиковал их, причем один раз с указанием на то, что это — отрывки из «Плача о старосте». В них говорится о старых новгородских временах, которые вспоминаются как некий «золотой век», противопоставляемый неприемлемой во всех отношениях современности. Как мы уже писали, изложение «новгородской легенды» не составляло отдельного причитания. Это нельзя не признать весьма характерным. Идеализированные и опоэтизированные воспоминания о новгородских временах нужны были И. А. Федосовой не сами по себе, не в их отвлеченной и теоретической форме, а как противопоставление легенды действительности.

В основе этой легенды, так же как и в основе легенды о Горе, о которой мы говорили, лежит представление о том, что не всегда было плохо так, как теперь. В старом Новгороде люди были «не штукавые», (т. е. «бесхитростные»), судьи — справедливые «пожиты мужики», «настойсливы» и «правосудные». В случае возникновения конфликтов суд могли творить любые три «стоящих» крестьянина. Делали это они по совести и по «законам праведливым», по «суду... по божьему». После разорения Новгорода крестьянам пришлось бежать «в подсиверну сторонушку», «на званы острова эти Кижский», «во славное во общество во Толвую». Первое время житье здесь было вольное, но позже добрались и до них «судьи неправосудные», начались бедствия, которые делятся до сих пор. Стало сбываться то, что предрекали старики:

Уж как это сине морюшко сбушуется,
На синём море волна да порасходится,
Будут земскии вси избы испражнятся¹,
Скрозекозныи судьи да присылатся;

¹ Опустеют.

Вси изменятся пустыни богомольныи,
Разорятся вси часовенки спасеный.

(т. II, с. XIII)

Излишне было бы доказывать действительную легендарность, историческую иллюзорность воспоминаний о новгородских временах, на которых основывалась федосовская «легенда о Новгороде». Заселение Русского Севера, в том числе Заонежья, началось задолго до «разорения Новгорода» Москвой в 1480 году. С другой стороны, известно, что после новгородского разорения на Север действительно устремились новые потоки беженцев из основных новгородских районов. Это была не первая и не последняя миграционная волна, но она могла оставить особенно заметный след в памяти северного крестьянства, т. к. была сопряжена с гибелью новгородского политического и социального устройства, которое с течением времени подверглось идеализации. При этом постепенно забывалось, что предыдущие миграционные волны были связаны со стремлением уйти из-под власти Новгорода, где жизнь крестьян тоже была несладкой.

Примечательно, что разорение Новгорода связывается с ликвидацией общинного самоуправления. Этот мотив легенды также не выдерживает исторической критики. Общинное самоуправление постепенно теснилось и ограничивалось властями. Последним актом в этом ряду было введение института мировых посредников, произошедшее в годы записи Е. В. Барсова от И. А. Федосовой. Общинное самоуправление в новгородские времена рисуется И. А. Федосовой вполне патриархально. «Пожиты мужики», т. е. старики, которые вершат всеми делами общины, собираются либо в земских избах, либо на церковном крыльце и судят по совести, хлопочут не о том, чтобы наказать провинившегося, а чтобы спасти его. Весьма интересно здесь упоминание о том, что судом могут считать себя три «пожитых мужика», сошедшихся вместе. Здесь слышится отзвук древнехристианского (или еще точнее — древнеиудейского) правила, согласно которому трое верующих составляют церковь и вправе творить таинства. Это правило было возрождено старообрядцами северного согласия («бесспоповщины») и признавалось ими в отличие, например, от заволжского старообрядчества («поповщины»). О влиянии старообрядчества на эту легенду говорит и еще один характерный мотив — упоминание о разорении «часовенек спасенных». В 50-е годы XIX века старообрядцы северорусских областей испытали новые жесточайшие

притеснения. Были разорены популярнейшие среди старообрядцев Выгорецкое и Лексинское общежительства (пустыни) и несколько десятков церквей и часовен. Что же касается никонианских (официальных) церквей, то никто их не разорял — ни до, ни после падения Новгорода, ни позже.

У нас нет никаких свидетельств о принадлежности И. А. Федосовой и ее семьи к старообрядчеству. В Занежье жили отдельные старообрядческие семьи. Например, семья известного певца былин Т. Г. Рябинина была старообрядческой, да и вообще о существовании старообрядчества на Севере знали все. Крестьяне-никониане обычно не отвергали старообрядцев, они считали их верующими, которые держатся более строгой веры. Поэтому сочувствие старообрядцам, терпевшим притеснения, было вполне естественным. И. А. Федосова говорит о разорении часовен, не различая часовен никонианских и старообрядческих. Заметим попутно, что разорение «пустынь богоильных» и «часовенек спасенных» исторически тоже никаким образом не связывается с падением Новгорода. Отделение старообрядцев от официальной церкви произошло, как известно, только в середине XVII века.

В более кратком виде, чем в «Плаче о старосте», идея новгородского времени как «золотого века» была выражена И. А. Федосовой в «Плаче о холостом рекруте»:

И прозабыла ты, печальная головушка,
Как в досюльны времена да было годышки,
И были людушки ведь е да запростейши,
Уж как прежний-то народ да был ведь спацливой¹,
И новгородский крестьяна не баловливы,
И как судьи да в тую пору правосудливы,
И как власти да тогда были милосердны,
И были времечка в ту порушку спокойны.

(т. II, с. 49)

Самое замечательное, что извлекается из притчаний И. А. Федосовой в связи с «новгородской легендой», — это наличие очень устойчивого и развитого слоя идеализирующих эпитетов, обозначающих наилучшее качество предметов, людей, явлений, о которых идет речь. Образ житья новгородского обрастает в притчаниях скоповатой социальной терминологией, обычно в противопоставлении «судьи новгородские — судьи не новгородские» (например, т. II, с. 32), т. е. тогдашние и нынешние, «писаречек нов-

¹ Заботливый, ласковый.

городский — писари не новгородские» (там же, с. 158, 225), а также и бытовой терминологией — «питье новгородское» (там же, с. 11), «ествы (т. е. еда, угощения) с Новгорода» (там же, с. 11), «опояска новгородская» (там же, с. 34—35, 103) и др.

Упоминания Новгорода, наряду с Петрозаводском, Лодейным Полем, Вытегрой, Петербургом, Москвой, Киевом, обычны в свадебных песнях и балладах, былинах, записанных в Обонежье и соседних районах. Они — постоянные элементы поэтической географии в фольклоре этих районов Русского Севера. Вместе с тем Петрозаводск, Вытегра, Лодейное Поле, даже Петербург были вполне реальными географическими пунктами, с которыми Заонежье в XIX веке объединяли торговые, административные, отходнические и иные связи. Новгород, так же как Киев и Москва, уже давно были элементами только поэтической географии, возникшей на почве исторических воспоминаний. Связи с Новгородом давно не существовало, она была реальностью в далеком и теперь уже легендарном прошлом. Поэтому «опояска новгородская» оказывалась в одном ряду с «златым перстнем» и «платком ливантеровым»¹ как символ наилучшего качества вещей.

И я дарю тебе, сестрица свет родимая,
Я на память-то, сестрица, свой злачен перстень,
На доброумье опояску новгородскую

И со кармана я платок да ливантеровой.

(т. II, с. 35)

«Новгородская легенда» не только пересказывалась или упоминалась И. А. Федосовой, она переживалась ею эмоционально и поэтически. Об этом свидетельствуют не только «новгородские эпитеты», о которых мы говорили и которые проникли в саму ткань причитаний, но и замечательные строки, исполненные ностальгии, тоски по Новгороду (новгородчине) как далекой и когда-то покинутой родине и одновременно по безвозвратно ушедшим новгородским временам:

Как сберутся в божью церковь посвященную
О бладычном оны да этом праздничке
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут на крылечико церковное,
И как сглянут во подлетную² сторонушку,
Тут защемит их ретливое сердечушко,

¹ Из восточного (левантского) шелка.

² Южную.

Сговорят оны ведь есть да таково слово:
«Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежня, родима наша сторона,
Наша славна сторона новгородская».

(т. II, с. XIII)

В связи с этим нельзя не вспомнить очень точное наблюдение Н. А. Добролюбова, относящееся к 60-м годам XIX века. Высмеивая правых публицистов, утверждавших, что необходимость освобождения крестьян придумана «гуманными помещиками», в то время как «мужик еще не созрел до настоящей (свободы), что он о ней и не думает, и не желает ее, и вовсе не тяготится своим положением,— разве уж только где барщина очень тяжела и приказчик крут... Да и помилуйте, откуда заберется мужику в голову мысль о свободе? Книг он не читает <не только запрещенных а и> вовсе никаких <а ведь известно, что все это вольнодумство не от чего другого, как от книг происходит>, с литераторами не знаком: дела у него довольно, так что утопий сочинять и недосуг»¹.

Теперь, после серии исследований, осуществленных в 60—70-е годы нашего века, нет необходимости доказывать, что социально-утопические легенды не только интенсивно возникали, но и были относительно широко распространены в крестьянской среде. Специфической их особенностью была локальная ограниченность распространения. Так, даже наиболее широко бытовавшая легенда о Беловодье была ограничена старообрядческими районами Русского Севера, некоторыми поволжскими губерниями и Алтаем. Многократно возникавшие легенды об избавителях (свергнутых царях или царевичах) обычно распространялись особенно интенсивно в районах появления самозванцев. Новгородская легенда была распространена в Занежье и прилегающих к нему районах (например, в Пудоге). Это были районы старой новгородской колонизации. Легенда не случайно стала одним из важных компонентов миросозерцания И. А. Федосовой. Она сформировалась под влиянием идеализации былой самостоятельности крестьянской общины Русского Севера, связанной с характерной неосвоенностью этих районов новгородским, в XVI—XVII веках — централизованным русским государством.

Ценность рассмотренной темы в творчестве И. А. Федосовой, разумеется, вовсе не определяется исторической достоверностью или недостоверностью «легенды о Новго-

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. III. С. 97.

роде». Важно не то, насколько федосовские «новгородские времена» походили на историческое новгородское государство. Значительно важнее понять, какую роль играли эти «воспоминания» в мышлении и творчестве И. А. Федосовой — олонецкой крестьянки середины XIX века. «Новгородская» тема так же поддерживалась социальной ситуацией реформенных лет, как и всякая другая тема в ее творчестве этого времени. Идеализация «новгородского времени», «новгородской досюльшины»¹, так же как и идеализация стародавнего времени без определенных исторических очертаний в «Плаче о старости», была своеобразным выражением эмоционального протesta против несправедливостей настоящего и тем самым исподволь зреющего стремления к его устраниению. В текстах И. А. Федосовой мы не встречаемся со словом «будущее»; мыслимое и реальное будущее для нее — это судьба, которая ожидает вдову, солдатку, вообще осиротевшую семью. Будущее в политическом и социальном смысле для нее не существовало. Вместе с тем идеализация прошлого была по своей природе формой представления о желаемом будущем.

В статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс отмечал, что большинству общественных течений прошлого в минуты общественных кризисов свойственно было прибегать к «заклинаниям, вызывая себе на помощь духов прошлого, заимствовать у них имена, лозунги, костюмы»². Именно к общественным явлениям такого характера и принадлежала «новгородская легенда», получившая свое отражение в причтаниях И. А. Федосовой.

К сожалению, формы и способы отражения новгородского времени в русском фольклоре, в том числе и в фольклоре Русского Севера, остаются до сих пор неизученными. Это затрудняет историко-фольклористическую оценку легенды, которую находим у И. А. Федосовой.

Наш анализ социального содержания причтаний И. А. Федосовой был связан со стремлением продемонстрировать уникальную историческую ценность записанных от нее текстов. Они незаменимы при изучении мировоззрения и социальной психологии олонецкого крестьянства середины XIX века. Но, разумеется, их значение этим далеко не ограничивается. Это прежде всего поэтические памятники, одно из высших достижений русского фольклора XIX века. Да и не только XIX века. При всех особенностях быта,

¹ Старины (то, что было «досюль» — до настоящего времени).

² Маркс К. Избр. произвед.: В 2 т. М., 1941. Т. II. С. 253.

традиций и конкретных социальных ситуаций, характерных для Русского Севера, в них было очень много общего с бытом, традициями и социальными ситуациями, которые переживались русскими крестьянами других районов России. Именно поэтому «Причтанья Северного края» вызвали такой интерес и ученых-фольклористов, и писателей, и общественных деятелей — ее современников. Именно поэтому они сохраняют как историческое, так и художественное значение и в наши дни.

И. А. ФЕДОСОВА В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статьях Е. В. Барсова, в журнальных и газетных заметках 90-х годов XIX века, в воспоминаниях односельчан постоянно говорится о популярности И. А. Федосовой не только в Кузаранде, но и в окрестных деревнях и даже во всем Заонежье. Действительно ли ее известность простиралась на все Заонежье или это типичное преувеличение — сказать трудно. При посещении Заонежья в 1948 году и в последующие годы приходилось не раз убеждаться в том, что ее знали и помнили во многих заонежских деревнях. Однако в это время уже трудно было расчленить два слоя воспоминаний — дошедших до нас в устной и, условно говоря, первичной форме, и возникших под влиянием школьных учебников, специальных изданий при чтаний И. А. Федосовой в предвоенные и послевоенные годы, прессы, радио и т. д. Первичные — прямые воспоминания ограничивают известность И. А. Федосовой Кузарандой и ближайшими, если пользоваться старой терминологией, волостями. Это вполне понятно, т. к. причитания — жанр обрядовый и слышать их мог только тот, кто присутствовал при исполнении обряда. Вместе с тем в годы поездок И. А. Федосовой в Петербург, Москву, Нижний Новгород и т. д., повышенного внимания губернского начальства и прессы слух о ней действительно мог раздвинуть рамки ее известности до масштабов всего Заонежья и даже за его пределы. Но это был только слух о ней; причитания ее могли помнить лишь жители тех деревень, где она бывала или куда ее приглашали причитывать. В этом отношении И. А. Федосова не составляла исключения. Ее знаменитые земляки — певцы былин Т. Г. Рябинин и его сын И. Т. Рябинин, В. П. Щеголенок и другие до встречи с фольклористами тоже были известны только в определенном, ограниченном районе. Можно предполо-

жить, что он был несколько шире, чем ареал известности И. А. Федосовой, т. к. былины было принято петь на ярмарках (для Заонежья это могла быть Шуньгская ярмарка), на рыбацких тонях на озере, в церковные праздники в ближайших монастырях — Клименецком и Муромском и т. д. Обряды же совершались только в определенных деревнях. Границы обрядовой общности были всегда уже, чем границы общности былинной, сказочной или песенной традиции.

Так или иначе, и в одном, и в другом случаях это были локально ограниченные районы, хотя их границы подчас и перекрывались «внешними» влияниями. Мы уже говорили о роли отхода, армии, старообрядческих связей, торговли и т. д. в циркуляции произведений фольклора, в распространении обыденной информации — вестей, слухов, новостей.

Мы не будем здесь углубляться в эти интереснейшие проблемы. Зададимся только одним вопросом: каким образом творчество И. А. Федосовой из локально ограниченного явления превратилось в явление общенациональное?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проследить различные и вполне конкретные пути, которыми входило оно в золотой фонд русской национальной культуры. Условно и предварительно можно было бы в этой связи назвать: а) издания И. А. Федосовой, благодаря которым ее творчество стало доступным читателям; б) встречи И. А. Федосовой с фольклористами и ее публичные выступления в 90-х годах; в) печатные отклики на издания и выступления; г) вхождение записей от И. А. Федосовой и сведений о ней в научный оборот русской и мировой фольклористики; д) отражение творчества И. А. Федосовой в русской литературе и музыке.

Мы уже писали о том, что до выхода в свет I тома «Причтаний Северного края» Е. В. Барсов опубликовал значительное число лирических песен, баллад и духовных стихов в «Олонецких губернских ведомостях» (1867) и «Плач о старости» в газете «Современные известия» (1870). Обе публикации были замечены в тогдашней печати: на первую из них отозвался О. Ф. Миллер в «Журнале министерства народного просвещения», на вторую — Н. А. Демерт в «Отечественных записках». О. Ф. Миллер отметил научную значительность публикации. Он писал: «Они (т. е. опубликованные записи.— К. Ч.) ...составляют, можно сказать, главное, что появилось по части народной

словесности в 1867 году»¹. Однако в «Олонецких губернских ведомостях» Е. В. Барсов не публиковал еще причитаний, которые он, по-видимому, уже в это время считал особенно значительными среди своих записей и приберегал для отдельного издания. Имя И. А. Федосовой еще тоже не было названо. Как мы ранее писали, по каким-то не вполне понятным причинам Е. В. Барсов сопроводил публикацию пометкой, из которой следовало, что все тексты были записаны от «Ирины Толвуйской».

Н. А. Демерт тоже не писал ни о причитаниях, ни об И. А. Федосовой специально. Его заинтересовал «Плач о старосте» как народный отклик на действия мировых посредников. И. А. Федосова в публикации в «Современных известиях» тоже не была названа. Статья, предварявшая текст, получила заголовок «Олонецкая плакальщица»². Можно не сомневаться в том, что ни статья Н. А. Демерта в журнале, издававшемся Н. А. Некрасовым, ни публикация в «Современных известиях» не прошли мимо его внимания. Они, видимо, подготовили Н. А. Некрасова к восприятию «Причитаний Северного края».

Более пространным, чем Н. А. Демерта, был отклик самого издателя газеты, в которой впервые была опубликована И. А. Федосова,— Н. П. Гилярова-Платонова. Мы уже цитировали его. Он тоже имел чисто публицистический и ситуативный характер. Так же как и Н. А. Демерта, Н. П. Гиляров заинтересовался необычной для русского фольклора фигурой мирового посредника и отметил это в передовой статье того же номера, в котором был опубликован «Плач о старосте».

Как мы уже писали, о существовании собрания Е. В. Барсова, по крайней мере его I тома, стало известно специалистам еще до его публикации. С ним в большей или меньшей степени познакомились такие выдающиеся русские филологи и общественные деятели, как П. Н. Рыбников, И. И. Срезневский, О. Ф. Миллер, В. И. Ламанский, Ф. И. Буслаев, П. А. Бессонов, А. Н. Пыпин. Важно подчеркнуть, что его появление ожидалось как событие. И в эти годы, и позже обычно говорили об открытии, совершенном Е. В. Барсовым, и ставили его в один ряд с открытием былин П. Н. Рыбниковым

¹ Журнал министерства народного просвещения. 1868. Март. С. 909.

² Современные известия. 1870. 4 августа. № 212; см. также Олонецкие губернские ведомости. 1870. № 62.

и А. Ф. Гильфердингом, сравнивали также с изданиями других жанров, имевшими общенациональное значение,— сборником А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», сборниками песен П. В. Киреевского, П. В. Шейна и др. Все это несомненно так. Однако следует подчеркнуть, что и до сборников П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга былины были известны фольклористам и, шире, читающей публике по сборнику Кирши Данилова «Древние российские стихотворения». Записи П. Н. Рыбникова вызвали всеобщий интерес, т. к. было обнаружено живое бытование былин в нескольких сотнях верст от Петербурга. До этого предполагалось, что если их и можно где-нибудь записать, то, вероятно, только на самых глухих окраинах, в Сибири и т. д. В широком же и более или менее равномерном распространении песен и сказок никто не сомневался. Сборник А. Н. Афанасьева был высоко оценен, т. к. он стал первой национальной антологией сказок, изданной в соответствии с научными требованиями середины XIX века, стал «русским Гrimмом».

С причитаниями дело обстояло совершенно иначе. До сборника, изданного Е. В. Барсовым, о причитаниях было почти ничего не известно. Жанр причитаний был не выделен среди других жанров русского фольклора; он не получил еще ни социально-исторической, ни художественной оценки, ни даже устойчивого названия. Отдельные упоминания о причитаниях и публикация нескольких текстов (о них мы говорили в связи с инструкцией комиссии «Общества любителей российской словесности», стремившейся явно преждевременно добиться превращения сборника в национальную антологию причитаний) прошли почти незамеченными. Только после появления I тома Барсова причитания становятся признанным жанром, само существование которого осмысляется как одна из характерных особенностей русского фольклора. Устанавливается научная терминология — «причитание», «плач», «заплачка». Тексты I тома, а за ним II и III томов входят в научный оборот. Таким образом, это было как бы тройное открытие — жанра, высокохудожественных текстов и личности И. А. Федосовой, крупнейшей сказительницы, не имеющей себе равных среди исполнителей русского фольклора.

Многозначность «открытия» Е. В. Барсова предопределила и разнообразие и многочисленность откликов на I том. В монографии 1955 года мы подробно рассмотрели рецензии, появившиеся в русской и отчасти зарубежной

печати, поэтому здесь только подытожим эти материалы¹.

1 том печатался в типографии «Современных известий» и вышел в свет в мае-июне 1872 года². Е. В. Барсов не только издал первый в истории русской фольклористики сборник причитаний, но и снабдил его обширной вводной статьей, которая стала первым исследованием этого жанра. В ней Е. В. Барсов вместе с тем показал, что похоронные причитания были издавна известны большинству народов мира. Его обзор причитаний народов мира был, разумеется, значительно беднее, чем обзоры, появившиеся в последние десятилетия³, однако для своего времени он был весьма нов и содержателен. Переходя к русскому материалу, он касается отзвуков причитаний в летописях, житийной литературе, в церковных обличениях, упоминает плач Ярославны, плач княгини Евдокии по Дмитрию Донскому и др.⁴. И, наконец, Барсов дает обстоятельный обзор записей причинаний, которые предшествовали его сборнику, и упоминаний причинаний в современной ему фольклористической и общей филологической литературе (Н. С. Тихонравов, И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, О. Ф. Миллер, А. А. Котляревский и др.). Не исключено, что он пользовался советами этих выдающихся филологов и, в основном написав вводную статью в Петрозаводске, продолжал работать над ней после переезда в Москву. По крайней мере, можно утверждать, что в Петрозаводске конца 60-х годов XIX века, бедном библиотеками, он не смог бы приготовить статью, столь насыщенную самыми разнообразными сведениями. Вводная статья Е. В. Барсова отличалась некоторой фольклористической наивностью (если сравнивать с исследованиями А. А. Котляревского или Д. Н. Анучина), однако следует признать ее весьма серьезное библиографическое оснащение.

Обращаясь далее к своим записям, Е. В. Барсов извле-

¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 80—112.

² В первой по времени появления рецензии, напечатанной в июньском номере журнала «Грамотей», говорилось: «На днях отпечатаны «Причтанья Северного края», собранные Е. В. Барсовым» (Грамотей. 1872. № 6. С. 31).

³ См., например, обзоры Г. С. Виноградова и Н. П. Андреева, Э. Малер, Джурicha и др. Виноградов Г. С. и Андреев Н. П. Русские плачи//В сб.: Русские плачи (причинания). Л., 1937. С. VI—XXXVI (в серии «Библиотека поэта»). Mahler E. Die russischen Totenklage. S. 5—43; Durić V. M. Tužbalica u svetskoj Knjževnosti. Beograd, 1940.

⁴ Барсов Е. В. Введение//В кн.: Причинания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Т. I. С. III—IX.

кает из них сведения о верованиях, связанных со смертью, покойниками, посмертным существованием и похоронным обрядом. Впрочем, о самом похоронном обряде во вступительной статье почти ничего не говорится. Это объясняется тем, что в приложении к сборнику давался специальный очерк «Погребальные обычаи на Севере России». И. А. Федосова упомянута во вступительной статье один раз в связи с музыкальными особенностями исполнения причитаний¹. В приложении же публиковались сведения о ней и ее рассказ о себе — жанр, новый для тогдашней фольклористики.

Анализируя верования, отразившиеся в причитаниях, Е. В. Барсов уделяет значительное внимание и бытовому их значению, и смыслу. Сведения, которые здесь сообщаются, сопрягаются с общей концепцией развития причитаний от эпических в древности — к лирическим в современности. Концепция эта была явно умозрительной, не обоснованной фактами и впоследствии не подтвердилась и не получила распространения. Е. В. Барсов предполагал, что в древности причитания были прежде всего восхвалением умершего и эпическим изображением его подвигов. Не будем останавливаться на этом вопросе подробнее, т. к. мы уже говорили о том, как в русских причитаниях реально сочетаются мотивы восхваления покойного и оплакивания живых, которые его потеряли.

Страницы, отведенные Е. В. Барсовым отражению крестьянского быта, довольно резко делятся на две части. Первая из них начинается с исполненного в славянофильских традициях описания идеальной гармоничности повседневного крестьянского бытия и крестьянской нравственности. Во второй части, представляющей наибольшую ценность, рисуются трагические последствия смерти покойного для семьи, которая его потеряла. И в первом, и во втором случае Е. В. Барсов как бы опирается на вполне реальные материалы. Он описывает гармонию крестьянской жизни, пользуясь фразеологией причитаний, непрерывно цитируя их. Видимо, для него это было весьма убедительно. Однако при этом совершилась явная ошибка. Все, что в причитаниях говорится о жизни крестьянской семьи до смерти оплакиваемого, в соответствии с законами жанра подвергалось явной идеализации, контрастному противопоставлению трагическим переживаниям в связи с потерей и было исполнено предчувствием бедственной судьбы, ко-

¹ Барсов. Т. I. С. XXXI.

торая ожидает осиротевшую семью в будущем. Поэтому невозможно пользоваться причитаниями без всяких оговорок как бытовыми (этнографическими) документами, не считаясь с той эмоциональной задачей, которая формирует в причитаниях это контрастное противопоставление прошлого настоящему и будущему.

Определенная политическая тенденция Е. В. Барсова сказалась в стремлении смягчить социальную остроту лучших причитаний И. А. Федосовой — «Плача о старосте» и «Плача о писаре». Мы довольно подробно говорили о мировых посредниках, их подлинной роли в жизни олонецких крестьян в середине и во второй половине 60-х годов прошлого века. Сопоставим сказанное с трактовкой этой проблемы Е. В. Барсовым во вступительной статье к I тому. Е. В. Барсов писал: «В «Плаче о старосте» в лице мирового посредника изображается тип чиновных властей, наезжающих к народу с разными взысканиями и поручениями. Почему этот тип очерчивается в образе именно посредника, объясняется местными обстоятельствами. В Олонецкой губернии мировые посредники — не местные туземцы, знакомые с условиями и жизнью народа, не выборные люди, известные тому самому обществу, которому должны служить, но те же чиновники, назначаемые управительным порядком, нередко люди наезжие и без достаточного образования. Несмотря на свою недавность, они успели соединить в себе и то неуважение к народу, и ту высокомерную притязательность, коими отличались былые полицейские власти»¹. Все здесь сказанное, вероятно, справедливо. Однако хорошо известно, что и в тех губерниях, где мировые посредники были «местными туземцами», «выборными людьми» из местного губернского дворянства, их взаимоотношения с крестьянами были далеко не идиллическими. В этой же статье Е. В. Барсов утверждал, что «народ имеет правильный взгляд на подати казенные», «но все дело в том, что эти подати собираются иногда без всякого внимания и снисхождения к времененным нуждам и обстоятельствам крестьян»².

При всем научном значении вводной статьи Е. В. Барсова как первой развернутой статьи о русских причитаниях, она мало обсуждалась в рецензиях и статьях, вы-

¹ Барсов. Т. I. С. XXVIII.

² Там же. С. XXVII.

шедших сразу же после публикации сборника¹. Характер и направленность этих рецензий и статей были весьма различными. Они сходились только в одном — в признании значительности текстов, которые составили сборник, и вновь открытого жанра для фольклористики, истории, социологии, для понимания современных социальных проблем, процессов формирования традиционных верований и этических представлений крестьянства, понимания соотношения христианской доктрины и так называемого «бытового православия» и т. д.

Рецензии на I том почти одновременно появились в столь различных органах, как «Отечественные записки», издававшиеся Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным, официальном «Журнале министерства народного просвещения», ученых журналах — «Филологические записки» и «Русский филологический вестник», откровенно реакционном «Гражданине», весьма правом журнале для народа «Грамотей» и церковном — «Православное обозрение». Среди рецензентов были такие выдающиеся публицисты, как Н. К. Михайловский, из ученых — А. Н. Веселовский, Л. Н. Майков, А. Ф. Бычков. В эти же месяцы Е. В. Барсов получил целый ряд писем. Среди его корреспондентов, приветствовавших появление сборника, были И. И. Срезневский и А. А. Котляревский². Если

¹ Отметим наиболее значительные: *Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым*//*Отечественные записки*. 1872. № 11. С. 149—175 (см. также: *Н. К. Михайловский*. Собр. соч. СПб., 1906. Т. I. С. 772—777). *Майков Л. Н. Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым*. М., 1872. Ч. I//*Журнал министерства народного просвещения*. 1872. Ч. XIV. Декабрь; *Бычков А. Ф. Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым*. М., 1872. Ч. I//В кн.: *Отчет о 16-м при-
суждении наград гр. Уварова*. СПб., 1874. С. 191—193; *Баталин Н. Народное творчество (по поводу «Причтаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым*. М., 1872)//*Филологические записки*. 1873. № 2. С. 1—28; *Покровский Н. Рассказ об упъянливой головушке// Грамотей*. 1872. Т. VI. С. 31—40. *Он же. Загробная жизнь в народных верованиях Северного края//Православное обозрение*. М., 1872. Т. VII. С. 89—104; *Он же. Рассказы из крестьянского быта Северного края//Гражданин*. 1872. Т. IX. С. 16—18; Т. XIX. С. 44—47; *Причтания Северного края//Олонецкие губернские ведомости*. 1872. № 86; *Wesselofsky A. N. Die neueren Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volkspoesie. I. Die russischen Totenklagen // Russische Revue*. 1873. B. III. S. 487—526; *Ralston W. R. S. Russian funeral literature. Laments of Northern District. Collected by E. V. Barsof. Vol I. Moscow, 1872. // The Academy*. 1878. Dec. P. 443—444.

² Несколько позже появилась статья С. Браиловского. О смерти и посмертном существовании по «Причтаниям Северного края»//*Русский филологический вестник*. 1885. № 2. С. 227—256 и др.

вспомнить о филологах и историках, которые принимали участие в судьбе I тома до его выхода в свет (мы их перечисляли), то можно без преувеличения сказать, что не было ни одного крупного филолога того времени, который не заинтересовался бы сборником, изданным Е. В. Барсовым. Это и был первый этап вхождения И. А. Федосовой и ее поэтического наследства в историю русской культуры и науки.

Следует еще упомянуть, что сразу же после публикации «Причтаний Северного края» ими живейшим образом заинтересовались писатели-знатоки и мастера изображения народного быта — Н. А. Некрасов и П. И. Мельников-Печерский.

Популярности сборника Е. В. Барсова способствовал один из наиболее авторитетных публицистов того времени Н. К. Михайловский. В одной из статей обзорной серии «Литературные и журнальные заметки», за которой с неизменным интересом следила вся читающая Россия, он посвятил почти тридцать страниц I тому сборника. Н. К. Михайловский подчеркивает прежде всего «гражданские мотивы» «надгробных речей и некрологов мужика», как он называет тексты И. А. Федосовой. Он тщательно выписывает все наиболее острые по своему социальному звучанию строки, которые должны были продемонстрировать читателю основные черты и особенности социального бытия крестьян, в среде которых зародились и звучали причитания. «Плач о старосте» и «Плач о писаре» пересказываются им, разумеется, особенно подробно. Эту часть своей статьи он заканчивает следующим образом: «Вот какие глубоко трагические обороты в надгробных речах и некрологах мужика. Всякие комментарии тут неуместны»¹. Вероятно, тем самым он хотел сказать читателю, что подлинные комментарии к процитированным и пересказанным им текстам небезопасны в цензурном отношении.

Причтания И. А. Федосовой для Н. К. Михайловского — прежде всего надежный первоклассный источник зна-

¹ Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым/Отечественные записки. 1872. № 11. С. 153. К. И. Чуковский, подчеркивавший, что Н. К. Михайловский процитировал большинство наиболее острых в социальном отношении строк из сборника Е. В. Барсова, пишет: «Можно подумать, что эти стихи отобрал для автора статьи сам Некрасов, так как именно их он использовал через несколько месяцев в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» (Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. Соб. соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 4. С. 461).

ний о современном крестьянстве. Его статью следует рассматривать как прямое и энергичное продолжение фольклористической публицистики и так называемых «этнографических очерков» писателей-шестидесятников, группировавшихся вокруг «Современника», а позже «Отечественных записок» и восходящих в известном смысле к рецензии Н. А. Добролюбова на сборник А. Н. Афанасьева и его статье «Черты для характеристики русского простонародья». В них говорилось о фольклоре как актуальном явлении крестьянского быта и звучал призыв использовать фольклор для познания современного крестьянства. Исследователи Н. К. Михайловского В. К. Архангельская и А. А. Слинько, касающиеся интересующих нас вопросов, совершенно правы, предложив осмысление статьи Н. К. Михайловского именно в таком контексте. В этом же плане истолковывалась статья Н. К. Михайловского в нашей монографии 1955 года¹. Н. К. Михайловский писал, что причитания из сборника Е. В. Барсова при всей их актуальной ценности важны одновременно как исторические документы, достойные встать в один ряд с наиболее интересными, значительными материалами, публиковавшимися в таких специальных изданиях, как «Русский архив», «Русская старина», сборники Русского Исторического общества и др. В публикациях этих журналов и сборниках он видит много никому неинтересных мелочей и в этом отношении ценит публикации Е. В. Барсова значительно выше. Тем самым он признавал одновременно и политическое, и научное, и документальное значение причитаний И. А. Федосовой.

Характерно, что статья Н. К. Михайловского, опубликованная в конце 1872 года (она появилась в № 11 за этот год), содержит и некоторые следы политического разочарования, которое принесло «хождение в народ» 1871—1872 годов. Он сокрушается о том, что «гражданские мотивы сравнительно редко встречаются в причитаниях, собранных г. Барсовым», что представляется ему особенно горьким в «минуты тяжелых уроков и разочарования в настоящем и будущем»². Это звучит парадоксально,

¹ Архангельская В. К. Взгляды на фольклор теоретиков народничества (Н. К. Михайловский)//В сб.: Современные проблемы фольклора/Под ред. В. В. Гуры. Вологда, 1971; Слинько А. А. Из истории русской демократической критики. Литературно-критическое наследие Н. К. Михайловского. Воронеж, 1977.

² Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки... С. 153.

т. к., казалось бы, расставаясь с определенными иллюзиями, которые были свойственны раннему народничеству (социалистическая природа крестьянства и крестьянской общины, его способность немедленно отзваться на народническую пропаганду и т. д.), они должны были бы привести не к подобным сетованиям, а целенаправленному и спокойному выяснению истины. Однако Н. К. Михайловским, как и многими радикальными деятелями того времени, владело, как сказал один из писателей наших дней, политическое «нетерпение».

Нам теперь кажется удивительным, что при всем своем демократизме Н. К. Михайловский совершенно обошел вниманием И. А. Федосову. Его интересовало прежде всего массовое и типичное в социологическом аспекте, не художественные достоинства причитаний, а их социальный смысл.

Характерно, что отклики на «Причтанья Северного края» появились не только в революционно-демократической печати, которую представляли «Отечественные записки», но и на страницах крайне правых журналов — «Гражданин», «Православное обозрение» и др. Здесь выделяются три статьи Н. Покровского, опубликованные в 1872 году сразу же после выхода тома и явно задуманные как целостный цикл. Первая статья «Рассказ об упьянливой головушке» была напечатана в журнале «Грамотей», издававшемся для народных школ и училищ. Пересказывая «Плач об упьянливой головушке», Н. Покровский стремится создать нравоучительную притчу о том, как водка довела пьяницу до смерти. Федосова в этом причитании с большим тактом рисует своеобразную противоречивую ситуацию — вдова не может не горевать о случившемся, но она вместе с тем не может и не испытывать чувства облегчения — покойный измучил ее своим беспробудным пьянством, он разорял хозяйство и т. д. В отличие от И. А. Федосовой, которая говорила о горе общественном в связи с бедствиями олонецкой деревни второй половины 60-х годов, Н. Покровский рассуждает о пьянстве как о прирожденном человеческом горе и заодно о том, что у крестьян нет иного выхода, как смиряться с ним («Вот как умеешь, так и свыкайся с горем»)¹.

Вторая статья — «Загробная жизнь в народных верованиях Северного края России» была напечатана в «Православном обозрении». Н. Покровский считает, что «язы-

¹ Покровский Н. Рассказ об упьянливой головушке//Грамотей. 1872. Т. VI. С. 40.

ческие воззрения» народа должны изучаться духовенством для их окончательного искоренения. Он обращает внимание своих читателей на то, что христианские представления в причтаниях «крайне бедны, так сказать, «оматериализованы» и странным образом перемешаны с эпическими представлениями»¹. В принципе автор как будто прав, но его способ обнаружения «языческих» мотивов весьма наивен. Его этнографические знания, видимо, были крайне скучны. Каждая метафора, даже явно поэтическая по своему происхождению и функции, толкуется им буквально.

Таким образом, Н. Покровский признает документальную ценность причтаний, демонстрирует, как, по его мнению, следует извлекать из них сведения о состоянии народных верований, необходимые в церковной практике сельских священников, т. е. для целей предельно далеких от тех, которые преследовал Н. К. Михайловский в «Отечественных записках».

В журнале князя В. П. Мещерского «Гражданин», который К. Маркс в одном из писем П. Л. Лаврову не без основания назвал «гнусным журналом»², Н. Покровский напечатал четыре «рассказа из крестьянского быта Северного края». Утверждая, что «Причтания Северного края» не будут иметь широкого читателя (что в известном смысле было даже верно), он говорит, однако, о том, что все-таки материал, собранный Е. В. Барсовым, представляет определенный интерес и поэтому он предлагает читателю рассказы, которые передадут все, с его точки зрения заслуживающее внимание. Одним словом, Н. Покровский взял на себя задачу популяризировать И. А. Федосову или, точнее, записанные от нее причтания, т. к. ее личность не вызвала у него интереса.

Эти «рассказы» Н. Покровского довольно выразительно показывают, как воспринималась правой журналистикой социальная острота федосовских причтаний.

Наивно было бы утверждать, что Н. Покровский что-то не понял или что-то не дочитал, также как наивно было бы ожидать, что его толкование четырех избранных им для пересказа причтаний И. А. Федосовой может иметь какую-нибудь научную ценность. Он просто использует их

¹ Покровский Н. Загробная жизнь в народных представлениях Северного края//Православное обозрение. М., 1872. Т. VII. С. 98.

² Маркс К. Письмо П. Л. Лаврову, 24 октября 1876 г.//В сб.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947. С. 175.

в своих целях, не стесняясь искажать смысл. Так, пересказывая «Плач о старости», он даже не упоминает о том, что староста умер, возвращаясь из тюрьмы. Посредник приехал в деревню, покричал на крестьян, крестьяне во время сдержали его гнев — и все кончилось к общему удовольствию. Остается совершенно непонятным, что же оплакивается и почему вообще возникло причитание. Более того, не было бы и таких незначительных столкновений, если бы мировые посредники знали, что «глупый и грубый мужик способен... так глубоко почувствовать всю тяжесть богатырских наездов»¹. То есть и в этом случае Н. Покровский не избежал назидательности, хотя и обращался к образованному читателю.

Примерно в таком же духе искажаются и другие причитания — «Плач об убитом громом-молвией» и «Плач о попе — отце духовном». Н. Покровскому не по сердцу оказывается даже одобрительное отношение И. А. Федосовой к сельскому священнику, заступавшемуся за крестьян. Он пишет: «Нет, по их разумению, поп будь выше всех головой, но в то же время — будь с ними одного поля ягода»². «Плач об убитом громом-молвией» для него только пример того, как «Илья-громовник разделывается с беззаконниками»³.

Мы сравнительно подробно остановились на статьях и рассказах Н. Покровского, связанных с выходом в свет I тома «Причитаний Северного края», не потому, что они имеют научную или художественную ценность. Характерна активность, которую он проявил, явная неприязнь к И. А. Федосовой и к крестьянам вообще, неприкрытое выражение крепостнических и официально-церковных воззрений.

Следует сказать, что преподаватель петрозаводской духовной семинарии Е. В. Барсов на фоне этой серии печатных выступлений столичного публициста выглядел весьма выигрышно. Он сумел оценить собранный им материал, в значительной мере преодолел свой изначальный филологический дилетантизм. Политическая тенденциозность, которая отразилась в какой-то мере на его вводной статье, не оказала заметного влияния на состав, научную и социальную ценность сборника⁴. Именно поэтому сборник стал

¹ Покровский Н. Рассказы из крестьянского быта Северного края//Гражданин. 1872. Т. X. С. 19.

² Покровский Н. Т. XIX. С. 46.

³ Там же. С. 45.

⁴ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 64—77.

событием в научной и культурной жизни России той поры.

Наиболее значительные в научном отношении отклики на выход в свет I тома «Причитаний Северного края» принадлежали двум выдающимся русским филологам XIX века А. Н. Веселовскому и Л. Н. Майкову.

Л. Н. Майков к 1872 году был уже известным исследователем древнерусской литературы и русского фольклора. В 1863 году была опубликована его докторская диссертация «О былинах Владимира цикла», а в 1869-м — известная книга «Великорусские заклинания».

Рецензия Л. Н. Майкова появилась в «Журнале министерства народного просвещения», органе вполне официальном, однако близком к академическим кругам и пользовавшимся значительным авторитетом. Если не считать упоминавшуюся статью А. Н. Веселовского, которая была, в сущности, уже развернутым исследованием, основанном на только что вышедшем сборнике, то следует признать, что рецензия Л. Н. Майкова — наиболее значительный в научном отношении журнальный отклик на «Причитанья Северного края». Л. Н. Майков предпринимает первое (вслед за Е. В. Барсовым, но значительно более профессиональное) осмысление причитаний в контексте известных жанров русского фольклора. Он считает, что Е. В. Барсову удалось сделать свое открытие не случайно в той же Олонецкой губернии, где еще так недавно П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг записывали былины и убедительно доказали мощность и продуктивность северорусской народной эпической традиции. Она сохранилась здесь под влиянием специфических исторических и социальных условий. При этом если былины отражают общественные события, обрядовые песни — содержат обильные следы «первобытной естественной культуры», то причитания «черпают свое содержание из частного быта народа»¹ и, что важно подчеркнуть, из современного «частного быта» народа.

Кратко пересказав историческую справку Е. В. Барсова, построенную на упоминании причитаний в письменности Древней Руси, Л. Н. Майков обращается к содержанию сборника. Он видит в опубликованных причитаниях не только отражение архаических представлений о смерти, которые представляются ему тоже весьма ценными, но

¹ Майков Л. Н. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Ч. I // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1872. Ч. CIXIV. С. 388.

и «богатый материал для характеристики народного миросозерцания», имея в виду и традиционные воззрения и современное ему крестьянство. В связи с этим он обращает внимание читателей на сведения об исполнительницах причети, от которых записывал Е. В. Барсов опубликованные им тексты. Он пишет: «Особенно замечательная личность в этом отношении есть крестьянка деревни Кузаранды Ирина Андреевна, по мужу Федосова»¹. Он считает необходимым пересказать сведения об И. А. Федосовой, которые содержатся в сборнике, и демонстрирует, сколь ценные записанные от нее тексты. При этом особенно выделяет «Плач о писаре» и содержащуюся в нем легенду о Горе, сближая ее с известной повестью XVII века о Горе-Злочастии. Повторяя формулировку Е. В. Барсова, он, как и Н. К. Михайловский (и, как увидим далее, Н. А. Некрасов), называет ее легендой о происхождении «горя общественного». Здесь же говорится о «Плаче о старосте» и мировых посредниках, точнее — Л. Н. Майков пересказывает соответствующие страницы предисловия Е. В. Барсова, включая и утверждение последнего о том, что народ охотно исполняет общественные обязанности (читай: повинности, подати, поборы) и все дело только в том, что мировые посредники в Олонецкой губернии — люди приезжие, не вникающие в психологию местных мужиков и действующие излишне грубо.

Итак, самое главное в рецензии Л. Н. Майкова — признание актуальности, социального значения причитаний, опубликованных Е. В. Барсовым, и выделение И. А. Федосовой как личности даровитой и творческой. И то и другое не случайно. Рецензия явственным образом перекликается с основными работами Л. Н. Майкова 60-х годов, которые мы уже упоминали. М. К. Азадовский в двухтомной «Истории русской фольклористики» пишет о монографии Л. Н. Майкова «О былинах Владимира цикла»: «...его исследование о былинах было направлено в целом против мифологической школы; он выступал против стремлений увести народную поэзию, в частности русский героический эпос, в глубь доисторической жизни и оторвать ее, таким образом от подлинной истории и подлинной действительности»². Причтания как бы подтверждали эту важную

¹ Майков Л. Н. Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. I. С. 394.

² Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. II. С. 146.

для Л. Н. Майкова идею, причем на материале еще более выразительном, чем былины. Если в былинах Л. Н. Майков видел отражение определенного периода русской истории, лежащего в прошлом, но прошлом историческом, а не мифологическом (и в этом он в определенной мере предвосхитил идеи и методы исторической школы в русском эпосоведении, развившейся только к концу XIX века), то причитания давали удивительные примеры сочетания «первобытной естественной культуры» с самой ближайшей современностью. Характерно, что, издавая сборник «Великорусские заклинания», он выделил определенную группу заговоров, объединив их под заголовком «Отношения общественные».

Не случаен был и интерес Л. Н. Майкова к личности И. А. Федосовой. Характеризуя роль Л. Н. Майкова в развитии проблемы фольклорного исполнителя, М. К. Азадовский пишет: «Л. Н. Майков первый же поставил вопрос о различных категориях певцов, нанося тем значительный удар идеи единого, идущего из эпической глуби веков народного миросозерцания»¹. В деятельности этих певцов он усматривал активное творческое начало и противопоставлял его концепции мифологов, топивших их личности в некоем безликом потоке мифотворческого процесса.

Через тринадцать лет после публикации рецензии на I том сборника Е. В. Барсова Л. Н. Майков, ставший к этому времени членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, 25 сентября 1885 года выступил официальным рецензентом II тома «Причитаний Северного края» в связи с обсуждением вопроса о присуждении Е. В. Барсову награды графа А. С. Уварова. Упомянем, кстати, что членами комиссии по рассмотрению работ, претендовавших на премию, были академики Я. К. Грот, А. Ф. Бычков, М. И. Сухомлинов, А. Н. Веселовский, И. В. Ягич, Н. В. Калачев, А. А. Куник. Протоколы комиссии не публиковались, поэтому мы не знаем, как развивалось обсуждение сборника на ее заседаниях, что было бы весьма интересным для нашей книги,— комиссия состояла из крупнейших ученых, филологов и историков. Ученая общественность узнавала об очередном присуждении наград из «Отчетов о присуждении наград гр. Уварова», которые состояли из доклада непременного секретаря Академии наук и официальных рецензий на премированные работы. Доклад непременного секретаря академика К. С. Веселов-

¹ Азадовский М. К. Т. II. С. 148.

ского не представляет для нас интереса — это, в сущности, краткий пересказ рецензий на все отмеченные работы. Отзыв же Л. Н. Майкова развивает идеи, высказанные в отклике на I том. Он подчеркивает жанровое и стилистическое единство обеих томов. Вместе с тем похоронные притчания в целом древнее по своей природе, чем рекрутские и солдатские. Последние связаны с рекрутчиной, введенной Петром I, и длительным сроком солдатчины, тоже сложившейся только в XVIII веке. Это новое историческое содержание вместе с тем вылилось в древние формы традиционной притчи. Причиной сохранности традиции притчаний в Олонецкой губернии, по мнению Л. Н. Майкова, является то, что народ в этих краях еще продолжает пребывать в «эпическом веке» — он не знал ни крепостного права, ни воинского постоя, ни фабричной промышленности.

Описав по материалам Е. В. Барсова рекрутский обряд, Л. Н. Майков и здесь выделяет проблему исполнительства. Традиция поддерживается, пишет он, т. к. еще продолжают действовать такие даровитые личности, как И. А. Федосова. На этот раз он противопоставляет ее остальным четырем волгеницам — они слагают притчи, которые способна создавать каждая олонецкая женщина, — это бытовые «заплачки». «Напротив того, — пишет далее Л. Н. Майков, — притчания, записанные от пятой волгеницы (Федосовой). — К. Ч.), представляют дальнейшее, гораздо более широкое развитие этих мотивов (т. е. мотивов или формул, обычных для бытовой традиции. — К. Ч.), и сама Ирина является вполне типичною представительницей своей профессии¹.

Таким образом, Л. Н. Майков уже в рецензии на II том выделяет И. А. Федосову из бытовой традиции, одновременно подчеркивая ее связь с ней. Надо сказать, что эта идея Л. Н. Майкова далеко не сразу была усвоена русской фольклористикой. До начала 20-х годов нашего века, т. е. до выхода в свет предисловия М. К. Азадовского к «Ленским притчаниям», И. А. Федосову по инерции продолжали считать носительницей массовой бытовой традиции, а ее тексты — типичными образцами северорусских притчаний². Вместе с тем надо отметить, что под

¹ Майков Л. Н. Притчанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1882. Ч. II. В сб.: Отчет о 28-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1886. С. 70.

² Азадовский М. К. Ленские притчания. Чита, 1922. С. 14—16.

влиянием Е. В. Барсова Л. Н. Майков поддержал легенду о профессионализме И. А. Федосовой и вообще о существовании на Русском Севере профессиональных воплениц.

Пересказывая четыре огромных по своим размерам федосовских текста из II тома, Л. Н. Майков приходит к чрезвычайно важному выводу, который был развит в нашей монографии 1955 года: тексты И. А. Федосовой — сложное образование, возникшее в условиях исполнения (импровизирования) для записи. Это плачи-поэмы, связанные со стремлением нарисовать цельную картину, восстановить не только тексты «заплачек», но и бытовые условия, в которых они звучали. Уход рекрута из деревни оплакивается попеременно его родственницами — женой, теткой, матерью. Вместе с тем встречаются, как он называет, «безличные» пассажи, которые произносятся от имени самой вопленицы и оказываются просто рассказами о том, что происходит в это время в избе, на улице и т. п. Кроме того, количество родственниц явно произвольно, И. А. Федосова стремится исчерпать возможные варианты родственных отношений, изобразить происходящее то с одной, то с другой точки зрения. Собственно, следовало бы добавить — примерно то же самое было и в «Плаче по муже» и некоторых других причитаниях из I тома, однако в 1872 году это обстоятельство осталось Л. Н. Майковым незамеченным. Сейчас же он придает ему принципиальное значение: «Таким образом, в каждом плаче Ирины Федосовой мы имеем свод, собрание плачей на известный случай, и весьма вероятно, что только отдельные части этого свода были употребляемы или употребляются для практических целей, т. е. для причитывания при действительной сдаче рекрутов»¹. Такие своды обнаруживают, какие запасы, накопленные традицией, хранятся в памяти наиболее одаренных воплениц, дают им возможность варьирования текстов и проявления личной творческой инициативы.

Л. Н. Майков напоминает о рассказе И. А. Федосовой о себе из I тома и видит в нем также подтверждение ее талантливости. И заключает: «Уже по этим немногим чертам, которые мы извлекаем из книги г. Барсова, можно видеть, что И. А. Федосова — личность необыкновенная, даровитая, способная к творчеству, и это еще более утверждает нас в том, что в плачах, от нее записанных, следует допускать известную долю личного создания и видеть не-

¹ Майков Л. Н. Причтанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. II. С. 73.

что большее, чем обыкновенные причитания¹. Е. В. Барсов сумел оценить ее, и в этом его существенная заслуга. Сборник — «ценное приобретение русской науки»².

Рецензия Л. Н. Майкова на I том и его отзыв на II том тесно связаны друг с другом. Они содержали идеи, чрезвычайно важные для развития русской фольклористики. Л. Н. Майков первый признал, что заслугой Е. В. Барсова было не только открытие причитаний, но и открытие И. А. Федосовой. Очень важно, что это было в годы, последовавшие за изданием сборника былин А. Ф. Гильфердинга, в котором тексты впервые были распределены по исполнителям, о них сообщались не очень пространные, но все же существенные сведения. В сборнике Е. В. Барсова этот принцип был воплощен с большей силой (это был сборник текстов, записанных от одного исполнителя), и важно, что Л. Н. Майков дал первое его теоретическое обоснование. Как мы увидим далее, в 90-е годы признание И. А. Федосовой и публицистами, и писателями, и учеными закрепляется, развивается и становится неотъемлемым достоянием русской фольклористики и шире — русской культуры.

Как мы уже писали, уваровской премией был отмечен не только II, но и I том сборника Е. В. Барсова³. Академический отзыв на I том принадлежал А. Ф. Бычкову. В составе комиссии были академики — историк М. И. Броссе, литератор А. В. Никитенко, филологи Я. К. Гrot и А. Ф. Бычков, историк и филолог А. А. Куник, востоковед А. А. Шифнер и литературовед М. И. Сухомлинов. Рецензия А. Ф. Бычкова признавала заслуги Е. В. Барсова, высоко оценивала его сборник, однако по существу не внесла ничего существенно нового.

Концепция Л. Н. Майкова, основание которой было заложено еще в рецензии на I том, перекликается с письмом известного своими демократическими взглядами филолога и этнографа того времени А. А. Котляревского. Можно только пожалеть, что письмо это не было опубликовано в виде рецензий или специальной статьи в ходе полемики, которую вызвал I том. Он писал: «Погребальная причеть Федосовой явление изумительное, выходящее из ряда подобных народных произведений... она подтвержда-

¹ Майков Л. Н. С. 75.

² Там же. С. 77.

³ Отчет о 16-м присуждении наград гр. Уварова. 25 сентября 1873 г. СПб., 1874.

ет все, до чего доходят долгим путем утомительных разысканий, и разрешает многое такое, что оставалось еще под знаком вопроса¹. Мнение А. А. Котляревского было для Е. В. Барсова особенно ценным. За четыре года до этого ученый опубликовал классическую монографию «О погребальных обычаях языческих славян» (1868), в эти годы он был профессором Дерптского (Тартуского) университета и активно начал заниматься историей балтийских славян².

В какой мере выход в свет сборника Е. В. Барсова воспринимался в ученых кругах тогдашней России как истинное событие, свидетельствуют не только журнальные рецензии (и наиболее основательная среди них — рецензия Л. Н. Майкова), но в первую очередь фундаментальная статья великого русского филолога XIX века А. Н. Веселовского. Она тоже, собственно говоря, выросла из рецензии, но превратилась в весьма основательное исследование. Впрочем, этот эпизод сам по себе представляется для истории русской фольклористики того времени если и не заурядным, то все-таки не уникальным. За два года до появления в свет сборника Е. В. Барсова, в 1870 году, О. Ф. Миллер защитил докторскую диссертацию по книге «Илья Муромец и богатырство киевское», которая выросла из рецензии и воспринималась как рецензия на книгу В. В. Стасова «Происхождение русских былин» (1868). Правда, О. Ф. Миллер был увлечен полемикой с возмущившей его книгой В. В. Стасова, возводившего сюжеты русских былин к восточным источникам. У А. Н. Веселовского такого противника не было. Довольно дилетантское предисловие Барсова не вызывало его раздражения, никаких значительных промахов в нем не содержалось. Он даже считал возможным его одобрить. А. Н. Веселовского прежде всего привлекали тексты, опубликованные в сборнике, они были оценены как первоклассные в научном отношении. Он напоминает о том, что до Е. В. Барсова публиковалось несколько текстов причитаний, но подчеркивает, что только появление «Причитаний Северного края» позволило получить правильное впечатление об этом «в высшей степени своеобразном фольклор-

¹ Архив Гос. Ист. музея. Ф. 52 074.

² Пыпин А. Н. Очерк биографии проф. А. А. Котляревского//В кн.: Котляревский А. А. СПб., 1895. Соч. Т. 4.; Лаптева Л. П. Котляревский А. А.//В кн.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.

ном жанре» («hochst eigentümliche Gattung der Volkspoesie»). Мы привели в скобках подлинное выражение А. Н. Веселовского на немецком языке, т. к. статья его была опубликована в петербургском немецком журнале «Руссише Ревю»¹. Можно не сомневаться в том, что делалось это с целью познакомить со столь интересной новинкой не только русских, но и европейских ученых. Статья была названа «Русские похоронные причитания» и обозначена как первая, открывающая серию статей (или раздел журнала) под общим названием «Новые исследования в области русской народной поэзии». Однако такая серия фактически не состоялась. Только в 1877 году журнал напечатал вторую статью А. Н. Веселовского под этим же общим названием. Это была тоже развернутая рецензия — статья, связанная с выходом в свет книги В. Вольнера «Разыскания в области народного эпоса великоруссов»². Вместе с тем это не означает, что А. Н. Веселовский перестал сотрудничать в журнале. В 1876 и 1877 годах он опубликовал в нем несколько статей³.

На содержании статьи А. Н. Веселовского сказалось то, что онставил перед собой одновременно две цели — исследовать причитание как историко-культурный и поэтический феномен и одновременно дать о нем представление читателям, не владеющим русским языком.

Статья делится на три части. В первой А. Н. Веселовский, значительно перекрывая сведения, содержащиеся в предисловии Е. В. Барсова, сообщает дополнительные данные о причитаниях у других народов, включая и те, у которых причитания функционируют в современном быту (у сербов — по сборнику В. Караджича, у корсиканцев — по сборнику Н. Томмазео и др.).

Он подчеркивает, что причитания, так же как эпос, могут сохраняться в быту тех народов, которые еще продолжают оставаться в «мифологически-эпическом» состоянии. Он напоминает о недавней бурной дискуссии по кни-

¹ Wesselofsky A. N. Die neueren Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volkspoesie. Erste Artikel. Die russische Todtenklagen// Russische Revue. Petersburg—Leipzig; Jahrgang. III Band. S. 487—524.

² Wesselofsky A. N. Die neueren Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volkspoesie. Zweite Artikel. Ein deutsches Werk über die russischen Bylinen. Там же. XI Jahrgang. 5 Heft. S. 403—446.

³ Sagenstof aus dem Kahdjur. Там же. 1876. B. X. S. 287—299; Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht. B. X. S. 425—441; Altslavische Kreuz- und Rebensagen. Там же. 1877. VII Jahrgang. 8. Heft S. 130—152.

ге В. В. Стасова, о которой мы уже писали¹. В ходе этой дискуссии обсуждалось, можно ли считать русский эпос национальным, т. к. выяснилось, что многие сюжеты русских эпических песен имеют параллели у народов Востока, в том числе и Средней Азии. А. Н. Веселовский считает, что причитания, опубликованные Е. В. Барсовым, в которых непредвзятый взгляд найдет много общего с былинами, убедительно свидетельствуют о глубоких русских корнях былин. Развивая эту мысль, А. Н. Веселовский показывает, что в основе ее не лежат примитивные квазипатриотические идеи, как это подчас было у оппонентов В. В. Стасова. Он вовсе не отрицает того, что один народ может что-то заимствовать у другого. Однако заимствование — сложный процесс. Чтобы заимствованное стало народной песней, оно должно быть творчески освоено, восприниматься народом не как чужое, а как свое, своя собственность («*Eigentum*»). Народ воспринявший должен пронизать приобретенное своими идеями и тем самым превратить его в свое национальное достояние.

Таким образом, А. Н. Веселовский здесь как бы попутно и весьма кратко высказывает мысль, которая позже ляжет в основу его «теории встречных течений» и нанесет сильнейший удар по упрощенному литературоведческому и фольклористическому компаративизму. Мы остановились на всем этом несколько подробнее, т. к. исключительный интерес представляет метод включения причитания в широкую фольклористическую концепцию А. Н. Веселовского, которая сыграет в последующие десятилетия столь значительную роль в развитии русской фольклористики.

Причтания — жанр, интимно связанный с народным бытом, актуальным народным миросозерцанием; нельзя сомневаться в подлинных народных корнях этого явления. Поэтому внутреннее единство причитаний и былин убеждает также и в народности последних. Эпос — это явление подлинно национальное, вне зависимости от происхождения того или иного конкретного сюжета.

Заметим, кстати, что экскурс А. Н. Веселовского в область русских былин был, видимо, рассчитан на внимательных читателей «Руссише Ревю». Незадолго перед этим в третьем и четвертом выпусках этого журнала был опубликован перевод вступительной статьи А. Ф. Гиль-

¹ Подробнее см.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. II. С. 160—173 и др.

фердинга к первому тому «Онежских былин» — «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», привлекший внимание всех интересовавшихся проблемами русского фольклора.

Возвращаясь к содержанию сборника Е. В. Барсова, А. Н. Веселовский прежде всего сосредоточивает свое внимание на характерных особенностях северорусского похоронного обряда. Он предлагает очень точный и до сих пор не устаревший метод анализа: от констатации общинно-семейного характера похоронного обряда — к выяснению социального статуса плакальщиц и затем — к общему обзору содержания плачей. Со свойственной А. Н. Веселовскому четкостью восприятия материала и в отличие от многих писавших впоследствии о причитаниях (и даже самого Е. В. Барсова) он устанавливает, что все исполнительницы причитаний, с которыми имел дело собиратель, были не профессионалами, а крестьянками, рядовыми членами общины, совершившими этот общинно-семейный обряд.

Соотнеся содержание причитаний, их объем, различия текстов со сходными темами и т. п., он также приходит к выводу, не потерявшему и сегодня своей актуальности: в отличие от былин текст причитаний более подвижен, текуч (*«flüssig»*). Исполнительница владеет определенным запасом общих формул, характеристиками человеческих типов, событий, связанных со смертью и похоронами, и в меру обстоятельств и своей одаренности свободно сочетает их при каждом новом исполнении (*«das übrige Beiwerk mehr oder weniger dem freien Schalten der Sängerin überlassend»*). Вместе с тем, отмечает он, в формульном языке причитаний (как называли бы мы это явление сейчас) есть много общего с «общими местами» былин, о которых писал А. Ф. Гильфердинг. При этом А. Н. Веселовский предлагает читателю первую в истории русской фольклористики «инвентаризацию» общих мест причитаний, предвосхищая тем самым то, что сделают уже в XX веке Э. Малер и Г. С. Виноградов¹. Такая «инвентаризация» не мешает ему вместе с тем выполнить и задачу популяризатора, что для А. Н. Веселовского, прославившегося своим сугубо академическим стилем (в лучшем смысле

¹ Mahler E. Die russische Totenklage. Ihre rituelle und dicherische Deutung. Leipzig, 1936. S. 307—593; Виноградов Г. С. Карельская причеть в новых записях//В кн.: Русские плачи Карелии. С. 9—18.

этого слова), было случаем довольно редким. Следующая часть его статьи стала как бы путеводителем по сборнику Е. В. Барсова. Он тщательно передает содержание отдельных текстов с точным указанием их названий, страниц, на которых они были напечатаны, и строк. При этом он довольно обильно цитирует причитания и виртуозно их переводит (задача весьма не легкая!). Правда, мы не знаем, делал он это сам или пользовался услугами какого-то переводчика, не только блестяще знавшего немецкий язык, но и прекрасно разбиравшегося в русских диалектах и в специфической севернорусской лексике.

Характерно, что пересказ, как это обычно бывало в лучших работах А. Н. Веселовского, оказывается тоже целенаправленным. Сопоставляя ход и семантику похоронного обряда с текстами причитаний, он приходит к удивительному для своего времени выводу. Действия и верования, связанные с обрядом, оказываются значительно архаичнее самих причитаний. (Например, вынос покойника через окно, камень в головах, которым потом манипулируют, окошечко, которое прорубали в гробу — «домовине», срубик на могилке и т. д.). В причитаниях же многие языческие по происхождению мотивы приобрели поэтический характер: вопленицы обычно призывают покойных возвратиться, но тут же говорят, что это невозможно. В верованиях же мотив возвращения покойников, которое представляется страшным, очень устойчив. Известны обряды, имитирующие такое возвращение (для покойника на стол ставится отдельный прибор и проч.). Причтания не допускают об этом мысли. Они зовут покойного возвратиться сразу же или весной с птицами, когда настанет время пахать и т. д., но тут же предельно эмоционально отвергают эту возможность. Этот мотив становится поэтическим средством выражения печали, тоски причитывающей по покойному. Анализ сопровождается параллелями из причитаний корсиканских, новогреческих и т. п.

Своеобразно, как показывает А. Н. Веселовский, и сочетание языческого и христианского в причитаниях (об этом писали все рецензенты и более поздние исследователи). В причитаниях он ни разу не обнаружил слов «ад» или «рай». Куда попадают души покойников, остается неизвестным. Они куда-то летят или едут, карабкаются на стеклянную гору, эта дорога трудна («мутарсливая¹ доро-

¹ Мытарственная, трудная, мучительная.

женька). Все это достаточно далеко от учения православной церкви.

Во второй главе А. Н. Веселовский обращается к специфическим персонифицированным, антропоморфным образам причитаний. У многих народов Западной Европы в средневековье были популярны персонифицированные образы — Минне, Фрау Авентюре, валькирии — персонификации грехов, добродетелей и т. д. Древнерусская письменность в этом отношении представляется сравнительно бедной. Тем интереснее встречающиеся в причитаниях постоянные олицетворения — Участь, Доля, Талан, Судина, Кручиня, Обида и т. п. Каждая из них может быть при рожденной и приобретенной (Горе привязывается к человеку). А. Н. Веселовский подробно анализирует эти образы и их соотношение и подготавливает тем самым истолкование федосовской легенды о Горе. Этот анализ ведется им с намеренной сдержанностью. Он пишет: «Я ограничиваюсь лишь этими сравнениями (речь идет о мифе о Нандоре и некоторых мотивах «Эдды».— К. Ч.), чтобы меня не обвинили в чересчур поспешных выводах, и далее: «У нас так часто, так поверхностно привлекали германские и особенно скандинавские материалы для объяснения русских народных верований, что уже пришло время обходиться со всеми этими проблемами значительно осмотрительней»¹. В частности, он обращает внимание на то, что для истолкования антропоморфной Обиды в «Слове о полку Игореве» было бы важнее присмотреться к образу Судинушки в «Плаче о потопших».

Четвертый раздел обширной статьи посвящен языку, метрике и поэтическому стилю причитаний. В отличие от А. Ф. Гильфердинга, который характеризовал стих былины как хорей, завершающийся дактилем, А. Н. Веселовский, тоже явно обгоняя свое время, говорит о константном числе ударений и дактилической клаузule (окончании, завершении строки) при относительно свободном заполнении межударного пространства. При этом, следуя за А. Х. Востоковым («Опыт о русском стихосложении». 1812—1817), он напоминает о характерном выравнивании ритма стиха в пении. Таким образом, и в этом отношении идеи А. Н. Веселовского совершенно не устарели. Удивительно, что он смог даже уловить характерное для заонежского диалекта перетягивание ударения на первый слог (влияние

¹ Wesselofsky A. N. Die neueren Forschungen... S. 515.

финно-угорского субстрата в этногенезе этой группы русского населения), хотя эта яркая особенность, как ни удивительно, не была отмечена в статье Е. В. Барсова о языке причитаний, вошедшей в I том.

Веселовский обращает внимание на редкость прямых сравнений и обильное употребление так называемого психологического параллелизма и отрицательных сравнений, которые формируют некоторый «перелив» образов («einander zerfliessende Gestalten»), характерный для лирической и особенно элегической поэзии, но не употребляющийся обычно в произведениях эпических.

Статья заканчивается анализом постоянных эпитетов (представляющим собой как бы первый набросок исследования эпитета, развернутого А. Н. Веселовским значительно позже в «Исторической поэтике») и форм удвоения («doppelformen») типа «сталая талиночка», «вольная волюшка» или «честь-хвала», «род-племя» и т. д.

А. И. Веселовский в отличие от Л. Н. Майкова ни разу не упоминает И. А. Федосовой. Его интересует не проблема исполнительства и, как было прежде принято говорить, «личного почина» исполнителей, а сравнительно-филологические и сравнительно-исторические проблемы. Это были годы, когда он вслед за Ф. И. Буслаевым создавал основы русской сравнительной фольклористики, причем делал это с большим размахом и успехом. Его статья о причитаниях выросла на этой почве и должна быть в этой связи и понята нами. Она весьма важна для истории русской фольклористики и шире — для истории русской культуры вообще.

На публикацию сборника «Причтанья Северного края» откликнулся, хотя и значительно более кратко, и другой великий русский филолог — Федор Иванович Буслаев. В 1872 году Ф. И. Буслаев частями печатал в «Русском вестнике» одну из своих замечательных работ — «Сравнительное изучение народного быта и поэзии». В V главе он говорит о взглядах на народную поэзию, которые исповедует Н. И. Костомаров. Основываясь на довольно скучных записях причитаний П. В. Шейна, Н. И. Костомаров пришел к поспешным и ошибочным заключениям. Ф. И. Буслаев возмущен тем, что «такие вещи говорятся в нашей печати в то самое время, когда г. Барсов в своем драгоценном издании предлагает публике целый ряд превосходных поэм надгробного плача, которые бьют ключом из неиссякаемых источников народной поэзии с ее старобытными воззрениями и в своем широком эпическом течении

захватывают все жизненные интересы чуть ли не до вчерашнего дня». И заканчивает: «Не вина г. Шейна, что он напечатал несколько экземпляров менее удачных причитаний: все, что живет в народе, должно быть приведено в известность. Но зачем было г. Костомарову спешить с выводом?»¹

Мы не будем здесь снова касаться проблемы соотношения бытовых заплачек и причитаний, записанных от И. А. Федосовой. Отметим не только исключительно высокую оценку сборника, но и широту подхода Ф. И. Буслаева. Характерный для него интерес к «старобытным воззрениям» не заслоняет того, что причитания в своем «широком эпическом течении захватывают все жизненные интересы» современного ему крестьянства «чуть ли не до вчерашнего дня». Тут явно имеются в виду «Плач о старости», «Плач о писаре» и другие социально-острые импровизации И. А. Федосовой.

Мы говорили о том, что статья А. Н. Веселовского была опубликована на немецком языке. Уже в 1872—1873 годах появились отклики и на других европейских языках — в английских журналах «Экедеми» и «Атенеум», на французском языке в журнале «Корреспонданс Слав» и на немецком в пражском журнале «Политик». Следует сказать, что зарубежные отклики на I том еще не систематизированы и их разработка остается делом будущего.

Чрезвычайно знаменательным и очень важным для нашей темы «И. А. Федосова в истории русской культуры» фактом следует признать то, что выход в свет I тома вызвал не только отклики в прессе как информационного, так и публицистического характера, и даже не только очень быстро появившимися и тем не менее ставшими весьма заметными явлениями в истории русской фольклористики исследованиями о причитаниях известных филологов — А. Н. Веселовского и Л. Н. Майкова, но и первыми опытами творческого использования причитаний И. А. Федосовой и в стихах, и в прозе, причем эти опыты принадлежали перу столь видных русских писателей, как Н. А. Некрасов и П. И. Мельников-Печерский.

Н. А. Некрасов в год выхода в свет I тома «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» работал над поэмой, которой он сам придавал чрезвычайное значение, — «Кому на Руси жить хорошо». Есть все основания

¹ Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии//Русский вестник. 1872. Т. 101. № 10. С. 693—694.

считать, что поэт обратил внимание на сборник Е. В. Барсова сразу же после его выхода в свет. Отправившись в следующем году за границу, Н. А. Некрасов берет его с собой и не расстается с ним ни в Париже, ни в Дьеппе, ни в Висбадене. Об этом свидетельствуют многочисленные выписки из причитаний И. А. Федосовой, которые обнаруживаются в рукописях этого времени¹. Глава «Крестьянка» (из третьей части «Кому на Руси жить хорошо») печатается Н. А. Некрасовым в № 1 «Отечественных записок» за 1874 год.

Таким образом, Н. А. Некрасов, очень живо восприняв I том «Причитаний Северного края», создал на его основе (включив и другие фольклорные материалы, о чем мы будем говорить ниже) одно из самых значительных своих произведений, посвященных судьбе русской крестьянки. Еще быстрее откликнулся на «Причтанья Северного края» П. И. Мельников-Печерский.

По сравнению с некрасовским откликом П. И. Мельникова-Печерского был в буквальном смысле этого слова молниеносным. В связи с тем, что об использовании П. И. Мельниковым-Печерским текстов И. А. Федосовой впервые говорилось нами в 1972 году, уже после выхода в свет монографии 1955 года, мы остановимся на этой проблеме несколько подробнее.

П. И. Мельников принадлежит к числу тех русских писателей, фольклорно-этнографические интересы которых очевидны. Даже беглое чтение романа «В лесах» — лучшего и известнейшего произведения П. И. Мельникова-Печерского — убеждает не только в существовании, но и в особенной напряженности этих интересов. Роман насыщен фольклорными цитатами, фольклорными реминисценциями, стилизованными пассажами и т. п.

Однако, несмотря на то, что о творчестве П. И. Мельникова и о романе «В лесах», в частности, написано довольно много², некоторые аспекты этой проблемы остаются до сих пор невыясненными или спорными.

Так, один из первых рецензентов романа утверждал,

¹ См. комментарий К. И. Чуковского к III тому «Полного собрания сочинений и писем» Н. А. Некрасова. М., 1949. С. 636—638, 639, 683 и др.

² Указания на важнейшую литературу см.: «История русской литературы XIX века. Библиографический указатель под ред. К. Д. Муратовой». М.; Л., 1962. С. 452—454, а также в статье З. И. Власовой «П. И. Мельников-Печерский»//В кн.: Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л., 1982. С. 94—130.

что фольклорно-этнографические материалы, использованные П. И. Мельниковым, «добыты преимущественно путем непосредственного наблюдения над самой жизнью»¹. Эта точка зрения была поддержана впоследствии известными фольклористами и этнографами — О. Ф. Миллером, Д. К. Зелениным, Н. А. Янчуком и др.² Вместе с тем уже Н. А. Янчук отметил сильное воздействие на П. И. Мельникова «мифологической школы» и особенно монографии А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Когда же вслед за Н. А. Янчуком к этому вопросу обратился Г. С. Виноградов, то он пришел к совершенно неожиданному выводу. Две статьи Г. С. Виноградова³ были следующим образом подытожены неоднократным издателем и комментатором этого романа И. Ежовым: «В статье Г. Виноградова читатель найдет подробный анализ источников этого фольклорного материала и увидит, что происхождение его целиком книжное, что Мельников не был фольклористом, записывавшим живую народную речь, а писателем, мастерски вплетающим в свой роман заимствованные из книг песни, сказания, былины»⁴.

В последние годы выводы Г. С. Виноградова, целиком воспринятые И. Ежовым, снова подвергаются сомнению. Тщательно регистрируются и анализируются факты, которые свидетельствуют именно о собирательской деятельности П. И. Мельникова и использовании в романе материалов, собранных им самим (см. статьи Л. М. Лотман, Д. А. Маркова, В. А. Володиной, В. Ф. Соколовой и др.)⁵.

¹ А. Художественное изучение раскола//Русский вестник. 1874. № 1. С. 355. По предположению составителей вышеупомянутой библиографии, автором рецензии был В. Г. Авсеенко.

² Миллер О. Ф. Русские писатели после Гоголя. СПб., 1888. Ч. III. С. 78—79; Зеленин Д. К. Усень-Ивановский говор//Известия Отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1905. Т. IX. Кн. 2. С. 99—108; Янчук Н. А. П. И. Мельников (Андрей Печерский)//В кн.: История русской литературы XIX века. М., 1910. Т. IV. С. 194—206; см. также: П. О. Пилашевский. К вопросу о композиции и стиле романа П. И. Мельникова «В лесах»//Известия Нижегородского государственного ун-та. Нижний Новгород. 1928. Вып. 2. С. 333—347 и др.

³ Виноградов Г. С. Фольклорные источники романа Мельникова-Печерского «В лесах»//В кн.: П. И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах. Л., 1936. С. V—XVII; Он же. Опыт выявления фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах»//Советский фольклор. 1936. № 2—3. С. 341—368.

⁴ Ежов И. От издательства//В кн.: П. И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах. С. VI.

⁵ Лотман Л. М. Мельников-Печерский//В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 9. Ч. 2. С. 198—227; Она же. Роман из народной жизни. Этнографический роман//В кн.: История русского романа

Факты эти достаточно выразительны и говорят о том, что проблема фольклоризма П. И. Мельникова, и в том числе романа «В лесах», не должна ставиться альтернативно (книга — или устная традиция?). Не подлежит сомнению, что П. И. Мельников многое слышал сам и немало сам записывал¹. Он охотно пользовался записями других собирателей — рукописными и опубликованными². Русская фольклористика 60—70-х годов XIX века выработала научные приемы записи и публикации фольклора,

на в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 411, 413, 414 и др.; *Марков* Д. А. Элементы народно-поэтической лексики в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»//Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960. № 3. С. 128—137; *Он же*. Особенности лексики романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»//Ученые записки Московского областного педагогического ин-та им. Н. К. Крупской. 1961. Т. 102/Труды кафедры русского языка. Вып. 7. С. 3-39; *Володина* В. А. Творческий путь П. И. Мельникова-Печерского. Автореферат канд. дисс. Душанбе, 1966; *Она же*. Некоторые художественные особенности диалогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах»//Сборник трудов аспирантов. Таджикский госуниверситет им. В. И. Ленина. Серия филологических наук. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 64—74.

¹ Еще А. В. Марков отметил записи П. И. Мельниковым былин. *Марков* А. Мельников-Печерский как собиратель былин//Этнографическое обозрение. 1908. № 4. В т. 79 «Литературного наследства» опубликованы записи П. И. Мельникова из собрания Киреевского. Песни в его записи обнаружены в фондах А. Ф. Вельтмана и М. П. Погодина (*Володина* В. А. Указ. соч. С. 20). В архиве П. И. Мельникова хранятся записи Д. Диваева и В. Орлова (см.: *Потявин* В. М. Собирание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке//В сб.: Народная поэзия Горьковской области. Горький, 1960. Вып. 1. С. 371—434) и т. д. В «Воспоминаниях о В. И. Дале» П. И. Мельников писал: «В 1852 и 1853 г. мы обехали с ним все 3700 населенных местностей губернии (т. е. Нижегородской губернии.—К. Ч.), собирая сведения по программе, составленной мною и Н. А. Милютиным под главным руководством Надеждина» (*Русский вестник*. 1873. № 3. С. 290). Оценивая фольклорное собрание П. И. Савваитова, М. П. Погодин еще в 1842 г. писал, что у него «столько же собрано для Вологды, сколько у г. Мельникова для Нижнего» (*Погодин* М. П. Путевые заметки о Вологде//*Москвитянин*. 1842. № 8. С. 258). См. собственное свидетельство П. И. Мельникова в его письме П. В. Шейну от 8 сентября 1875 г. (Архив АН СССР. Ф. 104. Оп. 2. № 128. Опубликовано Н. В. Новиковым в статье «П. В. Шейн как составитель сборника «Русские народные песни»//*Русский фольклор*. 1960. V. С. 410—411). См. также: *Лавров* Д. Г. и *Песикин* Ф. А. Историко-краеведческие труды П. И. Мельникова-Печерского//*История СССР*. 1961. № 4; и др.

² Любопытные сведения о «книжных» интересах П. И. Мельникова содержатся в статьях Д. А. Балики «Библиотека П. И. Мельникова-Печерского» (Горьковская область. 1938. № 3. С. 101—106) и «Сокровенное в пометах П. И. Мельникова» (Там же. 1940. № 4—5. С. 85—89). См. также: Черемных Н. Личная библиотека П. И. Мельникова-Печерского//*Волжский альманах*. 1952. № 8. С. 375—377.

и у П. И. Мельникова были все основания доверять собирателям, рассматривать «чужие» записи как равнозначные собственным наблюдениям и записям.

В настоящем разделе мы коснемся лишь одного частного и вместе с тем существенного в историко-культурном отношении вопроса — об источниках причитаний, фигурирующих на страницах романа.

Наличие текстов причитаний в романе и их стилистическая роль замечены давно и отмечались большинством исследователей. Уже П. О. Пилашевский поставил вопрос о соотношении этих текстов с записями причитаний, произведенными Е. В. Барсовым от И. А. Федосовой и опубликованными им в сборнике «Причтанья Северного края». Однако сопоставление текстов привело его к отрицательному выводу. Он писал: «Из просмотренных мною записей похоронных причитаний ближе всего к тексту введенных в том «плачей» стоят причитания, собранные Барсовым (ср. «Причтанья Северного края», т. I, с. 117—118 и 131—132), но не совпадают с ними вполне. *Можно предполагать, что у Мельникова были свои записи*¹». Удивительно, что Г. С. Виноградов в обширной статье «Опыт выявления фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах» даже не называет причитаний. Впрочем, здесь же он обещает продолжение исследования, и есть основание полагать, что причитаниями он собирался заняться во второй части статьи. Это подтверждается опубликованными им в том же 1936 году статьей «Фольклорные источники в романе Мельникова-Печерского «В лесах» и сборником причитаний в серии «Библиотека поэта», подготовленном в соавторстве с Н. П. Андреевым. Г. С. Виноградов насчитывает десять текстов причитаний, вмонтированных в роман, и приводит некоторые параллели из сборника Е. В. Барсова. Эти параллели убеждают его в том, что не следует придавать решающего значения примечанию П. И. Мельникова, которое он обнаружил в журнальном тексте романа («Из уст народа. Приведено с некоторыми исключениями»²). Он пишет: «Почти все тексты причитаний, включенных в роман, имеют в одних случаях более, в других менее близкое приметное соответствие в текстах, напечатанных в только что вышедшей

¹ Пилашевский П. О. К вопросу о композиции и стиле романа П. И. Мельникова «В лесах»//Известия Нижегородского государственного ун-та. 1928. Вып. 2. Прим. 1 к с. 346 (курсив мой.—К. Ч.).

² Русский вестник. 1872. № 3. С. 278 (глава VIII. II часть романа).

тогда книге Е. В. Барсова «Северные причитания» (М., 1872)»¹. И ставит вопрос: «Нельзя ли объяснить близкое сходство большей части текстов, помещенных в романе, с напечатанными в специальном собрании тем, что между появлением того и другого лежали только месяцы?»².

Чтение романа убеждает в том, что причитания и причитывания или просто упоминания об обычаях причитывать встречаются едва ли не на протяжении всего романа и по самым различным поводам. В романе можно выделить восемь-девять цельных текстов причитаний или более или менее значительных цитат из них. Кроме того, можно отметить еще несколько случаев, когда две-три фразы, напоминающие причитания, вставляются в прямую речь персонажей романа (Вириней, Устины, Аксиньи Чапуриной, Феклы Лохматой, даже Потапа Чапурина). Есть случаи стилизации авторской речи, или, как писал Г. С. Виноградов, случаи, когда сам автор «заражается строем речи и лексики воплей»³. Например, при описании смерти Нasti Чапуриной: «Лежит Настя, не шелохнется; приустили резвы ноженьки, притомились белы рученьки, сошел белый свет со ясных очей... Не дождевая вода в мать сырь землю уходит, не белы-то снеги от вешнего солнышка тают, не красное солнышко за облачком теряется — тает-потухает бездольная девица. Вянет майский цвет, тускнет райский свет — красота ненаглядная кончается»⁴. Любопытно, что в большинстве других случаев причитания имеют как бы негативный характер: женщины рвутся причитывать, мужчины их удерживают (например, Фекла и Трифон Лохматые. Кн. 2, с. 45). Источники подобных пассажей установить, разумеется, не удается, можно только подыскать более или менее близкие соответствия, которые докажут, что нечто подобное есть и в народной традиции⁵.

Что же касается собственно текстов причитаний, к рассмотрению которых мы переходим, то они сосредоточены в трех главах: 8 и 11 из второй части романа и 8 из третьей части. В первой рисуется празднование радуницы, во

¹ Виноградов Г. С. Фольклорные источники... С. XIII. В действительности сборник называется «Причтанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым».

² Там же. С. IV.

³ Там же. С. III.

⁴ Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах. М., 1955. Кн. 1. С. 538 (в дальнейшем все цитаты даются по этому изданию).

⁵ Например, сравни приведенную выше цитату из «Причтаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым». М., 1872. Т. I. С. 114 (строки 7—9) и 116 (строки 53—54).

второй — смерть и похороны Насти, в третьей — «сорочины», т. е. поминание покойной на сороковой день после смерти. При этом глава 8 из второй части печаталась в мартовской книжке «Русского вестника» за 1872 год, т. е. соответственно за два месяца до выхода в свет I тома «Причтаний Северного края» (май, 1872), а глава 11 — в июньской книжке, т. е. через месяц после его выхода. Таким образом, если П. И. Мельников-Печерский в 8 главе и использовал книжные источники, то это могли быть только какие-то добарсовские публикации. Действительно, среди них можно отыскать текст, чрезвычайно близкий к причтанию, вмонтированный в 8 главу второй части романа. Он содержится во втором выпуске «Пермского сборника» (1866).

П. И. Мельников не ограничивается некоторой правкой языка пермского текста, устранивая из него трудночитаемые локальные особенности (молонья, гремучимя, палючимя, развались-кося и т. д.) или играющие чисто ритмическую роль энклитические частицы (да, все, что, ко, кося), он придает всему тексту совершенно новую функцию и новый смысл. Надмогильный плач дочери по отцу превращается у него в исполненную мифологического значения «песню» «старым богам» (кн. 1, с. 472). Называется она «жальным причтанием» и исполняется в «навий день», или радунице, и на Фоминой неделе — первой неделе после пасхи.

Традиционное надмогильное заклинание, имеющее отчетливое риторическое значение, превращается здесь в изображение таинственной весенней мистерии с участием «старорусских веселых богов», в числе которых антропоморфизированные Гром Гремучий и Мать Сыра Земля. Так воспринимались и истолковывались Мельниковым-Печерским причтания до знакомства со сборником Е. В. Барсова.

П. И. Мельников, пристально следивший за текущей фольклорно-этнографической литературой, предложил читателям один из первых примеров литературного использования причтаний и, кроме того, сочиняя в эти месяцы главу романа, изображавшую смерть и похороны Насти Чапуриной, не мог пройти мимо новинки такого масштаба¹. И действительно, обе уже названные нами главы,

¹ Отметим, что в том же номере «Русского вестника», в котором публиковалась 11 глава романа, в рецензии С. на книгу В. Рольстона (The songs of the Russian people) можно прочесть: «...к несчастью, он (Рольстон.— К. Ч.) не мог еще воспользоваться богатой материала-ми статьей г-на Барсова» (с. 349).

написанные после знакомства со сборником Е. В. Барсова, выразительно свидетельствуют о том, что он произвел на П. И. Мельникова большое впечатление. Тексты причитаний, с которыми мы встречаемся здесь, представляют собой типичные для русской фольклорной традиции бытовые плачи, исполняемые в совершенно определенные моменты точно понятого и детально изображенного похоронного обряда («при выносе», «над могилой», «во время тризны», «при раздаче приданого», «поминальное»)¹. Так же как в 8 главе второй части, тексты причитаний сопровождаются не только изображением обряда, но и истолкованием его, очень важным для композиции романа и для его бытовой атмосферы. Однако это не изложение антропогеокосмической концепции в духе «мифологической школы», а по существу имеющая вполне самостоятельное значение статья о том, что такое причитания, чем они ценные и в историческом, и в эстетическом смысле, и для познания современного народного быта, что такое вопленицы и какова их роль в обряде и быту. Весь этот отрывок (кн. 1, с. 352—353) представляет собой конспект вступительной статьи Е. В. Барсова к «Причитаньям Северного края», и, следует сказать, конспект дальний и талантливый.

Если в 8 главе «песни веселым старорусским богам» поются хором, то в похоронном обряде, изображенном в 11 главе, важную роль играет специально для этого приглашенная вопленица Устинья Клещиха. Не подлежит сомнению, что и этот образ создан под непосредственным впечатлением от чтения сборника Е. В. Барсова. Именно «Причитанья Северного края» впервые ввели в русскую этнографическую литературу образ вопленицы — импровизатора причитаний и вершительницы обряда. В тексте романа можно обнаружить цитации не только из причитаний Федосовой, но и из ее автобиографии:

П. И. Мельников:

Нарядила Никитишина подводу верст за сорок, в село Стародумово, звать-позвывать знаменитую «плачёю» Устинью Клещиху, что по всему Завол-

И. А. Федосова:

...она откровенно призналась, что знает очень многое, что со младости ей честь и место в большом углу, что на свадьбах ли песни запоет — стари-

¹ См. подробнее: Чистов К. В. П. И. Мельников (Печерский) и И. А. Федосова//В сб.: Славянский фольклор. М., 1972. С. 312—326.

жью славилась плачами, причитаньями и свадебными песнями... Золото эта Клещиха была. Свадьбу играют, заведет песню — седые старики вприсядку пойдут, на похоронах «плач заведет» — каменный зарыдает...

(кн. I, с. 547)

Таким образом, выясняется, что И. А. Федосова была не только одним из прототипов Матрены Тимофеевны в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (глава «Крестьянка»), о чём неоднократно писалось и в специальной литературе, и в учебниках, но и Устины Клещихи из романа П. И. Мельникова «В лесах».

Сборник Е. В. Барсова был поистине счастливой находкой для романиста-этнографа. Он нашел в нем многочисленные первоклассные тексты похоронных причитаний, этнографически точное и подробное описание похоронного обряда и, наконец, познакомился с незаурядной личностью Федосовой. В сборнике по удивительному совпадению обстоятельств были напечатаны два текста, особенно близкие и нужные ему. В «Плаче по дочери» и «Плаче по крестнице», записанных от И. А. Федосовой, оплакивались внезапно умершие девушки «на выданьи», причем одна из них, совсем как героиня романа «В лесах» Настя Чапурина, скончалась от тайной беременности. Поэтому не удивительно, что тексты причитаний, которые мы видим на страницах романа, представляют собой не просто стилизацию в духе причитаний, записанных Е. В. Барсовым, но и в буквальном смысле этого слова монтаж отрывков из этих двух плачей. Приведем тексты основных причитаний из 11 главы второй части романа с соответствующими параллелями:

П. И. Мельников:

Не утай, скажи, касатка моя,
ластушка,
Ты чего, моя касатушка, спужалася?
Отчего ты в могилушку сряжалася?
Знать, того ты спужалася, моя
ластушка,
Что ноне годочки пошли все слезовые,
Молодые людушки пошли все
обманные,
Холосты ребята пошли нонь
бессовестные...

(с. 550—551)

ки запляшут, на похоронах ли завопят — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный.

(т. I, с. 313—314)

И. А. Федосова:

Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты чего, моя косатушка, спугалася?
Вдруг отстала от крестовой ты
от матушки;
Знать, того да ты спугалась, моя
ластушка,
Што ведь годышки идут нонечь
бедовыми,
Молоды да пошли людушки мудреные,
Холосты пошли ребята нонь
бессовестны...

(т. I, с. 131, строки 1—7)

На полете летит белая лебедушка,
На быстром несется касатка-ластушка.
Ты куда, куда летиши, лебедь белая,
Ты куда несешься, моя касатушка?
Не утай, скажи, дитя мое родное...
Ты в какой же путь снарядилася,
Во которую путь-дороженьку,
В каки гости незнакомые,
Незнакомые, нежеланные?
Собралася ты, снарядилася
На вечное житье, бесконечное.

Как пчела в меду, у меня ты
купалася,
Как скатной жемчуг на золоте
блюде рассыпалася.
Уж как зарились удали добры
молодцы
На твою красоту ненаглядную,
Говорили ж тебе советны миры
подруженьки:
«Уж счастлива ж ты, девица
таланная,
Цветным платьем ты изнавешана,
Тяжелой работой ты не огружена,
Бранным словечушком не огрублена».

(с. 553)

На полете лебедь белая!
Ой, куда летиши, косатушка?
Не утай, скажи, сугрёва моя теплая;

Как пчела в меду добротинка
купалася,
Как скакон жемчуг по блюду
рассыпалася
.
Все ласкалися удали добры молодцы;
Ведь наряжена, кажись, была
покрутушка,
Ослобожена гостиная недюшька;
Говорили вси советны миры
подружки,
Счастливая ты девушка, таланная,
Цветным ты платьем изнавешена,
Тяжелой ты работой не огружена,
Бранным ты словечком не огрублена...

(т. I, с. 117—118, строки 1—5, 11—18)

Не чаялась я, горюша, не надеялась
Глядеть на тебя во гробу да
в дубовом.
Уж как встану я, бывало, по раннему
по утрышку.
Потихонечку приду ко твоей
ко кроватушке,
Соторю над тобой молитву Иисусову,
Принакрою тебя соболиным
одеяльчиком,
Я поглажу тебя по младой
по головушке:
«Да ты спи же, усни, моя белая
лебедушка,
Во своем во прекрасном во девичестве,
На мягкой на пуховой на перинушке».

(с. 553—554)

Не начаялась я, горюша,
не надиялась;
«Сыто идется дитя, да долго
выспится».
Хоть повыстану по раннему
я утрышку,
По тиху приду во светлую
светелочку,
Тихомолком ко тесовой я кроваточке,
Соторю да тут Иисусову молитовку,
Принакрою соболиным одеяльышком,
Я поглажу ю по бладой
по головушке:
«Да ты спи же, моя белая
лебедушка,
Во своем пока прекрасном
ты девичестве,
На этой на пуховой ты перинушке».

Коим словом тебе я согрубила?

(с. 554)

(т. I, с. 118, строки 22—32)

Буде словечком тебя да приогрубила.

(т. I, с. 123, строка 35)

Что не солнышко за облачком
потерялося,
Не светёл месяц за тучку закатился.
Не ясна звезда со небушка
скатилася —
Отлетала моя доченька рдная...

(с. 554)

За горушки она да за высокие,
За те ли за леса да за дремучие,
За те ли облака да за ходячие,
Ко красному солнышку на беседушку,
Ко светлому месяцу на супрядки,
Ко частым звездушкам в хоровод
играть.

(с. 554)

Родимая моя доченька,
Любимое мое дитятко,
Наастасья свет Патаповна,
Тебе добро принять, пожаловать
Стакан да пива пьяного,
Чарочку да зеленá вина,
От меня, от горюши победныя,
С моего ли пива пьяного
Не болит буйна головушка,
Не щемит да ретиво сердце;
Весело да напиватися
И легко да просыпаться.

(с. 556)

Не была я, горюша, забытлива,
Не была, победна головушка,
беспамятна,
Поспросить родное свое детище,
Как раздать кому ее одеженьку.
Ведь сотлеют в сундуках платья
цветные,

Потускнеют в скрыне камни
самоцветные,
Забусеет в ларце скатной жемчуг.
Говорила же мне бела лебедушка,
Что Наастасья свет Патаповна:
«Я кладу жемчужны поднизи
И все камни самоцветные
Ко иконе пречистой богородицы,
Я своей душе кладу на спасенье

И на вечное поминание.

А все алы, цветны ленточки
По душам раздам по красным
девушкам;

Вроде солнышко за облачко теряется,
Так же дитятко от нас да укрывается;
Как светел месяц по утру закатается,
Как часта звезда стерялась
поднебесная,
Улетела моя белая лебедушка
На иное безвестное живленьце!
(т. I, с. 116, строки 55—60)

За горушки она за высокия,
За облачка она за ходячия,
К красну солнышку девица
во беседушку,
К светлу месяцу — она
· в приберегушку!

(т. I, с. 131, строки 134—137)

Родима моя матушка!
Наталья свет Ивановна!
Тебе добро принять, пожаловать
Стакан да пива пьяного,
Чарочку да зелена вина
От меня от бедной сироты!
На здоровье тебе выкушать!
С нашего да пива пьяного
Не болит да буйна гóлова,
Не щемит да ретиво сердце,
Весело да напиватися
И легко да просыпаться...

(т. I, с. 79, строки 1—12)

Прозабыла я, печальная головушка,
Поспросить еще сердечно свое
дитятко,
Как раздать куды любимая
покрутушка.
Сотлинет нонь в ларцах да цветно
платьице,
Забусиют жемчуги нонь перебраныи;
Я кладу ейну жемчужную подвосточку
Во эту божью церковь посвященную,
Ко этой пресвятой да богородице,
Я своей души кладу да на спасенье,
Я по дитятки на вечно поминание;
Вси шелковыи платочки заграничныи
Я раздам да по удалым добрым
молодцам;
Пусть-ко держат о бладычных
божьих праздничках,
Пусть-ко носят кругом шеи
молодецкой;
Я вси алы девоцы ейны ленточки
По душам раздам по красным
по девушкам:

Поминали б меня, девицу,
На веселых своих на беседушках.
Сарафаны свои мелкоскладные
Я раздам молодым молодушкам.

Поминали б меня, красну девицу.

А шелковые платочки атласные

Раздарю удалым добрым молодцам.
Пусть-ка носят их по праздникам
Вокруг шеи молодецкия,
Поминаючи меня, красну девицу».

Пусть спасают оны белую лебедушку,
Взвеселяются на тихих беседушках;
Роздарю да я колечка золоченыи
По милым, сердечным ейным
подружкам:
Пускай носят-то на белых оны
рученъках,
Поминают свою дружну
разговорщичку;
Я подобрю всю породу родовитую,
Я полажу всех сердечных, милых
сродничков,
Сарафаны я раздам им
мелкоскладнii...

(с. 558)

(т. I, с. 123—124, строки 36—60)

Мы приводим параллели только в тех случаях, когда считаем несомненным заимствование именно тех строк, которые приводятся. Во всех остальных случаях П. И. Мельников дает варианты «общих мест», к которым можно привести десятки параллелей. Таким же монтажом общих мест является прочтание при раздаче «даров» (с. 557. Ср.: Барсов, т. I, с. 123—124 и с. 134—135 (строки 77—87) и др.).

Итак, перед нами действительно монтаж. Однако монтаж, выполненный с прекрасным пониманием художественной природы и обрядового смысла прочтаний и вместе с тем осуществленный с максимальной скрупульностью и экономностью. П. И. Мельников хорошо понимал, что эстетическая и бытовая достоверность прочтаний в контексте романа не может быть достигнута эмпирическим воспроизведением пространных текстов, записанных от И. А. Федосовой. Поэтому он выбирает максимально выразительные, кульминационные мотивы, решительно выпуская все, что может излишне расширить текст или отвлечь внимание читателя. Собственно говоря, он поступает в этом случае так же, как при изображении любого другого бытового эпизода. В результате образовались весьма концентрированные тексты, с одной стороны, представляющие собой как бы своеобразный поэтический конспект прочтаний И. А. Федосовой, с другой — теоретически вполне представимые в устной традиции лапидарные заплачки, сплошь состоящие из мотивов, ритуально обязательных для того или иного момента обряда. Это одновременно и тексты, заимствованные у И. А. Федосовой, и тексты Устины Клещихи, или, точнее, прочтания Устины Клещихи, создан-

ные писателем, вчитавшимся, вжившимся в обрядовую традицию при посредстве текстов И. А. Федосовой.

Можно отметить и другие характерные черты этого процесса «вживания», приобщения к традиции. П. И. Мельников освобождается от всего не соответствующего изображаемой им социальной среде — от всего крестьянского (он изображает старообрядческую среду), «церковного» и специфически заонежского. Разумеется, проиллюстрировать это утверждение не так легко — в текстах причитаний в романе просто нет этих особенностей, характерных для записей от И. А. Федосовой. Несомненно, что «очищение» это производилось П. И. Мельниковым вполне сознательно. Это подтверждается сопоставлением журнального и книжного вариантов романа. В интересующей нас главе, напечатанной в «Русском вестнике», можно обнаружить еще некоторые «родимые пятна», выдающие не заолжское, а заонежское происхождение текста. Так, в строке, читающейся в каноническом тексте: «Глядеть на тебя во гробу да во дубовом» (кн. 1, с. 553), в журнальном тексте находим специфическое заонежское «да во дубовоим»; в строке: «На веселых своих на беседушках» (кн. 1, с. 558) — сходную форму: «На веселых своих беседушках». Вместо «касатка-ластушка» (кн. 1, с. 553) — «касатая ластушка» и т. д. Все это свидетельствует о том, что подобные детали были важны П. И. Мельникову, и при подготовке романа к отдельному изданию он устранил то, что не соответствовало общему замыслу.

Итак, зависимость глав романа, в которых изображается причитывание и приводятся тексты причитаний, от сборника Е. В. Барсова, по-видимому, может считаться доказанной, так как обнаружилась возможность оперировать не примерными параллелями, а целым комплексом фактов. Среди них — существенное изменение понимания бытового и эстетического значения причитаний под влиянием чтения сборника, пересказ вводной статьи Е. В. Барсова, использование автобиографии И. А. Федосовой и вообще формирование образа плачей Устины Клещихи под несомненным воздействием сведений о Федосовой, сообщенных Барсовым в том же сборнике, и, наконец, безусловное и активное использование по крайней мере двух текстов, напечатанных в сборнике: «Плача по дочери» и «Плача по крестнице».

Все это заставляет вернуться к рассматривавшейся выше хронологической проблеме. В мае 1872 года вышел

в свет сборник Е. В. Барсова, в июньской книжке «Русского вестника» была напечатана 11 глава второй части романа. Как же мог успеть П. И. Мельников переписать или заново сочинить ее за такой короткий срок?

Имеющихся у нас данных недостаточно для того, чтобы ответить на этот вопрос. Можно только наметить несколько возможных вариантов: а) мы не знаем точной даты выхода журнала. Он мог задержаться; б) П. И. Мельников мог внести значительные изменения уже в корректуре. Есть свидетельства, согласно которым он к неудовольствию издателей держал до «шести корректур» отдельных глав¹; в) П. И. Мельников мог читать рукопись «Причтаний Северного края». Нам не известно, были ли знакомы Е. В. Барсов и П. И. Мельников. Вместе с тем они, несомненно, могли встречаться на заседаниях Общества любителей российской словесности или Общества истории и древностей российских. По крайней мере, у них было немало общих знакомых. Дальнейшее изучение вопроса, может быть, подтвердит эту возможность. Пока же мы хотели обратить внимание на следующую деталь: чтение дочери по отцу из 2-го выпуска «Пермского сборника», которое мы цитировали и которое легло в основу «жальной заплачки» в «навий день» в 8 главе второй части романа, было перепечатано Е. В. Барсовым в качестве одной из параллелей к текстам И. А. Федосовой². Поэтому, учитывая, что эта глава появилась в печати раньше выхода в свет I тома «Причтаний Северного края», может возникнуть подозрение: не познакомился ли П. И. Мельников и с этим текстом не по «Пермскому сборнику», а все по тому же сборнику Е. В. Барсова? В таком случае последний из перечисленных выше вариантов получил бы некоторое подтверждение. Однако сопоставление трех текстов (из «Пермского сборника», Барсова, Мельникова) показывает, что это не так. Дело в том, что Е. В. Барсов перепечатал этот текст со значительными погрешностями, не отразившимися в тексте П. И. Мельникова.

При переписке этого текста Е. В. Барсов, по-видимому,

¹ Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. IX. Ч. I. В память П. И. Мельникова. Нижний Новгород, 1910. С. 51; см. также: П. Усов. П. И. Мельников (Андрей Печерский). Его жизнь и литературная деятельность//В кн.: Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (А. Печерского). СПб., 1897. Т. I. С. 273—274.

² Барсов. Т. I. С. 164—165.

перескочил с одной похожей строки на другую («Разожмитеся да уста сахарные») на той же странице и закончил плач по отцу второй частью следующего текста (№ 2, «Плач по сестре»). Готовя этот текст к изданию, он заметил странную неувязку между первой и второй частями текста — обращения к отцу сменяются обращением к сестре. Это побудило его изменить название текста (вместо «Дочь по отце» — «Плач по сестре»), а в тексте заменить шестую строку. «Все на батюшкову на могилушку» сочиненной строкой «Все на сестрицыну на могилушку». Таким образом, несомненно, что П. И. Мельников пользовался не перепечаткой Е. В. Барсова, а текстом из «Пермского сборника». Таким образом, вопрос о том, могли П. И. Мельников знать рукопись сборника Е. В. Барсова, остается непроясненным.

Итак, П. И. Мельников-Печерский открывал список русских писателей, использовавших тексты И. А. Федосовой и факты ее сказительской биографии. Без преувеличения можно сказать, что он совершил это буквально по горячим следам барсовской публикации. П. И. Мельников рисует заволжскую купеческую старообрядческую среду. Она была предметом его изучения и художественно идеализирована. Устинья Клещиха в романе «В лесах» оплакивает смерть не крестьянской девушки, а дочери заволжского «тысячника». Ее родителей волновали проблемы, весьма далекие от тех, которые составляли суть переживаний земляков и односельчан И. А. Федосовой и которые были так близки Н. А. Некрасову. Поэтому можно говорить только об эстетическом, но отнюдь не социальном родстве притчаний, записанных от И. А. Федосовой, и притчаний, напечатанных на страницах романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах».

В отличие от П. И. Мельникова-Печерского о взаимоотношении Н. А. Некрасова и И. А. Федосовой (или, точнее, об использовании поэтом текстов из «Притчаний Северного края») стали писать очень давно. В монографии 1955 года этой теме была посвящена специальная глава (с. 87—105). Поэтому мы ограничимся здесь только указанием на некоторые важнейшие стороны проблемы.

Проблема использования Н. А. Некрасовым текстов И. А. Федосовой в «Кому на Руси жить хорошо» может быть убедительно истолкована только на общем фоне фольклоризма Некрасова, одной из самых значительных проблем в истории фольклоризма русской литературы,

в том числе и русской поэзии XIX века¹. В творчестве Н. А. Некрасова органически слились два основных направления, два основных типа обращения русских литераторов к фольклору. Фольклор был для него не только великим национальным поэтическим наследием, способным оплодотворять литературу в ее стремлении к национальной самобытности, он интересовал его прежде всего как художественная деятельность современного ему крестьянства, неотъемлемый компонент крестьянского быта, источник познания крестьянства, его социальной психологии, мировоззрения и миоощущения.

О фольклоризме Н. А. Некрасова написано много. Успехи изучения этой проблемы несомненны. Убедительно установлены не только важнейшие идеологические (т. е. объективные) и биографические (т. е. субъективные) факторы, формировавшие его фольклоризм, но и источники его фольклорных знаний. Судьба крестьянства, борьба с крепостным рабством до реформы 1861 года, разоблачение противоречий и социального лицемерия реформы, обильных пережитков крепостничества после 1861 года были в центре внимания всей общественной и литературной деятельности Н. А. Некрасова 50—70-х годов XIX века². Некрасов прекрасно знал крестьянство и непрерывно старался совершенствовать свои знания о нем, понять суть проблем, которые волновали крестьянство, уловить важнейшие особенности социального поведения современных ему мужиков, баб и крестьянских детей. Он предпринимал попытки писать не только о народе, но и для народа, несмотря на то, что условия распространения его сочинений в народе (если иметь в виду почти всеобщую неграмотность крестьянства) были еще крайне неблагоприятными³.

С такой же несомненностью установлено, что фольклорные знания Н. А. Некрасова складывались из его непосредственного знакомства с фольклором из уст народа

¹ Русская литература и фольклор (первая половина XIX века). Л., 1976; Русская литература и фольклор (вторая половина XIX века). Л., 1982.

² Наиболее позднее обобщение итогов изучения фольклоризма Н. А. Некрасова см.: Ф. Я. Прийма. Н. А. Некрасов//В кн.: Русская литература и фольклор (вторая половина XIX века). Л., 1982. С. 231—254.

³ Известно, что Н. А. Некрасов предпринимал попытки распространения своих сочинений, написанных специально для народа, через оfenей маленьными брошюрами («красные книжки»). Именно таким путем вошло в устный репертуар русской деревни начало поэмы «Коробейники» в качестве песни.

и прекрасной осведомленности в фольклористической литературе, переживавшей в 60—70-е годы XIX века период бурного подъема¹. Фольклор был поэтической стихией поэта. Прямые цитирования фольклорных текстов органически сплетаются у него с переработками, использованием отдельных строк и поэтических формул, характерных диалектных слов, ценных своей образной структурой², и, наконец, с целыми стихами, пассажами, строками, сочиненными им самим в народном духе так, что их трудно отличить от процитированных или переработанных. Опубликовано значительное число исследований, в которых накоплены многочисленные и достаточно убедительные параллели к стихам Н. А. Некрасова (в том числе и к «Кому на Руси жить хорошо») из классических фольклорных сборников, в том числе и из сборника Е. В. Барсова. Параллели эти производят зачастую двойственное впечатление. Рядом с несомненными заимствованиями из фольклорных текстов фигурируют общефольклорные (или общепесенные, общесказочные, общие для свадебных, похоронных притчаний и т. д.) формулы. Ссылки на тот или иной конкретный сборник в таких случаях становятся едва ли не бессмысленными. Исследователи правы, когда считают, что фольклористические публикации могли быть не только источником первого знакомства с каким-либо текстом, но и напоминать Н. А. Некрасову о слышанном когда-то, активизировать в памяти его прямое фольклорное знание.

Столь же сложна и проблема фольклорных источников некрасовской эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» и отдельных ее частей, включая особенно интересную для нашей темы «Крестьянку».

¹ См.: Н. Ашукин. Описание книг из библиотеки Некрасова//В кн.: Литературное наследство. Т. 53—54. Н. А. Некрасов. М., 1949. Т. III. С. 359—432. Здесь отмечается, что книги по фольклору, этнографии и географии занимали второе место в некрасовской библиотеке после художественной литературы. Поэт собрал по существу все наиболее значительные фольклорные издания того времени. (Сборники Афанасьева, Рыбникова, Гильфердинга, Киреевского, Барсова, Снегирева, Даля, Якушкина и др.)

² В книге «Мастерство Некрасова» К. И. Чуковский писал: «В литературе о Некрасове очень часто приводится свидетельство Глеба Успенского, что поэт в течение двадцати лет «по словечку» копил те «сведения о русской деревне», которые введены им в поэму «Кому на Руси жить хорошо» (Пчела. 1878. Приложение № 2). На самом же деле этот срок еще длиннее: среди собранных Некрасовым сведений о русской деревне можно отметить такие, которые вошли в поэму «Кому на Руси жить хорошо» через тридцать — даже более — лет после того, как они были записаны им» (с. 579).

Известно, что Н. А. Некрасов не успел закончить поэму. Он публиковал ее отдельными более или менее завершенными кусками. Был ли ему самому ясен окончательный порядок следования этих кусков друг за другом или общая композиция поэмы нашупывалась в процессе работы, можно только гадать. Некрасоведами высказывались по этому поводу самые различные соображения¹. Важно подчеркнуть, что «Крестьянки» в первоначальном замысле поэмы как будто не было. В «Прологе», открывающем 1 часть, крестьяне предполагают встретиться с помещиком, чиновником, попом, «вельможным боярином» и царем. Баба — крестьянка — при этом не упоминается. Не исключено, что замысел выделить встречу с крестьянкой и разговор с ней в отдельную часть возник под влиянием чтения сборника Барсова в 1872—1873 годах. Если это так, то перед нами еще один случай, когда причитания И. А. Федосовой не только использовались как один из источников, но и повлияли на ход работы писателя над самой его значительной книгой. Вспомним, что именно так было и с П. И. Мельниковым-Печерским. Появился новый персонаж — Устинья Клещиха, и написаны были не предусмотренные первоначальным планом главы, в которые были вмонтированы причитания Клещихи. Эти факты — живое свидетельство того, что «Причтанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым», которые содержали записи от И. А. Федосовой, воспринимались не только в научном и журнальном, но и писательском мире как значительное событие, на которое не могли не откликнуться сразу же такие знатоки народной жизни, как Некрасов и Мельников.

«Крестьянка» не отличается принципиально от других частей «Кому на Руси жить хорошо». Она столь же «фольклорна» по своему духу и сущности. Все события передаются, преломленные через крестьянское сознание². Вме-

¹ Теплинский М. В. Изучение авторского замысла поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в современном литературоведении//В кн.: Некрасовский сборник. Л., 1983. Т. 8. С. 123—139.

² Поэтому нам совсем не кажутся убедительными подсчеты, к которым прибегал К. И. Чуковский в комментариях к изданию Н. А. Некрасова в «Academia» 1937 года. Он писал: «В «Прологе» фольклорных заимствований 5,6% (в отношении к остальному тексту); в первой части — 1,6%, в «Крестьянке» — 19%, в «Последьше» — 2,5%, в «Пире на весь мир» — всего лишь 0,9%. Среднее по всей поэме — 6% (Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 910—911). Здесь несомненно только то, что «Крестьянка» — часть, наиболее насыщенная фольклорной стилистикой.

сте с тем у крестьян, странствующих в поисках ответа на свой главный вопрос — «кому живется весело, вольготно на Руси», сменяются собеседники. В главе «Крестьянка» — это Матрена Корчагина, женщина типичной крестьянской судьбы. На этот раз не только слушатели очередного рассказа, но и сама рассказчица — крестьянского происхождения. Ее рассказ не мог не быть фольклорным. Поэтому эта часть эпопеи (впрочем, также в значительной мере и «Пир на весь мир») особенно насыщена цитациями, реминисценциями, фольклорно звучащими строками.

Ко многим строкам «Крестьянки» подыскианы убедительные параллели из текстов И. А. Федосовой. Итоги подобных разысканий подводились много раз (в комментариях К. И. Чуковского к разным изданиям, в книге И. Н. Кубикова «Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в книге К. И. Чуковского «Мастерство Некрасова», раздел которой «Работа над фольклором» (с. 434—679) и по своему объему, и по своему исключительному значению равнозначен специальной книге, и, наконец, в обширной статье Т. А. Бесединой «Фольклор в поэме» (с. 61—114) в сборнике «Истоки великой поэмы», в которой сведены воедино все параллели, выявленные как самим автором, так и ее предшественниками)¹. Некоторые параллели в этой статье, как и в других исследованиях подобного рода, могут показаться спорными, но дело, разумеется, не в числе параллелей и их полной «инвентаризации».

Главное, несомненно, установлено, и не только убедительно, но как бы с избытком. Н. А. Некрасов действительно активно использовал «Причтания Северного края». В статье «Некрасов и сказительница Ирина Федосова», опубликованной в 1947 году, мы обратили внимание на то, что Н. А. Некрасов обращался не только к текстам причтаний из этого сборника, но и к автобиографии И. А. Федосовой и вступительной статье Е. В. Барсова.

¹ Еланская Е. О. О народно-песенных истоках творчества Некрасова//Октябрь. 1927. № 12. С. 113—136; Рождественская К. В. Фольклорные элементы в поэзии Некрасова//Штурм. 1934. № 11. С. 96—107; К. И. Чуковский. Варианты и комментарии//В кн.: Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1949. Т. III. С. 628—673 («Поэма и фольклор»); И. Н. Кубиков. Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1933. 134 с.; Беседина Т. А. Фольклор в поэме (сопоставление текста «Кому на Руси жить хорошо» с его народно-поэтическими источниками)//В кн.: Истоки великой поэмы. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Ярославль, 1962. С. 61—114.

В обстоятельном своде параллелей, осуществленном Т. А. Бесединой, приводится достаточно убедительных примеров. Большинство из них совпадает с приведенными нами в статье 1947 года, причем некоторые из них весьма выразительны, другие — менее. Поэтому продемонстрируем только бесспорные:

Автобиография И. А. Федосовой

Не в лисях родилась, не пням
богу молилася.

(с. 318)

«Кому на Руси жить хорошо»

Да не в лесу родилась,
Не пеньям я молилася¹.

(с. 248)

Шести год на ухож лошадь гоняла
и с ухожа домой пригоняла...

(с. 315)

А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать...

(с. 248)

Чужая сторона не медом налита,
не сахаром посыпана...

(с. 322)

Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!

(с. 249)

Пал на сердце немолодой вдовец —
 знать судьбина пришла.

(с. 316)

Пал на сердце Филипп!

(с. 250)

Легла спать: не спится, а думается,
в девушках сидеть али замуж иди.

(с. 317)

...Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

(с. 249)

Бог ли понесет с воли да
в подневолье,—
ответила я.
— Нет уж, как хошь, надо идти,
мы такую даль ехали.

(с. 318)

«Оставь,— я парню молвила.—
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!»
— Такую даль мы ехали!
Иди! — сказал Филиппушка.—
Не стану обижать!

(с. 250)

...сойду, бывало, сяду в лисе на деревинку или на камышок и начну плакать...

(с. 321)

...У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!

(с. 287—288)

¹ Здесь и далее ссылки на автобиографию И. А. Федосовой и записанные от нее тексты даются по I тому «Причтаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» (М., 1872); ссылки на текст «Кому на Руси жить хорошо» или комментарий к нему по изданию: Некрасов И. А. Полное собрание сочинений и писем. Стихотворения 1863—1877. М., 1949. Т. III.

Из автобиографии Анны Лазорихи
...молясь за царя и все священство,
сколько есть на свете, за любящих,
за нищих и бедных и за все страдное
крестьянство.

«Кому на Руси жить хорошо»
Молясь за Дему бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молясь!

(с. 282)

(с. 326)

Н. А. Некрасов отбирал в автобиографии И. А. Федосовой узловые моменты, характеризующие обычное детство и девичество крестьянки. Однако поэт был далек от эмпирической передачи жизнеописания северной волгелицы. Простое переложение документа в стихи не могло удовлетворить его. Это подтверждается особенно наглядно черновыми выписками, сохранившимися в рукописях Н. А. Некрасова¹. Мы предприняли попытку учесть их еще в статье 1947 года. Тогда достаточно было доказать, что автобиография тоже использовалась. Значительно полнее это было сделано в комментариях К. И. Чуковского к III тому «Полного собрания сочинений и писем», вышедшему в 1949 году, а затем все эти материалы были пополнены и обобщены в статье Т. А. Бесединой 1962 года, на которую мы уже ссылались. Приведем несколько примеров из черновых рукописей.

Автобиография И. А. Федосовой

Я грамотон неграмотна, зато памятью
я памятна; где што слышала, пришла
домой, все рассказала, будто в книге
затвердила...

(с. 315)

Черновые рукописи

Я грамотой неграмотна,
Да памятью я памятна,
До слова все запомнила,
Что говорил старик.

(л. 71)

Я знаю шить и кроить, и коровушек
доить, и порядню водить.

(с. 319)

Научилась я кроить и шить,
коров донть,
ткать, прядь...

(л. 71)

...грубого слова не слыхала: бедный
сказать не смел, богатого сама обожгу...

Я в девках слова грубого
Не слыхивала,— бедные
Обидеть девку попусту
Не смели, а богатого
Сама оборву.

(л. 71)

¹ О выписках из I тома Е. В. Барсова в черновиках Н. А. Некрасова см.: Чистов К. В. Некрасов и сказительница Ирина Федосова// Научный бюллетень Ленинградского гос. ордена Ленина университета. № 16—17. Н. А. Некрасов. Статьи, материалы, рефераты, сообщения (к 125-летию со дня рождения). Л., 1947. С. 39—45; Чуковский К. И. и Максимович А. Текстологические примечания и истори-

Бесспорность того факта, что Н. А. Некрасов внимательнейшим образом читал «Причтанья Северного края», сделал из сборника множество выписок и использовал не только тексты И. А. Федосовой, но и ее автобиографию, привело некоторых исследователей к весьма решительному, но неверному выводу. Так, известный некрасовед А. М. Гаркави в своей статье пишет: «Следовательно, И. А. Федосова была одним из прототипов Матрены Корчагиной¹. Несмотря на тактичную оговорку — «одним из прототипов», это явное преувеличение. В образ Матрены Н. А. Некрасов вложил многолетние собственные впечатления, использовал для этого самые различные фольклорные источники (сборники П. Н. Рыбникова, П. В. Шейна, В. И. Даля и др.), в том числе и сборник Е. В. Барсова.

При всей содержательности автобиографии И. А. Федосовой нельзя не признать, что ее жизнь складывалась весьма своеобразно. Упав в детстве с лошади, она осталась хромой на всю жизнь. Это обстоятельство не могло не повлиять на ее девичество — она вышла замуж относительно поздно и за вдовца, который был значительно старше ее. Второй брак тоже был необычным. Она стала женой Я. И. Федосова, когда ей было тридцать три года. Роль младшей невестки оказалась тяжелой. Своих детей у нее не было, она, в отличие от Матрены, не провожала мужа в армию, не хоронила своего, уже большого, ребенка и т. д. С другой стороны, причитания и песни играли в ее жизни несравненно большую роль, чем в жизни Матрены Корчагиной. Следовательно, основные факты биографии Матрены и И. А. Федосовой не совпадают. Н. А. Некрасова заинтересовала не столько сама Федосова и ее впечатляющая индивидуальность, сколько ее рассказ о себе, содержащий прекрасный материал для построения

ко-литературный комментарий к III тому «Полного собрания сочинений и писем» Н. А. Некрасова. М., 1949. С. 417—706; *Беседина Т. А. Фольклор в поэме (сопоставление текста «Кому на Руси жить хорошо» с его народно-поэтическими источниками)*. С. 61—114.

¹ Гаркави А. М. Образ Матрены Корчагиной и идеально-художественные функции песен и причитаний в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»// В сб.: Фольклорная традиция и литература. Владимир, 1980. С. 57. В статье А. В. Тарасова «О местных источниках поэмы» в том же сборнике высказывается парадоксальная мысль — Н. А. Некрасов обратился к автобиографии И. А. Федосовой, т. к. «этую часть поэмы... писал за границей, без непосредственного общения с русской жизнью» (с. 43).

тического образа крестьянки первых пореформенных лет.

Оказалось, что психология крестьянки не столь проста, жизнь ее полна своеобразных психологических коллизий, о которых можно было догадываться, но о которых еще никто не писал.

Н. А. Некрасов больше, чем кто-либо из русских поэтов, был подготовлен к встрече с И. А. Федосовой. Он ее как бы ждал. Предметом специального исследования могли бы явиться общность тем и образов «крестьянских произведений» Н. А. Некрасова с темами и образами И. А. Федосовой до знакомства Н. А. Некрасова с «Причтаниями Северного края». Не говоря о стихотворениях «Несжатая полоса» (1854), «Деревенские новости» (1860), «Орина, мать солдатская», «В полном разгаре страда деревенская» (1864) или плаче Дарьи о Прокле в поэме «Мороз, красный нос» (1863), непосредственно связанных с тематикой причтаний и свидетельствующих о глубоком проникновении поэта в народную психологию, можно было бы назвать многие произведения Н. А. Некрасова, имеющие точки соприкосновения с темами и образами И. А. Федосовой. Все они полны гнева и печали, проникнуты живым состраданием к женской доле, к горю осиротевшей, потерявшей труженика семьи. Особый интерес в этом смысле представляет первая часть эпопеи «Кому на Руси жить хорошо».

Общность ее с причтаниями, записанными от И. А. Федосовой, простирается вплоть до поразительного сходства некоторых главных образов. Так, например, староста Ермил Гирин, заступник за дело народное, любимец крестьян, честный и справедливый, многими своими чертами сходен со старостей в «Плаче о старосте» И. А. Федосовой. Бедный сельский поп, понимающий и жалеющий народ, готовый в любую погоду в путь по первому зову прихожан, напоминает попа в «Плаче о попе — отце духовном» и т. д.

Но дело, разумеется, не во внешнем сходстве образов. В их основе — самые общие черты и особенности крестьянского быта тогдашней России, которые были свойственны в равной степени и северной России — родине И. А. Федосовой, и центральной России, в которой развертывается действие в некрасовской поэме, и бывшим крепостным, и бывшим государственным крестьянам.

«Кому на Руси жить хорошо» без всякого преувеличения может быть названа энциклопедией крестьянского быта пореформенной деревни. Такого же названия заслуживает и трехтомное собрание причтаний И. А. Федосовой.

Однако созданы они разными людьми и в совершенно различных социальных условиях. Н. А. Некрасову как революционному демократу было доступно широкомасштабное понимание России и ее судеб, он возвышался над бытом крестьянства, прекрасно его знал, но видел его и судил о нем извне. И. А. Федосова была погружена в крестьянскую повседневность, не отделяла и не могла отделять себя от своих односельчанок, была сама одной из героинь своих плачей — поэм, сама была воплощенной и олицетворенной судьбой крестьянки пореформенных лет. Острота ее социального зрения была порождена всеми обстоятельствами крестьянского бытия этого времени, она была не просто ее индивидуальным свойством, а свойством повседневной крестьянской жизни.

Поэма Н. А. Некрасова даже в том незаконченном виде, в каком мы ее знаем, была многожанровой, обзорной (по терминологии, предложенной М. М. Гином) композицией, широко охватывавшей самые различные стороны жизни крестьян. И. А. Федосова же была органически связана с одним жанром — причитаниями, важнейшее свойство которого — изображение крестьянского быта в его трагические моменты. Как бы ни отличались ее импровизации для записи от причитаний, звучавших в быту, они все-таки не переставали быть причитаниями, сосредоточенными на одной, пусть и достаточно острой проблеме — судьбе крестьянки, на плечи которой пала вся тяжесть вдовства и которая осталась единственной опорой семьи, потерявшей кормильца. Вместе с тем именно эта ее неизбежная ограниченность не могла не вызвать особого интереса Н. А. Некрасова, для которого судьба крестьянки была всегда мерой свободы не только крестьянства, но и всего русского общества в целом. С выходом в свет I тома «Причтаний Северного края» Н. А. Некрасов — создатель замечательной галереи образов русских крестьянок — получил в свои руки драгоценный материал: с его страниц говорила о себе сама крестьянка, в психологию которой он так стремился проникнуть, причем крестьянка талантливая, опирающаяся в своих причитаниях на многовековой опыт фольклорной традиции. Горячее желание сразу же использовать этот невиданный дотоле материал заставляет поэта ввести в поэму новую главу — «Крестьянка», несмотря на то, что это, казалось бы, противоречило первоначальному замыслу поэмы. Действительно, если «семь временно обязаных» заспорили, «кому живется весело, вольготно на Руси», и могли при этом называть помещика, попа, купца, вель-

можу, царя, то неслучайно никто из них в «Прологе» не называет бабу, деревенскую женщину, жизнь которой была хорошо известна спорщикам. Это просто не могло прийти им в голову. Не мог этого предполагать и сам Н. А. Некрасов. Вопрос странников, обращенный к Матрены Тимофеевне (не она ли живет счастливо?), воспринимается как явно риторический.

И тем не менее глава «Крестьянка» была не только задумана, но и сразу же написана. Мы уже говорили о том, что выписки из сборника Е. В. Барсова, сохранившиеся в рукописях Н. А. Некрасова, свидетельствуют о том, что он брал книгу с собой в заграничное путешествие. В «Отечественных записках» за 1874 год (№ 1) глава была уже полностью опубликована в том виде, в каком мы ее знаем¹.

Вероятно, первоначально Н. А. Некрасов предполагал еще интенсивнее использовать и биографию И. А. Федосовой, и ее тексты, чем это сделано в окончательном варианте «Крестьянки». Об этом свидетельствуют не только неиспользованные заготовки, но и некоторые детали, которые отыскиваются в черновиках. В них упоминаются даже Онежское озеро и Свирь². Матрена должна была называться Оринушкой³, и ей должно было быть во время встречи с героями поэмы около пятидесяти лет («старуха бодрая пятидесяти лет»)⁴ — именно так оценивал возраст И. А. Федосовой Е. В. Барсов в год, когда они встретились впервые⁵.

Работая над образом Матрены Корчагиной, Некрасов, по крайней мере дважды, меняет ее возраст. В черновиках она еще раз фигурирует как «старуха бодрая Годов под шестьдесят»⁶ и называется Настасьей Тимофеевной (может быть, под влиянием имени Настасьи — героянни былин), но в окончательном тексте она Матрена Тимофеевна и о ее возрасте говорится — «лет тридцати осьми»⁷. Можно предположить, что Н. А. Некрасов «омолодил»

¹ 14 ноября 1873 г. Н. А. Некрасов читал «Крестьянку» у П. М. Ковалевского (см. письмо П. М. Ковалевскому от 13 ноября 1873 г. *Некрасов Н. А. Полное собр. соч. и писем. Т. XI. С. 275*).

² *Некрасов Н. А. Т. I. С. 521.*

³ Чистов К. В. Некрасов и сказительница Ирина Федосова. С. 41. Пометка на с. 17 рукописи на полях справа/Архив ИРЛИ. 21 200. С. XIV. б. 21.

⁴ *Некрасов Н. А. Т. III. С. 501.*

⁵ *Барсов. Т. I. С. 314.*

⁶ *Некрасов Н. А. Т. III. С. 500.*

⁷ Там же. С. 344.

Матрену для того, чтобы наиболее трагические события ее жизни воспринимались как сравнительно недавние происшествия,— и смерть Демушки, и назойливые приставания господского управляющего Ситникова, и позорная порка, которую она приняла за сына Федотушку, скормившего овечку волчице, и, наконец, трагические происшествия «трудного года» — голод, уход мужа в армию и превращение ее в бесправную солдатку.

Мы знаем, что в оценке возраста И. А. Федосовой Е. В. Барсов ошибался. В год их встречи в Петрозаводске ей было всего тридцать шесть лет, а не около пятидесяти, как он считал. Любопытно, что это почти совпадает с возрастом «омоложенной» Матрены Корчагиной. Случайное ли это совпадение или поэтическая догадка — сказать трудно.

Героиня «Крестьянки» получает у Н. А. Некрасова значимую фамилию. Она — Корчагина. «Корчага» в крестьянском обиходе — большой глиняный горшок для разных хозяйственных надобностей или, в переносном смысле, что-то основательное, крепкое, крепкое. Так она и характеризуется в тексте:

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная
Лет тридцати осьми.

(с. 244)

Именно такая героиня и нужна была Н. А. Некрасову. Много претерпевшая, но крепкая, дюжая крестьянка. Сравним это с тем, как Е. В. Барсов описывает И. А. Федосову: «Ирина — женщина около 50 лет, крайне невзрачная, небольшого роста, седая и хромая, но с богатыми силами души и в высшей степени поэтическим настроением; речь у ней живая и бойкая; то и дело льются с языка пословицы и поговорки»¹.

Естественно, что все действие переносится из городской обстановки в деревенскую. Матрена у Н. А. Некрасова не обижает подмастерьев столярной мастерской мужа, а занята жатвой. Муж ее, Филипп, уходит на заработки (он — «питерщик»), совершенно так же, как Яков Федосов. Однако он не пьяница, и Матрена не уезжает вместе с ним, чтобы удерживать его от пьянства. Пьянство как причина бедствий крестьянской семьи здесь вообще не

¹ Барсов. Т. I. С. 314.

фигурирует. Причины всех бед обнаруживаются в социальной сфере. Матрена вынуждена оставаться в семье мужа, где ей живется совсем не сладко. Вспомним, как удачно было первое замужество И. А. Федосовой и как тяжело ей было в семье Федосовых, когда Яков ушел на заработки «к Соловкам». Н. А. Некрасов отвергает первый вариант, он воспринимался как счастливое исключение.

Мы уже говорили о том, что для построения биографии Матрены Тимофеевны Н. А. Некрасов использовал разнообразные источники. Так, главы «До замужества» и «Песни» построены на свадебных и девичьих песнях, найденных им в сборниках П. Н. Рыбникова и П. В. Шейна. Не исключено, что в ряде случаев Н. А. Некрасов не просто следовал этим сборникам, а опирался на свое знание популярных свадебных песен, сходных с теми, которые были опубликованы в них.

К. И. Чуковский в своем фундаментальном исследовании «Работа над фольклором» в книге «Мастерство Некрасова» писал о стремлении Н. А. Некрасова преодолеть идеализацию действительности, которую он усматривал в целом слое народных песен — свадебных и девичьих, т. е. именно тех, которые Н. А. Некрасов использовал в этих главах. Вероятно, он все-таки не прав. Свадебные песни и песни о девичестве не должны рассматриваться вне определенного обрядового и жизненного контекста. Девичество в них действительно идеализируется, но цель этой идеализации — создать контраст изображению будущего замужества. Судьба девушки сопоставляется явно или мысленно с судьбой снохи, младшей невестки, бесправнейшей из бесправных в крестьянской семье. Кроме того, девичество и в действительности было лучшим временем в жизни крестьянки. Именно поэтому оно столь поэтично в песнях. Впрочем, не будем углубляться в эту проблему. Упомянуть о ней было важно для объяснения очевидного факта: в главах «До замужества» и «Песни» используются некоторые моменты биографии И. А. Федосовой (и, как мы в этом убедились, обычно в трансформированном виде, приспособленном к вновь сформированному сюжету) и почти совершенно не используются тексты, записанные от нее. Здесь еще не место трагическим переживаниям, трагическим ситуациям, порождавшим причитания.

В отличие от этого тексты И. А. Федосовой чрезвычайно активно используются в главах «Демушка», «Трудный год» и «Бабья притча».

Сюжет первой из них («Демушка») генетически свя-

зан с «Плачем о попе — отце духовном». В ней рассказывается о гибели ребенка в то время, когда мать его работает в поле. В причитании, записанном от И. А. Федосовой, ребенок разбился, упав с лавки. У Н. А. Некрасова — «скормил свиньям Демидушку Придурковатый дед». При этом вводится социальная мотивировка. Свекровь заставляет молодую мать идти работать в поле, ребенка оставить на престарелого деда, рассудок которого помрачен каторгой и которому явно не под силу следить за ним.

Главное здесь — и это имеет прямое отношение к И. А. Федосовой — предельно выразительное отражение того, что мы, анализируя содержание ее текстов, назвали — «глумление начальства над крестьянским несчастьем». Горе Матрены, потерявшей Демушку, безмерно. И все-таки ее ожидает еще худшее.

У И. А. Федосовой за крестьянскую семью, потерявшую ребенка, вступается сельский поп. Он удостоверяет, что малыш умер при нем и своей смертью (даже в начале XX века в России не менее половины детей умирало, не дожив до пяти лет). В этом плаче в центре событий заступничество попа — один из поступков, который расположил к нему односельчан И. А. Федосовой.

Мы уже писали о том, что угроза унизительного следствия, в том числе и судебно-медицинского вскрытия, изображается в нескольких причитаниях. Крестьяне знают только одну возможность избежать его — дать «начальничкам» взятку. Так советуют поступить и Матрене. Но она не решается — и поэтому должна пройти через все испытания. Когда деда спрашивают, не замечал ли он раньше помешательства Матрены, он отвечает:

Не примечал! ровна была...
Одно: к начальству кликнули,
Пошла... а ни целковика,
Ни новины¹ пропаща
С собой и не взяла!

(с. 275)

Становой задает Матрене вопросы один другого оскорбительней: не по согласию ли с дедом убила она дитя, не отравила ли ребенка, не сожительствовала ли с дедом и т. д. Затем следует вскрытие тела погибшего Демушки. Поп, который присутствует при этом, не вступается за пострадавших.

¹ Домотканого холста.

Так тихо стало в горнице

Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
«Ножом в сердцах читаете»,—
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.

(с. 274—275)

Наезд начальства, узнавшего о несчастье, допрос и вскрытие — наивысшие трагические моменты рассказа Матрены Тимофеевны. Читатель, знакомый с причитаниями И. А. Федосовой, просматривая эту главу, непрерывно обнаруживает целые знакомые куски текста, строки, словосочетания и, конечно, устойчивые формулы причитаний.

«Кому на Руси жить хорошо»

Чу! конь стучит копытами,

Чу, сбруя золоченая

Звенит... еще беда!

Ребята испугались,
По избам разбежались,

У окон заметалися
Старухи, старинки.

Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, в луга.
Собрал народ: идут — кряхтят!

Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошеных,
Неправедных судей!

«Причтанья Северного края»

Как во ту пору теперь да в тое
времечко,
Как по этой почтовой ямской
дороженьке

Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые,
Зазвенчала тут сбруя да коня
доброго,

Засияло тут седельышко черкасское.
С копыт пыль стоит во чистом поле:
Точно черной быдто ворон
приналетывают,

Мировой этот посредник так
наезживал;

Деревенские робята испугались,
По своим домам они да разбежалися;
Он напал да на любимую

сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь
во темном лесу.

Я с работушки, победна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася...

(с. 286)

Назад староста бежит да
не оглядывает,
Под окошечко скоренько постучается
Он у этих суседей спорядовых,
Штобы справились на ям

да супорешенько:
Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму стоят посредничек,
Горячится он теперь да такову беду;

Знать, деньги издержалися,
Сапожки притопталися,
Знать, голод разобral!

Сами сходите, крестьяна, приузнаете,
Со каким да он приехал
со известицем;
Он для податей приехал ли
казенных,
Аль казна его бессчетна
придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?
Тут на скоп да все крестьяна
собираются,
При кручинушке идут да при
великой;
Тут посреднику в глаза
да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинают.

(с. 283—284)

Молитвы Иисусовой
Не створив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,

Как найдет мировой тогда
посредничек,
Как заглянет во избу да он
во земскую,
Не творит да тут Иисусовой
молитовки,
Не кладет да он креста-то
по-писаному...

(с. 282—283)

Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.
Допрашивали дедушку.
Потом за мной десятника

Он в походню по покоям
запохаживае;
Точно вехорь во чистом поле
полетывае,
Быдто зверь да во темном лесу
порикивае...

(с. 283)

Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал...

(с. 272—273)

Он затопае ногама во дубовый пол,
Он захлопае рукама о кленовый
стул...

(с. 283)

Как в стойле конь подкованный
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком...

(с. 273)

Да он резвымы ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом
призастукае.

(с. 284—285)

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися
Корыстные дела!
Без церкви намолилися,

Нстоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да все
накланялись,
Без Иисусовой молитвы намолилися...

(с. 286)

Без образа накланялисы!

Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченые...

(с. 276)

И тут я покорилася,
Я в ноги поклонилася:
«Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честному погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!..» Упросиши ли?

В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку

Во потай у недоростков

он выведыват,
Уже нет ли где корыстного
делишечка...

(с. 283)

На крестьян ты с кулакама
не наскакивай,
Знай сиди да ты за столиком
дубовым;
Удержи да свои белы эти рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои
злаченые...

(с. 285)

Как приедут дохтура да славны
лекари,
Как со этого со города Петровского,
Попроси да бедна добрых
ты людшек,
Своих сельских проси, бедна,
начальничков,
Писарев проси, победна,
хитромудрых,
Штоб вступились по победной
головушке,
Уговорили б дохтуров да оны
лекарей,
Задарили б дохтуров да оны
лекарей,
Задарили б золотой казной
бессчетной,
Штоб надеженьку твою
не патрушили,
Штобы белой его груди не пороли,
Штоб сердечушка его не вынимали,
Штоб назолушки тебе не надавали,
Штобы придали ко матушке сырой
земле
Телеса-то бы его да без терзанья...

(с. 250)

Как у этих мировых да
у посредников
Нету душеньки у их да во белых
грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой
груди...

(с. 283)

Приедут как судьи неправосудныи,
Будут патрошить надежную
головушку,

И стали тело белое
Терзать и пластовать.

По частям резать, по мелким
кусочикам;
Как распорют его грудь да эту
белую.
Как повынут-то сердечушко
ретивое...

(с. 249)

Тут свету я не взвидела,—
Металась и кричала я:
«Злодеи! палачи!..

Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!

Падите прямо на сердце

Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!

Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку

Злодея моего!

Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,

Злодея накажи!..»

Вы падите-тко, горючи мои
слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на
землю,
Не на божью вы церковь,
на строеньице,
Вы падите-тко, горючи мои
слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретивому
сердечушку!

Да ты дай же, боже господи,
Штобы тлен пришел на цветно его
платьице,
Как безумьице во буйну бы
головушку!
Еще дай да, боже господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои
грешные!
Прими, господи, ты слезы детей
малых!

(с. 273—274)

(с. 287—288)

«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили

Сыночку моему?

Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать!..»

Ай же, плотнички-работнички!
Кто задал вам золоту казну
бесчетную,
Што вы деете холодную хоромину —
не мшоную;
Не обнесены брусовы белы лавочки,
Не прорублены косевчаты окошечка,
Не врезаны стекольчаты околенки,
Не складена печенька муравленая,
Не услана перинушка пуховая...

(с. 100)

(с. 277)

Приведенные параллели достаточно выразительны и не нуждаются в комментарии. Отметим только, что даже среди цитат из притчаний мы легко находим строки не только из «Плача о старости» (их большинство), но и из «Плача об убитом громом-молвией» (с. 249, 250 и др.). Таким

образом, отталкиваясь от автобиографии И. А. Федосовой, придавая ей черты общероссийского и типичного характера, Некрасов использует трансформированный сюжет из «Плача о попе — отце духовном» и характерные описания облика и действий «начальничков» из «Плача о старости» и «Плача об убитом громом-молвией». В уста крестьянки Матрены Тимофеевны Корчагиной вложено то, что записано было со слов крестьянки Ирины Андреевны Федосовой. В биографию Матрены Тимофеевны включены были не только факты или какие-то цитаты (чаще реминисценции) из рассказа И. А. Федосовой о себе, но и эпизоды из жизни героинь ее притчаний.

С точки зрения методов обработки материала, найденного Н. А. Некрасовым у И. А. Федосовой, столь же интересны и последующие главы «Крестьянки». В «Волчице» обнаруживаются только некоторые вкрапления из притчаний. Глава в целом, видимо, создана на основе каких-то оставшихся неизвестных нам крестьянских устных рассказов. Вместе с тем в этой главе воспроизводится много раз повторявшаяся у И. А. Федосовой поэтическая формула, изображающая горе, от которого никак не отвяжешься:

Подкралось горе лютое —
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!
Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

В конце главы можно обнаружить мотивы внеобрядовых притчаний, перекликающиеся со свадебными, которые были известны Н. А. Некрасову по сборникам П. Н. Рыбникова и П. В. Шейна. Кстати, отметим, что в сходной, но несколько иной форме они использовались уже однажды А. Н. Островским в пьесе «Бедность не порок»¹.

В главе «Трудный год» рассказывается о судьбе Матрены — солдатки с детьми в семье мужа. Здесь удивительно много перекличек со II томом «Притчаний Северного края», т. е. с томом, в котором были опубликованы притчания по рекрутам и солдатам. Это могло бы показаться неправдоподобным (II том был опубликован только в 1882 году, т. е. через пять лет после смерти Н. А. Некра-

¹ Островский А. Н. Полное собр. соч. Пьесы. 1847—1854. М., 1949. Т. I. С. 302.

сова!), если не учесть, что уже говорилось нами об общих мотивах I и II томов — сходстве судеб вдовы с детьми и солдатки, когда та и другая оставались жить в семье мужа. Эта, несомненно одна из важнейших для И. А. Федосовой, тема была очень точно понята Н. А. Некрасовым, что и дало ему возможность тексты похоронных причитаний активно использовать для создания эпизодов поэмы, связанных с рекрутчиной и солдатчиной. Если бы Н. А. Некрасов дожил до выхода в свет II тома, он нашел бы в нем многочисленные переклички с «Трудным годом».

Глава начинается с пророчества, которому суждено было исполниться: прилетела комета («огненная метла») и «пришла бесхлебица» — «брать брату не уламывал куска», «был страшный год». Отразились ли тут какие-то впечатления, почерпнутые из «Причтаний Северного края» (в главе «Заонежская деревня и причитания И. А. Федосовой» мы специально говорили об отражении голода второй половины 60-х годов XIX века в «Причтаниях Северного края»), или Н. А. Некрасов опирался на свои собственные впечатления («бесхлебица» нередко случалась и в ярославских деревнях, и в других губерниях России, в которых бывал поэт), сказать трудно. В целом же ситуация, описываемая в «Трудном году», очень сходна с теми, с которыми мы постоянно встречаемся на страницах I и II томов. Голодающую семью Матрены Тимофеевны настигает еще один удар — ее мужа Филиппа забирают в солдаты, несмотря на то что его старший брат уже служил в армии (в связи с уменьшением срока службы в армии в годы военной реформы и польского восстания участились призывы рекрутов). Это и предопределило общность исторической и социально-психологической основы «Трудного года» и II тома «Причтаний Северного края».

Матрена, в отличие от федосовских героинь, не овдовела, Филипп через год вернулся домой — случилось чудо, солдатке помогла губернаторша. Но за «трудный год» она успела вытерпеть все, что доставалось на долю солдатки в русской деревне 60—70 годов прошлого века.

Вдовы в причтаниях И. А. Федосовой предвидят, что их ожидает. Они оплакивают свое будущее, иногда им рассказывают о своей доле соседки, которые вдовеют уже не первый год. Героиня же «Крестьянки» все успевает действительно пережить сама.

Не будем приводить все многочисленные параллели,

которые уже фигурировали в других исследованиях (в том числе и в монографии 1955 года). Отметим только две основные темы, которые формируют эту часть монолога Матрены и которые играли столь важную роль во многих текстах, записанных от И. А. Федосовой: солдатка, так же как и сноха-вдова, превращается в бесправного члена большой семьи, не способного защитить ни себя, ни своих детей.

Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньцу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано
Горюющих слез, засеяно
Три полосы бедой.

(с. 291)

В «Плаче по муже» И. А. Федосовой один из братьев покойного, хорошо понимая создавшееся положение, успокаивает молодую вдову, хотя, так же как и она, знает, что говорит ей неправду:

Ты садись-ко ведь за стол да хлеба кушать,
Тоже дольщичка ведь ты, да не подворница¹,
Ты участница участку деревенскому,
Ты ведь пайщица любимоей скотинушки,
Половинщица хоромному строеньцу.

(т. I, с. 42)

Как в действительности складываются отношения Матрены Тимофеевны с родными ушедшего в солдаты Филиппа, выразительно свидетельствует описание обычного ужина, с большой точностью передающее одно из самых замечательных по своей психологической тонкости пассажей из «Плача по муже», который однажды уже цитировался нами:

Собрала ужин; матушку

Да я слажу им тут ужины

вечерныя.

Зову, золовок, деверя,

Потихошеньку к дверям да подходит
стану.

Сама стою голодная

Я с-за тульица, с-за липники
поглядываю,

У двери, как раба.

Из-за дверей да разговорушки
держу;

Сговорю да светам братцам
богоданным:

«Скоро ль идете за стол да хлеба
кушать?»

¹ Батрачка.

Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопишься?»

А деверь говорит:

«Немного ты работала!

Весь день за деревиночкой
Стояла, дожидалася,
Как солнышко зайдет!»

(с. 291—292)

Засвирипятся ветляны тут нешутушки
На меня да на кручинную
головушку:
«Што торопишься за ужину
вечернюю?
Знать спешишься на спокойну темну
ноченьку?!»
Оны искося ведь все тут
запоглядывают.
Со всей лихостью оны да разговор
держат:
«Не устали твои белые там
рученьки;

Не работушку сегодня работала е,
За кудрявой деревиночкой стояла все,
На красное на солнышко поглядывала,
Скоро ль солнышко ко западу
двигается,
Скоро ль красное за облако
закатится,
Со работушки вдова в дом
пришатится».

(с. 41)

И вторая тема — отношение семьи мужа и соседей к ее детям. Оно рисуется в строках, также максимально близких к соответствующим местам в текстах И. А. Федосовой. Исследователями приводятся различные параллели из «Плача по муже», «Плача по родном брате», «Плача по брате двоюродном» и др.

Напомним эти строки Некрасова:

Стоят сиротки-деточки
Передо мной... Не ласково
Глядят на них семья:
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!

(с. 290—291)

Детям приходится нищенствовать, но в голодный год никто не подает им — самим есть нечего.

Таким образом в «Трудном году», как и в «Демушке», рассказ Матрены достигает трагического накала — беда захлестывает рассказчицу и ее речь максимально сближена с причитаниями. Вся вторая часть главы (от слов «Горю... Бог весть, что думаю» до строки «И тут с печи я спрыгнула») представляет собой причитание, смонтированное из строк И. А. Федосовой и переданное размером,

принятым в «Кому на Руси жить хорошо», стилистически уплотненное, насыщенное и вместе с тем эмоционально напряженное, как всякое причитание.

Заключает «Крестьянку» глава «Бабья притча». В ней как бы дважды подводятся итоги рассказа Матрены странникам. Она еще раз вспоминает о всех своих злоключениях:

Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?

(с. 303)

Вместе с тем ответом на главный вопрос странников и одновременно как бы заключительным поэтическим аккордом звучит легенда о ключах от счастья женского. О ней и ее соотношении с легендой о Горе И. А. Федосовой писалось неоднократно. Установлено, что Н. А. Некрасов заинтересовался не только «Плачем о писаре» и легендой о Горе, входившей в нее, но и характеристикой легенды в предисловии Е. В. Барсова к I тому. На 119 странице черновых набросков, к которым мы уже неоднократно обращались, он записал подробное изложение легенды, озаглавив словосочетанием, заимствованным из барсовского предисловия,— «Происхождение горя общественного». Пересказ легенды дополняется цитатами из «Плача о писаре», детализирующими конспект¹.

И все же в окончательном тексте поэмы Н. А. Некрасов использовал только строки о проглоченных рыбой ключах и на их основе создал вполне оригинальную легенду, хорошо согласующуюся со всем содержанием «Крестьянки». В ней рассказывается о том, как были потеряны ключи от счастья женского, как их всюду искали. Удалось, наконец, найти ключи даже от темниц рабов-невольников (т. е. крепостных), а о ключах от счастья женского говорится:

Какою рыбой слонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыбина
Гуляет — бог забыл!

(с. 306)

Так был сформулирован еще раз ответ на риторический

¹ Черновые рукописи из архива ИРЛИ. 21 200. С. XIV. б. 21. Некрасов Н. А. Поли. собр. соч.: В 15 т. М., 1982. Т. 5. С. 386, 505.

вопрос странников: среди женщин, тем более среди деревенских баб, найти счастливых невозможno.

Используя столь активно «Причитанья Северного края» в «Кому на Руси жить хорошо», Н. А. Некрасов только один раз оговорил это в примечании к известному проклятью палачам, терзающим тело Демушки: «Взято почти буквально из народного причитанья»¹. Ни И. А. Федосова, ни сборник, в котором были опубликованы ее причитания, при этом не упоминались. Да это и не входило в круг задач, которые ставил перед собой поэт. Для него, так же как для Н. К. Михайловского, И. А. Федосова — фольклорный исполнитель, хранящий и воспроизводящий ценнейшую фольклорную традицию. Она примечательна не своей индивидуальностью, а, наоборот, своей типичностью, точностью воспроизведения обстоятельств крестьянской жизни. Для Н. К. Михайловского причитания, записанные от И. А. Федосовой, — прежде всего документы, достоверные и надежные для суждения о состоянии крестьянства, его социальном самочувствии, его мироощущении. Для Н. А. Некрасова — они не только исторические, но также поэтические документы, результат художественного осмысливания действительности самим крестьянством, или, точнее, самой крестьянкой.

Н. К. Михайловский в своей статье продемонстрировал наиболее острые в социальном отношении страницы федосовского сборника, и Н. А. Некрасов также отнесся к этим страницам с большим вниманием, однако он вовсе не ограничился ими. Работая над «Крестьянкой», он пользовался не статьей Н. К. Михайловского, хотя очевидно, что она ему запомнилась, а экземпляром «Причитаний Северного края», который брал с собой в заграничную поездку. Об этом свидетельствуют как выписки из текстов И. А. Федосовой, ее автобиографии, вступительной статьи к сборнику и автобиографии Анны Лазорихи, так и разнообразие приемов использования всего этого материала, которое было выявлено в ходе анализа. Н. А. Некрасов читал сборник Е. В. Барсова и пользовался им как истинный знаток народной жизни, с большой внутренней свободой, с сознанием того, что это его материал, пополняющий знание жизни русского крестьянства, как пополняла его каждая встреча с крестьянами. Однако встреча с И. А. Федосовой все-таки не была просто одной из рядовых встреч. Обычные крестьянские бедствия: голод, смерть

¹ Некрасов Н. А. М., 1949. Т. III. С. 306.

кормильца, потеря детей, столкновения с начальством — все это представляло в сборнике в невиданно концентрированном виде, а каждое прочтение воспринималось как сгусток горестной и истинно крестьянской экспрессии. Поэтому поэта волновало буквально все — от отдельных словосочетаний и формул до сюжетных ситуаций и эпизодов, федосовская деликатность психологического рисунка и взрывы ее гнева. Каждый текст и каждая строка Н. А. Некрасова обретали социально-психологическую и поэтическую значительность. Следует подчеркнуть, что никто из русских писателей ни в годы появления сборника И. А. Федосовой, ни позже не смог так органически вжиться в поэтический мир Федосовой, как это сумел сделать Н. А. Некрасов.

В то время, когда настоящая глава была уже написана, в журнале «Русская литература» появилась статья В. П. Владимирцева «Народные плачи в творчестве Ф. М. Достоевского»¹. Автор коснулся темы, которая до него не разрабатывалась. В сравнительно многочисленных статьях об элементах фольклора в творчестве Ф. М. Достоевского до сих пор говорилось о записях в сибирских тетрадях, о народном театре, о песне и ее функции в городской прозе Достоевского, о легенде и некоторых других жанрах и фактах. В недавнее время эти наблюдения были обобщены в главе о Ф. М. Достоевском в книге «Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века», написанной известным исследователем Ф. М. Достоевского В. Е. Ветловской. Одновременно она предложила в качестве характерного примера анализ фольклорных элементов и других форм соприкосновения или сближения писателя с фольклором. О его повести «Двойник»² В. Е. Ветловская вполне справедливо замечает: «Проникновение в фольклорный материал произведений Достоевского при его методе художественной организации текста затруднено. Здесь любое указание на источник и функцию, которую он несет в поэтической системе, потребовало бы многих разъяснений»³. Это безусловно так. Фольклоризм Ф. М. Достоевского за редкими исключениями не лежит на поверхности, он может быть обнаружен только весьма осторожным

¹ Владимирцев В. П. Народные плачи в творчестве Ф. М. Достоевского//Русская литература. 1987. № 3. С. 179—190.

² Ветловская В. Е. Ф. М. Достоевский в кн.: «Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века». Л., 1982. С. 12—75.

³ Там же. С. 17.

и обстоятельным анализом. В. Е. Ветловская пишет: Достоевский применял «те приемы работы над фольклорным материалом, которые были свойственны именно ему и которые связывали фольклорные мотивы с «мыслью» и «смыслом»... не прямой, как это делалось и делается обычно, а усложненной, опосредственной связью»¹.

В. П. Владимирцев стремится в своей статье показать близость творчества Ф. М. Достоевского к народной традиции причитывания. Изображение трагической бездны народных страданий, которое так занимало Ф. М. Достоевского, постоянное эмоциональное напряжение (даже перенапряжение) и надрыв действительно сближают трагические кульминационные пассажи его повестей и романов с фольклорными причитаниями не только своей тональностью, но даже сходством синтаксических конструкций — преобладанием относительно коротких восклицательно-вопросительных предложений, членящих текст и сообщающих ему определенный ритм. Более того, Ф. М. Достоевский (это можно утверждать не боясь преувеличений), как убедительно засвидетельствовал В. П. Владимирцев, действительно слышал народные причитания, ему были известны термины, которыми народ обозначал и обозначает этот вид народной поэзии — «причитания», «плач». Вместе с тем нельзя признать ни один из приводимых примеров подлинным заимствованием из причитаний или стилистическим подражанием им. Традиционная образная система или даже ее отдельные элементы не воспроизвелись Ф. М. Достоевским. Он был далек от стилизации даже в тех случаях, когда горестные взрывы речи героев или героинь прямо связаны с похоронами, в условиях которых обычно звучали народные причитания². Достоевскому важно было передать суть и тональность переживаний своих героев.

Автор статьи напоминает о выходе в свет в 1872 году «Причитаний Северного края», сыгравших, как мы знаем, важнейшую роль в общественном и научном признании причитаний как одного из основных жанров русского фольклора. Он объясняет этим обстоятельством особенную частоту изображения трагических эпизодов в романе Ф. М. Достоевского «Подросток», который создавался и был опубликован в 1875 году, когда печать еще активно

¹ Там же. С. 16.

² Ср., например, в «Подростке». Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 13. С. 81, 141—147 и др.

обсуждала проблемы, связанные с публикацией причитаний, записанных от И. А. Федосовой¹. Может быть, это и так, хотя очень ясных доказательств автору привести не удается. В то же время В. П. Владимирцев, обращаясь к «Братьям Карамазовым», действительно обнаруживает прямое свидетельство размышлений Ф. М. Достоевского над смыслом, тональностью, бытовой и психологической функцией причитаний. Не исключено, что стимулом этих размышлений действительно были причитания, опубликованные Е. В. Барсовым. В главе «Верующие бабы» части I романа рассказывается о том, как старец Зосима исцеляет кликуш, источая истерические рыдания и восторг присущих. «Многие из теснившихся к нему женщин залывались слезами умиления и восторга, вызванного эффектом минуты; другие рвались облобызать хоть край одежды его, иные что-то причитали»². Далее следует короткий разговор старца с одной из пришедших к нему женщин. Она отвечает ему «нараспев, как-то покачивая плавно из стороны в сторону головой и подпирая щеку ладонью. Говорила она как будто причитывая». И затем следуют весьма содержательные в социально-психологическом отношении размышления автора: «Есть в народе горе молчаливое и многотерпеливое; оно уходит в себя и молчит. Но есть горе и надорванное: оно пробьется раз слезами и с той минуты уходит в причитывания. Это особенно у женщин. Но не легче оно молчаливого горя. Причитания утоляют тут лишь тем, что еще больше растравляют и надрывают сердце. Такое горе и утешения не желает, чувством своей неутолимости питается. Причитания лишь потребность раздражать беспрерывно рану»³.

Мы не будем говорить о том, насколько эти рассуждения органически сочетаются со всем строем мысли Ф. М. Достоевского, как они отразились в его великом романе. Это увело бы далеко от темы настоящей главы.

¹ Можно не сомневаться в том, что Ф. М. Достоевский знал о существовании «Причтаний Северного края». Во-первых, он несомненно читал статью Н. К. Михайловского в «Отечественных записках». Во-вторых, он не мог не знать статью Н. Покровского в ж. «Гражданин». Она появилась в X, т. е. октябрьской книжке журнала за 1872 г. Как известно, в ноябре и декабре того же года Ф. М. Достоевский ведет переговоры с В. П. Мещерским и затем принимает на себя редактирование журнала. Ф. М. Достоевский недолго был редактором «Гражданина», уже в январе 1874 г. он сообщает В. П. Мещерскому, что решил оставить редактирование журнала.

² Достоевский Ф. М. Т. 14. С. 44.

³ Там же. С. 45.

Отметим только, что женщина, с которой ведет беседу Зосима, оказывается горожанкой, хотя и крестьянского происхождения. Это тоже обычно для Ф. М. Достоевского. Судьба городской бедноты занимает его значительно больше, чем крестьянства. Может быть, это одна из причин, почему писатель не ставит перед собой задачи литературного воспроизведения крестьянских притчаний, как это было у Н. А. Некрасова и в известной мере у П. И. Мельникова-Печерского.

Итак, Ф. М. Достоевский не упоминал И. А. Федосову и невозможно установить, заинтересовала ли она его как личность или, по крайней мере, как социальный тип. Однако среди всех рецензий, статей и т. п. на сборник притчаний нам очень важен своеобразный отклик Ф. М. Достоевского. Это тоже был один из путей, которым поэтическое наследство И. А. Федосовой входило в русскую культуру, причем через творчество одного из величайших писателей.

Таким образом, без опасности впасть в преувеличение мы можем сказать, что в первые же годы после появления «Притчаний Северного края» поэтическое наследие И. А. Федосовой энергично впитывается, усваивается, перерабатывается и публицистами разной политической ориентации (Н. П. Гиляров-Платонов, Н. К. Михайловский, Н. Покровский и др.), и учеными (А. Н. Веселовский, Л. Н. Майков и др.), и видными русскими писателями (П. И. Мельников-Печерский, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский). Поэтическое наследие, но пока еще не сама И. А. Федосова. Она остается для всех, заинтересовавшихся ее притчаниями, не более чем безымянной исполнительницей (исключение в этом отношении составляли рецензии Л. Н. Майкова). Ее социальный облик и ее поэзия усваиваются в образах Матрены Тимофеевны Корчагиной и Устины Клещихи, но ее собственное имя еще не произносится. Это был чрезвычайно важный, но еще только первый этап вхождения Ирины Андреевны Федосовой в историю профессиональной русской культуры.

В 80-е годы XIX века сохранялась примерно прежняя ситуация. Вышли в свет один за другим II и III тома сборника «Притчанья Северного края» (1882 и 1885), в печати появлялись отзывы, не столь многочисленные, как на I том, но все-таки напоминавшие о существовании притчаний как жанра. В 1886 году был опубликован отчет о присуждении II тому награды графа Уварова с отзывом Л. Н. Майкова, на котором мы останавливались подроб-

но. В нем причитания признаются одним из интереснейших жанров русского фольклора и вместе с тем говорится об И. А. Федосовой как о выдающейся исполнительнице. В самих же томах И. А. Федосова упоминалась, но о ней ничего существенно нового не сообщалось.

Если имя И. А. Федосовой к этому времени не приобрело еще широкой известности, то все-таки следует признать, что специалистам оно уже запомнилось. Об этом свидетельствуют по крайней мере два эпизода, уже упоминавшиеся нами в 1 главе. Весной 1886 года Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, командированные Песенной комиссией Русского Географического общества в Олонецкую и Архангельскую губернии, пытаются разыскать Федосову в Петрозаводске, узнают, что она возвратилась на постоянное жительство в Кузаранду, случайно встречают ее на пароходе и успевают записать от нее только одну песню («Пивна ягода по сахару плыла»). Эта песня была включена ими в сборник «Песни русского народа, записанные в губерниях Архангельской и Олонецкой»¹. Песня обратила на себя внимание М. А. Балакирева, гармонизовавшего ее для исполнения на фортепьяно в четыре руки и включившего в свой сборник «30 песен русского народа» (СПб., 1900). Впоследствии С. М. Ляпунов использовал ее мелодию по сборнику М. А. Балакирева в своей «Торжественной увертюре на русские темы» (соч. 7). Таков был сложный путь, которым одна из песен, записанных от И. А. Федосовой, вошла в историю русской фольклористики и русской профессиональной музыки².

Осенью того же года И. А. Федосова была приглашена для записи свадебных песен, причитаний и других жанров в тверское имение О. Х. Агреневой-Славянской Кольцово. Она отправляется туда вместе с нищей Ульяной из Петрозаводска и остается до 1888 года. В 1887—1889 годах О. Х. Агренева издает три выпуска «Описаний русской крестьянской свадьбы», на обложках двух из которых зна-

¹ Истомин Ф. М. и Дютш Г. О. Песни русского народа, записанные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894. Раздел IV. № 7. См. также: Истомин Ф. М. О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губ. // Живая старина. 1892. № 3. С. 140; В 1895 году в связи с выступлениями И. А. Федосовой в Петербурге Ф. М. Истомин опубликовал статью «Федосова, олонецкая стиховодница» // Нива. 1895. № 5. С. 122—123.

² Об истории сборника М. А. Балакирева и об использовании песни С. М. Ляпуновым см.: Балакирев М. Русские народные песни / Ред., предисловие, исследование и примечания Е. В. Гиппиуса. М., 1957. С. 149—152, 217 и 222.

чится: «Записано от Ирины Андреевны Федосовой, крестьянки Олонецкой губернии, и от нищей Ульяны из Петрозаводска», на третьей — «Записано от Ирины Андреевны Федосовой, крестьянки Олонецкой губернии, от нищей Ульяны из Петрозаводска, от мещанки Чуевой, родом из Шуи, от Натальи Семеновой, крестьянки Тверской губернии Осташковского уезда, и от няни Мары Ивановны». Подавляющее большинство текстов и все описание обряда при этом были записаны от И. А. Федосовой. В первом выпуске «Описаний русской крестьянской свадьбы» были напечатаны два портрета — собирательницы и И. А. Федосовой. Под последним был помещен экспромт И. А. Федосовой («Я ем да пью»), который приведен выше, с подписью: «Из воспоминаний ее пребывания в Кольцове, имени г. Славянских (около Твери)»¹.

В 1894 году начинается новый период в жизни И. А. Федосовой и одновременно новый этап процесса вхождения И. А. Федосовой и ее поэтического наследия в историю русской культуры. Если до сих пор тексты при чтаний, записанные от нее, как бы заслоняли ее саму, привлекали внимание и ценились прежде всего как массовый фольклорный материал, органическая часть фольклорного наследия всего русского народа в целом, то в 90-е годы XIX века ее личность, не только как исполнителя, но и как импровизатора, выходит на первый план. Имя Федосовой становится знаменитым и воспринимается в ряду крупнейших русских сказителей — Т. Г. и И. Т. Рябининых, В. П. Щеголенка, И. А. Касьянова, А. Новопольцева² и др.

Уже приходилось писать о том, что многочисленные публичные выступления И. А. Федосовой в 1894—1896 го-

¹ Агренева-Славянская О. Х. Т. И. С. 4.

² Сборник Д. Н. Садовникова, в котором были напечатаны сказки А. Новопольцева, вышел из печати в 1884 году, после смерти собирателя. Предисловие к сборнику Русское Географическое общество поручило написать Л. Н. Майкову, который подчеркнул, что подавляющее большинство записей было сделано от А. Новопольцева. «Об этом замечательном сказочнике,— писал Л. Н. Майков,— покойный собиратель имел намерение сообщить обстоятельные сведения во введении к своему сборнику; утрата этих сообщений тем прискорбнее, что в нашей этнографической литературе до сих пор вовсе нет сведений о сказочниках, между тем как имеются некоторые заметки о сказителях былин, певцах духовных стихов и причитальщиках». Эти строки писались после рецензии Л. Н. Майкова на I том «Причитаний Северного края» и до академического отзыва на II том. Под «причитальщиками» здесь имеются в виду И. А. Федосова и другие исполнительницы, от которых записывал Е. В. Барсов.

дах при всей их популярности были фактами, имевшими значение не только для нее, для ее индивидуальной, обособленной от всего течения общественной жизни того времени биографии. Она оказалась на гребне волны, знаменовавшей новый этап развития русской фольклористики. Первые блестящие открытия фольклористов в 40—60-е годы XIX века, издания классических сборников в 60—90-е годы и в начале XX века были дополнены серией приездов наиболее выдающихся исполнителей в Петербург, Москву, Киев, Нижний Новгород и некоторые другие города. Русские и украинские читатели, ученые, писатели, музыканты, художники узнавали фольклор не только из книг, но и в живом общении с исполнителями, причем не только в деревнях, в которых слушателям удалось побывать, но и в городах. «Полевое» и «экспедиционное» или бытовое знакомство с фольклором дополнялось теперь выступлениями певцов и сказочников на городских вечерах, в концертных залах, на заседаниях ученых обществ, в школах и частных квартирах. Эта волна выступлений имела большое влияние на весь процесс усвоения фольклора профессиональной культурой, осознания его как великого национального наследия, неотъемлемого компонента этнического самосознания¹. Как писал Е. В. Ляцкий, «и Рябинин, и другие певцы не раз уже бывали в Петербурге и пели там, и эти посещения сами по себе знаменуют новую эпоху в нашей общественной жизни: то известная часть интеллигенции, горя идеей освобождения и просвещения, шла в народ, не ведая, что в нем таится; то тридцать с лишком лет спустя, словно плата визит, он является к нам в лучших своих представителях, чтобы показать себя как есть, без прикрас, и поделиться с нами своим душевным богатством»².

В статье «Северорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в.» мы уже отмечали, что начиная с 70-х годов и в последующие четыре десятилетия мастера русского фольклора по крайней мере семьдесят-восемьдесят раз выступали перед публикой, и прежде всего петербургской и московской. Это были Т. Г. Рябинин, И. Т. Рябинин и И. Г. Рябинин-Андреев, И. А. Федосова,

¹ Подробнее см.: Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. Гл. «Северорусские сказители и осознание былин общеэтническим наследием русских». С. 83—106.

² Ляцкий Евг. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. Этнографический очерк с приложением портрета сказителя и его напевов, написанных А. С. Аренским. М., 1895. С. 7.

И. А. Касьянов, В. П. Щеголенок, К. И. Романов, А. Е. Чу-
ков, Н. С. Богданова, М. Д. Кривополенова и др. Кроме
того, в эти же годы возникли и активно концертировали
«этнографические» хоры Д. А. Славянского, позже —
М. Е. Пятницкого и целый ряд профессиональных исполн-
ителей русской народной песни.

Первые выступления были организованы А. Ф. Гиль-
фердингом в год выхода в свет I тома «Причтаний Се-
верного края», в 1872 году, после его поездки в Олонец-
кую губернию для записи былин. Приезд в Петербург Т. Г. Рябинина, специально приглашенного Русским Гео-
графическим обществом и Славянским благотворительным
комитетом по ходатайству А. Ф. Гильфердинга, и появив-
шихся в столице по своим делам, но тоже с успехом вы-
ступавших В. П. Щеголенка и И. А. Касьянова начали
эту серию фольклорных вечеров. Печать не замедлила рас-
сказать своим читателям о них. Последние выступления из
этой серии состоялись уже в XX веке. Приезд И. А. Фе-
досовой в Петербург в 1894 году и последующие ее вечера
в столице и в других городах вместе со сравнительно бо-
лее короткими «гастролями» в Петербурге И. Т. Рябинина
были кульминацией этой серии, сопоставимой в истории
русской фольклористики только со столь же интенсивной
волной выступлений сказителей в городах во второй поло-
вине 30-х годов нашего века. Дело не только в том, что
именно И. А. Федосовой принадлежит наибольшее число
выступлений в эти годы (более 30), что она побывала в не-
скольких городах и жила в Петербурге около четырех лет.
И. Т. Рябинин в общей сложности выступал, вероятно, не-
многим меньше — он побывал в Болгарии, Сербии, Поль-
ше; И. А. Федосова пределов России не покидала. Однако
ни о ком из русских сказителей XIX века не было опубли-
ковано такое количество сообщений, заметок, статей
в журналах и газетах, как об И. А. Федосовой. Большое
общественно-художественное значение имели ее вечера на
Всероссийской нижегородской художественно-промышлен-
ной выставке. О них не только много писали, на них побы-
вали приезжие из разных городов и губерний России.

И. А. Федосова, как уже упоминалось, с 1895 по 1899
год жила в Петербурге в доме Т. И. Филиппова, выезжая
оттуда в Москву, Нижний Новгород и Казань, Петрозав-
одск и Заонежье. В 1895 и 1896 годах газеты и журналы
много писали о ее выступлениях; ее появление в столицах
было своеобразной сенсацией — об этом же свидетельству-
ет и приглашение ее на Всероссийскую художественно-

промышленную выставку в Нижний Новгород. Эти выступления воспринимались как художественное и социальное событие. После двух лет Федосова как бы выпадает из поля зрения прессы — сенсация была пережита. Можно предполагать, что в 1897—1899 годах ее приглашали в гимназии и частные дома, как это объявлялось в газете. Ученые общества и публичные залы (Соляной городок в Петербурге, зал Политехнического музея в Москве и т. п.), видимо, уже не устраивали ее выступлений. Можно предположить также, что в эти годы, по крайней мере в 1899 году, она могла прихварывать. Основания для такого предположения содержатся в некрологе, опубликованном в «Олонецких губернских ведомостях»¹. Так или иначе, но мы не располагаем никакими документальными свидетельствами о ее выступлениях в последние три года жизни. По крайней мере, до сих пор они не найдены.

В монографии 1955 года, опираясь на сообщения прессы, мы подробно описывали отдельные выступления И. А. Федосовой в 1895—1896 годах. Подведем некоторые итоги, имея в виду основную цель этой главы.

Изучение газетных, журнальных откликов и сохранившихся воспоминаний дало возможность существенно пополнить наши представления об исполнительском репертуаре И. А. Федосовой. Вместе с тем это дает возможность выяснить, что же исполняла И. А. Федосова во время своих вечеров. Отметим, что есть существенные расхождения между общим составом исполнительского репертуара (или иначе — корпусом записанных от нее и известных текстов) и постоянным репертуаром публичных выступлений. В основе этого расхождения вполне естественное обстоятельство. Выступление, длившееся какое-то время (какое именно, определить невозможно), даже если только полтора-два часа, не могло состоять из одних причитаний или преимущественно из них. Этого не выдержали бы ни И. А. Федосова, ни ее слушатели. Поэтому И. А. Федосова исполняла лирические и свадебные песни, баллады, былины, духовные стихи и одно-два сравнительно небольших причитания (например, по сравнению с «Плачем по муже», открывавшем I том и занявшем 44 страницы). Причтания исполнялись ею каждый раз (насколько можно судить по оставшимся свидетельствам), но были как бы на периферии ее публичных выступлений. Вероят-

¹ Благовещенский И. И. А. Федосова (некролог) //Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 73.

но, это несколько корректировалось обычным вступительным словом П. Т. Виноградова (или в Москве, как увидим, Е. В. Барсова, В. Ф. Миллера) и теми сведениями, которыми располагали ее слушатели из специальной литературы и прессы. Именно поэтому сохранившиеся музыкальные записи, осуществленные в 1895—1896 годах, содержат прежде всего песни, исполнявшиеся ею. Представление же о мелодике ее прочтений мы можем, к сожалению, черпать преимущественно из сборника О. Х. Агреневой-Славянской, не отличающегося высоким качеством слуховых записей.

Таким образом, оценивая насыщенную «сценическую» жизнь И. А. Федосовой в 1895—1896 годах, мы должны иметь в виду, что исполнительская сторона ее дарования преобладала над импровизационной. Вместе с тем в отличие от 70—80-х годов, когда в историю русской фольклористики вошли прежде всего ее тексты, которые, как тогда казалось, представляли бытовую традицию, в 90-е годы с большей четкостью вырисовалась творческая сторона ее личности. И имя, и творческое наследие И. А. Федосовой — теперь уже вместе с ее текстами, хотя они вовсе не воспроизводили импровизаций 60-х годов, — прочно вошли в историю русской культуры.

Впервые И. А. Федосова приехала в Петербург в декабре 1894 года по приглашению Географического общества, или, точнее, его Этнографического отделения. Газетные сообщения подчеркивают, что на заседание собрались не только члены отделения, или шире — члены Географического общества, «собрались представители литературного и музыкального мира... и очень много публики»¹. В последующие дни выступления продолжаются не только в специальной аудитории (например, в Археологическом институте), но и для широкой публики — в зале Соляного городка, который был до открытия Народного дома помещением, в котором проводились массовые научно-популярные вечера.

Истинным апофеозом научного признания И. А. Федосовой было ее выступление на общем собрании Академии наук 10 января 1895 года. Среди ее слушателей были многие знаменитые ученые; отметим только филологов и историков. Это давно уже интересовавшийся И. А. Федосовой как творческой личностью и наконец услышавший ее академик Л. Н. Майков, знаменитый историк русского языка,

¹ Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 4.

диалектолог и составитель семитомной антологии «Великорусские народные песни», академик А. И. Соболевский, славист-филолог, историк и этнограф, основатель и редактор этнографического журнала «Живая старина» академик В. И. Ламанский (он же был в эти годы председателем Этнографического отделения Русского Географического общества), известный историк академик К. Н. Бестужев-Рюмин и др. В Соляном городке на вечерах И. А. Федосовой бывали Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, музыкoved В. В. Ястребцев и др.

Т. И. Филиппов, которого мы уже упоминали, сыграл особую роль в судьбе И. А. Федосовой. Человек далеко не прогрессивных убеждений,alexандровский и николаевский сановник (государственный контролер), «самый старый в молодой редакции «Московитянина», как его называли, он вместе с тем был истинным ценителем искусства и меценатом, помогал артистам, художникам и композиторам как только мог. Известно, что он значительно облегчил судьбу М. П. Мусоргского, поддержал создателя оркестра народных инструментов В. В. Андреева, укрепил своим авторитетом Песенную комиссию Географического общества, председателем которой он пробыл несколько лет. И. А. Федосова жила у него в дни своих петербургских «гастролей», а потом по его предложению поселилась в его доме, где и жила до отъезда в Заонежье перед самой смертью. В доме Т. И. Филиппова были регулярные музыкальные вечера, на которые собирались петербургские композиторы, певцы, музыканты. В 1895 году, видимо, не один раз на подобных вечерах выступала И. А. Федосова. Об одном из них сохранились воспоминания Ф. И. Шаляпина, тогда молодого певца. Его привел на вечер к Т. И. Филиппову на Мойке В. В. Андреев.

Воспоминания Ф. И. Шаляпина сохранились в двух вариантах. Первый из них восходит к его совместной работе с А. М. Горьким. В 1915 году А. М. Горький, несколько раз понуждавший Ф. И. Шаляпина — прекрасного рассказчика — к сочинению воспоминаний, приехал в Форос в Крыму, где был в это время Шаляпин, вызвал туда стенографистку «Всемирной литературы» Е. П. Сильверсан и заставил певца записывать воспоминания, которые сам потом обрабатывал и переписывал¹. Эпизод, связанный с И. А. Федосовой, в них был записан так: «В. В. Андреев особенно близко к сердцу принимал мои неудачи и ста-

¹ Горьковские чтения. 1949—1952. С. 60—61.

рался всячески быть полезным мне, расширяя круг знакомств, поучительных для меня. Однажды он привел меня к Тертию Филиппову, о котором я уже слышал как о человеке значительном в мире искусства, приятеле Островского, поклоннике всего самобытного. Здесь я увидел знаменитую «сказительницу» Орину Федосову. Она вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно «сказывала» эта маленькая, кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыныче, Добрыне, о его «поездочках молодецких», о матери его, о любви. Предо мною воочию совершалось воскресение сказки, и сама Федосова была чудесна, как сказка¹. Эти воспоминания были опубликованы в «Летописи» (1917, № 1—2), а потом в 1926 году отдельным изданием в издательстве «Прибой».

В 1932 году Ф. И. Шаляпин издал в эмигрантском издательстве «Современные записки» книгу «Маска и душа». В ней интересующий нас эпизод был изложен несколько иначе: «В Петербурге жил тогда замечательный человек — Тертий Иванович Филиппов. Занимая министерский пост государственного контролера, он свои досуги страстно посвящал музыке и хоровому русскому пению. Его домашние вечера в столице славились — певцы считали честью участвовать в них. И эта честь, совершенно неожиданно, выпала на мою долю почти в самом начале моего петербургского сезона, благодаря моим друзьям баронам Стюартам. 4 января 1895 года у Т. И. Филиппова состоялся большой вечер. Пели на нем все большие знаменитости. Играли на рояле маленький мальчик, только что приехавший в столицу. Это был Иосиф Гофман, будущая великая знаменитость². Выступала и изумительная сказительница народных русских былин — крестьянка Федосова. И вот между замечательным вундеркиндом и не менее замечательной старухой выступил и я, юный новичок-певец³.

Варианты воспоминаний отличаются только тем, что во втором из них Ф. И. Шаляпин больше говорит о себе

¹ Шаляпин Ф. И. Литературное наследство. Письма. М., 1976. Т. I. С. 129.

² Гофман Юзеф — польский пианист и композитор. Концертировал в России в 1895—1913 гг.

³ Шаляпин Ф. И. Литературное наследство. Т. I. С. 231.

и в меньшей степени фиксирует свое внимание на И. А. Федосовой и на том, какое впечатление она произвела на него в тот вечер. Видимо, поистине огромный успех, которым пользовался Ф. И. Шаляпин в последние десятилетия, заслонил в его сознании те проблемы, которые волновали его в 1895 году. В то время он был уже накануне своих первых успехов (в 1896 году он перешел в оперу С. И. Мамонтова), но переживал еще тяжелые неудачи. Как известно, Ф. И. Шаляпин принес на русскую оперную сцену не только изумительные качества своего голоса, но прежде всего представление о том, как и какими путями искусство пения должно быть сближено с искусством сценической игры. Середина 90-х годов прошлого века была временем формирования вокального и сценического дарования певца. Реализуя на оперной сцене эстетику «Могучей кучки», Ф. И. Шаляпин ориентировался на русскую народную манеру пения, в том числе и на традицию народного речитатива, которым, по общим отзывам, так мастерски владела И. А. Федосова. Поэтому в исполнении И. А. Федосовой он увидел то, над чем напряженно размышлял в эти годы. Ф. И. Шаляпин писал: «Не потому ли, думал я, так много в опере хороших певцов и так мало хороших актеров? Ведь кто же умеет в опере просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека?..»¹.

Характер выступлений И. А. Федосовой в 1895—1896 годах обусловил интерес не только к ее исполнительской деятельности, но и к музыкальной стороне ее вечеров. В результате появились первые записи исполнявшихся ею мелодий, имевших научное значение. 25 января 1895 года музыковед С. Г. Рыбаков сделал повторные слуховые записи былины «Добрыня Никитич», песни «Во лузах» и четырех свадебных песен². Музыковеды считают их значительно более доброкачественными, чем записи О. Х. Агреневой-Славянской.

Примерно через год после этого, 5 января 1896 года, в Москве Ю. И. Блок, владелец магазина гектографов и фонографов на Кузнецком мосту и вместе с тем член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, осуществил две записи на фонограф. В статье «Запись от И. А. Федосовой

¹ Шаляпин Ф. И. Т. I. С. 239.

² Русская беседа. 1895. Апрель. С. 184.

на фонограф в 1896 г.», написанной в соавторстве с фольклористом-музыковедом М. А. Лобановым, подробно рассказывается об истории этих записей, даются их нотные расшифровки и — шире — освещается история нотаций мелодий, исполнявшихся И. А. Федосовой¹. Поэтому мы здесь останавливаемся только на самом существенном.

Запись на восковой валик была в то время столь значительным событием, что о нем сообщали газеты. Двумя годами раньше Ю. И. Блок записывал на фонограф былины И. Т. Рябинина, — это были едва ли не первые записи фольклора на фонограф в Европе². Так, по свидетельству Е. В. Гиппиуса в письме к автору этой книги, фонографические записи фольклора стали производиться в Германии только в первое десятилетие XX века.

Записи на фонограф от И. А. Федосовой разыскивались в первые послевоенные годы нами и Е. И. Канн-Новиковой, но найдены не были; считалось, что коллекция Ю. И. Блока погибла во время войны в оккупированном Смоленске³.

К счастью, это предположение не оправдалось. Выяснилось, что эдиссоновские валики в годы Великой Отечественной войны были вывезены в Германию, а затемозвращены в Советский Союз вместе с другими коллекциями. Они хранятся ныне в фонограммархиве Института Русской литературы АН СССР. Ценность этих валиков чрезвычайно высока. На них обнаружены, кроме записей от И. А. Федосовой и от И. Т. Рябинина, голоса Л. Н. Толстого, Ф. И. Шаляпина и др.

Из двух произведений, исполненных И. А. Федосовой для записи, удалось расшифровать словесный текст только одного. Это оказался духовный стих о «Голубиной книге» — он звучит яснее. Кроме того, в этом случае могли помочь другие словесные записи стиха, в том числе и от самой И. А. Федосовой. Перед записью Ю. И. Блок явственно произнес: «Она же исполнит стих о «Голубиной книге». Объявление названия в другом случае невнятно. Нам послышалось: «О зверях и рыбах». Слова самой И. А. Федосовой неразличимы. В известных записях нет

¹ Лобанов М. А., Чистов К. В. Запись от И. А. Федосовой на фонограф в 1896 году // В сб.: Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 207—218.

² Ляцкий Евг. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины.

³ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 131; Канн-Новикова Е. Собирательница русских народных песен Евгения Линева. М., 1952. С. 44.

ни одной, которой можно было бы воспользоваться для расшифровки. М. А. Лобанов, сопоставив собственную нотацию этого произведения со слуховыми записями О. Х. Агреневой-Славянской и Н. А. Римского-Корсакова, пришел к выводу, что мелодия произведения, исполненного И. А. Федосовой, которую не удается установить, сходна со свадебными притчаниями, записанными от нее же. И все-таки, как подчеркнул М. А. Лобанов, есть одно существенное отличие: свадебные притчания имеют обычно дактилические окончания строк (т. е. ударение падает на третий слог от конца), здесь же явственны «женские окончания» (т. е. ударение падает на второй слог от конца), как это часто встречается в духовных стихах. Может быть, это тоже фрагмент какого-то духовного стиха, пропетый на напев, близкий к притчам.

Несмотря на трудности, связанные с расшифровкой и истолкованием фонограммы, запись Ю. И. Блока остается не только уникальной, но и драгоценной. Она сохранила нам голос И. А. Федосовой.

Другим крупнейшим музыкально-фольклористическим и историко-культурным событием 1895—1896 годов стали посещения вечеров в Соляном городке Н. А. Римским-Корсаковым. В монографии 1955 года, опираясь на записи В. В. Ястrebцева, мы писали о том, что во время выступлений И. А. Федосовой 8 и 10 января 1895 года Н. А. Римский-Корсаков сделал пять нотных записей. Однако познакомиться с ними тогда тоже не удалось. Позже было издано Полное собрание сочинений великого композитора, и при изучении его рукописного наследия были обнаружены записные книжки с нотациями 8 и 10 января 1895 года¹. Выяснилось, что Н. А. Римский-Корсаков сделал не пять, а девять записей. Приводим описание их, предложенное М. А. Лобановым: 1) неподтекстованный и неозаглавленный напев, под которым выписан фрагмент текста:

Гуси-лебеди испугались,
В дальни бережки кидалися²;

2) былина «Добрыня Никитич» (тот же напев, что и предыдущий, но с незначительными вариантными изменениями).

¹ Римский-Корсаков Н. А. Литературные произведения и переписка. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. IV. С. 61—62.

² Может быть, фрагмент песни «Как по улице по шведской» (ср.: Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы. Т. I. № 13) или былины «Добрыня и змей», в которой богатырь охотится на «гусей-лебедей» (в репертуаре И. А. Федосовой не зарегистрирована).

ми и в иной трактовке¹; 3) свадебная песня «Пивна ягода»²; 4) песня «Во лузях»³; 5) похоронное причитание жены по мужу; 6) причитание свадебное; 7) свадебная песня «С терема на терем»⁴; 8) «Полковничек» — незаконченная запись напева протяжной песни⁵; 9) «Былина (т. е. историческая песня.— К. Ч.) об Иване Грозном» (два варианта напева)⁶.

Таким образом, Н. А. Римский-Корсаков записал целый комплекс произведений, исполнявшихся И. А. Федосовой. Здесь представлены все стихотворные жанры (песенные), кроме духовных стихов. В результате записи С. Г. Рыбакова, фонографические записи и записи Н. А. Римского-Корсакова в своей совокупности дают некоторое представление о мелодической песенной традиции, которой владела И. А. Федосова.

Музыкальное наследие И. А. Федосовой как будто достаточно велико, и вместе с тем сильно ограничивает исследователя-музыковеда. Действительно, перед нами редкий случай даже для более поздней фольклористики, когда с голоса одной исполнительницы было записано такое количество напевов. Кроме только что называвшихся записей С. Г. Рыбакова, Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша, Н. А. Римского-Корсакова и Ю. И. Блока, большинство песен и причитаний, вошедших в три выпуска сборника О. Х. Агреневой-Славянской, были записаны тоже от И. А. Федосовой. Это был первый в истории русской фольклористики случай издания целого сборника, посвященного одному исполнителю с некоторыми приложениями. Однако, по отзывам специалистов, это были дилетантские слуховые записи. Кроме того, не следует забывать, что записи Н. А. Римского-Корсакова, в профессиональном качестве которых можно не сомневаться, остались в его записной книжке, а записи Ю. И. Блока тоже не были ни

¹ Ср.: Рыбаков С. (без названия)//Русская беседа. 1895. № 4. С. 181—184.

² Ср.: Истомин Ф. М. и Дютш Г. О. Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894. № 7; Агренева-Славянская. Т. II. № 16; Барсов. Т. III. С. 252.

³ Ср.: Толиверова А. Н. и И. А. Федосова//Игрушечка. 1895. № 8. С. 374—382.

⁴ При подготовке к печати этой записи Н. А. Римского-Корсакова вкрадась явная текстологическая ошибка: припев «Играйте гораже!» В. В. Протопопов расшифровал как «гора же» (?!). Ср.: Рыбаков. № 4; Агренева-Славянская. № 15; Барсов. Т. III. С. 251—252.

⁵ Барсов. Т. II. С. 265—267.

⁶ Ср. сообщения: Новости дня. 1895. № 4156; Новости и биржевая газета. 1895. № 5. Запись текста не сохранилась.

расшифрованы, ни опубликованы, в отличие от его же записи от И. Т. Рябинина. Все они до недавнего времени оставались неизвестными не только широкому читателю, но даже исследователям. Таким образом, кроме сборника О. Х. Агреневой-Славянской в музыкальную литературу конца XIX века вошли только записи С. Г. Рыбакова и одна песня, записанная Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем.

Вполне вероятно, что мелодии, записанные в Соляном городке, могли пригодиться Н. А. Римскому-Корсакову для оперы «Садко», работу над которой он закончил в 1896 году (например, ария Любавы в VIII картине и др.). Они могли вспомниться и при его работе над другой оперой — «Сказание о граде Китеже» (ария Февроньи, хор после арии гусяря во II акте и др.). Однако это только предположения. Проблема еще ждет своего основательного музыковедческого исследования.

В июле того же 1895 года произошла еще одна встреча И. А. Федосовой с петербургскими литераторами. На этот раз это была А. Н. Толиверова, детская писательница и издательница журнала «Игрушечка»¹. По-видимому, мысль о том, чтобы написать об И. А. Федосовой очерк для детей, появилась у А. Н. Толиверовой под влиянием выступлений И. А. Федосовой в петербургских школах.

В свой очерк А. Н. Толиверова включила краткий рассказ о жизни И. А. Федосовой, живое описание ее исполнительского мастерства, иллюстрированное то отрывками, то целыми текстами различных произведений, которые И. А. Федосова исполнила при их встрече. Полностью были даны «Волк и лисица», две свадебные песни, колыбельная песня «Во лузях» и в отрывках — причитание жены по муже и причитание невесты².

Очерк А. Н. Толиверовой «Ирина Андреевна Федосова» занимает своеобразное место в литературе об И. А. Федосовой. Прежде всего, примечательно, что он принадлежит русской гарибальдийке, одной из основоположниц русской детской литературы и журналистики для детей, искренней и последовательной демократке, которая не могла не заинтересоваться личностью талантливой женщины из народа. В советское время сведения об И. А. Федосовой и отрывки из ее текстов стали помещаться в школьные книги для чтения. А. Н. Толиверова должна быть признана предшест-

¹ О Якоби-Толиверовой Александре Николаевне см.: Литературное наследство. Т. 51—52. С. 558—563 (Н. А. Некрасов. Т. II).

² Игрушечка. 1895. № 8. С. 374—382; № 9. С. 428—432.

венницей введения И. А. Федосовой в круг детского чтения. Очерк А. Н. Толиверовой знакомит нас с семью текстами И. А. Федосовой, среди которых сказка — жанр, не представленный в других публикациях записей от И. А. Федосовой. К сожалению, в записях явно чувствуется «подправка» языка и «шлифовка» ритма, естественные для детского журнала. К очерку приложен один из лучших известных нам портретов И. А. Федосовой. В монографии 1955 года он был воспроизведен перед титульным листом¹.

За циклом выступлений в Петербурге последовали московские «вечера» (декабрь 1895 — январь 1896). В Москве И. А. Федосова выступала в зале Политехнического музея на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, на заседании Славянской комиссии Московского археологического общества, дважды — на открытых вечерах в Историческом музее и в более узком кругу — на квартире у крупнейшего русского фольклориста конца XIX века, главы «исторической школы» академика В. Ф. Миллера. Это было одно из «воскресений у Миллеров», игравших заметную роль в научно-общественной жизни тогдашней Москвы.

Мы, разумеется, не можем установить, кто присутствовал на всех этих вечерах. Однако некоторые фамилии все-таки известны — из сообщений прессы о лицах, которые вели вечера или читали вступительные доклады. Известны авторы статей или воспоминаний об И. А. Федосовой и т. п. Кроме упомянутого В. Ф. Миллера следует назвать Е. В. Барсова, давно уже жившего в Москве и, естественно, принявшего живейшее участие в организации выступлений И. А. Федосовой, А. Е. Грузинского — литератора и этнографа, переиздавшего в начале XX века сборники П. Н. Рыбникова и А. Н. Афанасьева и оставившего одну из лучших статей об И. А. Федосовой, о которой мы еще будем говорить. И. А. Федосову, по крайней мере два раза, слушал академик Д. Н. Анучин — один из основоположников русской антропологической школы и вместе с тем крупнейший этнограф и географ, президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете; известный писатель П. Д. Бородыкин; Ю. И. Блок; филолог академик Ф. Е. Корш; Г. И. Куликовский — библиотекарь Московского высшего

¹ В том же году об И. А. Федосовой писал другой журнал — «Детское чтение» (1895. № 3).

технического училища и весьма активный член Русского Географического общества, совершивший многочисленные поездки по Олонецкой губернии, автор не только отдельных этнографических и лингвистических статей в олонецкой и центральной печати, но и составитель исключительного по своим достоинствам «Областного Олонецкого словаря в его бытовом и этнографическом применении» (1898) и трехтомного указателя к журналу «Этнографическое обозрение» (1903—1910); В. В. Богданов — этнограф, секретарь отделения этнографии Общества, а в советское время — сотрудник Института этнографии АН СССР; композитор А. И. Корещенко; тюрколог и украинист, будущий академик АН УССР А. Е. Крымский и др.¹

В научном отношении самым значительным эпизодом, связанным с московским циклом выступлений И. А. Федосовой, были вступительные речи В. Ф. Миллера и Е. В. Барсова на ее вечере в Политехническом музее 3 января 1896 года. Речь Е. В. Барсова неоднократно цитировалась нами по рукописи, сохранившейся в фонде Е. В. Барсова в Государственном Историческом музее в Москве. Она представляет собой весьма ценный документ, в основе которого воспоминания о работе с И. А. Федосовой в Петрозаводске в конце 60-х годов, общая характеристика ее деятельности и при чтаний как жанра. Текст этой речи Е. В. Барсова использовал при подготовке большой статьи об И. А. Федосовой для газеты «Московский листок»² и предполагал, видимо, также использовать в качестве послесловия к отдельному изданию III тома, которое так и не состоялось. Следует сказать, что на фоне речи В. Ф. Миллера выступление Е. В. Барсова содержало достаточно ценные сведения, но звучало довольно наивно.

В отличие от Е. В. Барсова В. Ф. Миллер произнес речь, которая была органически связана с актуальной фольклористической проблематикой 90-х годов XIX века. Оригинал этой речи не обнаружен; В. Ф. Миллер по каким-то причинам ее не публиковал, но, видимо, использовал некоторые идеи, сформулированные в этой речи, в своих более поздних работах. К счастью, очень подробное и тщательное ее изложение (если не просто текст или за-

¹ В. Г. Базанов в книге «Поэзия Русского Севера» (1981) утверждает, что на заседании ОЛЕАЭ председательствовал О. Ф. Миллер. Этого быть не могло, т. к. О. Ф. Миллер скончался в 1889 году, т. е. за семь лет до этого. Председательствовал Д. Н. Анучин, вступительные слова произносили Е. В. Барсов и В. Ф. Миллер.

² Московский листок. 1896. № 14 прилож.

пись ее) сохранилось в статье Г. И. Куликовского «Олонецкая народная поэтесса в Москве», напечатанной тогда же в «Олонецких губернских ведомостях»¹.

В. Ф. Миллера особенно волновал вопрос о талантливых и (как ему представлялось) профессиональных исполнителях фольклора и их роли в развитии народного поэтического творчества. Известно, что одна из важнейших идей «исторической школы», которая формировалась в эти годы и которую возглавлял В. Ф. Миллер,— утверждение решающей роли профессиональных исполнителей в истории русского фольклора вообще и эпоса в частности (княжеская среда и дружинные певцы— скоморохи и бауари, и затем только крестьянская среда). «Очерки русской народной словесности» (т. I. 1897) В. Ф. Миллера, сыгравшие весьма значительную роль в развитии русской фольклористики того времени, открывались главами «Былинное предание в Олонецкой губернии» и «Русская былина, ее слагатели и исполнители». В основу первой из них был положен текст речи, произнесенной 1 января 1894 года в связи с выступлением И. Т. Рябинина в Москве на заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Речь, предварявшая выступление И. А. Федосовой, была прямым ее продолжением. «Вопрос в самой простой форме,— говорил В. Ф. Миллер,— сводится к тому: чему нас может поучить Ирина Федосова, чему нам могут послужить личные наблюдения над этой олонецкой старушкой-крестьянкой?»

В этот вечер В. Ф. Миллер слушал И. А. Федосову второй раз; 24 декабря 1895 года она была у него дома — на «воскресенье у Миллеров». Поэтому следует считать, что он не предвосхищал возможные впечатления, а делился уже слышанным и пережитым. Миллер признает выдающуюся одаренность И. А. Федосовой, однако делает из этого факта довольно неожиданные для нас выводы. Он говорит: «Ее бесхитростный и правдивый рассказ о том, как она слагала свои причети, вводит нас в самый процесс народного творчества, который до сих пор обложен некоторым мистическим туманом. Мы обыкновенно слышим фразу — «коллективное народное творчество» и, прислушиваясь к ней, не отдаем себе отчета в том, как происходил в действительности этот таинственный процесс, неизвестный нашему времени. Мы склонны думать, что каждый слагатель песни был выразителем коллективной мыс-

¹ Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 2.

ли и чувства». Здесь В. Ф. Миллер имеет в виду романтическую теорию фольклора, доведенную до крайностей, при которых терялось ясное понимание взаимоотношений личности и коллектива, традиции и исполнителя. Фольклор выступал как нечто обезличенное. Вспомним, как об этом же говорил Г. И. Успенский: «Теперь все пойдет сплошь — и сом сплошь прет, целыми тысячами, целыми полчищами, так, что его разогнать невозможно, и вобла тоже сплошь идет миллионами существ, одна в одну, и народ тоже «один в один» и до Архангельска, и от Архангельска до «Адесты», и от «Адесты» до Камчатки... все теперь пойдет сплошное, одинаковое, точно чеканенное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужики, и бабы, все одно в одно, один в один, с одними сплошными красками, мыслями, костюмами, с одними песнями... Все — сплошное — и сплошная природа, и сплошной обыватель. Сплошная нравственность, сплошная правда, сплошная поэзия, — словом, однородное, стомиллионное племя, живущее какой-то сплошной жизнью, какой-то коллективной мыслью и только в сплошном виде доступное пониманию. Отделить из этой миллионной массы единицу и попробовать понять ее — дело невозможное¹.

Подчеркивая творческий характер исполнения Федосовой и ценность ее личности, В. Ф. Миллер одновременно решительно разрушает понятие народного творчества как творчества коллективного. Он говорит: «В действительности же, при ближайшем изучении народной поэзии, при изучении творчества таких лиц, как Ирина Федосова, оказывается, что народное творчество и психика те же, что и в культурных классах». Разница только в том, что «горизонт ее мысли и чувств уже, чем у поэта культурного класса, конечно, и поэтические мотивы, и краски ее песен однообразнее, чем стихотворения культурных классов». Таким образом творят «отдельные деревенские поэты», поэтому понятие «коллективное творчество»... исчезает при более пристальном наблюдении процесса сложения песен».

В. Ф. Миллер отрывает Федосову от традиции, с которой она была органически связана, на почве которой она создавала свои причитания. В отличие от романтической фольклористики в двуедином процессе «традиция — исполнитель» редуцирована на этот раз не личность сказителя, а традиция. В. Ф. Миллеру представляется, что Рябинин

¹ Успенский Г. И. Путевые заметки. Гл. 1: «Мелочи путевых воспоминаний»//Отечественные записки. 1883. № 1.

и Федосова такие же профессионалы, как дружинные певцы и скоморохи. Только так, с его точки зрения, и можно объяснить их несомненную талантливость, развитое творческое начало в их исполнительской деятельности. Кроме того, он не видит существенной разницы в механизме воспроизведения былин и причитаний. Таким образом, речь 3 января 1896 года была определенным этапом в процессе становления «исторической школы».

Отметим еще один факт, который выразительно свидетельствует об интересе В. Ф. Миллера к Федосовой и о влиянии знакомства с ней на его теорию эпоса. В тексте его речи 1894 года, связанной с приездом в Москву И. Т. Рябинина, а также в I томе «Очерков», вышедших в 1897 году, можно обнаружить вставку, связанную с выступлением Федосовой. Здесь на 12-й странице он говорит о женщинах — исполнительницах былин: «Среди женщин встречаются нередко положительно высокоодаренные фигуры (например, известная вопленица Ирина Федосова)¹. Этот пассаж не мог фигурировать в речи 1894 года; только через полгода, летом 1894 года, петрозаводский учитель П. Т. Виноградов «вспомнил» о Федосовой, в январе 1895 года привез ее в Петербург, а еще через год — в Москву.

Несомненно заслуживает также внимания речь А. Е. Крымского — выдающегося востоковеда, украиниста и писателя — на заседании Славянской комиссии Московского Археологического общества 4 января 1896 года. В 1955 году мы писали, что об этой речи сохранились не только газетные сообщения², но и краткое ее изложение в «Отчете Московского Археологического общества за 1895—1896 гг.», напечатанном в ежегоднике «Древности. Труды Московского Археологического общества»³. Позже, в 1973 году, украинским исследователем А. Л. Иоаниди в архиве А. Е. Крымского был обнаружен полный текст этой речи⁴. Публикатор не связывает ее с выступлением

¹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897. Т. I—XVI. С. 12.

² Курьер торговли и промышленности. 1896. № 861; Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 3 и 5; Московский листок. 1896. № 6.

³ Древности. Труды Московского Археологического общества. М., 1900. Т. XVII. С. 234.

⁴ Іоаніді А. Л. До Історії вивчення російських та українських народних голосінь (з архіву А. Ю. Кримського) // Народна творчість та етнографія. 1973. № 3. С. 67—73. О фольклористической деятельности А. Е. Крымского и его украиноведческих изучениях см.: Дей О. І.

И. А. Федосовой на заседании Славянской комиссии. Он считает, что это был один из очередных ученых рефератов, которые читали на заседаниях члены общества. В действительности это весьма содержательный доклад о причитаниях народов мира, причем особенно основательными были сведения о причитаниях народов древнего и современного Востока.

В 1896 году А. Е. Крымский был преподавателем Лазаревского Института восточных языков в Москве. Молодой ученый уже тогда отличался поразительной эрудицией, и следует только пожалеть, что его доклад не был своевременно опубликован. Он, несомненно, оказал бы заметное влияние на изучение причитаний народов мира.

Несмотря на то, что украинские причитания к этому времени записывались еще мало, А. Е. Крымский оценивает их очень верно. Он подчеркивает, что они сохранились на Украине хуже, чем в северной России¹. Вместе с тем он обращает внимание на Карпаты, где, по его предположению, причитания должны быть значительно более развиты.

Анализ причитаний, записанных от И. А. Федосовой, он строил главным образом на предисловии Е. В. Барсова к I тому. Доклад заканчивался пересказом «Плача о старости» и автобиографии И. А. Федосовой.

Таким образом, доклад А. Е. Крымского был весьма успешной попыткой осмыслить русские причитания, известные ему прежде всего по записям от И. А. Федосовой, на фоне причитаний народов мира, включая народы Востока. Примечательно также, что А. Е. Крымский стремился активизировать запись и издание украинских причитаний. А. Л. Иоаниди цитирует его письмо к Ивану Франко от 28 января того же 1896 года, написанное под явным впечатлением от выступления И. А. Федосовой и связанное с подготовкой доклада на заседании Славянской комиссии Московского Археологического общества. Он пишет: «Между прочим, не могли бы Вы что-нибудь написать о карпатских причитаниях? По тем сведениям, которыми я располагаю, выходит, что у русинских горцев есть замечательные причитания, м. б. еще прекраснее великорусских

Фолклористична спадщина А. Ю. Кримського//В кн.: Дей О. І. Стодії з історії української фольклористики. Київ, 1975. С. 200—219.

¹ А. И. Дей на с. 207 своей весьма содержательной статьи ошибочно относит этот доклад к заседанию Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

«заплачек». В последнее время великорусские «заплачки» вызвали совершенно особенное внимание в кругах русских этнографов, и если бы Вы теперь написали о «заплачках» малороссийских (и еще бы с текстами «заплачек» — это было бы так прекрасно!), это было бы весьма ко времени и обратило бы на себя общее внимание¹.

По своему научному значению доклад А. Е. Крымского стоит в одном ряду со статьями А. Н. Веселовского, Л. Н. Майкова, речью В. Ф. Миллера и очерком А. Е. Грузинского.

Наиболее ярким литературным выражением выступлений И. А. Федосовой в Москве стала статья известного литератора и педагога А. Е. Грузинского «Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова», написанная им в 1906-м и опубликованная в 1908 году в сборнике «Литературные очерки»².

Еще до встречи с И. А. Федосовой в Москве им была опубликована статья «Народные певцы», в которой, наряду с характеристиками других сказителей, говорилось и об И. А. Федосовой (на основании материалов I тома сборника Е. В. Барсова)³. А. Е. Грузинский преследовал при этом чисто популяризаторскую цель — дать учителям доходчивый материал для занимательной классной беседы. Вместе с тем и в этой статье уже сказалась определенная точка зрения, — через несколько лет А. Е. Грузинский переиздаст сборник П. Н. Рыбникова, распределив тексты по исполнителям. Вообще следует сказать, что роль А. Е. Грузинского в развитии проблемы исполнительства в русской фольклористике остается до сих пор недооцененной.

В декабре 1895 года А. Е. Грузинский был на «воскресенье у Миллеров», на котором слушали И. А. Федосову. Впечатление было настолько сильным, что спустя десять лет легко восстанавливались красочные детали. Очерк А. Е. Грузинского — несомненно один из лучших в литературе об И. А. Федосовой. Вместе с тем А. Е. Грузинский не ограничился воспоминаниями. Сопоставляя поэтическое творчество немецкой крестьянки Иоганны Амброзиус с творчеством русской крестьянки, он отмечает несравненно большую одаренность последней. Но, заключал он,

¹ Іоаніді А. Л. До історії вивчення російських та українських народних голосінь. С. 67.

² Грузинский А. Е. Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова. С. 100—116.

³ Грузинский А. Е. Десять чтений по литературе.

общественные условия были таковы, что судьба талантливой женщины была, по существу, трагической — до конца дней своих, в отличие от Иоганны Амброзиус, она оставалась неграмотной, известной сравнительно небольшому кругу любителей народной словесности. При этом он имеет в виду не известность ее имени, не успех ее выступлений в 1895—1896 годах, а реальную доступность ее текстов. «Ее читателю,— пишет он,— надобен известный запас знания и расположенного внимания, чтобы за формами мужицкого олонецкого языка и бабьих причитаний рассмотреть что-нибудь побольше случайного курьеза»¹. Судьба И. А. Федосовой, пишет далее А. Е. Грузинский, навевает не только грустные раздумья, но и рождает надежды. Одаренность И. А. Федосовой для него — прямое свидетельство больших возможностей русского народа, а знать это особенно важно, когда «колесо нашей истории сходит с мертвоточки». Надо иметь в виду, что писалось это в 1906 году.

И, наконец, следует упомянуть еще об одном незаурядном явлении. В 1949 году, после нашего доклада в Институте этнографии АН СССР, в котором излагались первые результаты биографических разысканий об И. А. Федосовой, упоминавшийся выше известный этнограф В. В. Богданов выступил с воспоминаниями о ней, которые были связаны у него с вечером у В. Ф. Миллера и заседанием Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии². В том же 1949 году, незадолго до своей кончины, В. В. Богданов записал воспоминания, и они были опубликованы в приложении к монографии 1955 года об И. А. Федосовой. Мы уже неоднократно ссылались на них.

В результате выступлений 1895—1896 годов и их отражения в общей и научной печати имя И. А. Федосовой становится настолько известным, что ее приглашают не только для участия во Всероссийской художественно-промышленной выставке, открытие которой было назначено на 28 мая 1896 года, но и посетить США (поездка не состоялась), а несколько раньше — в 1895 году — президент англо-русского Литературного общества доктор Казалета запросил у П. Т. Виноградова реферат об И. А. Федосовой.

¹ Грузинский А. Е. Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова. С. 106.

² См.: Левин М. Г., Богданов В. В. К 80-летию со дня рождения//Сов. этнография. 1949. № 1. С. 161—162.

для оглашения его на заседании общества¹. Таким образом, ее слава перерастает не только петербургскую и московскую аудитории, но и границы России².

И. А. Федосова пробыла в Нижнем Новгороде вместе с П. Т. Виноградовым с 5 июня до конца июля (в середине июня она выезжала в Казань, где состоялись три ее «вечера»). Сколько было выступлений в Нижнем Новгороде — сказать трудно.

В 1902 году в письме в Отделение русского языка и словесности Академии наук П. Т. Виноградов писал, что в июне и июле И. А. Федосову слушали более 4000 человек³. Если это так, то она действительно выступала не менее двух десятков раз. Публика, приезжавшая на выставку, в какой-то мере менялась и «вечера» И. А. Федосовой пользовались неизменным успехом. Ее «сеансы», как их называли газеты, приобрели известную регулярность: она выступала каждое воскресенье в Выставочном зале, а в будни — в зале Городской думы или в одном из реальных училищ или гимназий Нижнего Новгорода. О повышенном интересе к ней свидетельствует газетное сообщение от 26 июня: «Известная олонецкая «вопленица», как мы слышали, по желанию администрации Всероссийской выставки останется еще на месяц в Нижнем Новгороде. Она выступит еще несколько раз в Выставочном концертном зале»⁴.

Нижегородский цикл «вечеров» И. А. Федосовой был продолжением ее выступлений в Петербурге и в Москве. Но он заметно расширил ее аудиторию, и дело не только в количестве присутствовавших. На выставку приезжали из разных концов России. Это были не только дельцы, заключавшие всякие договоры и контракты, не только «гуляющая публика», но и представители самых различных слоев интеллигенции, в том числе художественной. Выставка демонстрировала (по крайней мере, должна была демонстрировать) экономические, технические и художественные достижения России. Что же касается «простой пуб-

¹ Новости. 1895. № 9; Свет. 1895. № 6; Волжский вестник. 1896. № 134.

² В заявлении в Отделение русского языка и словесности в 1902 году П. Т. Виноградов писал: «...многие иностранные корреспонденты получали от меня сведения о вопленице» (Архив АН СССР. Ф 9. Оп. 1. № 806. Л. 2 об.).

³ Там же.

⁴ Нижегородская почта. 1896. № 43.

лики», как ее называли газеты, то она, видимо, была нижегородская или из окрестностей города и, вероятно, попадала больше на «вечера» в Городской думе, чем в Выставочный зал, т. к. вход в думский зал был бесплатным.

Выступления И. А. Федосовой в Петрозаводске, Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и Казани в 1895—1896 годах были связаны с необычайным взлетом ее известности. Многочисленные отклики в столичной и провинциальной печати, в общественно-политических, научных и даже детских журналах, проникновение сведений о ней в зарубежную печать — все это имело, как мы уже говорили, характер очередной сенсации. В последующие годы известия об И. А. Федосовой вплоть до 1899 года — года ее смерти — на страницах прессы не появляются. Единственный известный нам отклик — некролог на страницах «Олонецких губернских ведомостей».

Не исключено, разумеется, что когда-нибудь будут найдены хотя бы разрозненные газетные или журнальные заметки об И. А. Федосовой в 1897—1899 годах. Однако уже сейчас можно утверждать, что «пик» ее славы был позади.

В связи с этим возникает вопрос — что же осталось в истории русской культуры от этого шумного периода? Это, несомненно, речь В. Ф. Миллера, статья А. Е. Грузинского, о которых мы уже говорили, и особенно доныне широко известные очерки А. М. Горького об И. А. Федосовой, которые оставили определенный след в его последующем творчестве, публицистике и переписке.

Тему «Горький и Федосова» нельзя не признать довольно основательно разработанной как в фольклористике, так и в специальной литературе о Горьком. В нашей монографии 1955 года ей посвящалась специальная глава, приводилась обширная литература, накопившаяся к тому времени¹. В последующие тридцать с лишним лет эта тема неизменно присутствовала во всех исследованиях об И. А. Федосовой, о ранней публицистике А. М. Горького, о «Жизни Клима Самгина» и тем более в работах, разрабатывающих более широкую тему — «Горький и фольклор», и др.² Горьковская фольклористическая концепция выясне-

¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 144—161.

² Назовем некоторые из них: Ливанова Т. Музыка в произведениях М. Горького. Опыт исследования. М., 1951; Долженко С. И. Фольклор в корреспонденциях М. Горького с Нижегородской выставки//Ученые записки Великолукского педагогического института. 1958. Т. 3. С. 518—533; Колоскова Л. П. Горький о русском эпосе//Ученые

на, и место в ней И. А. Федосовой определено довольно точно. Очерки А. М. Горького об И. А. Федосовой и отрывки из романа перепечатываются во всех вузовских хрестоматиях по русскому фольклору, о них толкуется во всех учебниках. Новых фактов, которые заставили бы что-то пересмотреть, обнаружено не было. Поэтому мы напомним только о наиболее существенных моментах и подведем некоторые итоги, важные для проблемы, обозначенной в названии этой главы. Но прежде еще одно существенное замечание.

В 1894—1899 годах делались отдельные словесные и музыкальные записи, однако не возникло ничего равнозначенного ни «Причтаниям Северного края», ни сборнику О. Х. Агреневой-Славянской. Как мы уже говорили, есть несколько свидетельств о том, что П. Т. Виноградов вел в эти годы новые записи причтаний от И. А. Федосовой и предполагал издать их при участии или, по крайней мере, под покровительством Т. И. Филиппова. Однако эти записи, по-видимому, утрачены. В результате мы располагаем довольно обильными сведениями о том, где и как она выступала, что исполняла, кто из известных людей ее слушал, но не имеем ни одного исполняемого текста, если не считать тех, что были записаны и опубликованы А. Н. Толиверовой в детском журнале и текстологически обработаны в расчете на детское чтение.

А. М. Горький был приглашен одной из нижегородских газет («Нижегородским листком») на художественно-промышленную выставку в качестве специального корреспондента. Одновременно он подрядился писать регулярные

записки Куйбышевского педагогического института. Вып. 19. Литературоисследование. 1958. С. 293—315; *Матвейчук Н. Ф.* Творчество М. Горького и фольклор. Киев, 1959; *Колоскова Л. П.* К вопросу о взглядах А. М. Горького на фольклор//В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Т. 2. Куйбышев, 1966. С. 242—261; *Резников Л. Я.* Горький и Север. Поиски. Факты. Свидетельства. Комментарии. Петрозаводск, 1967; *Фарбер Л. М.* А. М. Горький в Нижнем Новгороде. Очерк жизни и творчества. 1889—1904. Горький, 1968; *Колоскова Л. П.* Сказка, легенда и духовный стих в оценке Горького-фольклориста// В кн.: X конференция литератороведов Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 117—120; *Вайнберг И. И.* За горьковской строкой. Реальный факт и правда искусства в романе «Жизнь Климова Самгина». М., 1972; *Смирнова А. Д.* В библиотеке А. М. Горького//В кн.: Альманах библиофила. М., 1973. С. 24—34; *Морохин В. Н.* Фольклор в публицистике М. Горького нижегородского периода (1896)//В кн.: Горьковские чтения. 1974. Материалы конференции «Традиции Горького-публициста в советской литературе». Горький, 1975. С. 68—76 и др.

репортажи с выставки для «Одесских новостей»¹. А. М. Горький, видимо, побывал на первом же выступлении И. А. Федосовой в Выставочном зале 9 июня 1896 года, слушал ее, даже познакомился с ней и написал затем очерки для этих двух газет. Они смело могут быть поставлены в один ряд с классическими очерками русских писателей об исполнителях фольклора (в «Певцах» И. С. Тургенева, «Русских народных песнях с их поэтической и музыкальной стороны» А. Григорьева, в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море», а также портретах певцов, оставленных В. Г. Короленко, известной собирательницей Е. Э. Линевой и др.). С другой стороны, можно сказать, что они сыграли выдающуюся роль в истории усвоения личности И. А. Федосовой русской фольклористикой и — шире — историей русской культуры. Однако дело не просто в личности И. А. Федосовой — для А. М. Горького она стала символом одаренности русской крестьянки, русского народа в целом и символом подлинной, простой и человеческой поэзии, способной выразить душу народа.

Его очерки об И. А. Федосовой — неотъемлемая часть большого публицистического цикла, сыгравшего важную роль в творчестве молодого тогда писателя.

По замыслу правительства выставка должна была превратиться в торжественную демонстрацию успехов русской промышленности, искусства и ремесел. Признавая прогресс русской промышленности в эти «медовые годы» русского капитализма, А. М. Горький отмечает, что выставка ничего не говорит о трудовом народе, создавшем эти машины и этот капитал.

Внимательно присматриваясь к экспонатам отделов кустарной и художественной промышленности, А. М. Горький подчеркивает, что бурно развивающийся капитализм душит и уродует народное искусство. «Русская песня,— пишет он в одном из очерков,— уже является редкостью в деревне... то же самое творится с русским рисунком, со старым русским орнаментом. Обратите внимание на рисунки кружев, много ли среди них истинно русских, и посмотрите, как вышиты рубахи деревенских парней и фартуки девушек. Я видел на одном парне рубаху, на груди которой была вышита реклама фабрики Асмолова, на други-

¹ В 1896 г. А. М. Горьким было написано 37 статей в «Нижегородский листок» и 70 — в «Одесские новости». Из них в собраниях сочинений А. М. Горького публикуется только 26 статей (Фарбер Л. М. А. М. Горький в Нижнем Новгороде. С. 74—87).

гой рубахе по подолу были вышиты медали, тоже, очевидно, с какой-то рекламы¹. Трактирный и кафешантанный стиль характерен для всей обстановки выставки, этого, как называет его Горький, «всероссийского торжища», «жаждущего ликантного и экстравагантного»². А. М. Горький был поражен несоответствием поэтической традиции, которую олицетворяла И. А. Федосова, всей обстановке, царившей на выставке.

Вот как описывает Горький первое виденное им выступление И. А. Федосовой: «Где-то сбоку открывается дверь, и с эстрады публике в пояс кланяется старушка низенького роста, кривобокая, вся седая, повязанная белым ситцевым платком, в красной ситцевой кофте, в коричневой юбке, на ногах тяжелые, грубые башмаки. Лицо — все в морщинках, коричневое... Но глаза — удивительные! Серые, ясные, живые — они так и блещут умом, усмешкой и тем еще, чего не встретишь в глазах дюжинных людей и чего не определишь словом». И. А. Федосову сажают в кресло и она начинает петь:

Вы послушайте-тка, люди добрые,
Да былины мою — правду-истину!..

Ее задушевный речитатив полон глубокого осознания важности этой правды-истины и необходимости поведать ее людям. Зал затихает, захваченный эпическим повествованием. После былины о Добрьне И. А. Федосова исполняет свадебное причитание. «Публика молчит,— пишет дальше А. М. Горький,— все более поддаваясь оригинальности этих за душу берущих воплей, охваченная заунывными, полными горьких слез мелодиями. А вопли — вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле,— все рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся богатством вариаций, но полных чувства, искренности, силы — и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофанов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания»³.

Очерк заканчивается словами: «Русская песня — рус-

¹ Нижегородский листок. 1896. № 178. 30 июля.

² Там же. 1896. № 182. 4 июля.

³ Одесские новости. 1896. № 3660. 14 июня.

ская история, и безграмотная старуха Федосова... понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей»¹.

Во втором очерке, написанном для газеты «Нижегородский листок», И. А. Федосова противопоставляется выставочной эстраде и ее обычной публике: «Федосова — это олицетворение старой русской народной поэзии, она и сама по внешности своей — старая, спетая песня... и выставочная публика, привыкшая видеть перед собой артистов... импозантных, с эффектами шика во всей фигуре, от прически до ботинок,— публика была изумлена, видя перед собой эту хромую старушку в ситцевом платье и в белом ситцевом платке на голове». Здесь также говорится о том, что пение И. А. Федосовой постепенно захватывает своею подлинностью, простотой и искренностью. «Публика аплодирует, хотя это в большинстве своем публика, ищущая легких развлечений, но и ее тронула, взяла за душу эпическая красота старухи, сила ее изложения и новая ей, публике, мелодия... Это истинно народная поэзия, это тот стон, который создал народ, наша стомиллионная масса»².

А. М. Горький противопоставляет И. А. Федосову лжеискусству и пошлости. Он стремится на фоне резко отрицательного отзыва о выставке в целом, в том числе и о ее художественной программе, показать, что русское искусство не умерло. Он восторженно приветствует гастроли московского Малого театра, реалистическую живопись Репина и Айвазовского, музыку, звучащую на концертах дирижера Главача, выступление хора рожечников, оперу Мамонтова и молодого Шаляпина, концерты хора Д. А. Славянского.

Горький называет И. А. Федосову «неграмотной, но истинной поэтессой». Ее искусство для него не «экзотика простонародного» — это нечто старое, но вместе с тем современное, жизненное, нестареющее. Характерно, что кроме притчаний им особенно выделяются былины, исполненные И. А. Федосовой: «На публику повеяло седой, старинной поэзией русского народа, простой, но могучей, такой тоскливой и удалой. Просит-молит Добрыня свою матушку отпустить его во чисто поле; жалко матери расставаться с ним. Федосова подчеркивает сильные места диалога жестами, вдохновляется, вся горит, привстает со стула и наклоняется к публике, как бы желая внятнее и ярче

¹ Одесские новости. 1896. № 3660, 14 июня.

² Нижегородский листок. 1896. № 159. 11 июня.

сказать ей о старине, полной кипучих сил и богатырской удали, полной любви к свободе, искания подвигов»¹.

Впоследствии он неоднократно вспоминал о замечательной встрече 1896 года. Мы уже писали о воспоминаниях Ф. И. Шаляпина, в редактировании которых Горький принимал столь активное участие. В 1929 году он писал об И. А. Федосовой в письме к селькору А. А. Агапкиной², в 1930-м в очерке «На краю земли», написанном под впечатлением поездки по Карелии, он снова возвращается к своим воспоминаниям об И. А. Федосовой: «Вспоминаешь изумительную кудесницу Федосову, маленькую безграмотную олонецкую старушку, которая знала на память все былины северного края³, 30 000 стихов — больше, чем в «Илиаде»⁴. В письме к С. Н. Сергееву-Ценскому содержится еще одно любопытное упоминание об И. А. Федосовой: «Сказительный стих я хорошо знал с малых лет от бабушки, час и более мог говорить этим стихом «бунтарские» речи... Любовь к этому стиху весьма подогрела Орина Федосова»⁵.

Не будем приводить все упоминания об И. А. Федосовой в переписке А. М. Горького, они тщательно собраны исследователями и часто цитируются.

Наиболее значительное свидетельство прочности воспоминаний об И. А. Федосовой и того значения, которое придавал А. М. Горький ее выступлениям и своей встрече с ней,— страницы, посвященные И. А. Федосовой в «Жизни Клима Самгина». Этот наиболее значительный из написанных им романов был задуман как историческая эпопея, в которой вымышленные герои действуют во вполне конкретных исторических обстоятельствах. Горький заставил своего героя пережить наиболее типичные события политической, экономической и культурной жизни России с конца 70-х годов XIX века до 1917 года. Одним из таких исторических эпизодов стала в романе встреча Клима Сам-

¹ Нижегородский листок. 1896. № 159. 11 июня.

² Горький А. М. Собр. соч. Т. 30. С. 130.

³ Не следует понимать буквально. А. М. Горький имеет в виду мастерское владение И. А. Федосовой северорусской народной традицией. Если придерживаться фольклористической терминологии, И. А. Федосова знала две былины — «Добрыня и Алеша» и «Смерть Чурилы» и одну историческую песню — «О гневе Грозного на сына» (см.: «Репертуар И. А. Федосовой»//В кн.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 349).

⁴ Горький А. М. Т. 18. С. 243.

⁵ Там же. Т. 30. С. 33.

гина с И. А. Федосовой на нижегородской выставке. Он оказался, как это было с самим А. М. Горьким, слушателем И. А. Федосовой на одном из ее «вечеров» в Выставочном зале.

Мы не будем углубляться в анализ романа, коснемся только того, что связано с И. А. Федосовой и ее художественной функцией в романе.

Столкновения с людьми из народа обычно вызывали у Самгина непонимание и растерянность. Такое же впечатление произвело и выступление И. А. Федосовой. Самгин почувствовал в мастерстве И. А. Федосовой большую, непонятную силу, потрясшую его своей простотой. Это было искусство народа, и оно было не менее непонятно, чем сам народ. Новые впечатления вызвали у Самгина новые мысли о самом себе. Он возмечтал о том, как такими же устами «скажет когда-то история и о том, как жил на земле человек Клим Самгин».

Федосовская тема продолжается в последующих главах — в разговоре Самгина со Спиваком, в рассуждениях местного историка Козлова и фельетониста Робинзона и, наконец, большевика Степана Кутузова. Все это говорит о том, что Федосова была не эпизодической проходной фигурой, она органически вписалась в роман, в его художественную и идеологическую структуру.

И. А. Федосова описана в романе вполне достоверно. Однако нельзя пользоваться тем, что сказано в «Жизни Клима Самгина», как историческим документом. Это не документальный очерк, а художественное произведение.

И. А. Федосова исполняет в романе былину о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, которую она в действительности не знала (она пела в тот вечер былину «Добрыня и Алеша»). Но это не ошибка памяти Горького. Он заставил ее исполнить одну из самых острых в социальном отношении русских былин.

Итак, встреча с Федосовой оставила значительный след в сознании молодого Горького. С другой стороны, все, написанное А. М. Горьким об И. А. Федосовой, знаменовало окончательное вхождение не только текстов, записанных от нее, как это было в 70-е годы XIX века, но и самой И. А. Федосовой — крупнейшей русской сказительницы XIX века — в русский национальный культурный обиход, в общенациональный фонд русской демократической культуры. Не случайно этот процесс был «запущен» в ход Н. К. Михайловским, Н. А. Некрасовым и П. И. Мельниковым-Печерским, а завершен А. М. Горьким. Одновре-

менно И. А. Федосова и ее поэтическое наследие вошли в обиход русской и мировой фольклористики и в известной мере в обиход русской профессиональной музыки (Ф. И. Шаляпин, Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, С. М. Ляпунов).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В поэтических текстах, записанных от И. А. Федосовой, отразился сложный и эмоционально насыщенный мир русского крестьянства середины XIX века. Ее поэтические импровизации — целый мир, постижение которого представляет известные трудности и для читателя, и для исследователя ее наследия. Земляки И. А. Федосовой до сих пор читают записанные от нее тексты без всякого затруднения. В то же время читатель, воспитанный на современном литературном языке, должен преодолеть определенные психологические препятствия, обладать известной культурой чтения, которая помогла бы ему воспринимать подлинную старинную заонежскую речь (или «досюльную», как позже стал ее называть сам народ), весьма отличающуюся от литературного языка, привычного по книгам классиков русской литературы. Эта речь — не курьез и не проявление неграмотности, а очень развитый, богатый и самостоятельный вариант русского языка, на котором много веков говорили крестьяне северорусских областей. Поэтические произведения, созданные на этом языке, так же не похожи на романы или поэмы, созданные писателями наших дней, как не похожи северорусские крестьянские избы и деревянные храмы, вошедшие в историю мировой архитектуры, на современные городские дома. Кстати, напомним, что один из наиболее известных деревянных архитектурных комплексов — Кижи — создан тоже земляками И. А. Федосовой. Деревня, в которой она жила, находится на Заонежском полуострове, в нескольких десятках километров от Кижей. Их отличает одно общее качество. В основе сложнейшего двадцатиглавого собора — простейший сруб, сходный со срубами крестьянских изб (восьмерик на четверике). Совершенно так же в основе сложных по своей конструкции и психологической сути плачей-поэм И. А. Федосовой — элементарные в сво-

ей простоте, но веками отработанные обрядовые заплаки.

Читателю, который захочет обратиться к текстам И. А. Федосовой, следует запастись терпением, не пожалеть усилий и постепенно вчитываться в текст, привыкая к нему. Такая же привычка и такое же терпение нужны для того, чтобы с толком прочитать «Слово о полку Игореве» или «Моление Даниила Заточника», составляющие гордость древнерусской культуры, понять и оценить произведения древнерусской живописи или древнерусской архитектуры. Усилия, потраченные при этом, окупаются сторицей. Приобретается столь необходимый каждому из нас исторический взгляд на национальную культуру в ее различных вариантах, понимание ее бытовых и социальных корней.

Русскую культуру, как и культуру других народов, мы должны знать во всех ее исторических и местных слоях, а не только в слое, хронологически и географически ближайшем к нам. Можно утверждать решительно, что и современную нам русскую культуру мы не сможем понять, не зная основательно литературы Древней Руси, XVIII века и русского фольклора. Поэтическое наследие замечательной, удивительно одаренной заонежской крестьянки Ирины Андреевны Федосовой — одно из высших достижений поэтического творчества русского крестьянства прошлого и тем самым неотъемлемая часть поэтической культуры народов нашей страны и народов Европы в целом. Как мы стремились показать в этой книге, особенно в последней ее главе («И. А. Федосова в истории русской культуры»), оно давно по достоинству оценено русскими учеными, музыкантами. Это своеобразное завещание нам — потомкам великих деятелей русской культуры XIX века.

В настоящей книге мы смогли коснуться только прижизненного признания народной поэтессы. В начале 70-х годов, а затем в 90-е годы XIX века произошли события, которые определили место и значение И. А. Федосовой в истории русской культуры. Эта тема может быть продолжена до наших дней и ее безусловно следует разрабатывать. При этом пришлось бы обратиться к таким замечательным именам в истории русской литературы, как М. М. Пришвин, А. А. Ахматова, М. И. Цветаева, С. А. Есенин, А. Т. Твардовский, А. А. Прокофьев, М. В. Исаковский, Н. И. Рыленков, к таким современным поэтам, как Виктор Боков, Ольга Фокина и многие другие. Разумеется, не так просто различить, где общий интерес к народ-

ной традиции причитывания, а где — прямое обращение к И. А. Федосовой. Правда, при этом надо иметь в виду, что И. А. Федосова во многих случаях была основным источником знакомства русских писателей с причитаниями, с течением времени стала как бы олицетворять и персонифицировать их. Подчеркнем вместе с тем, что вопрос этот требует специального систематического изучения, результаты которого, вероятно, не следует заранее предугадывать.

В 1918 году со вторым томом «Причитаний Северного края» познакомился В. И. Ленин. Его интерес к рекрутским и солдатским причитаниям объяснялся стремлением вникнуть в природу традиционных антивоенных настроений русских крестьян, резко усиленных длившейся уже более трех лет первой мировой войной. Советское правительство было поставлено перед необходимостью демобилизовать старую армию, уставшую от войны и не понимавшую ее цели. Вместе с тем надо было срочно создавать новую, рабоче-крестьянскую армию, способную противостоять и белой армии, и интервентам. Без преодоления традиционных пацифистских настроений крестьянства это было неосуществимо.

По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, разыскавшего для В. И. Ленина необходимые книги из библиотеки Д. Бедного, среди которых был и второй том сборника Е. В. Барсова, В. И. Ленин обратил на него особое внимание. Прочитав его, он сказал: «Это подлинно народное творчество, такое важное и нужное для изучения народной психологии в наши дни»¹. Обратим на это внимание — «в наши дни». В беседе, последовавшей вслед за чтением сборников Н. Е. Ончукова, Добровольского и Е. В. Барсова, В. И. Ленин говорил о противоречивости психологии крестьянства, особенно ярко выявившейся в пореволюционный и предреволюционный период, но сформировавшейся еще в николаевское время. Ленинский анализ текстов, прочитанных им в сборнике И. А. Федосовой, предваряли его статьи о Л. Н. Толстом и о пятидесятилетии отмены крепостного права. В. Д. Бонч-Бруевич пишет: «Хорошая книжечка! — сказал Владимир Ильич, возвращая мне через несколько дней «Завоенные плачи». — Я внимательно прочел ее. Какой ценный материал, так отлично характеризующий аракчеевско-николаевские времена, эту прокля-

¹ Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве//Сов. этнография. 1954. № 4. С. 118.

тую старую военщину, муштру, унижавшую человека. Так и вспоминаются «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, черпали свое вдохновение... Даже в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях при помещике, при старостах, при начальстве,— и то прорываются и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы материей, жен, невест, сестер»¹. Далее он пишет: «Владимир Ильич сказал мне: «А я так увлекся этими записями, что забыл, что книга не моя, и стал отчеркивать особо интересные тексты, на которые следовало бы обратить особое внимание».

IV глава статьи В. Д. Бонч-Бруевича посвящена по-меткам В. И. Ленина на экземпляре второго тома, ныне хранящемся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Том буквально испещрен ими².

Ленинский отзыв о втором томе стал известен в связи с докладом В. Д. Бонч-Бруевича на совещании писателей и фольклористов, по публикации в «Советской этнографии» (№ 1—2. 1934) и в сборнике «Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР» (1934)³. Это был год Первого съезда писателей СССР, на котором прозвучал известный доклад А. М. Горького, сыгравший столь значительную роль в развитии фольклористического движения в СССР. После 1934 года имя И. А. Федосовой и избранные ее тексты приобретают всеобщую известность, изучаются как в высшей, так и в средней школе. Этот процесс еще недостаточно

¹ Бонч-Бруевич В. Д. С. 120.

² См. также: Анкин В. П. Пометки В. И. Ленина в сборнике Е. В. Барсова (Опыт выяснения их методологического значения для фольклористики)//Вестник Московского университета. Филология. 1969. № 6. С. 3—15. Мы обращались к Л. А. Фотиевой, бывшему секретарю В. И. Ленина и СНК, знатоку почерка В. И. Ленина. Внимательный осмотр экземпляра второго тома Е. В. Барсова привел ее к выводу, что нельзя с достаточной надежностью приписать все отчеркивания на полях именно В. И. Ленину, возможно, что часть из них принадлежит Д. Бедному. (Протокол экспертной комиссии ИМЭЛ от 6 мая 1957 г.).

³ В монографии 1955 года, так же, как и во многих других изданиях, фигурируют воспоминания не только В. Д. Бонч-Бруевича, но и С. М. Буденного. А. И. Кретов доказал, что так называемые воспоминания С. М. Буденного целиком восходят к докладу В. Д. Бонч-Бруевича. (Кретов А. И. Один из отзывов В. И. Ленина о народном творчестве//Русская литература. 1971. № 4. С. 166—167).

изучен ни в фольклористике, ни в истории советской педагогики.

Требуют дальнейшего изучения и многие другие вопросы. В настоящей книге нет специальной главы о поэтике причитаний И. А. Федосовой, индивидуальных особенностях ее текстов. Мы касались их в некоторых других работах — в монографии 1955 года, в главе об И. А. Федосовой в трехтомнике «Русское народно-поэтическое творчество», ранее издававшемся Институтом русской литературы АН СССР, в предисловиях к книгам «Причтания» в Большой серии «Библиотеки поэта» и «И. А. Федосова. Избранное»¹, а также в популярной книге «Русские сказители Карелии». Напомним только о некоторых принципиальных моментах.

Когда речь идет об И. А. Федосовой, то такие литературоведческие представления, как стиль, индивидуальные особенности его и т. д., не должны заслонять основного — теснейшей связи ее с фольклорной традицией. Свою индивидуальность она могла проявить только в отборе поэтических средств, созданных традицией. Одна из важнейших особенностей поэтической деятельности И. А. Федосовой — необыкновенное знание традиции, свобода ее использования, впрочем, в рамках, предписанных обычаем, реальностью обряда — похоронного, рекрутского или свадебного. Обычай предполагал и более того — поощрял импровизацию при исполнении причитаний, приспособление поэтических стереотипов или приемов, их сочетания, к конкретным обстоятельствам трагических ситуаций крестьянского быта.

Причтания И. А. Федосовой при этом нередко перерастали в плачи-поэмы, содержащие определенные сюжеты или сюжетные образования. Некоторые из них («Плач о старосте», «Плач о писаре», «Плач о попе — отце духовном», «Плач о потопших», «Плач об упьянистой головушке» и др.) мы постарались проанализировать и в содержательном, и в структурном отношении. Это были, как правило, причтания, связанные с особыми событиями — неестественной смертью или смертью, имевшей значение не только для семьи и ближайших родственников, но и для всей деревни, общины, округи. Именно в подобных причтаниях содержался наиболее благодарный материал для социального, исторического (или точнее — микроисторического) анализа, к которому мы стремились. Между тем

¹ Список работ автора настоящей книги см. на с. 431—432.

и «обычные», рядовые причитания И. А. Федосовой, несмотря на принципиальную открытость их структуры, формировались под влиянием структуры обряда, содержали подчас тоже некий сюжет (например, «Плач о муже», «Плач о дяде двоюродном» и др.) или его подобие, сочетающееся с общим лирическим строем причитания. В монографии 1955 года специально проанализирована природа подобных сюжетов, возникавших, как правило, из сочетания «рассказов о прошлом» (что предшествовало смерти оплакиваемого) и «рассказов о будущем» (о том, что ожидает осиротевшую семью — вдову и ее детей и т. п.)¹. Следует признать, что эта проблема еще недостаточно изучена в историко-сравнительном плане. К сожалению, в целом задача книги была иная, и будем надеяться, что к этой теме еще удастся вернуться.

Одной из особенностей и замечательным достоинством поэтической деятельности И. А. Федосовой была ее чуткость к психологическим коллизиям, которые переживались героями ее причитаний. Несомненно, что это не просто индивидуальная особенность И. А. Федосовой, а некоторое общее свойство причитаний как жанра, только необычайно усиленное ее талантом. Следует подчеркнуть, что к этой проблеме надо относиться с известной осторожностью. Вышедший в свое время трехтомник ИРЛИ, о котором мы уже упоминали, был построен на двух динамических идеях, которые авторам (среди них был и автор настоящей книги) казались важными для построения истории русского фольклора: не только постоянное усиление реалистического начала в фольклоре, но и усиление психологизма (кроме того, обострение социальных мотивов, сатирических элементов и т. д.). Между тем в процессе дальнейшего изучения русского фольклора выяснилась несостоительность этих идей. Прежде всего, фольклор в целом с историко-литературной (или историко-эстетической) точки зрения искусство дореалистическое. Это не делает его, разумеется, хуже любого другого вида искусства. Что же касается «психологизма», то он (в том смысле, в каком мы говорим о психологическом романе XIX — XX веков) вовсе не свойствен фольклору, по крайней мере его основным жанрам — сказке, былине, исторической песне, даже балладе и лирической и тем более обрядовой песне. Без натяжек можно говорить только об элементах психологизма, причем обычно не очень развитых, в причита-

¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. С. 259—279.

ниях (заплачках) и в какой-то мере (в очень «свернутом» виде) в частушках. Таким образом, И. А. Федосова не была изобретательницей психологизма в причитаниях, она его получила в наследство от традиции и развila его в меру своего уникального таланта. Однако он не был показателем «реализма» ее причитаний, как это мы пытались доказать в монографии 1955 года и что было явным преувеличением в духе фольклористики того времени.

За последние годы опубликован ряд работ о языке причитаний, в том числе и причитаний, которые были записаны от Ирины Андреевны Федосовой¹. Это также одна из весьма важных проблем, которую не удалось рассмотреть в настоящей книге. Если иметь в виду не диалектологический, а фольклористический аспект этой проблемы, то основы ее были заложены в работах А. П. Евгеньевой² и в некоторых наших работах, которые перечислены выше. В них говорилось о специфическом для причитаний словотворчестве, об обилии восклицательно-вопросительных конструкций, о напряженности системы префиксов и суффиксов, захватывающих такие части речи, которые обычно обходятся без них («мнеюшки», «тебеюшки», «ночечко» и т. п.). Все эти и другие особенности обусловлены фактором, который представлялся нам жанро- и стилеобразующим: эмоциональной перенапряженностью причитаний в связи с трагичностью событий, которые в них отражаются.

И, наконец, целый ряд проблем, связанных с творчеством И. А. Федосовой, неизбежно возникает в процессе изучения причитаний различных районов расселения русских и причитаний других славянских народов, прежде всего особенно развитых сербских и болгарских причитаний, а также причитаний других европейских народов — карел, коми, мордвы, эстонцев-сэту, ингерманландцев, венгров, итальянцев (преимущественно на севере Италии), корсиканцев и др. В этом плане уже есть обнадеживающие результаты.

Одним словом, мы ни в коем случае не надеялись в одной книге и даже в серии работ, предпринимаемых на протяжении ряда лет, исчерпать все вопросы, связанные с при-

¹ Имеется в виду целая серия работ Н. М. Горшковой, статья Ю. Б. Фишкова и др. Библиографические указания см.: Мельц М. Я. Библиографический указатель. 1960—1965. Л., 1967. С. 240. Там же. 1966—1975. Л., 1984. С. 294—296.

² Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. Л., 1963.

читаниями как жанром, и даже с причитаниями, записанными от И. А. Федосовой. Так, например, в настоящей книге мы почти не касались свадебных причитаний, записанных от нее и опубликованных в третьем томе «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым». Свадебные причитания — своеобразная разновидность этого жанра, их изучение требует своей методики. Свадебные причитания были всегда в особых отношениях с повседневным крестьянским бытом. Отражение действительности в них во многом отличается от отражения действительности в похоронных и рекрутских причитаниях, которые нас прежде всего занимали.

Одним словом, науке об И. А. Федосовой предстоит еще немало сделать, потребуются усилия многих ученых — фольклористов, словесников, музыковедов, этнографов, историков, чтобы ее творчество, столь своеобразное и богатое, не имеющее прямых аналогий в фольклоре других европейских народов и давшее столь много русской культуры, было изучено так, как оно того заслуживает.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И. А. ФЕДОСОВОЙ (1831—1899)

- 1831 — родилась в д. Сафоново, Вырзозерского общества, Толвуйской вол., Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии (ныне КАССР). Отец — Андрей Ефимович, мать — Елена Петровна Юлины.
- 1844 — начало деятельности Федосовой как вопленицы и «правительницы свадеб».
- 1850 — вышла замуж за Петра Трифоновича Новожилова, крестьянина д. Сидорово, Кузарандского общества.
- 1863 — смерть П. Т. Новожилова.
- 25 декабря
- 1864 — второй раз вышла замуж (муж Яков Иванович Федосов, крестьянин д. Лисицыно, Кузарандского об-ва).
- 1865 — переезд в г. Петрозаводск.
- 1865—1866 — встреча с П. Н. Рыбниковым в Петрозаводске.
- 1867 — первая встреча с Е. В. Барсовым; запись былин, исторических песен, баллад и духовных стихов; первая публикация текстов в «Олонецких Губернских Ведомостях».
- 3 июня — запись притчаний, вошедших впоследствии в
- 25 ноября
- I том.
- 1868 — продолжение записей притчаний и завершение II тома.
- 1870 — отъезд Е. В. Барсова из Петрозаводска в Москву.
- 4 августа — статья Е. В. Барсова «Олонецкая плакальщица» в «Современных Известиях» (перепеч. в ОГВ).
- 1872 — выход в свет I тома «Притчаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым».
- 1882 — выход в свет II тома «Притчаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым».
- 1884 — смерть Я. И. Федосова; переезд в Кузаранду (д. Лисицыно).
- 1885 — публикация материалов III тома «Притчаний» в III и IV кн. «Чтений в О-ве Ист. и Древн. Российских при Моск. университете».
- 1866 — запись Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем (на весна пароходе на Онежском озере) свадебной песни «Пивна ягода».
- Осень 1886 — поселяется в тверском имении Агреневых-Славянских Кольцове. О. Х. Агренева-Славянская записывает от Федосовой свадебный обряд (с напевами), притчания, былины, песни, пословицы, духовные стихи и величальные экспромты.
- 1888

- 1887—1889 — выход в свет трех томов «Описания русской крестьянской свадьбы» О. Х. Агреневой-Славянской. Большинство текстов и напевов записано от Федосовой.
- 1888 — возвращение в Кузаранду.
- 1894 — приезд П. Т. Виноградова (учитель петрозаводской гимназии) в Кузаранду. Начало записей П. Т. Виноградова.
- 27 августа — речь П. Т. Виноградова на торжественном акте в Петрозаводской Мариинской женской гимназии «Похоронная причеть Олонецкого края» (о Федосовой).
- декабрь — председатель Лондонского англо-русского литературного об-ва д-р Казалета обратился к П. Т. Виноградову с просьбой о предоставлении реферата о Федосовой.
- 1895 — приезд в Петербург с П. Т. Виноградовым по приглашению Русского Географического Об-ва.
- 4 января — первое публичное выступление в большой аудитории Соляного городка (среди публики предс. песенной комиссии Этнограф. отд. РГО Т. И. Филиппов), Н. А. Римский-Корсаков делает первые записи мелодий от Федосовой.
- 8 января — выступление на заседании Акад. наук в малом конференц-зале. Награждена серебряной медалью с дипломом.
- вечером — второе публичное выступление в Соляном городке. Н. А. Римский-Корсаков продолжает записи от Федосовой.
- 11 января — заседание Русского Географического Общества, посвященное Ф. Вступительные речи Ф. М. Истомина и П. Т. Виноградова.
- 8—11 января — поселяется в доме председателя песенной комиссии РГО Т. И. Филиппова (Петербург, Мойка, 74).
- 15 января — пение на годичном заседании Археологического Института.
- 20 января — через объявление в газ. «Новости и биржевая газета» Ф. выражает готовность выступать с исполнением причитаний, былин и песен в частных домах Петербурга.
- 23 января — выступление в Рождественской женской гимназии.
- 25 января — записи мелодий С. Рыбаковым.
- июль — встреча с писательницей А. Н. Толиверовой.
- декабрь — выезд с П. Т. Виноградовым в Москву.
- 24 декабря — выступление на собрании московских литераторов и этнографов на квартире акад. В. Ф. Миллера.
- 1896 — выступление на заседании Об-ва Любителей Естеств., Антропол. и Этнографии (ОЛЕА и Э) при Московском университете в зале Политехнического музея; вступительные речи акад. В. Ф. Миллера и Е. В. Барсова; награждение второй серебряной медалью.
- 3 января — выступление на заседании славянской комиссии Московского Археологического Об-ва. Реферат акад. А. Е. Крымского «Причтания Северного края».
- 4 января — выступление на заседании славянской комиссии Московского Археологического Об-ва. Реферат акад. А. Е. Крымского «Причтания Северного края».

- 5 января — запись от Ф. на фонограф музыковедом Ю. И. Блоком.
- 6 и 7 января — два публичных выступления в аудитории Исторического музея; возвращение в Петербург.
- 11 января — присуждение диплома ОЛЕА и Э. 1896, № 17.
- 3 марта — приезд в Петрозаводск.
- 6 марта — публичное выступление в зале Мариинской женской гимназии; выезд в Кузаранду к родным.
- 24 мая — выезд из Петрозаводска в Петербург.
- май — приглашена посетить Америку; отказ по болезни.
- 5 июня — приезд с П. Т. Виноградовым в Нижний Новгород для выступлений в концертном зале Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки.
- 9 июня — первое выступление в выставочном зале; среди слушателей А. М. Горький, знакомство с ним.
- 11 июня — второе выступление в Нижнем Новгороде.
- 12 июня — приезд в Казань.
- 15 июня — выступление в зале Казанского реального училища для учащихся и преподавателей средних учебных заведений.
- 16 июня — выступление в зале Казанской городской думы.
- 17 июня — третье выступление в Казани.
- 18 июня — возвращение в Нижний Новгород; «Сеансы» каждое воскресенье, в будни (несколько раз) — бесплатные публичные выступления в зале реального училища.
- 23 июня — «последнее» выступление в выставочном концертном зале.
- 26 июня — сообщение газет о продолжении сеансов на весь июль.
- конец июня — выезд в Петербург.
- 1899 — нездоровье, выезд в д. Щельи (д. Лисицыно)¹ к весна родным.
- 10 июля — смерть; погребена на кладбище при кузарандской приходской церкви.

¹ Щельи — название группы деревень, в которую входит и д. Лисицыно.

ПУБЛИКАЦИИ К. В. ЧИСТОВА ОБ И. А. ФЕДОСОВОЙ

Некрасов и сказительница Ирина Федосова//Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. 1947. № 16—17. С. 39—45.

Народная поэтесса И. А. Федосова. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филологических наук. Петрозаводск, 1950.

Некрасов и народное творчество (Задачи изучения)//Некрасовский сборник Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1951. Т. I. С. 102—116.

И. А. Федосова как выразительница крестьянского мировоззрения пореформенного периода//Труды Института этнографии АН СССР. М., 1953. Т. XX. С. 90—126.

Ценные воспоминания: О статье В. Д. Бонч-Бруевича «В. И. Ленин об устном народном творчестве»//На рубеже. 1955. № 1. С. 151—153.

Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955. 376 с.

Причтания: Русское народное поэтическое творчество («Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX вв.») М.; Л., 1956. Т. 2. Кн. 2. С. 152—192.

Федосова. Большая Советская Энциклопедия. М., 1977. Т. 27. С. 262.

Причтания/Подготовка текстов, статья и примечания совместно с Б. Е. Чистовой. Большая серия «Библиотеки поэта». М., 1960. 435 с.

К истории публикации «Плача о старости» И. А. Федосовой//Сов. этнография. 1962. № 2. С. 120—124.

Семейно-обрядовая поэзия: Русское народное творчество. М., 1966. С. 72—96.

Irina Fedosova als Repräsentantin der bäuerlicher Weltanschauung in der Zeit der Reformen In: Sowjetische Volkslied-und Volksmusikforschung. Berlin, 1967. S. 83—158.

Причтания. Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 22—23.

И. А. Федосова. Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. С. 917.

П. И. Мельников (Печерский) и И. А. Федосова//В сб.: Славянский фольклор. М., 1972. С. 312—327.

Текстологические проблемы поэтического наследия И. А. Федосовой//В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 150—172.

Неизвестное письмо И. А. Федосовой//Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 417—419.

Poezja ludowej potrzeby, czuli o zawodzeniach ludowych // Regiony. Warszawa, 1976. S. 5—18.

Северорусские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX века//В кн.: Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 131—143.

Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. 256 с.

И. А. Федосова. Избранное. Петрозаводск, 1981. 303 с. (совместно с Б. Е. Чистовой).

Запись от И. А. Федосовой на фонограф в 1896 г.///В кн.: Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 207—218. (совместно с М. А. Лобановым).

Причтания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы)//Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 101—114.

Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия. Л., 1984. 527 с. (совместно с Б. Е. Чистовой).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Проблема биографии И. А. Федосовой	18
«Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым»	59
Заонежская деревня и причитания И. А. Федосовой	121
И. А. Федосова в истории русской культуры	224
Послесловие	322
Основные даты жизни И. А. Федосовой	330
Публикации К. В. Чистова об И. А. Федосовой	333

Научное издание

Кирилл Васильевич Чистов
ИРИНА АНДРЕЕВНА ФЕДОСОВА
Историко-культурный очерк

Редактор Г. Е. Пяллинен

Художник Ю. Ф. Гусенков

Художественный редактор Л. Н. Дегтярев

Технический редактор В. В. Буракова

Корректоры В. А. Ульянкова, В. А. Партима

ИБ № 1820

Сдано в набор 23.03.88. Подписано в печать 18.08.88. Е-00417. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. + усл. печ. л. вкл. 0,11. Усл. кр.-отт. 17,75. Уч.-изд. л. 20,30 + уч.-изд. л. вкл. 0,03. Тираж 3000 экз. Заказ 1300. Изд. № 40. Цена 1р. 70 к.

Издательство «Карелия». 185610, Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1. Республикаанская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Чистов К. В.

Ч 68 Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк.— Петрозаводск: Карелия, 1988.— 335 с.
ISBN 5—7545—0047—5

Книга члена-корреспондента АН СССР К. В. Чистова рассказывает о жизни и поэтической деятельности Ирины Андреевны Федосовой — крупнейшей русской сказительницы XIX века. В четырех ее главах рассматривается состояние изучения биографии И. А. Федосовой, анализируется сборник Е. В. Барсова, в котором сосредоточены основные записи от нее, исследуется процесс вхождения И. А. Федосовой в историю русской культуры. В послесловии намечается программа дальнейшего изучения поэтического наследия замечательной народной поэтессы.

Книга предназначена для преподавателей и студентов вузов, фольклористов, этнографов, историков, краеведов.

Ч 4604000000—069
М127(03)—88 47—88

8РФ